

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное агентство по образованию РФ

Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса

В.А. БУРЛАКОВ

ГЕОПОЛИТИКА

Хрестоматия

для специальностей

020200 «Политология»

061000 «Государственное и муниципальное управление»

350200 «Международные отношения»

Владивосток
Издательство ВГУЭС
2008

ББК 66,4
Б 90

Бурлаков В.А.
Б 90 ГЕОПОЛИТИКА: хрестоматия. – Владивосток: Изд-во
ВГУЭС, 2008. – 300 с.

Хрестоматия предназначена для студентов специальностей 020200 «Политология», 061000 «Государственное и муниципальное управление», 350200 «Международные отношения», изучающих «Геополитику».

ББК 66,4

Печатается по решению РИСО ВГУЭС

© Издательство Владивостокский
государственный университет
экономики и сервиса, 2008

ВВЕДЕНИЕ

Хрестоматия предназначена для студентов, изучающих курс «Геополитики». Она представляет собой публикацию основных источников, в которых сформулированы геополитические воззрения представителей основных школ данной науки. Большое место в хрестоматии отведено современным зарубежным и отечественным авторам. Хрестоматия имеет целью содействовать углубленному представлению студента о влиянии природных факторов на внешнюю и внутреннюю политику государства.

Для современной российской политической науки геополитика представляет собой новое теоретическое направление. Несмотря на то, что в российской и, отчасти, советской научной традиции имели место исследования, которые в строгом смысле слова можно назвать геополитическими, комплексное рассмотрение всех сторон геополитической теории советскими учёными-обществоведами не осуществлялось. Причина этого кроется в том, что в советской политической науке геополитика идентифицировалась как одна из идеологий, обосновывающая, во-первых, экспансионистские устремления нацистской Германии и, во-вторых, расширение глобального влияния основного идеологического соперника СССР – Соединённых Штатов Америки.

Сегодня в российской науке происходит процесс пересмотра и переоценки ряда концепций политической теории. Это связано как с изменением внутриполитической ситуации в стране, снятием жёстких идеологических ограничений, так и с осознанием позитивного значения многих важных направлений политических исследований. К числу последних можно отнести и геополитику.

В то же время, неослабевающее внимание к геополитической науке со стороны российских учёных и политиков детерминировано ещё одним важным обстоятельством. После распада Советского Союза произошло образование по сути дела нового государства – Российской Федерации. Перед ним встала серьёзная задача определить своё место в мировой политической системе и на основе этой самоидентификации выработать новую линию поведения страны на мировой арене. Геополитика, обладающая необходимым набором методов, давала возможность решить поставленные задачи.

Более того, перед современной российской политической наукой встала задача использования накопленного теоретического материала по геополитике при анализе конкретных ситуаций в системе международно-политических отношений.

Хрестоматия построена в соответствии с учебной программой по курсу «Геополитика». Разделы хрестоматии полностью соответствуют разделам курса. Данная хрестоматия выступает в качестве основного

вида учебного пособия, которое должно использоваться студентом при самостоятельной подготовке. Хрестоматия является важным источником при подготовке студента к семинарским занятиям и при написании контрольной работы.

В тоже время хрестоматия призвана расширить рамки лекционных занятий путем конкретизации основных положений, формулируемых преподавателем на лекции. Вместе с тем, следует иметь в виду, что в силу ограниченности объема, хрестоматия содержит только выдержки работ большинства авторов. Необходимо учитывать, что для создания более полного представления о концепции того или иного автора следует обращаться к его произведению.

По окончании курса «Геополитики» студент должен хорошо ориентироваться в системе воззрений основных авторов геополитической теории и уметь сопоставлять различные точки зрения. Правильному и более глубокому усвоению материала способствуют также вопросы для самопроверки, расположенные после каждой работы.

В конце хрестоматии представлен словарь основных терминов, призванный помочь студенту сориентироваться в наборе тех понятий и категорий, которые используются авторами, представленными в хрестоматии, и составителем.

РАЗДЕЛ 1. ГЕОПОЛИТИКА КАК НАУКА

ГЕОПОЛИТИКА ¹

Поздняков Э.А.

Поздняков Эльгиз Абдулович, современный российский политолог и геополитик, доктор философских наук, профессор, академик АЕ РАН.

Геополитика и безопасность

Выделение специального раздела, рассматривающего связь геополитики и безопасности, носит, как может показаться, несколько искусственный характер, поскольку почти все проблемы геополитики самым тесным образом связаны с безопасностью государства. И в предшествующих разделах, особенно в разделе о границе, это было показано, думается, с достаточной ясностью и определенностью.

Обеспечение целостности территории и границ как одна из главных задач политики безопасности государства, будучи по сути своей задачей дачей геополитической, находит выражение в двух аспектах – внутренним и внешнем. Защита территориальной целостности государства входит в круг его жизненно важных национальных интересов в то же время она прямо касается внешнего окружающего мира, т. е. системы государств. Уже отмечалось, что граница есть простая пауза в политико-силовых отношениях, и ею они вовсе не прекращаются границы лишь фиксируют состояние этих политико-силовых отношений на каждый данный момент. Всякое существенное изменение в них влечет за собой, как правило, изменение границ: аналогично всякое территориальное изменение в ту или другую сторону, всякое изменение границ всегда так или иначе ведет к изменениям в политико-силовых отношениях, а тем самым к большим или меньшим изменениям в распределении и балансе сил в системе отношений между государствами. За каждой границей скрываются национальные интересы государств и сложный комплекс отношений между ними. Потому-то и вся геополитика неотрывна от таких понятий, как национальные интересы государств и баланс сил в системе их взаимоотношений. В своем неразрывном единстве они составляют те «три кита», на которых и держится вся проблема безопасности (здесь имеется в виду главным образом ее внешний аспект). Вот почему для полноты понимания связи геополитики и безопасности весьма важно хотя бы ее общих чертах затронуть проблемы национального интереса и баланса сил в мировой политике.

¹ Поздняков Э.А. Геополитика. М., 1995. С. 57-67.

а) Геополитика и национальные интересы

Верное понимание роли национально-государственных интересов важно потому, что они в своей совокупности представляют бунд ментальный принцип, главный закон жизнедеятельности государства, служащий целям сохранения его целостности, силы, равно как и духовно-нравственного здоровья народа. В национально-государственных интересах воплощен Разум Государства и Народа, и он состоит в верном понимании ими как собственной сущности и природы так и природы и характера внешнего окружения. В них выражена жизненная потребность народа в самосохранении как культурно-исторической общности, в поддержании стабильности своих общественных и государственных институтов, в обеспечении внутренней и внешней безопасности государства. Потребность эта в свою очередь основана на геополитическом положении государства, традициях, культуре и духе его народа, на его нравственных ценностях, экономическом укладе, короче, на всем том, что составляет опору всякого государства, правительства, фундамент его внешней и внутренней пики. В таком понимании национально-государственные интересы, будучи единым и неразделимым сплавом интересов государства и общества, образуют тот «социальный цемент», который скрепляет эти части в едином образовании, носящем имя Отечества, Родины. Национально-государственные интересы имеют объективно обусловленную природу, не зависящую в основе своей от воли и устремлений различных политических партий. Сама природа национально-государственных интересов совершенно несовместима с узкопартийной монополией на их толкование и реализацию. Главным субъектом, носителем национальных интересов является государство как воплощение общего начала. Этот момент мы подчеркиваем особенно в связи с широко распространенным у вас неолиберальным мнением, что носителями национально-государственных интересов, помимо государства, являются отдельные индивиды и общественные организации. Эта идущая с Запада невежественная посылка создает совершенно ненужные иллюзии в области политики. Индивидуум является носителем частных, эгоистических интересов; общественные организации выражают групповые интересы, и только государство есть тот единственный институт, который и создан, чтобы выражать общий интерес всего общества и защищать его. И это верно для любого общества, для любого народа, для любого государства.

В вопросе о национально-государственных интересах совершенно необходимо учитывать историческую преемственность, без которой вообще немыслима серьезная политическая стратегия всякого государства. Национально-государственные интересы, меняясь в каких-то своих параметрах вместе с внутренними и внешними изменениями остаются в то же время сравнительно постоянной величиной в системе ценно-

стей, определяющих общественное бытие любого государства и народа. Именно относительно постоянный характер национально-государственных интересов предопределяет необходимую степень преемственности в важнейших сферах внутренней и внешней политики. Режимы и правительства приходят и уходят, а коренные национально-государственные интересы страны остаются, играя роль доминанты в определении фундаментальных направлений не только в политике, но и во всей народной жизни. Ни одно государство, особенно столь крупное, как Россия, не может позволить себе роскошь отмахнуться от наследия прошлого, каким бы оно ни было, ибо это его прошлое, это прошлое его народа.

Четкая, ясная и определенная позиция по вопросу о национально-государственных интересах страны является исходным пунктом при выработке программы действия любого серьезного правительства. Такая позиция служит основой определения курса действий как на ближайшее будущее, так и долгосрочной политической линии. Что же касается России, то в условиях нарастающего общенационального кризиса твердое последовательное и бескомпромиссное отстаивание фундаментальных национально-государственных интересов выступает как выражение ответственности перед народами России, как проявление глубокой исторической преемственности, без которой лишены практической ценности любые планы, направленные на возрождение страны и создание новой ее государственности.

Национально-государственные интересы есть прямое свидетельство живого существования государства как полноправного суверенного субъекта политики. Суверенитет – это не просто декларация о суверенитете. Суверенитет един и неделим, как едина и неделима верховная власть. Суверенитет – это приоритет идеи целого над его составными частями и функциями. Без единой и неделимой Государственной Воли не может быть и единого национального интереса. Такой суверенитет предполагает существование общего Центра, обладающего всеми разновидностями власти и прежде всего исключительным правом на осуществление внешней политики, на руководство едиными вооруженными силами, на создание единой финансовой системы. Подлинная суверенная государственная власть в каждом необходимом случае, где компрометируется существование целого, будь то внутри или вовне, должна иметь мужество действовать решительно и бескомпромиссно, поскольку в этом случае она действует во имя национальных интересов, выше которых нет ничего.

Специфика национальных интересов государств во многом обусловлена их геополитическим положением. Это хорошо видно на примере России. Ее положение на карте мира наложило отпечаток на всю российскую историю, на особенности становления России как особой социально-этнической общности, на особенности обеспечения безопас-

ности страны. Необходимость традиционно сильной центральной власти подкреплялась тем, что неоднородное по своему национально-этническому составу население России было разбросано на огромных пространствах российской территории – от Прибалтики и Черного моря до Тихого океана. Имея слабое социальное и экономическое сцепление, оно сделалось единым народом, то есть определенной исторической общностью, только благодаря сильному централизованному государству, без которого над ним постоянно витала угроза внешнего порабощения, угроза превращения в простой этнический материал, превращения из субъекта истории в ее объект. Процесс такого превращения происходит в настоящее время, и прежде всего вследствие развала государства. Из геополитических и иных особенностей развития России и берет начало объективная потребность в сильном государстве, способном быть не только основой и гарантом внутренней и внешней безопасности, но и гарантом сохранения народа. Сильная державная Россия есть один из краеугольных камней не только в фундаменте ее внутренней общественной жизни, но и в фундаменте глобальной системы международных отношений. Без сильного государства все рассыпается, без него все непрочно и ничто не может удержаться и закрепиться; без него повсюду начинает брать верх откровенное и наглое зло, добывающее те немногие права и свободы, которые предоставлялись людям.

Потребность в скорейшем укреплении российской государственности диктуется и внешнеполитическими обстоятельствами. Хотя нынешний мир во многом меняется, но принципы отношений между государствами измениться не могут: они остаются сегодня теми же, что были и сто, и двести, и более лет назад. В их фундаменте лежат сила государств и основанный на ней баланс сил. Это – закон политики. Сегодняшние события вокруг России лишний раз подтверждают его незыблемость: отношение к ней со стороны внешнего мира совершенно точно соизмеряется с ослаблением ее силы и роли в мировом балансе сил.

В современном разделенном, сложном и полном противоречий мире нельзя стать чем-то, нельзя занять в нем достойное место и играть должную роль, пользоваться авторитетом и проводить независимую и достойную великого народа и государства внешнюю политику без опоры главным образом на собственные силы, собственные внутренние ресурсы как материальные, так и нравственные. Это полностью относится к России. Если она и впрямь желает остаться великой державой, то иного пути, чем путь независимого от чужих и чуждых для нее интересов развития у нее нет. Западу нет никакого резона помогать развитию российского потенциала. Его более всего устраивает, чтобы Россия пребывала в нынешнем permanently расслабленном состоянии, не опускаясь, быть может, ниже, но и не поднимаясь.

Думается, не ошибемся, сказав, что национально-государственные интересы России сегодня, как никогда, быть может, прежде, должны исходить из задачи организации ею своих внутренних ресурсов в целях обеспечения независимости и безопасности, предотвращения распада на многие псевдосуверенные образования, сохранения единого народа, его культуры, его нравственных ценностей, создания современной, единой и сильной народной армии. Самая иллюзорная и опасная вещь – полагаться в этом жизненно важном вопросе на других, тем более на Запад, но все времена мечтавший об ослаблении России, о превращении ее во второстепенное, зависимое от него государство.

б) Геополитика и баланс сил

Как уже говорилось, территориальные переделы в мире или в отдельном регионе, изменения границ, особенно изменения насильственные, распад или образование новых государств, союзов или коалиций, интеграционные и дезинтеграционные процессы во всех случаях порождают проблему баланса сил. Что же это такое – баланс сил?

Принцип баланса сил как неписаное руководство к действию государств на международной арене берет свое начало с самых древних времен. Где и когда государства были вовлечены в борьбу за власть и влияние, там и тогда отношения между ними строились на основе баланса сил. Неизвестна ни одна система государств, где бы он не действовал. Впрочем, данное утверждение излишне, потому что система государств без действия в ней закона равновесия, а тем самым и баланса сил, попросту невысказима. Всякое отдельное государство, будучи относительно независимой единицей, обладающей к тому же свободой воли, если не встречает перед собой никаких препятствий, естественно стремится к расширению своей власти и влияния на такую большую территорию, какую оно способно захватить и какой способно действительно управлять. На практике, однако, препятствия возникают обязательно в лице других государств, также стремящихся к расширению своего влияния. Следствием этого является столкновение различных интересов и устремлений, в котором решающую роль играет сила государства. Поскольку сила государства есть величина сравнительная, всякое прибавление в силе одного государства ведет к относительному уменьшению в силе его соперников. Сама сила государств меняется в зависимости от многих причин и меняется к тому же неравномерно и во времени, и в пространстве («закон неравномерного развития государств»). По этой причине в каждой системе государств неизбежно возникают отношения в рамках действия принципа баланса сил. Когда бы и где бы два и более государства ни вступали в контакт друг с другом, тут же появляются необходимые условия для его действия. Предположим, что имеется система из трех государств А, В и С. Ясно, что увеличение силы любой из них будет иметь следствием относительное уменьшение силы двух других. Если, скажем, А завоевывает

государство *B* или лишает его части территории, то эти действия немедленно окажут неблагоприятное воздействие на государство *C*, так как *A* увеличило теперь свою мощь за счет *B* и находится в лучшем, чем прежде, положении, чтобы навязать свою волю и *C*. Если руководство государства *C* достаточно разумно, оно должно предвидеть такой результат и прийти на помощь *B* против *A* не потому, что испытывает к нему симпатию или заботится о его будущем, но имея в виду собственный интерес – не допустить опасного для себя усиления могущества *A*. В сложившейся ситуации *B* и *C* имеют общий интерес в противодействии *A*, поскольку каждое из них понимает, что всякое увеличение мощи *A* создаст потенциальную угрозу его собственному существованию и независимости. Говоря в общем, каждая единица в этой гипотетической системе государств неизбежно будет стремиться бросить свой вес в пользу одной из двух других, кому угрожает опасность со стороны третьей. Если этот принцип последовательно соблюдается всеми тремя государствами, то ни одно из них не сможет нанести ущерб другому и все сохраняют свою независимость. Поэтому в своей элементарной форме принцип баланса сил служит не столько тому, чтобы сохранить мир или способствовать международному взаимопониманию, сколько сохранению независимости каждой единицы в системе государств путем недопущения увеличения мощи любого из них до таких пределов, когда она начинает угрожать остальным.

Издавна многие политические мыслители пытались выяснить суть отношений между государствами, познать закономерности, лежащие в основе их развития, и этим путем определить возможности поддержания в системе государств, почти непрерывно потрясаемой войнами, сравнительно надежной безопасности. Все попытки и усилия дали результат более чем скромный: и мире, который состоит из суверенных государств, преследующих свои интересы, и где движущей силой является стремление к преобладанию, сохранить мир и надежную безопасность можно только с помощью двух способов. Один из них – поддержание баланса сил, второй – создание обязывающих международных органов (нечто вроде мирового правительства) с теми же примерно правами, что и правительства внутри государств. Второй способ утопичен; первый, хотя и весьма ненадежен, остается пока единственным.

В этот более чем скромный вывод не смогли внести обнадеживающих элементов ни мощный всплеск теоретических исследований международных отношений, начавшийся после Второй мировой войны, ни привлечение к исследованиям новейших методов с использованием вычислительной техники. Мысль, в общей форме высказанная еще в X в. до н.э. греческим историком Фукидидом, что скрытой причиной войны является рост мощи одного из участников международных отношений, вызывающий нарушение сложившегося равновесия, остается истиной и

понуе. Известный американский исследователь международных отношений Роберт Гилпин в своей работе «Война и изменения в мировой политике» рефреном проводил мысль, что функциональная основа жизнедеятельности системы международных отношений существенно не изменилась на протяжении веков и что ей присуща преемственность базовых ее черт. История Фукидида, по мнению Гилпина, дает возможность понять суть действия механизма нынешних международных отношений с той же глубиной, с какой она раскрывала механизм отношений той далекой эпохи, когда она написана. «Можно вполне допустить, – считает он, – что если бы Фукидид чудом оказался среди нас, он (после недолгого ознакомления с нынешними географией, экономикой и технологией) не встретил бы затруднений и понимания силовой борьбы нашего времени». И затем Гилпин ставит два вопроса: «...знает ли современный исследователь международных отношений нечто такое, чего бы не знали о поведении государств Фукидид и его соотечественники? Какой совет могли бы сегодняшние исследователи дать древним грекам, который помог бы им избежать великой войны, уничтожившей их цивилизацию?» Как это ни покажется удивительным, мы действительно не в состоянии ответить на поставленные вопросы, по крайней мере более исчерпывающим образом, чем на них отвечали сами древние греки. Это связано не только с тем, что наши познания о природе международных отношений не обогатились существенно с той поры, и не только с тем, что это эти отношения мало изменились в своем функционировании; мы, к сожалению, в своей гордыне нередко игнорируем то ценное, что сумели понять наши предшественники. В полной мере это относится и к понятию баланса сил. Многие, не удосужившись даже элементарно вникнуть в его суть, легкомысленно отбрасывают его в сторону, пытаясь заменить ничего не значащими словами вроде «баланса интересов», «приоритета общечеловеческих ценностей», и прочими абстракциями. И сегодня, как это ни печально, после тяжелого и кровавого опыта всех прошлых и современных войн приходится повторять простейшие истины, к которым человечество пришло еще на заре своего существования и которые никак не может постичь нынешний морализирующий идеалист, чей политико-интеллектуальный багаж нередко заключается в нескольких тощих моральных сентенциях.

Вся практика межгосударственных отношений есть совокупное свидетельство того факта, что пренебрежение балансом сил ведет, как правило, к самым тяжелым последствиям вплоть до войны. Несбалансированная сила в социальных отношениях оказывает в принципе такой же разрушительный эффект, как и в механике, только с неизмеримо большим числом человеческих жертв и большим материальным ущербом. Она представляет, по словам Кеннета Уолтца, опасность и для слабых, и для сильных государств. «Несбалансированная сила, – пишет он, – питая

амбиции некоторых государств в расширении своего влияния, может побудить их к опасной и авантюристической политике. Из одного этого можно уже заключить, что безопасность всех государств зависит от поддержания среди них баланса сил».

И здесь нужно ясно и определенно отдавать себе отчет в том, что баланс сил – не изобретение хитроумных политиков с целью получения каких-то особых односторонних выгод, а реальная, объективная основа политических отношений, в которых задействовано какое-то множество независимых субъектов. Баланс сил «не имеет никакого отношения к тем или иным правителям или государствам», – писал Черчилль. Он есть «закон политики... а не простая целесообразность, диктуемая случайными обстоятельствами, симпатиями и антипатиями или иными подобными чувствами». Не имеет он, соответственно, и никакого отношения к каким-либо моральным соображениям. Как в этой же связи отмечает глава школы «политического реализма» Ганс Моргентау, для которого понятие баланса сил было одним из краеугольных камней всей его концепции, «стремление к доминированию и преобладанию со стороны нескольких государств, каждое из которых пытается либо сохранить, либо разрушить статус-кво, ведет с необходимостью к конфигурации, называемой «балансом сил», и к политике, нацеленной на его сохранение».

Тут приходится нередко сталкиваться с главным недоразумением, мешающим понять международную политику и делающим многих жертвой иллюзии. Это недоразумение основано на мнении, что люди имеют будто бы выбор между силовой политикой и ее необходимым следствием – балансом сил, с одной стороны, и каким-то лучшим типом международных отношений и политики – с другой. Мнение это строится на том, что внешняя политика, основанная на балансе сил, есть лишь один из возможных видов внешней политики и что якобы только ограниченные и злонамеренные люди выбирают первую и отвергают последнюю. Однако, как считает Моргентау, вопреки этому довольно-таки распространенному убеждению «...международный баланс сил есть лишь специфическое выражение общего социального принципа; и ему все сообщества, состоящие из какого-то числа независимых единиц, обязаны своей независимостью... Баланс сил и политика, нацеленная на его сохранение, не только неизбежны, но и являются существенным стабилизирующим фактором в сообществе суверенных наций... Нестабильность международного баланса сил обязана не каким-то порокам этого принципа, а конкретным условиям, при которых он действует, при которых он действует в совокупности независимых государств».

Без существования в системе определенной сбалансированности между основными ее участниками, и прежде всего между великими державами, одни государства могут приобретать господствующее положение в системе, вторгаясь в права и интересы других государств, что, несо-

мненно, вело бы к утверждению в системе духа господства, гегемонизма, к нарушению безопасности и стабильности. В XX в., отмечает английский исследователь Баттерфилд, иногда забывают то, что хорошо знали в предшествующие столетия, а именно что «имеется только две альтернативы: либо сбалансированное распределение силы, либо подчинение всех одной всеохватной империи, подобной Древнему Риму». К приведенным авторитетным суждениям добавим еще одно – суждение Тойнби, не только уделившего балансу сил большое внимание как одному из факторов развития цивилизаций, но и выведшего ряд законов баланса сил. Будучи сам историком и теоретиком истории, но не политологом, Тойнби дает определение баланса сил, близкое к определению политологов и политиков-практиков, что, в общем-то, лишний раз свидетельствует в пользу его истинности. «Баланс сил, – пишет он, – есть система политической динамики, которая вступает в игру повсюду, где общество разделено на ряд независимых локальных государств...».

Все сказанное – а к нему при желании можно добавить еще немало аналогичных оценок и суждений – служит подтверждением одного из основополагающих принципов системного взаимодействия, имеющего универсальный характер, а именно принципа поддержания во всякой развивающейся и функционирующей системе динамического равновесия. Принцип динамического равновесия носит характер всеобщего функционального закона для всех целостных систем. Он действует как в природе, так и в обществе.

Под социальным равновесием, следовательно, понимается не статическое, а динамическое равновесие, то есть равновесие относительное, подвижное, временное, меняющееся, постоянно подверженное нарушениям, характеризующее в целом процесс неравномерного развития всякой системы.

Два принципа, по Моргентау, лежат в основе всякого социального равновесия. Первый: уравниваемые элементы являются неотъемлемыми частями общества, и каждый из них имеет право на существование; второй: без состояния равновесия среди них один элемент может получить власть над другими, вторгнуться в их интересы и права и в конечном счете подчинить или уничтожить их. Следовательно, всякое равновесие служит поддержанию стабильности системы, сохраняя при этом плюрализм составляющих ее элементов. Однако если «цель» равновесия заключалась бы только в поддержании стабильности, то ее можно было бы достичь и уничтожением одним элементом других или его преобладанием над другими. Поскольку же дело не только в стабильности, но и в сохранении автономности всех элементов, то равновесие служит и тому, чтобы поставить преграду перед теми, кто хотел бы возвыситься и господствовать над другими. В этом, кстати, основное различие функций баланса сил в системе внутренних отношений и отношений международных: в

последних отсутствует центральная власть, а потому состояние стабильности и свобода образующих их государств и гораздо большей степени зависят от действия механизма баланса сил.

В системе существуют и действуют различные политические силы, исходящие из своих, часто противоположных интересов и целей. Они постоянно и непрерывно изменяются под воздействием разнообразных, в том числе геополитических факторов, и эти изменения происходят неравномерно. Неравномерность же ведет к постоянным колебаниям и отклонениям в равновесии системы. В системе возникает тенденция к восстановлению нарушенного равновесия, и если оно вновь устанавливается, то, как правило, уже на новой основе. Вот почему равновесие в системе всегда относительно, динамично, изменчиво. Равновесие устанавливается и тотчас нарушается, вновь, устанавливается на новой основе и снова нарушается и так до бесконечности, пока система живет, функционирует и развивается.

Во избежание недоразумений следует отметить то обстоятельство, что действия государств на практике направлены отнюдь не на установление системного равновесия, а на обеспечение собственной безопасности. Последняя же реально возможна только при существовании в системе относительного равновесия сил. Здесь и возникает своеобразный «порочный круг»: государства с целью обеспечения своей безопасности часто вольно или невольно идут на нарушение сложившегося равновесия, исходя из предположения, что лучшая безопасность – это достижение определенного превосходства над противной стороной. Поскольку же действительная безопасность основывается все же на относительном равновесии сил, то постоянные его нарушения столь же постоянно подрывают и саму безопасность. Ф. Шиллер в своей истории Тридцатилетней войны справедливо замечает, что «безопасность, достигнутая посредством равновесия сил, может быть в будущем сохранена только этим же равновесием». Действительно, пока существуют государства с различными интересами и между ними осуществляется внешнеполитическое взаимодействие, история в принципе не знает иной основы для их безопасности (пусть основы и зыбкой), кроме как поддержание относительного равновесия сил между ними. В условиях неустойчивого равновесия, сопутствующего противоборству государств на различных структурных уровнях, в случае нарушения равновесия каким-либо государством путем приобретения им преимущества над другими государствами последние обычно стремятся не просто восстановить нарушенное равновесие, но как минимум приобрести при этом еще и некоторый «запас прочности», чтобы оградить себя от каких-либо случайностей и, как максимум, изменить соотношение сил в свою пользу. Первого бывает обычно вполне достаточно, чтобы склонить чашу весов и без того неустойчивого равновесия в противоположную сторону. Новое нарушение равновесия понуждает

соответственно другие государства принять ответные действия, что вызывает очередное нарушение равновесия и его восстановление уже на новом уровне, и т.д. Спайкмен следующим образом описывает этот процесс: «Государства постоянно заняты тем, что ограничивают силу какого-то другого государства. Суть вопроса состоит в том, что государства заинтересованы лишь в балансе в свою пользу. Не равновесие, а существенное преимущество – вот их цель. В силовом равенстве с предполагаемым противником нет подлинной безопасности. Безопасность возникает только тогда, когда вы немного сильнее. Невозможно предпринять какое-либо действие, если ваша сила полностью уравновешивается. Возможность для проведения позитивной внешней политики появляется лишь с наличием определенного преимущества и силе, которое может быть свободно использовано. Независимо от выдвигаемых теорий и доводов практическая цель заключается в постоянном улучшении относительной силовой позиции собственного государства. При этом обычно стремятся достичь такого баланса, который бы нейтрализовал другие государства и в то же время обеспечил своему государству возможность быть решающей силой и иметь решающий голос в таком балансе». Такой порядок вещей трудно, конечно, назвать идеальным, но тысячелетняя практика взаимоотношений государств не выработала иного и более отвечающего высоким идеалам мирного сотрудничества механизма поддержания приемлемого для всех *modus Vivendi*. Вместо столь часто встречающихся lamentаций и адрес баланса сил лучше было бы, думается, извлечь из него максимально все то полезное, что он, несомненно, содержит, и строить на нем соответствующие отношения, не утруждаясь понапрасну созданием новых умозрительных и политически бесполезных трактовок о вечном мире, которыми и без того устлан путь человечества.

Равновесие системы и его выражение в балансе сил, таким образом, – объективная основа функционирования системы. Как таковая она проявляет себя в соответствующих действиях государств как субъектов, проявляющих заботу о своей безопасности. И в этой заботе геополитические соображения занимают, как правило, главенствующее место.

В зависимости от конкретных исторических обстоятельств форма системы баланса сил, число участников, конечно, менялись. Однако во все времена тенденция к равновесию в конечном счете прокладывала себе путь в массе различных дестабилизирующих явлений и действий государств. Баланс сил в системе самым тесным образом связан с главными интересами государств, с интересами обеспечения их безопасности. Последние же в большинстве случаев связана с территориальными вопросами или границами. В случае нарушения какими-либо государствами территориальной целостности других государств, или их границ, или претензий на территорию, это немедленно сказывается на существующем балансе сил, угрожая стабильности системы и вызывая реальную

угрозу безопасности других государств. Последние предпринимают необходимые меры с целью противостоять этой угрозе, восстановить нарушенное равновесие: и в этих действиях они объединяются независимо от разделяющих их специфических противоречий (экономических, политических, идеологических), симпатий или антипатий, прошлых разногласий, какими бы серьезными те ни представлялись.

Большой вред межгосударственным отношениям может принести непонимание или сознательное отрицание значения и роли баланса сил государственными деятелями ведущих держав мира. Обычно баланс сил отвергается по идейно-нравственным мотивам как нечто, не соответствующее неким наперед заданным моральным идеалам. «Должен быть не баланс сил, – поучал, к примеру, Вудро Вильсон, – а содружество силы; не организованное соперничество, а организованный общий мир». При всем, однако, платоническом сочувствии к нравственному императиву Вильсона приходится признать, что значительно точнее суждение его соотечественника Спайкмена, утверждавшего, что больше безопасности в сбалансированной силе, нежели в декларациях о добрых намерениях.

Какими бы ни были причины непонимания последствий нарушения баланса сил для международных отношений, а того хуже – разрушения сложившейся системы баланса сил, всякий раз, когда это имеет место, неизменно страдает мир, возникает угроза войны, растет напряженность. Что бы ни думали по поводу баланса сил те или иные политологи или политики, как бы они его ни расценивали, баланс сил, говоря словами Уолтца, «будет существовать так долго, как долго государства пожелают сохранить свою политическую независимость, и так долго, как долго они будут вынуждены полагаться на собственные свои силы в стремлении защитить эту независимость».

Баланс сил и учет изменений в нем важны и для оценки перспектив развития мировой политики, рассматриваемой как система межгосударственных отношений. В наше время, учитывая растущую взаимозависимость государств, разрушительный характер современного оружия и особенно те процессы, которые произошли в Советском Союзе, Европе и мире в целом, это значение неизмеримо возрастает. Любая существенная трансформация системы, всякие серьезные геополитические изменения в ней всегда связаны с большими или меньшими нарушениями баланса сил, а значит, с ростом нестабильности и угрозой конфликтов и войн. Это хорошо видно на системе современных межгосударственных отношений. В числе очевидных признаков происходящих в ней качественных перемен следует прежде всего назвать драматические геополитические изменения в ней, незамедлительно повлекшие изменения в характере отношений на уровне центральных отношений вследствие дезинтеграции Советского Союза и появления вместо него нескольких самостоятельных

субъектов. Существенные перемены происходят и в Восточной Европе: перестали существовать «система социализма», ОВД, СЭВ; развалилась Югославская федерация, разделилась на два самостоятельных государства Чехословакия, коренным образом меняется направленность внешнеполитических курсов Польши, Венгрии, Чехии, Румынии, Албании, Болгарии: В этой части мира мы видим явное преобладание геополитических дезинтеграционных процессов. Они в свою очередь, вследствие законов взаимозависимости, оказывают дестабилизирующее и дезинтегрирующее влияние на западную часть Европы. Последнему способствует и образование в ее центре единой Германии. Происходят существенные изменения в прежних узлах противоречий: на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Америке, в Юго-Восточной Азии. Начинает приобретать новые измерения не только система европейского и глобального балансов сил, но возникает и совершенно новая система такового на пространствах бывшего Советского Союза, которая уже вносит существенные коррективы в систему межгосударственных отношений. Одним словом, прежняя геополитическая структура мира коренным образом изменилась, и мы являемся свидетелями становления новой структуры. Ее контуры пока скрываются в тумане будущего, но мы уже ощущаем грозные симптомы начавшихся тектонических сдвигов в геополитических пластах мира, которые по-новому ставят проблему безопасности для многих государств и, быть может, прежде всего – для России.

Вопросы для самопроверки

1. Что Поздняков Э.А. понимает под геополитикой?
2. Какова сущность и природа национальных интересов в интерпретации Позднякова Э.А.?
3. Что такое баланс сил?
4. Каковы принципы политического равновесия?

О ДУХЕ ЗАКОНОВ²

Монтескье Ш.Л.

Де Монтескьё, Шарль Луи де Секонда, барон де ла Бред (1689 – 1755), выдающийся французский философ и политический мыслитель. Занимал наследственный пост президента парламента в Бордо. Отка-завшись от него в 1726 г., занялся изучением европейского искусства.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

О законах в их отношении к свойствам климата

ГЛАВА I

Общая идея

Если справедливо, что характер ума и страсти сердца чрезвычайно различны в различных климатах, то законы должны соответствовать и различию этих страстей, и различию этих характеров.

ГЛАВА II

Насколько люди различны в различных климатах

Холодный воздух производит сжатие окончаний внешних волокон нашего тела, отчего напряжение их увеличивается и усиливается приток крови от конечностей к сердцу. Он вызывает сокращение этих мышц и таким образом еще более увеличивает их силу. Наоборот, теплый воз-дух ослабляет наружные волокна, растягивает их и, следовательно, уменьшает их силу и упругость.

Поэтому в холодных климатах люди крепче. Деятельность сердца и реакция окончаний волокон там совершаются лучше, жидкости нахо-дятся в большем равновесии, кровь энергичнее стремится к сердцу, и сердце в свою очередь обладает боль-шей силой. Эта большая сила долж-на иметь немало последствий, каковы, например, большее доверие к са-мому себе, т. е. большее мужество, большее сознание своего превосход-ства, т. е. меньшее желание мстить, большая уверенность в своей безо-пасности, т. е. больше прямоты, меньше подозрительности, политиканст-ва и хитрости. Поставьте человека в жаркое замкнутое помещение, и он по вышеуказанным причинам ощутит очень сильное расслабление серд-ца. И если бы при таких обстоятельствах ему предложили совершить ка-кой-нибудь отважный поступок, то, полагаю, он выказал бы очень мало расположения к этому. Расслабление лишит его душевной бодрости, он будет бояться всего, потому что будет чувствовать себя ни к чему не

² О духе законов. М.: Мысль, 1999. С. 198-209.

способным. Народы жарких климатов робки, как старики; народы холодных климатов отважны, как юноши. Обратив внимание на последние войны, которые по своей близости к нам позволяют подметить некоторые лег-кие и незаметные издала влияния, мы увидим, что народы севера, сражаясь в южных странах, не совершили там таких прекрасных подвигов, как их соотечественники, которые, сражаясь в своем родном климате, обладали всем своим мужеством.

Благодаря силе своих мышц народы севера извлекают из пищи самые грубые соки. Отсюда два последствия: во-первых, частицы лимфы вследствие их значительного размера крепче удерживаются в волокнах и лучше питают их, во-вторых, по причине своей грубости они менее способны придавать некоторую остроту нервному соку, поэтому у этих народов будут крупные тела и мало живости.

Нервы, которые со всех сторон примыкают к нашей кожной ткани, соединены в нервные пучки. Обыкновенно возбуждается не весь нерв, а лишь бесконечно малая часть его. В жарких климатах, где кожная ткань ослаблена, концы нервов развернуты и доступны самому слабому действию самых ничтожных предметов. В холодных странах кожная ткань сокращена, бугорки ее сжаты и малые нервные клеточки как бы парализованы; впечатление доходит до мозга лишь в том случае, если оно чрезвычайно сильно и овладевает всем нервом целиком. Но известно, что воображение, вкус, чувствительность и живость зависят от восприимчивости к бесконечному множеству малых впечатлений.

Я наблюдал внешнюю ткань языка овцы в том месте, где она кажется невооруженному глазу покрытой бугорками. В микроскопе я заметил, что эти бугорки покрыты волосиками, чем-то вроде пуха, а между бугорками находились пирамидки, которые заканчивались как бы кисточками. Есть большая вероятность, что эти пирамидки и составляют главный орган вкуса.

Я заморозил половину этого языка и увидел простым глазом, что бугорки значительно уменьшились, а несколько рядов их углубилось в свои влагалища. Обследовав ткань под микроскопом, я уже совсем не увидел пирамидок. По мере того как язык оттаивал, бугорки заметно для простого глаза приподнимались, а в микроскопе можно было наблюдать постепенное появление нервных кисточек.

Это наблюдение подтверждает сказанное мною о том, что в холодном климате нервные кисточки менее развернуты, они углубляются в свои влагалища, которые защищают их от действия внешних предметов, понижая, таким образом, живость ощущений.

В холодных климатах чувствительность человека к наслаждениям должна быть очень мала, она должна быть более значительна в странах умеренного климата и чрезвычайно сильна в жарких странах. Подобно

тому как различают климаты по градусам широты, их можно было бы различать, так сказать, и по степеням чувствительности людей. Я видел оперы в Италии и Англии: те же были пьесы и те же актеры, но одна и та же музыка производила на людей обеих наций столь раз-личное впечатление, так мало волновала одну и приводила в такой восторг другую, что все это казалось непонятным.

Так обстоит дело и с ощущением боли: она возбуждается в нас разрывом волокон нашего тела. Создатель природы устроил так, что боль ощущается тем сильнее, чем значительнее эти разрывы. Но очевидно, что массивные тела и грубые волокна народов севера способны подвергаться такому расстройству менее, чем нежные волокна народов жарких стран, душа их поэтому менее чувствительна к ощущению боли. Чтобы пробудить в москвите чувствительность, надо с него содрать кожу.

При такой нежности органов людей жарких стран душа их в высшей степени восприимчива ко всему, что связано с соединением обоих полов; там все ведет к этому предмету.

В северном климате физическая сторона любви едва ощущается с достаточной силой; в умеренном климате любовь, сопровождаемая бесчисленными аксессуарами, прельщает разными приманками, которые кажутся любовью, хотя на самом деле все это еще не любовь; в более жарком климате любовь любят ради нее самой, там она единственная причина счастья, там она сама жизнь.

В южных странах организм нежный, слабый, но чувствительный, предается любви, которая непрерывно зарождается и удовлетворяется в гареме, а при более независимом положении женщин связана со множеством опасностей. В северных странах организм здоровый, крепко сложенный, но тяжеловесный, находит удовольствие во всякой деятельности, которая может расшевелить душу: в охоте, странствованиях, войне к вине. В северном климате вы увидите людей, у которых мало пороков, немало добродетелей и много искренности и прямоты. По мере приближения к югу вы как бы удаляетесь от самой морали: там вместе с усилением страстей умножаются преступления, и каждый старается превзойти других во всем, что может благоприятствовать этим страстям. В странах умеренного климата вы увидите народы, непостоянные в своем поведении и даже в своих пороках и добродетелях, так как недостаточно определенные свойства этого климата не в состоянии дать им устойчивость.

В климате чрезмерно жарком тело совершенно лишается силы. Тогда расслабление тела переходит и на душу: такой человек ко всему равнодушен, не любопытен, не способен ни на какой благородный подвиг, ни на какое проявление великодушия, все его склонности приобре-

тают пассивный характер, лень становится счастьем, там предпочитают переносить наказания, чем принуждать себя к деятельности духа, и рабство кажется более легким, чем усилия разума, необходимые для того, чтобы самому управлять собою.

ГЛАВА III

Противоречия в характере некоторых южных народов

Индийцы от природы лишены мужества. Даже европейцы, рожденные в Индии, утрачивают мужество, свойственное европейскому климату. Но как совместить с этим их жестокость, их обычаи и варварские наказания? Мужчины там подвергают себя невероятным мукам, а женщины сами себя сжигают: вот сколько силы при такой слабости.

Природа, которая дала этим людям слабость, делающую их робкими, наделила их вместе с тем столь живым воображением, что все поражает их сверх меры. Та же самая чувствительность органов, которая заставляет их бояться смерти, заставляет их страшиться многого более смерти. И та же самая чувствительность, которая заставляет их избегать опасностей, дает им силу презирать эти опасности.

Подобно тому как хорошее воспитание более необходимо для детей, чем для людей зрелого ума, народы этих климатов более нуждаются в мудрых законодателях, чем народы нашего климата. Чем люди впечатлительнее, тем важнее, чтобы получаемые ими впечатления были правильными, чтобы они не усваивали предрассудков и чтобы ими руководил разум.

Во времена римлян народы Северной Европы жили без ремесел, без воспитания и почти без законов; и тем не менее благодаря одному лишь здравому рассудку, связанному с грубыми волокнами тела жителей этих климатов, они с удивительной мудростью противостояли римскому могуществу и, наконец, вышли из своих лесов, чтобы разрушить его.

ГЛАВА IV

Причина неизменяемости религии, нравов, обычаев и законов в странах Востока

Если к этой нежности органов, благодаря которой народы Востока получают самые сильные в мире впечатления, вы присоедините некоторую леньность ума, естественно, связанную с такою же ленью тела, что делает их неспособными ни к какому подвигу, ни к какому усилию, ни к какому самообладанию, вы поймете, почему душа их, раз восприняв те или иные впечатления, не может уже более изменить их. Вот отчего законы, нравы и обычаи, относящиеся даже к таким, невидимому, безразличным вещам, как одежда, остаются и теперь на Востоке такими, какими они были тысячу лет тому назад.

ГЛАВА V

О том, что дурные законодатели – это те, которые поощряли пороки, порожденные климатом, а хорошие – те, которые боролись с этими пороками

Индийцы полагают, что покой и небытие составляют основу и конец всего существующего. Таким образом, полное бездействие является для них самым совершенным состоянием и главным предметом их желаний. Они дают верховному существу название неподвижного. Жители Сиама считают, что высшее блаженство состоит в том, чтобы не быть обязанным приводить в движение свое тело.

В этих странах, где чрезмерная жара обессиливает и подавляет людей, покой доставляет такое наслаждение, а движение так тягостно, что эта метафизическая система кажется вполне естественной. Будда, законодатель Индии, следовал внушению собственных чувств, рекомендуя людям состояние полной пассивности; но его учение, порожденное созданной климатом ленью и в свою очередь поощряющее эту лень, причинило неисчислимое зло.

Законодатели Китая (Конфуций и его школа) проявили более здравого смысла: имея в виду не то состояние покоя, к которому некогда придут люди, а ту деятельность, которая им необходима для выполнения житейских обязанностей, они дали своей религии, своей философии и своим законам чисто практическое направление. Чем более физические причины склоняют людей к покою, тем более должны удалять их от него причины моральные.

ГЛАВА VI

О земледелии в жарких климатах

Земледелие – самый важный труд людей. Чем более климат побуждает их избегать этого труда, тем более должны поощрять их к нему религия и законы. Поэтому законы Индии, которые отдают земли государям и лишают частных лиц духа собственности, усиливают неблагоприятное влияние климата, т. е. производимую им ленью.

ГЛАВА VII

О монашестве

Такое же зло производит там и монашество. Оно родилось в жарких странах Востока, где люди более склонны к созерцанию, чем к деятельности.

В Азии количество дервишей, или монахов, видимо возрастает по мере того, как климат становится более жарким; Индия, где жара достигает своего предела, переполнена ими. То же соотношение наблюдается и в Европе.

Чтобы победить внушаемую климатом лень, законы должны были бы лишить людей всякой возможности жить не работая. Но на юге Европы они действуют в обратном направлении: они ставят людей, желающих быть праздными, в положение, благоприятствующее созерцательной жизни, и связывают с этим положением огромные богатства. Эти люди, живя в таком изобилии, которое даже тяготит их, естественно, уделяют свои излишки простому народу. Последний утратил собственность; они вознаграждают его за это возможностью наслаждаться праздностью; и он в конце концов начинает любить даже свою нищету.

ГЛАВА VIII

Хороший китайский обычай

В описаниях Китая рассказывается о ежегодно совершаемой императором церемонии открытия земледельческих работ. Цель этого публичного и торжественного акта – побудить народ заниматься земледелием.

Сверх того, императора каждый год извещают о наиболее отличившемся в своем занятии земледельце, которого он и производит в мандарины восьмого разряда.

У древних персов ежегодно в восьмой день месяца *shotem guz* государи покидали свои пиршества, чтобы разделять пищу с пахарями. Все это превосходные установления для поощрения земледелия.

ГЛАВА IX

Способы поощрения промышленности

В книге девятнадцатой я покажу, что ленивые нации обыкновенно отличаются тщеславием. Можно было бы обратить следствие против его причины и бороться с ленью посредством тщеславия. На юге Европы, где народы так чувствительны к почестям, следовало бы назначать премии наиболее отличившимся в своем деле земледельцам и ремесленникам. Эта мера хороша даже для всякой страны. В наши дни она способствовала учреждению в Ирландии одной из самых значительных во всей Европе мануфактур полотна.

ГЛАВА X

О законах, относящихся к трезвости народов

В жарких странах водянистая часть крови сильно улетучивается вследствие испарины, и ее нужно восполнять подобною же жидкостью. Поэтому вода там в большом употреблении; крепкие же напитки произвели бы там сгущение кровяных шариков, которые остаются после испарения водянистых частей крови.

В холодных странах водянистая часть крови испаряется слабо, она остается в крови в изобилии, поэтому там можно употреблять спиртные

напитки, не опасаясь сгущения крови. Там тела переполнены влагой, и крепкие напитки, усиливающие движение крови, не будут неуместны.

Закон Магомета, запрещающий пить вино, является, таким образом, законом самого климата Аравии; известно, что вода и до Магомета была обычным напитком арабов. Карфагенский закон, запрещавший употребление вина, был тоже законом климата; и в самом деле, обе эти страны имеют почти одинаковый климат.

Подобный закон не годился бы для холодных стран, где в силу климата развивается некоторое национальное пьянство, сильно отличающееся от пьянства отдельного лица. Пьянство распространено по всей земле в прямом отношении к холоду и сырости климата. Двигаясь от экватора к нашему полюсу, вы увидите, что пьянство возрастает вместе с градусами широты. Двигаясь от экватора к полюсу, противоположному нашему, вы увидите, что тут оно возрастает в направлении к югу, подобно тому как там возрастало в направлении к северу.

Естественно, что там, где употребление вина противно климату, а следовательно, и здоровью, злоупотребление им наказывается строже, чем в странах, где дурные последствия пьянства не велики как для личности, так и для общества. Двигаясь от экватора к полюсу, вы увидите, что тут оно возрастает в направлении к югу, подобно тому как там возрастало в направлении к северу. Поэтому закон, каравший пьяного человека и за совершенный им проступок, и за его пьянство, касался только его личного, а не национального пьянства. Немец напивается по обычаю, испанец – по личному желанию.

В жарких странах вследствие расслабленного состояния волокон происходит сильное выделение жидкостей посредством испарения, но твердые части тела сохраняются лучше. Волокна, действующие вяло и с малым напряжением, почти не изнашиваются, и требуется немного питательных соков для их восстановления; поэтому люди там очень умеренны в пище.

От различия в потребностях, порождаемого различием климатов, происходит различие в образе жизни, а от различия в образе жизни – различие законов. Для народа, у которого существует большое общение между людьми, нужны одни законы, для народа, у которого такого общения нет, – другие.

ГЛАВА XI

О законах, имеющих отношение к болезням, порождаемым климатом

Геродот говорит, что законы евреев о прокаже были заимствованы ими у египтян. В самом деле, одинаковые болезни требуют одинаковых лекарств. Эти законы были неизвестны грекам и первым римлянам, так же как и сам вызвавший их недуг. Климат Египта и Палестины сделал их необходимыми, а легкость, с которой распространяется эта болезнь,

служит нам достаточным доказательством предусмотрительности и мудрости этих законов.

Мы и сами испытали их действие. Крестовые походы занесли к нам проказу, а благоразумные меры, принятые против нее, не дали ей распространиться в массе народа.

Из законов лангобардов видно, что эта болезнь была распространена в Италии до крестовых походов и обратила там на себя внимание законодателей. Ротарь повелел, чтобы прокаженный, изгнанный из своего дома и удаленный в особое место, был лишен права распоряжаться своим имуществом, так как с того момента, как его выбросили из его дома, он уже считался умершим. Чтобы устранить всякое общение с прокаженными, их лишали гражданских прав.

Я думаю, что эта болезнь была занесена в Италию завоеваниями греческих императоров, в войсках которых могли быть отряды из Палестины или Египта. Как бы то ни было, дальнейшее ее распространение было остановлено до времени крестовых походов.

Говорят, что солдаты Помпея, возвратившись из Сирии, принесли оттуда болезнь, весьма сходную с проказой. Не сохранилось никаких сведений о принятых против нее мерах, но, надо полагать, что такие меры были, так как эта болезнь была приостановлена до времен лангобардов.

Два века тому назад болезнь, неизвестная нашим отцам, проникла из Нового Света в наш и стала поражать человеческую природу в самом источнике жизни и наслаждений. Большая часть самых знатных фамилий юга Европы погибла от пагубного недуга, который стал до того обычным, что его уже перестали стыдиться. Упрочила эту болезнь жажда золота, за которым люди постоянно устремлялись в Америку, принося оттуда все новые и новые семена заразы.

Благочестивое нравственное чувство требовало сохранения этой кары за преступление, но бедствие проникло в недра брака и заразило даже детей.

Поскольку мудрость законодателей должна охранять здоровье граждан, было бы весьма благоразумно остановить распространение заразы посредством законов, составленных по образцу законов Моисеевых.

Чума производит свои опустошения еще быстрее и внезапнее. Главный источник ее находится в Египте, откуда она распространяется по всему свету. Большая часть государств Европы приняла очень хорошие меры, чтобы не допустить ее к себе, и в наше время найдено превосходное средство остановить ее распространение: зачумленная область оцепляется войсками, которые делают невозможным всякое сообщение с нею.

Турки, которые не принимают никаких мер против чумы, видят, как в одном и том же городе христиане избегают опасности, а они одни погибают. Они покупают одежды зачумленных, носят их и не изменяют обычного образа жизни. Учение о неумолимой судьбе, которая всем

управляет, обращает правителя в невозмутимого зрителя; он думает, что бог уже сделал все, что нужно, и ему больше нечего делать.

ГЛАВА XII

О законах против тех, которые сами себя убивают

Из истории не видно, чтобы римляне причиняли себе смерть без причины; но англичане убивают себя даже при счастливейших обстоятельствах жизни, так что невозможно бывает понять, что привело человека к такому решению. У римлян самоубийство было следствием их воспитания, оно имело основание в их образе мыслей и в их обычаях; у англичан оно есть следствие болезни, имеет свое основание в физическом состоянии организма и ни от какой другой причины не зависит.

Весьма вероятно, что оно связано с недостаточной фильтрацией нервного сока. Организм, двигательные силы которого остаются в постоянном бездействии, становится в тягость самому себе; душа не испытывает боли, но ощущает некоторую трудность существования. Боль есть местное зло, которое возбуждает в нас желание избавиться от этого зла; но чувство тягости жизни не имеет определенного места и возбуждает в нас желание прекратить эту жизнь.

Без сомнения, в некоторых странах законы, карающие самоубийство, не лишены разумного основания; но карать его в Англии – все равно, что карать поступки помешанного.

ГЛАВА XIII

Следствия, вытекающие из климата Англии

Для нации, у которой порождаемая климатом болезнь удручает душу до такой степени, что поселяет в ней отвращение ко всему на свете, вплоть до самой жизни, для людей, которым все стало невыносимо, – наиболее подходящим образом правления был бы тот, при котором они не могли бы возлагать вину за свое несчастье на одно лицо, при котором страной управляют не столько люди, сколько законы, и потому для изменения государственного строя пришлось бы ниспровергать самые законы.

И если бы при этом та же нация получила от климата некоторую нетерпеливость характера, которая не позволяла бы ей долго терпеть однообразие, то очевидно, что образ правления, о котором мы только что говорили, оказался бы для нее еще более подходящим.

Эта нетерпеливость характера сама по себе еще не имеет большого значения, но в соединении с мужеством она может стать великим благом.

Она не похожа на ту легкость, с которой люди принимают за дела неизвестно зачем и оставляют их неизвестно почему. Она ближе к настойчивости, потому что порождается таким живым ощущением зла, которое не притупляется даже привычкой терпеть его.

Такой характер у народа свободного был бы очень большим препятствием для происков тирании, действия которой обыкновенно бывают столь же вялы и медлительны при ее начале, как они быстры и решительны в конце, которая начинает помогать одной рукой для того, чтобы вслед затем угнетать всем бесчисленным множеством своих рук.

Порабощению всегда предшествует усыпление. Но народ, который не знает покоя ни в каком положении, который постоянно как бы оцупывает себя, обнаруживая все свои больные места, такой, народ не может поддаться сну.

Политика – беззвучная пила, которая незаметно совершает свою работу и медленно достигает своей цели. Но люди, о которых мы только что говорили, не были бы в состоянии выдержать медлительность, мелочность хладнокровных переговоров; тут они нередко оказывались бы слабее всякой другой нации и могли бы утратить посредством своих трактатов то, что приобрели своим оружием.

ГЛАВА XIV

Другие следствия климата

Наши отцы – древние германцы – жили в климате, где страсти людей не были бурными. В своих законах они принимали вещи такими, какими видели их, не давая простора собственной фантазии. Судя об обидах, нанесенных мужчинам, по величине полученных им ран, они с той же простотой оценивали и обиды, нанесенные женщинам. Очень своеобразен в этом отношении закон аллеманов. За обнажение головы женщины надо было платить штраф в шесть солидов, за обнажение ее ноги до колена – столько же и вдвое больше – за обнажение выше колена. Кажется, закон измерял величину оскорбления, нанесенного женщине, так, как измеряют величину геометрической фигуры; он наказывал не преступление воображения, а преступление глаз. Но когда одна из германских наций переправилась в Испанию, климат этой страны внушил ей совсем иные законы. Закон вестготов позволял медикам пускать кровь свободнорожденной женщине только, в присутствии ее отца или матери, брата, сына или дяди. Воображение народов воспламенилось, а от него разгорелось и воображение законодателей; закон стал подозревать во всем народ, который сам был способен все заподозрить.

Поэтому законы эти отнеслись с величайшим вниманием к поведению обоих полов. Но, судя по установленным ими наказаниям, они, кажется, стремились более удовлетворять требования личной мести, чем требования общественной мести. Так, в большинстве случаев они отдавали обоих виновных в рабство родителям или оскорбленному супругу. Свободно-рожденная женщина, отдавшаяся женатому человеку, предоставлялась в полное распоряжение его супруги. Эти законы обязывали рабов связать и привести к мужу женщину, застигнутую ими во вре-

мя прелюбодеяния. Они разрешали детям этой женщины обвинять свою мать и подвергать ее рабов пытке, для того чтобы уличить ее. Поэтому эти законы были более пригодны для утонченной разработки определенного вопроса чести, чем для должной охраны нравов. И не надо удивляться, если граф Юлиан полагал, что оскорбление подобного рода требовало гибели его отечества и его короля. Нет ничего удивительного и в том, что при подобном состоянии нравов мавры так легко смогли поселиться в Испании, удержаться там и замедлить падение своей империи.

ГЛАВА XV

О влиянии климата на доверие законодателей к народу

Японский народ обладает таким свирепым характером, что его законодатели и правители не могли питать к нему никакого доверия. Они говорят ему только о суждях, угрозах и наказаниях. Японец и шагу не может ступить без полицейского надзора. Эти законы, которые из пяти глав семейства ставят одного как бы правителем над четырьмя прочими, эти законы, которые за одно преступление карают всю семью или целый квартал, эти законы, для которых нет невинных там, где, может быть, имеется один виноватый, – эти законы созданы для того, чтобы люди не доверяли друг другу, чтобы каждый следил за поведением другого и был для него сыщиком, свидетелем и судьей.

Индийский народ, напротив, кроток, нежен и сострадателен, поэтому его законодатели выказали к нему большое доверие. Они установили немного наказаний и притом не очень строгих и не со всей строгостью применяемых. Они поручили племянников дядям и сирот – опекунам, как у других поручают детей их отцам; они основали право наследования на признании наследника достойным. Кажется, что они думали, что каждый гражданин должен полагаться на природные добрые качества прочих граждан.

Они охотно отпускают на волю своих рабов, они женят их, они обращаются с ними, как со своими детьми. Счастливый климат, который порождает чистые нравы и производит кроткие законы!

Вопросы для самопроверки

1. Как, по мнению Монтескье, климат влияет на характер народов?
2. Насколько важно учитывать климатические условия при управлении государством, по мнению Монтескье?
3. Как законы должны соответствовать климату?
4. Как законодатели должны учитывать климатические условия?

О ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ НА ПОВЕРХНОСТИ ЗЕМНОГО ШАРА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ХОД ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА³

Риттер К.

Риттер Карл (1779 – 1859), великий немецкий географ, совершивший методологический переворот в географии, автор так называемой «хорологической концепции». Автор фундаментального 19-томного труда «Землеведение», посвященным Азии и Африке. Большое внимание уделял изучению взаимодействия природы и народов.

<...> Во всем устройстве масс земной системы части света должны были занять на все грядущие времена неизменяемые относительно друг друга места; они не могли, подобно кружащимся планетам в Солнечной системе, непрерывно менять взаимное свое положение. Следовательно, устройство это должно было иметь влияние, согласное с влиянием суточного обращения Земли. Все это видно уже и в исторической противоположности Востока с Западом, которая в непрерывных переходах распространялась по всему земному шару. Ибо противоположность эта с весьма древних времен постоянно жила в сознании народов, как восточных и западных, так равно и северных (страны Гиперборейские), и южных (Эфиопские), задолго до точного отделения частей света. Как время между утром и вечером, между надеждой и исполнением переступает через жаркий полдень, и наконец вне этого перехода наступает противоположность всеуспокаивающей ночи, так и в пространстве Восток и Азия отделены от жаркой Ливии и Европейского Запада, а также весь Старый свет от западного Нового, как Восток от Запада в космическом смысле. Глубокая древность и мир современный; прошедшее, настоящее и будущее; колыбель народов, их истории и образования на Востоке; прогресс развивающейся народной и государственной жизни, а равно всей сферы идей и их действия на Западе, – все это проявляется в причинной законной связи с устройством космического положения великих материков планетной массы. Даже застои народов в светлом, жарком, духовно коснеющем, вещественно свыше меры населенном Судане, равно как и несовершенство еще пробуждение народов в малолюдном, мрачном и хладном Севере, состоят с ним в гармонии и будут всегда существовать, пока с прогрессом человеческо-

³ О пространственных отношениях на поверхности Земного шара и их влияние на ход исторического развития человечества. Фрагмент лекции, прочитанной в 1850 г. // Полис, 2005, № 2. С. 102-114.

го развития не будут изобретены технические способы совершенно победить как естественные преграды, так и естественные влечения, и сделать человека менее зависимым от связующего влияния природы и земной его родины. И теперь уже искусство мореплавания перешагнуло через уединенные пустыни океанов, через все морские преграды, обладание паровой силой совершенно изменило естественные расстояния в пространстве, а колонии и плантации перенесли естественные продукты и жителей одной половины земного шара в другую.

Эти противоположности проявляются уже в понятиях Китайца в его «Сиию» (западе), в мире Санскритском в «Пара» (Празии) и «Апара», истинном Востоке древнего мира; боги этих народов, например Оаннес Халдеев, Брама Индийцев, по сказанию, всегда происходят с еще дальнейшего востока, словно солнце, встающее из моря. Далее к западу повторялись те же противоположности: Грек называл Малую Азию своей Анатолией (т.е. восточная страна), а Италию – Гесперией; Римлянин признавал восток в Леванте, а свою Гесперию у западного края материка в Испании и в Счастливых островах (*Insulae fortunatae*); и Араб там же помещал свой Запад, «эль-Магрэб». Европейец отодвигает уже за океан, в Новый свет, как самый Запад, так и связанные с ним понятия, воззрения, народные отношения. Пространственное значение этих контрастов с прогрессом исторического их уравнивания должно более и более исчезать. Гомеровы страны опаленных солнцем Эфиопов и Гипербореев, к югу и к северу от Греческого Архипелага, давно отодвинулись далее; но у Индийца и теперь еще осталась его Гиперборейская страна, «Уттара-Куру»; а Эфиопская Ливия распространилась на целую часть света, Африку.

Эти сами по себе реальные противоположности и их естественные свойства, с ходом действовавшего на них исторического развития, могли сделаться для народов относительными только противоположностями. Именно там, где естественное влияние земных пространств совершенно изменилось вследствие образования. Это должно было привести к совершенно различным методам изложения в древней и в новой географии.

Космическое устройство и мировое положение частей света всегда будут оказывать свое влияние, хоть оно и много изменило первобытную свою резкость вследствие прогресса человечества, например установления всемирных сношений по морям. При всем том классическая почва всемирной истории, в месте наибольшего сближения трех частей Старого света, от Инда до Тибра и от Нила до Окса и Танаиса, относительно всех главных событий первого развития человечества из колыбели народов, событий, которым почва эта в истекшие тысячелетия служила образующей основой, навсегда останется и для грядущих поколений классической почвой. Именно потому, что почва эта имела образовательный характер. Но, конечно, образованность лишила некоторые преимущест-

венно наделенные от природы местности их исключительно господствующего характера и перенесла его на другие местности.

Различные места земного шара наделены были для разных периодов истории разнообразными способами, дарами, приемчивостью. Но иные наделены и такими способностями к развитию, которые могут быть приведены к сознанию только с постепенным ходом истории. Только небольшая часть их проявила себя во всех своих отправлениях (Functionen) относительно вселенной. Круг их развития только что начал обозначаться в течение нескольких тысячелетий. Гораздо большая часть его еще закрыта от нашего взора. Величайшие глубины духовной природы человека могли ранее открыться для нас в многообразных своих проявлениях; напротив того тайны Зиждителя мира в нашей планете должны были гораздо должайшее время оставаться сокровенными для нас, временных гостей на земле.

Давно уже узнаны некоторые из общих явлений земной планеты, например свойства морей и их влияние на человека посредством мореплавательного искусства, система ветров и морских токов посредством употребления парусных судов, приливы и отливы от наблюдения времени в различных гаванях, и столь многие из земных произведений еще очень недавно – по их целебной силе; а некоторые преимущественно наделенные от природы полосы земли только при помощи образованности сделались доступными для нашего знания. Но гораздо большая часть поверхности нашей планеты есть в этом отношении еще новь, земля нетронутая: потому что не только наука, но и самый ход всемирной культуры не открыл еще естественных тайн некоторых земных местностей. Мы познаем еще только элементы развития земной поверхности; поэтому в настоящее время из глубины их показываются только одни геогностические свойства. Какое влияние будут со временем иметь неисощенные металлоносные жилы и каменноугольные копи в столь многих местах земли, а также переселения, колонии, миссии разного рода, даже в местах еще вовсе не тронутых историей, или в таких, где посев культуры едва начал приносить скудную жатву, где духовная природа еще не извлекла из почвы всесогревающих и оживляющих искр! Между тем все это уже задолго совершилось на многих местах классической почвы всемирной истории.

Какую великую важность для человеческого рода приобрели, например, в недавнее время равнины и низменности от проведения по ним железных дорог и каналов. Если бы это было исполнено в колоссальном размере в середине великих материков, то прорыв Суэцкого перешейка придвинул бы Индийский мир к Южноевропейскому, а прорез Панамы уменьшил бы целую четвертью окружность земного шара и привел бы мир Китайский с Западноевропейским в сношения более близкие полутора тысячами географических миль.

От пароходства некоторые из близких к нам речных систем и другие огромной величины на далеких от нас расстояниях, от Ганга до Миссисипи, приобрели двоякое течение – и вверх, и вниз. По последней реке и ее обильной водою системе ежедневно снуют туда и сюда слишком 350 таких судов, везде условливающих новые приращения добра. Около 50 их превратили прежде пустынную, необитаемую систему величайших озер в Северной Америке, начиная от Верхнего до Эри, в поприще промышленности и образования, величиной составляющее половину европейского Средиземного моря. Что проявится еще в будущем, невозможно угадать.

Итак, нельзя отрицать, что многообразные формы земной коры на всей поверхности планеты заключают в себе условия прогресса в собственном их устройстве, если только образование сумеет поставить себя в гармонию с природой. Теперь постараемся хоть бегло намекнуть на то, что характеристически проявляется в этом отношении в устройстве и форме каждой из частей света в отдельности, что благоприятствует этому развитию и что ему препятствует.

Прежние изложения фактов горизонтального протяжения частей света освобождают нас от обязанности входить здесь в их подробности. Здесь довольно только напомнить, что в трех частях Старого света овальный вид Африки, ромбоэдрический Азии и треугольный Европы условливают каждый особые отношения их протяжения. При этом в Африке проявляется величайшее однообразие: длина и ширина ее в направлении меридианов и параллелей равны между собой. В Европе, напротив, заметно величайшее разнообразие; эта часть света имеет слишком двойную, почти тройную длину с востока на запад при непрерывно уменьшающейся ширине, вершиною обращена к Атлантическому океану, а широким основанием упирается в Азию. Африка есть сплошной замкнутый в самом себе ствол, или кряж, без ветвей; Азия также сплошной, но не так замкнутый, дебелий кряж с роскошными и величественными ветвями на восточной и на южной стороне; Европа со всех сторон открытый ствол, с ветвями не только на юге и на западе, но также на севере и внутри. Притом ветви эти для хода человеческого развития могли оказаться столь же важными, как и сам ствол, и при меньшей поверхности Европы и большем естественном богатстве некоторых из ветвей могли сообщить и самому стволу все выгоды культуры. Еще плотнейший ствол Азии, не открытый, подобно европейскому, по всем направлениям к стороне моря, в середине материка оставался не тронут врезавшимися морями, которые в ней хотя и глубоко вдаются в землю, но не могут произвести гармонического уравниения между противоположностями от одного моря до другого и между соприкасающимися долинами всякого рода, как это существует в Европе. Поэтому в центральной Азии длинный и широкий кряж этой части света (величиной почти

равный всей Африке) не пользовался благодатными условиями роскошных ветвей своих, которые своим влиянием и воздействием не могли проникнуть и одолеть его природу. В периферической Азии всего более разветвлена южная, всего менее северная ее сторона, с заметными преимуществами в одной и невыгодами в другой. Общая величина всех ветвей, хотя некоторые из них составляют около половины Европы, все еще далеко уступает поверхностью целому сплошному кряжу, а потому за этим последним и остался решительно невыгодный для целого перевес низшей образованности, несмотря на влияние высшего народного развития на периферических ветвях, которые лежат на полуостровах, отдельно одна от другой.

Поэтому сплошной кряж средней Азии остался однообразным приютом кочевого быта народов, тогда как по щедро наделенным от природы, роскошным ветвям передовых его земель и полуостровов, как, например, в Китае, Задней Индии, Передней Индии, Аравии, Малой Азии, и даже в других меньших, везде развивались индивидуальности местные и народные. Но они не были в силах приобретенною культурой проникнуть в центральный кряж.

Вся периферия Африки в береговом своем очертании вовсе не делится на ветви; от этого отношение линии берегов ее к пространству в сравнении с другими частями света самое невыгодное. Следствием этого должно быть наименьшее соприкосновение внутренних ее частей с морем, а равно и неприступность ее середины. Этому неразветвленному кряжу Африки природа отказала во всяком разнообразии естественных и народных отношений. По однообразию его вида, концы его во всех направлениях лежали на равных расстояниях от середины. Подобное же однообразное астрономическое положение этого материка по обеим сторонам экватора нигде или почти нигде не могло произвести противоположности климату тропическому и полутропическому. Поэтому в этом земном индивидуале, истинном континентальном Юге земли все особенности тропического мира доходят до величайших своих крайностей; поэтому в нем все явления пребывают наиболее однообразными, наиболее сходными, и хотя сами по себе весьма оригинальны, но лишены всякого разнообразия и противоположностей. Также и в мире народов, населяющих эту часть света, первоначальный патриархальный быт человеческого общества остался без всякого прикосновения с историческим прогрессом, и великий приют этого быта, кажется, будет еще сохраняться в течение не одного тысячелетия для возможного развития в неведомом будущем. Ибо на этой почве вечного застоя видны черты одного общего, а не индивидуального развития, как в мире растений и животных, так и в народах и отдельных людях. Пальма и верблюд с их путниками, одинаково распространенные по всем северным и южным, восточным и западным ее пределам, и преобладающее Негрское племя, почти

исключительно ей свойственное туземное население с негрскою организацией, везде живущее густыми сплошными массами, подобно самой Африке остановившееся на низкой ступени только общего сплошного развития, без выдающихся индивидуальностей в культуре, государственной жизни, племенах и отдельных лицах, – вот отличительные черты Африки. Да и само семейство негрских языков показывает поразительное взаимное сходство; ибо они отличаются одни от других только диалектными свойствами. Кое-где, спорадически, более развитое побережье в некоторых счастливейших местностях Африки представляет небольшое отступление от этого в узких приморских коймах; – да и это по большей части вследствие налета или наплыва извне.

Совершенно другой мир явлений произошел вследствие богатого и разнообразного, хотя отчасти только периферического разветвления берегов в Азии. Этот мир в сочленениях своих везде проявляет индивидуальность; ибо каждая из ветвей, вследствие взаимной отдельности их со стороны суши, и опять вследствие взаимного между ними сближения через моря, должна была получить свой особенный характер, – получить в дар от природы свой воздух, свои горы и долины, свои течения, свои моря, свои системы ветров, свои произведения. А потому и в жителях, и в культуре каждая должна была непрерывно являться в ином виде. Здесь могли уже характеристически проявиться индивидуальности миров Китайского, Малайского, Индийского, Персидского, Аравийского, Сирийского, Малоазийского. Но, состоя в резкой общей противоположности с замкнутым краем центральной середины, их более развитая гражданственность не могла проникнуть собою и одолеть однообразную во все века бродячую жизнь тамошних кочевых народов, которых предки распространялись по обширным странам запада и которых нынешних представителей мы зовем Монголами, Туркестанцами, Киргизами, Бухарцами, Калмыками и т.п. Тем менее могла эта гражданственность достигнуть северных пределов этой части света. Поэтому Азия, несмотря на все величественные, ориентальные явления на огромном ее протяжении, лишена гармонического единства и общего начала в своей цивилизации. К этому присоединилось еще влияние исторически необозримых, а тем более неодолимых для гражданственности, колоссальных земных форм, форм истинно ориентальных, а равно влияние роскошнейшего изобилия в разнообразнейших дарах природы, которые в самых резких противоположностях усложняются разнообразием климата Азии и естественных ее произведений. Простираясь от экватора далеко за полярный круг, Азия производит самые разнообразные растения и животных, и притом разнообразные не только по различию параллелей широты, но еще, вследствие большого ее протяжения с запада на восток, и по расстоянию между меридианами, которое представляет не менее резко отделенные миры восточный и западный. Для примера стоит указать только на мир

Китайский и мир Передней Азии, которых культура может служить образчиком характеристических противоположностей Востока и Запада. Из естественных произведений можно привести кокосовую или саговую пальму и тигра для востока, и финиковую пальму и льва для запада; для севера и юга Азии – мхи и хвойные леса с северным оленем с одной, хлебное дерево, сахарный тростник, широколистный пизанг, со слонами, носорогами, тапирами и стаями обезьян с другой стороны.

При таком неисчерпаемом богатстве естественных отношений, Азия проявила в себе не меньшее богатство народонаселения, которое, несмотря на беспрестанный выход оттуда народных полчищ, с самого начала их переселений и в разные периоды истории, в соседственные с ней части света, нисколько не истошилось. Азия все еще осталась бесконечно богата туземными народными индивидуальностями, и по племенам, и по виду, цвету, образу жизни, народному характеру, религиозным, политическим, общественным учреждениям, государственным системам, по образованности, роду языков, народным поколениям и многим другим отношениям. Ни одна часть света ни в какой период существования, начиная с первых человеческих преданий, не могла даже отдаленно сравниться богатством с Азией, а потому кажется, что она с самого начала построена и организована для того, чтобы служить предтечей и исходом для всех других частей света.

Европа есть широкое продолжение центральной Азии; по мере распространения своего на запад, она все более и более развивает своеобычные географические формы. При относительно роскошнейшем богатстве своих ветвей она превосходит восточную соседственную с ней часть света еще тем, что в ней никакая препятствующая центральная форма не устанавливает между ветвями ее совершенной взаимной отдельности. Это сделало возможным уравнильное, гармоническое развитие этого многосложного земного индивидуала. Развитие это с самого начала определило характер его культуры, и в ней дало гармонии форм преобладание над материальной силой. Поэтому Европе, меньшей из частей света, суждено было обладать самую большую из них. Как Азия, простертая по всем трем поясам, превосходящая все страны массою и дарами природы, получила в удел такие пластические формы, что могла с самого начала земной жизни, не бедней сама, осыпать все соседственные части света естественными своими богатствами, так Европа в своих меньших и более доступных землях, лежащих только в умеренном поясе, в своих роскошно разветвленных морских и пластических формах, состоящих во взаимной связи, хотя лишена крайностей и роскошных даров Азии, но именно поэтому одарена большей приемчивостью для всего чужого и – по свойству своих мастерских и по энергии своих народных племен в переработке своеземного – построена и предназначена к тому, чтобы естественные благоприятные условия в культурном характере своей местности возвысить в гуманную

цивилизацию, которая внутренней своей гармонией и переходным характером в свою очередь наиболее доступна для всех и должна быть принята всеми другими народными племенами пространной земной планеты. Что такое влияние бесконечного разнообразия форм этой стороны земной поверхности в индивидуальном их развитии и гармоническом уравнивании действительно выказалось в ходе всемирной истории, то довольно известно. Но в истории обыкновенно одному человеку, а в этом явлении – Европейцу, приписывают всю честь, которая только отчасти принадлежит ему. А потому историки обыкновенно мало обращают внимания на то, что уже с самого начала мира явления эти везде выходили как следствие из самого устройства поверхности нашей планеты. Из множества светлых пунктов мы для краткости выставим здесь только три характеристических свойства основной формы Европы, именно береговое ее развитие, северное разветвление и свойства ее островов.

Береговое развитие Европы в сравнении с ее поверхностью самое большое из всех частей света. Если Азия, впятеро большая против Европы, имеет их 7000, Африка, втрое большая, только 3800 геогр. миль, то береговая линия Европы в 5400 миль может обогнуть даже наибольший экваториальный круг земли; а из этого следует, что Европа, даже лежа в середине великого материкового полушария, мира суши, по своему разнообразному разветвлению к стороне внутренних морских путей из всех стран Старого света состоит в относительно наибольшем прикосновении с водным полушарием, с миром влажной стихии. К этому присовокупляется еще благоприятное ее положение относительно морских течений и ветров, а также обилие в ней бухт и гаваней. Доступность Европы, естественное следствие ее разветвления, доставила ей обладание всепреодолевающим искусством мореплавания и власть надо всеми океанами. В этом отношении в настоящее время первое место занимает обильная гаванями и роскошно разветвленная группа Великобритании и Ирландии, так же как в древности самый богатый по развитию берегов полуостров классического мира, Греция, в цветущий свой период мог приобрести власть над замкнутыми водами Средиземного моря.

Разделение северных берегов Европы внутренними морями, Балтийским и Немецким, а также глубоко входящими водами Белого моря на полуострова, острова Скандинавии и соседние с ней земли упрочило северной стороне этой части света столь же богатое развитие, как в южной три красивые и роскошно одаренные полуострова, Греция, Италия и Испания. Этим Скандинавским миром Европа получила значительное преимущество перед соседственной Азией, которой север, ровная Сибирская низменность, вовсе лишенная подобного разветвления, при совершенной отдельности своей от более развитого Южноазиатского мира и при двояко невыгодном полярном положении у склона высокой Центральной Азии, вечной родины кочевых народов, не имела в естественных условиях дос-

таточных способов и побуждений к прогрессу в развитии и цивилизации и должна была в этом отношении подчиниться влиянию Северо-Восточной Европы.

Наконец, и острова Европы в сравнении с островами других частей света также имеют важные преимущества, ибо, как острова прибрежные, подлежа континентальному влиянию, они служат как бы спутниками и морскими продолжениями самого материка (как станции его в море), а тем чрезвычайно способствуют обогащению и процветанию целого. Потому что при относительно большой величине в сравнении со стволом и ветвями Европы, они представляют обширные пространства с весьма выгодным образованием поверхности для многочисленного народонаселения и культурных отношений; а эти последние по аналогии своей с такими же отношениями противоположных, соответственных берегов должны были много способствовать тому, чтобы не только пространственно удвоить, но еще и по содержанию бесконечно возвысить и обогатить местное развитие гражданственности. Это не мелкие острова, не далеко вытянутые океанические цепи скал, не труднодоступные пустынные конические вершины; южная Англия есть естественное, подобно устроенное, продолжение северной Франции, так же Сицилия – Калабрии Капдия – Морей и т.д. Коротко сказать, представим себе, что Великобританская группа исчезла с карты Северо-Западной Европы. Как бедна сделалась бы тогда история туземного и заморского развития. Без Зеландии и Фионии полуостров Ютландия сделался бы пустынною песчаною косою. В древние времена история Рима и Италии без Сицилийской житницы сделалась бы совершенно другой; а в Крите Эгейские и Ионийские группы островов проложили мосты цивилизации из Ионии и Малой Азии в Грецию и Гесперию.

Здесь нас завело бы слишком далеко, если бы мы стали вникать в последствия совершенного отсутствия островов у берегов Африки, которым не принадлежит даже и огромный Мадагаскар как остров, слишком удаленный от них морскими течениями, а потому уже океанический. Также не войдем мы в подробности слишком большого обилия островов в юго-восточном Малайском, морском продолжении Азии, именно в за-Индийской, Зондско-Австралийской группе. Эта группа самая богатая индивидуальным развитием и самая большая на земном шаре. В треугольном своем протяжении она занимает пространство, равное Европе, и в длинном ряду Малых Зондских островов перекидывает непрерывный мост в северную Новую Голландию и Новую Гвинею. По положению своему между двумя материками на севере и юге мост этот представляет некоторое сходство со сплошным Панамским перешейком в Америке. Мы заметим только, что эти тесно столпившиеся богатейшие и колоссальные острова по свойствам своим предназначены составлять особую островную часть света с своеобразным народонаселением, именно племенем Малайским (в Зондской Полинезии), и быть совершенно самостоятельными; а

потому они не должны считаться оторванными, зависимыми членами соседственного с ними материка и береговых его ветвей. Вследствие этой самостоятельности островов, несмотря на близость их к берегам Азии, здесь берега менее обогащались от них, чем в других местностях от прибрежных, более зависимых островов.

Замечание, сделанное уже Страбоном касательно Сицилии, что ветви материков, а особенно острова, суть самые роскошно наделенные части земли, совершенно подтверждается в этой группе островов, от Цейлона до Новой Гвинеи; ибо каждый из них в отдельности является как будто особенным характеристическим сокровищем природы для споспешествования великому ходу развития планетных всемирных сношений в экваториальном поясе земли. Таковы белые слоны, жемчуг, коричневые леса и рубины на Цейлоне; самые колоссальные животные из породы носорогов, тапиров, орангутангов и самые драгоценные красильные вещества и сорта дерева на Суматре; на Банке богатейшие копи оловянных руд; таков Борнео, это земля золота, алмазов и сотни иных драгоценностей; Ява уже при Птолемею – родина ячменя, с богатейшими продуктами из жизненных потребностей, каковы зерновой хлеб, хлебное дерево, сахарный тростник; другие острова, каждый с особым родом пряных зелий, до известных Молукков и Новой Гвинеи, где настоящее камфарное дерево, саговые пальмы, пальмовый капустник, самые дорогие продукты, употребляемые в пищу, райские птицы и столь многие другие произведения всех трех царств природы имеют свою особенную, искони местно-исключительную, не переходящую на континент Азии, совершенно индивидуальную родину. Если б там, где физическая жизнь земного шара проявляется с величайшей мощью (в теснейшем союзе и мира вод, и суши, и тропической природы, с роскошнейшими произведениями всех царств), в наиболее одаренной местности планеты должна была существовать и высочайшая степень культурного развития народов, то, наверное, это было бы здесь. Но закон, управляющий силами духа, не тождествен с законом физики телесного мира.

Если бы подобное разделение на острова без всякой континентальной связи было общим началом при распределении земной поверхности, как мы видим это здесь в высочайшей степени (тогда Европейский материк в 150.000 кв. миль распался бы на каких-нибудь 15 больших островов, как Борнео, Суматра, Целебес, или как поверхность Анатолии или Испании), то, конечно, это произвело бы совершенное отсутствие связи между народами. В очертании Европы мы находим, напротив, осуществленным между ее членами самое выгодное взаимное соприкосновение и проникновение, а также самое совершенное уравнение противоположностей жидких и твердых форм на всей поверхности планеты; притом в ней мы не находим невыгодных последствий того излишнего разделения и расторжения Зондского мира, которое показывает совершенную противополо-

ложность отсутствию всякого деления и величайшему сосредоточению масс. Эти две крайности в географических формах: чрезмерная истерзанность земной коры в Полинезии, а равно и самое сплошное скопление толщ в Африке, – обе различно, даже противоположно действовали на естественные и народные отношения, но обе должныствовали иметь препятствующее, вредное влияние на развитие первобытных своих обитателей. Там, в месте наибольшего раздробления, на островах Зондской группы живут народы Малайского племени, наиболее терзаемые взаимной враждою; здесь, при величайшем скоплении масс, и величайшее скопление черного народонаселения среди однообразнейшей природы, с наименьшим и самым однообразным развитием.

И то, и другое – относительно менее выгодные формы для первоначального развития народов из состояния грубости; между обеими этими крайностями, касательно упомянутых форм не стеснительно, а напротив – выгодно, поставлена была Европа. Как от этого дара, так вместе от своей менее обширной, удобнейшей для обозрения и потому ранее подчинившейся историческому влиянию поверхности, от развития своих берегов, разветвления материка, от своих островов – Европа кроме вышеупомянутых назначений получила еще в удел усовершенствовать все пространственные природные условия, чтобы как можно ранее осуществить условленную в первоначальном ее устройстве планетную мировую ее цель. Именно, чтобы этот земной индивидуал, по-видимому беднейший природными сокровищами, сделался перерабатывающей мастерской всех даров и преданий древнего мира, а также и умственно возмужавшей современной народной деятельности, объемлющей и организующей весь род человеческий, и именно во второй половине веков уже для всего великого дома воспитания в Старом и Новом свете. Мастерская эта была ко всему наиболее восприимчивой, а потому она научила и двигаться с возможно меньшей зависимостью от сил природы и естественных преград в особых местностях земного шара; да и народонаселение ее могло развиваться наиболее гуманно.

В причинной связи явлений природы и истории, с принятием высшего назначения планеты, которое именно проявляется в упомянутом историческом движении, мы должны предположить в ней и высшую планетную, а не одну физическую организацию. Конечно, она существенно отлична от устройства живущих и движущихся на ней организмов, предназначенных существовать только короткое время, тогда как сама она должна пережить их на все время земного бытия, на веки веков. Итак, если извлеченная из других созерцаний сфера человеческих понятий не удовлетворяется будто бы безобразным хаотическим видом поверхности нашей земной родины, если вид этот действует возмутительно на наше непосредственное чувство, то причина этого не есть недостаток систематического устройства пространственных ее отношений, а трудность исследовать его в глубинах бытия.

Именно в неравенстве поверхностей и несходстве форм, в видимом для неопытного ума смещении и беспорядке заключается тайна систематического, внутреннего, высшего планетного устройства бесконечно разнообразных сил и их невидимых взаимно перекрещивающихся действий. Посредством их-то именно природа и история оказывают свое образовательное влияние. Это влияние некоторым образом сходствует с физиологической деятельностью, обуславливающей жизнь органическую в растениях и животных.

Именно в разнообразном распределении и неравном протяжении земных и водных поверхностей, а также в необходимо оттого происходящих переменных температурах и по-видимому неправильных движениях ветра, кроме иных вышеупомянутых явлений, заключается систематическая причина их всестороннего, всепроникающего, взаимного друг на друга влияния. В неравных величинах поверхности частей света должно видеть причину силы их народонаселения и господствующего их влияния. В видимом случайном накоплении масс проявляется высший космический закон мирового устройства, который должен был определить весь ход развития человечества. В кажущейся только физической отдельности Старого света от Нового и континентов от островов заключается именно побуждение к всестороннему сближению; в неравном богатстве местностей – многообразные поводы к развитию и всемирной торговле, в ограниченной величине и гармонии невидных форм Европы – условие властительного ее величия и политического совершенства.

В числах могут быть выражены только непосредственно материальные отношения, например: Европа составляет $\frac{1}{3}$ Азии, несколько более $\frac{1}{3}$ Африки; Америка по величине занимает среднее между ними место; Австралия меньше Европы, которая составляет около $\frac{1}{15}$ поверхности больших материков и около $\frac{1}{20}$ всей суши с островами. Но не эти общие пространственные отношения решали историческую судьбу частей света; сюда входят еще частные отношения и их организация, ибо ведь во второй половине веков одна двадцатая сделалась величиною, господствующей над остальными девятнадцатью двадцатыми.

Между различными условиями этого явления одно из важнейших для пространственных отношений есть форма, и именно различие частей света по взаимному отношению в них края, ветвей и островов, что можно приблизительно выразить следующими числами:

	Ствол	Ветви	Острова
В Африке	1	0	$\frac{1}{50}$
В Азии	4	1	$\frac{1}{8}$
В Европе	2	1	$\frac{1}{20}$

Но это только формулы, кратчайшие выражения, которыми можно обозначать физическое значение различных пространств земного шара по горизонтальным очертаниям его поверхности; для их сравнения мы не имеем еще определенного канона.

Совершенно другие отношения в пространственном своем развитии представляет Америка, Новый свет, как земной индивидуал. Повторяя в себе противоположности и подобия форм Старого света, она соединила их в других нормальных направлениях, не с востока на запад, а с севера на юг. Уже прежде в характеристике целого мы показали, как север Америки своим богатым полярным и северо-восточным разветвлением далеко превосходит северную Азию, Сибирь. Мы видели, как вся она, по внутреннему своему орографическому и гидрографическому развитию и по направленным во все стороны речным системам из общих мест истока без преграждающих форм возвышенностей, по своим внутренним морям на севере и юге, получила на долю большую аналогию с Европою. Мы видели, что роскошный береговой мир ее со множеством островов лежит на Атлантической, следственно Европейской стороне Старого света; сверх того и морские течения, эти первые руководители народов на морях, двояким путем, туда и обратно, поставляли оба Североатлантических побережья в естественную взаимную связь. На этот раз мы приведем только несколько общих выводов для заключения нынешних наших соображений.

По морскому своему положению Северная Америка предназначена была к многократному открытию мореплавателями из Европы (а не из Азии), но из последней через соседние полярные страны, может быть, перешло в нее народонаселение. По богатству в хороших гаванях, по множеству островов и по положению берегов к северо-восточной Атлантической стороне, следственно к западу Европы, имея с нею подобные температуры, восточный берег Америки преимущественно устроен для принятия европейской образованности. Ровная, невысокая местность Североамериканского ствола, внутренних стран Северной Америки, похожая на Европейскую, с уступами, отлого понижающимися во все стороны от одной общей средине, могла везде без преград упрочить этой образованности поступательное движение ее с востока на запад.

Уступы судоходных речных систем, постепенно спускающиеся к стороне полярной, до многочисленных островов и полуостровов в полярном море, наводят на мысль, что эта часть земного шара еще более, чем Европа, получила призвание всех ранее и всех далее распространить человеческую образованность на севере земли. Уже теперь, в такой короткий период времени, цивилизация на западном берегу Гренландской группы проникла до 70° с.ш.; по тамошним ледяным морям каждый год носятся рыболовы и целые флоты рыболовных судов; донны существующие естественные преграды по прошествии веков, вероятно, будут побеждены искусством и цивилизацией.

Так прежде бывшая terra incognita, южная оконечность Австралии, оказалась сборным пунктом величайшего богатства гаваней на малейшем участке поверхности земного шара, с Тасманийскою группою в середине, с ближайшими окружающими ее гаванями и бухтами, местность эта давно была уготована и организована для того, чтобы в течение многих десятилетий вдруг оживить южное полушарие даже в отдаленнейших его краях. Но все это только вследствие европейского влияния.

Северу Азии сама природа указала получить начатки своей цивилизации прежде всего из местности истока его рек, из центральной Азии, вместе с первыми обитателями. Впоследствии из восточной Европы должны были передаваться ему успехи образованности этой части света, потому что меридианный хребет Уральской системы не составлял здесь преграды, а напротив, металлическими своими сокровищами еще способствовал этим успехам. Пространственные отношения и мировое положение были также причинами, некогда способствовавшими развитию южной Европы от влияния запада Азии чрез Средиземное море, равномерно омывающее внутренние страны трех материков. Но это было отношение временное; в новейшие времена оно сделалось даже обратным для Леванта.

Каждой из частей света как органу планетного организма по образованию и положению их с самого начала досталось на долю известное отправление в ходе всемирного развития.

Азия в южных и восточных своих частях для высшего развития не получила ничего, кроме собственных своих берегов, там где они наиболее разветвлены. Поэтому в течение стольких тысячелетий Индийский мир служил здесь великою живительной приманкой для народов.

Форма счастливого разветвления трех полуостровов южной Азии, обоих Индийских и Аравийского, в меньшем масштабе повторяется на юге Европы в трех иначе устроенных ее полуостровах: Итальянском в середине, Греческом и Испанском по краям. Только эти лежат уже не под тропиками, близ экватора, а 20 градусами отодвинуты далее в умеренный пояс, а потому влияние их на совершенно другие страны, народы и идеи долженствовало быть совсем иное.

Обе группы, одна в юго-восточной Азии и другая западнейшая, в южной Европе, каждая из трех прекрасных полуостровов с индивидуальными, и вместе общими, физическими и духовными дарами, принадлежат к величайшим преимуществам южных оконечностей земли. В них Азия в жарком поясе, а Европа в умеренном получили для начатков человеческой истории самое удобное и выгодное устройство по разветвлению и развитию местных земных форм. Подобно этому на севере Америки и на юге Фан-Дименовою земли, или Тасмании, к стороне поясов арктического и антарктического, для грядущего времени в недрах планеты заключено покуда еще сокрытое, но уже не совсем неведомое подобное устройство, которое начинает уже обнаруживаться в зародыше.

Так же в настоящее время можно уже легко предугадать будущий перевес еще юного раздвоенного материка Америки в истинно колоссальном меридианном его развитии, особенно же Северной Америки, и, во-первых, в мировом положении южных ее разветвлений, над полуостровами южной Азии и южной Европы. Это и в настоящее время делается уже заметным в элементарных чертах, а со временем должно проявиться еще гораздо блистательнее. Именно, когда южный ее сосед подобно ей научится хранить равновесие в успехах гражданственности и образования. Южные полуострова Азии, по крайней мере – отчасти, вдаются в лишенный островов, пустынный Индийский океан; южные полуострова Европы простираются большею частью к неудобной для культуры, и даже для обладания, Ливии, Алжирии, Мавритании. Напротив, перед южными ветвями Северной Америки (Каролиною, Георгией, Флоридой, Луизианой, Мексикой, Калифорнией) распростерты не менее щедро наделенные от природы соседственные противоположные побережья и даже вся лежащая за ними тропическая и полутропическая Южная Америка. В древние времена перед ранее созревшей Азией на западе лежала Европа, как восходящая ее будущность; так и там предшествующий в образовании Американский север имеет перед собой в виду на юге лучезарный мир надежды в будущем. Для обоих посредствующая группа Антильских островов с течением времени будет более способствовать их благосостоянию, чем это заметно теперь.

Вследствие внешнего устройства земного шара Америка не получила в удел преимущества Старого света в прошедшие тысячелетия, преимущества вечно нового в своих явлениях исторического развития от востока к западу, по сходным свойствами странам и температурам, из Востока в Запад, в быте народонаселения и во всякого рода отношениях и культуре; но она вознаграждена за это условленной в основном устройстве ее возможностью быстрейшего процесса развития в противоположном планетном направлении, именно к северу и югу.

Историческое уравнение этих противоположностей по всем великим изменениям климатов от одного полюса до другого, по всем умеренным и тропическим землям, с целью развить род человеческий до совершенного обладания землею его родиной, – такова новая, подлежащая разрешению, конечно трудная задача Америки в грядущих тысячелетиях. Для этого при самом начале ей были переданы в колыбель ее истории, из Старого света в наследство Новому, созданные прошедшими тысячелетиями технические способы побеждать природу.

Преимущественное богатство некоторых местностей планеты вследствие отношений формы только с течением времен может быть передано местностям не так щедро одаренным или еще не тронутым историей.

В какой мере это может совершиться вследствие постепенного хода всемирного развития, то, с одной стороны, видно в противоположности

древней истории с новой. Всего поразительнее и величественнее проявляется это в оживлении и оплодотворении всей прибрежной стороны материков и океанических островов водного полушария, вследствие искусства всемирного мореплавания – одного из элементов Европейского мира культуры.

С другой стороны, большая восприимчивость и соединенная с нею способность к усовершенствованию в мире суши, именно в материковой стороне земной поверхности, сторон в собственном смысле континентальных, не оставляет никакого сомнения, что и в ней заключается возможность столь же великих переворотов посредством технических способов для новых ее отправления в ходе развития человеческой истории.

Вопросы для самопроверки

1. Какова, по мнению Риттера, природа влияния земной поверхности на социальный прогресс?
2. Как природа повлияла на историческое развитие различных частей света?
3. В чем, по мнению Риттера, причина силы народонаселения в различных частях света?

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ В АНГЛИИ⁴

Бокль Г.Т.

Бокль Генри Томас (1821 – 1862), выдающийся английский социолог и историк, представитель географической школы.

ГЛАВА II

Влияние физических законов на организацию общества и характер отдельных лиц

Если мы станем рассматривать, какие физические деятели имеют самое могущественное влияние на род человеческий, то найдем, что их можно подвести под четыре главные разряда, а именно: климата, пищи, почвы и общего вида природы; под последним я разумею те явления, которые хотя и представляются главнейшим образом зрению, но, через посредство этого и других чувств, дают направление сближению понятий и тем порождают в различных странах различный склад мыслей народа. К трем первым из этих четырех классов могут быть отнесены все влияния внешнего мира, имевшие постоянное влияние на человека; последний же класс или то, что я называю общим видом природы, действует главнейшим образом, возбуждая воображение человека и внушая ему те бесчисленные предрассудки, которые представляют значительное препятствие распространению знания. А так как в младенчестве народа власть предрасудков бывает неограниченна, то оказалось, что различие видов природы породило соответствующее различие в характере народов и сообщило их религии те особенности, которые при известных обстоятельствах невозможно изгладить. Другие три деятеля, а именно: климат, пища и почва не имели, сколько нам известно, такую непосредственного влияния, но отразились самыми важными последствиями в общей организации общества и породили многие из тех важных черт различия между народами, которые часто приписываются коренному различию человеческих пород. Но такое врожденное различие пород – совершенная гипотеза, между тем как несходство, происходящее от различия климата, пищи и почвы, может быть удовлетворительно объяснено; с уразумением же его должны рассеяться все препятствия, затруднявшие до сих пор изучение истории. Поэтому я намерен прежде всего рассмотреть законы этих трех главных деятелей настолько, насколько они находятся в связи с человеком в его общественном быте: проследив же действие этих законов со всей точностью, какая возможна при настоящем состоянии естествознания, я перейду к рассмотрению последнего деятеля, а именно – общего вида природы, и

⁴ История цивилизаций. История цивилизации в Англии. Т. 1. М., 2000. С. 40-45.

постараюсь указать на важнейшие черты различия между странами, происходящие от их несходства в этом отношении.

Итак, начнем с климата, пищи и почвы. Ясно, что эти три силы природы не в малой мере зависят одна от другой, т. е. существует весьма тесная связь между климатом страны и произрастающей в ней пищей, пища же сама зависит от производящей ее почвы, а также от возвышения и понижения местности, состояния атмосферы – одним словом, от всех тех условий, совокупности которых обыкновенно придается название физической географии в её обширнейшем смысле.

При существовании такой тесной связи между этими физическими деятелями следует, кажется, рассматривать их не самих по себе, а скорее по результатам их совокупного действия. Этим путем мы вдруг придем к полному пониманию всего вопроса, избегнем сбивчивости, могущей произойти от искусственного разделения явлений, которые сами по себе нераздельны, и будем в состоянии яснее видеть, до какой степени простирается замечательное влияние сил природы на судьбу человека на первых ступенях общежития.

Из всех последствий, происходящих для какого-нибудь народа от климата, пищи и почвы, самое первое и во многих отношениях самое важное есть накопление богатства. Хотя успехи знания и ускоряют, наконец, возрастание богатства, но то достоверно, что при самом зарождении общества сперва должно накопиться богатство, а потом уже может быть положено начало знанию. До тех пор, пока всякий человек занят снискивавшим того, что необходимо для существования, не может быть ни охоты, ни времени заниматься более возвышенными предметами, не может быть создана никакая наука, а возможна только разве попытка сберечь труд применением к нему тех грубых и несовершенных орудий, какие в состоянии изобрести и самый невежественный народ.

В таком состоянии общества первый важный шаг вперед составляет накопление богатства, ибо без богатства не может быть досуга, а без досуга не может быть знания. Если то, что потребляет народ, всегда совершенно равняется тому, что он имеет, то не будет остатка, не будет накапливаться капитал, а следовательно, не будет средств к существованию для незанятых классов. Но когда производство сильнее потребления, то образуется излишек, который по известным законам сам собой возрастает и, наконец, становится запасом, на счет которого, непосредственно или посредственно, содержится всякий, кто не производит того богатства, которым живет. Только с этого времени и делается возможным существование мыслящего класса, ибо только с этого времени начинается накопление в запас, с помощью которого люди могут пользоваться тем, чего не производили, и получают таким образом возможность предаться таким занятиям, для которых прежде, когда они находились под гнетом ежедневных потребностей, у них не доставало бы времени.

Итак, из всех важных общественных усовершенствований самым первым должно быть накопление богатства, ибо без него не может быть ни желания, ни времени, необходимых для приобретения того знания, от которого, как я докажу впоследствии, зависят успехи цивилизации. Ясно, что у совершенно невежественного народа скорость производства богатства обуславливается только физическими особенностями местности. Несколько позднее, когда уже капитализируется богатство, начинают действовать и другие причины, до тех пор прогресс может зависеть только от двух обстоятельств; во-первых – от энергии и правильности труда, а во-вторых – от вознаграждения за труд, получаемого от щедрот природы. А эти два условия составляют сами результат предшествовавших физических влияний. Вознаграждение за труд определяется плодородием почвы, самое же плодородие почвы зависит частью от примеси в ней известных химических составных частей, частью от степени орошения ее реками или другими естественными средствами, частью, наконец, от теплоты и влажности атмосферы. С другой стороны, энергия и правильность в самом труде совершенно зависят от влияния климата. Влияние это проявляется двумя различными путями. Во-первых, – что составляет весьма лажное обстоятельство – в сильные жары люди бывают не расположены и до известной степени не способны к тем деятельным занятиям, которым в более умеренном климате они предавались бы с охотой. Другое же обстоятельство, менее обращавшее на себя внимание, по одинаково важное, заключается в том, что климат действует на труд не тем только, что расслабляет или укрепляет трудящегося, но и влиянием своим на правильность образа жизни этого последнего. Так, мы находим, что ни один народ, живущий на слишком большой северной широте, никогда не имел того постоянного, неослабного трудолюбия, которым отличаются жители умеренных поясов. Причина этого становится очевидна, когда мы припомним, что в более северных странах суровость погоды, а в известные времена года и отсутствия света делает невозможность для людей продолжать их обычные занятия вне домов. Это имеет то последствие, что рабочие классы, вынуждаемые таким образом приостанавливать свои обычные занятия, делаются склоннее к неправильному образу жизни; цепь их деятельности как бы разрывается, и они теряют ту скорость, которая неизбежно приобретает продолжительным, непрерывным упражнением. Вот почему в характере такого народа замечается более причудливости и своенравия, чем в характере народа, которому климат позволяет правильное отправление обычных занятий. И в самом деле, закон этот так силен, что мы можем различать действие его при самых противоположных обстоятельствах. Трудно представить себе большее различие в правлении, законах, религии и обычаях, как существующее между Швецией и Норвегией, с одной стороны, и Испанией и Португалией – с другой. Между тем эти четыре страны имеют одно важное общее свойство. Во всех их одинаково невозможна непрерывная

земледельческая деятельность. В двух южных странах работы прерываются жаром, сухостью погоды и происходящим оттого состоянием почвы; в двух же северных то же действие производят суровость зимы и короткость дней. Вот почему эти четыре нации, при всем несходстве их в других отношениях, одинаково отличаются слабостью и непостоянством характера, представляя в этом отношении разительную противоположность с более постоянным и правильным образом жизни, преобладающим в странах, где климат не так часто заставляет рабочие классы прерывать их занятия и налагает на них в то же время необходимость более постоянной, неослабной деятельности.

Вот главные физические причины, от которых зависит производство богатства. Бывают, без сомнения, и другие обстоятельства действующие с сознательной силой и имеющие, при более развитом состоянии общества, такое же, а иногда и большее влияние, но это случается уже позднее. Рассматривая же историю богатства на его первых ступенях, мы находим совершенную зависимость от почвы и климата; почвой обуславливается вознаграждение, получаемое за данный итог труда, а климатом – энергия и постоянство самого труда. Достаточно бросить беглый взгляд на прошедшее, чтобы убедиться в огромной важности этих двух физических условий. Нет примера в истории, чтобы какая-нибудь страна цивилизовалась своими собственными средствами, без особенно благоприятного развития в ней одного из этих условий. В Азии цивилизация всегда ограничивалась тем обширным пространством, где плодородная наносная почва обеспечивала человеку ту степень богатства, без которой не может начаться умственное развитие. Эта большая полоса земли простирается, с немногими перерывами, от восточной части Южного Китая до западных берегов Малой Азии, Финикии и Палестины. К северу от этого огромного пояса тянется длинный ряд бесплодных пространств, на которые постоянно селились дикие, кочующие племена, всегда остававшиеся в бедности вследствие бесплодия почвы и не вышедшие из своего нецивилизованного состояния во все время пребывания в этих местностях. До какой степени это зависело от причин физических, видно из того факта, что те же самые монгольские и татарские орды основывали и разные времена великие монархии в Китае, Индии и Персии и во всех этих случаях достигали цивилизации, нисколько не уступавшей цивилизации самых цветущих из древних государств. В плодородных долинах Южной Азии природа доставляла все материалы богатства, и там-то варварские племена впервые дошли до известной степени образованности, создали национальную литературу и установили национальный образ правления, чего не могли сделать на родине. Точно так же арабы в своей стране, благодаря сухости ее почвы, всегда оставались грубым и необразованным народом: в этом случае, как и во всех других невежество было плодом крайней бедности. Но в VII столетии они завоевали Персию, в VIII – лучшую часть Испа-

нии, в IX – Пенджаб и, наконец, почти всю Индию. Едва утверждались они в своих новых оседлостях, как в характере их, видимо, происходила большая перемена. Они, которые на своей родине были чуть-чуть не бродячими дикарями, теперь впервые получали возможность накапливать богатство и потому впервые начали делать некоторые успехи в искусствах, свойственных цивилизации. В Аравии они были просто племенем кочующих пастухов, в новых же оседлостях своих делали основателями могущественных монархий, строили города, поддерживали школы, составляли библиотеки; следы их могущества и теперь еще видны в Кордове, Багдаде и Дели. Точно такой же пример представляет прилегающая с севера к Аравии и отделяемая от нее только узким водным пространством Красного моря огромная песчаная равнина, которая, прикрывая всю Африку на одной широте, простирается к западу до самых берегов Атлантического океана. Это громадное пространство есть так же, как в Аравии, бесплодная пустыня, и его жители так же, как и жители Аравии, не были цивилизованы и не приобретали познаний единственно потому, что не накапливали богатства. Но эта обширная пустыня в восточной части своей орошается водами Нила, разлитие которого оставляет на песке богатый наносный слой земли, дающий самое щедрое, можно сказать, изумительное вознаграждение за труд. Вот почему в местности этой скоро накапливалось богатство, за ним быстро следовало приобретение знания, и эта узкая полоса земли сделалась средоточием египетской цивилизации, – цивилизации, которая, даже за отнесением многого на долю преувеличений, все-таки представляет разительную противоположность с варварством других народов Африки, так как из них ни один не мог сам выработать своего развития или выйти до некоторой степени из невежества, на которое обрекала его бедность природы.

Эти соображения ясно доказывают, что из двух коренных причин цивилизации самое большое влияние в древнем мире имело плодородие почвы. В европейской же цивилизации наибольшую силу действия обнаружила другая важная причина, а именно климат; и этот последний имеет, как мы видели, влияние частью на способность работники к работе, частью же на правильность его образа жизни. Различие действия замечательно соответствовало различию причин. Хотя всякой цивилизации должно предшествовать накопление богатства, но дальнейшие последствия накопления не в малой мере зависят от условий, при которых оно происходило. В Азии и Африке условие составляла плодородная почва, дававшая щедрое вознаграждение за труд; в Европе это был климат, благоприятствовавший более успешному труду. В первом случае результат зависит от отношения между почвой и ее продуктом, другими словами, от простого действия одной части внешней природы на другую. В последнем же случае он зависит от отношения между климатом и работником, т. е. от действия внешней природы не на самое себя, а на человека. Из этих двух родов от-

ношений первый, как менее сложный, менее подвержен нарушению и потому ранее возымел действие. Отсюда произошло, что на пути цивилизации первые шаги неоспоримо принадлежат самым плодородным странам Азии и Африки. Но, несмотря на то что цивилизация этих стран была самой ранней, она далеко не была самой лучшей, ни самой прочной. В силу обстоятельств, которые я вскоре объясню, единственный вполне деятельный прогресс зависит не от благости природы, а от энергии человека. Вот почему европейская цивилизация, которая на своих первых ступенях находилась в зависимости от климата, обнаружила способность к развитию, неслыханную в цивилизациях, возникших под влиянием почвы. Ибо силы природы, несмотря на их кажущееся величие, ограничены и неподвижны; по крайней мере мы не имеем ни малейшего доказательства, чтобы они когда-либо увеличивались или были способны увеличиться. Силы же человека, насколько можно заключить из опыта и аналогии, неограниченны; у нас нет никаких данных для назначения даже гадательного предела, на котором ум человеческий должен был бы по необходимости остановиться. А как такая способность духа увеличивать свои собственные средства составляет особенность, свойственную только человеку и притом отличающую его от так называемой внешней природы, то очевидно, что влияние климата, дающего человеку богатство посредством возбуждения его к труду, более благоприятно для дальнейшего развития человека, чем влияние почвы, которая тоже дает ему богатство, но делает это не посредством возбуждения в нем энергии, а в силу чисто физического отношения между свойствами почвы и количеством или качеством плода, который она производит почти сама собою.

Таково различие между влиянием климата и влиянием почвы на производство богатства.

Вопросы для самопроверки

1. Что, по мнению Бокля, определяет социальное развитие?
2. Что является самым первым общественным усовершенствованием?
3. В чем коренится причина цивилизации в древности?
4. Каково значение климата в развитии цивилизации?

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВЕЛИКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕКИ⁵

Мечников Л.И.

Мечников Лев Ильич (1838 – 1888), географ, социолог, публицист и общественный деятель, большую часть жизни провел в эмиграции. Брат знаменитого биолога И.И. Мечникова.

ГЛАВА III

Географический синтез истории

Одной из главных задач сравнительной географии следует считать задачу изучения Земли в ее особых отношениях к человеку. Сравнительная география изучает одновременно различные страны земного шара, сравнивает их особенности и выводит свое заключение об их относительных преимуществах для развития человеческого рода, для социального прогресса и для развития цивилизации. Задачи сравнительной географии таким образом и понимали ее знаменитые творцы: Карл Риттер, Александр Гумбольдт, Арнольд Гюйо; так понимают задачу своей науки и современные географы.

Подобно всем отраслям человеческого знания сравнительная география располагает двумя методами логического исследования – анализом и синтезом. Аналитический метод изучает сначала влияние отдельных условий, а затем изучает влияние всей вообще физико-географической среды во всей совокупности и разнообразии различных условий. Мы постараемся здесь кратко рассмотреть влияние тех условий, которые имеют наибольшее значение в исторических и социальных судьбах народов.

1. *Астрономические влияния.* Наша Земля представляет собою небесное тело и составляет часть Солнечной системы. Вследствие этого она испытывает на себе влияния других небесных тел, и главным образом центрального светила нашей планетной семьи – Солнца. Всякая жизнь на Земле проявляется благодаря известному количеству тепла и света, единственным источником которого является Солнце; но различные части земного шара получают живительные лучи не в одинаковом количестве и не под одним и тем же углом наклоения, а мы знаем, что нагревательная сила солнечного луча зависит от более или менее вертикального направления этого луча. Чем вертикальнее падают лучи солнца на земную поверхность, тем сильнее нагревают они ее. Вследствие этого поверхность земного шара разделяется на несколько климатиче-

⁵ Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. // Цивилизация и великие исторические реки; Статьи / Сост., предисл., примеч. В.И. Евдокимова. М.: Издательская группа «Прогресс», «Пангея», 1995. С. 272 – 273, 275 – 276, 277 – 278, 280, 286 – 289, 311 – 312, 315 – 319, 321 – 324, 337 – 339.

ских поясов, находящихся в неодинаково благоприятных положениях для развития в них органической жизни и исторических процессов. <...>

...Мы должны признать значительное влияние географической широты и климата вообще на развитие цивилизации. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на карту годовых изотермических линий. Основываясь на этой карте, мы можем сказать, что самые значительные на земле города и селения сгруппированы между двумя крайними изотермическими линиями: $+16^{\circ}$ и $+4^{\circ}$ ⁶. Изотерма $+10^{\circ}$ с достаточной точностью определяет центральную ось этого климатического и культурного пояса; на этой линии сгруппированы богатейшие и многолюднейшие города мира: Чикаго, Нью-Йорк, Филадельфия, Лондон, Вена, Одесса, Пекин.

К югу от изотермы $+16^{\circ}$ в виде исключения рассеяно несколько городов с населением более чем в сто тысяч человек: Мехико, Новый Орлеан, Каир, Александрия, Тегеран, Калькутта, Бомбей, Мадрас, Кантон. Северная граница, или изотерма $+4^{\circ}$, имеет более абсолютный характер: к северу от нее нет значительных городов, кроме Виннипега (в Канаде) и Тобольска и Иркутска (в Сибири). Наконец, на изотерме 0° расположены лишь очень небольшие поселения, как, например, Туруханск, Якутск, Верхоянск и другие места ссылки, куда русское царское правительство ссылает на медленную смерть своих политических противников.

С точки зрения исторической и социальной жизни влияние географической долготы играет значительно меньшую роль. Для древних писателей цивилизация, а следовательно, и история в своем развитии шли вслед за солнцем: как и солнечный свет, благотворный свет культуры и цивилизации возникает на востоке и оттуда распространяется к западу. Были даже попытки создать на основе этого поверхностного утверждения особый космический закон развития цивилизаций. Все главные исторические переселения народов, заканчивавшиеся в Европе в разное время, начинал с гипотетического переселения в Европу азиатских арийцев, продолжая нашествием варваров на разлагавшуюся Римскую империю, монгольскими завоеваниями под предводительством потомков Чингисхана, кончая, наконец, вторжением арабов и турок, – все они являлись с востока. Несколько позже, после открытия Америки, начавшееся движение европейцев в Новый Свет, казалось, доставило защитникам этой теории новое подтверждение. Но не мешает помнить,

⁶ На изотерме $+16^{\circ}$ находятся Сан-Луи [Сент-Луис], Лиссабон, Рим, Константинополь, Шанхай, Охосака [Осака], Киото и Токио. На изотерме $+4^{\circ}$ лежат Квебек, Христиания [Осло], Стокгольм, Петербург и Москва. (Здесь и далее в квадратных скобках приводятся современные географические названия. – Прим. ред.)

что простое чередование фактов, хотя бы и часто повторяющихся, но, очевидно, не связанных с общей суммой космических явлений, не должно иметь значения «естественного закона» в том смысле, какой ему придает научная мысль нашего времени. <...>

2. *Влияние физической среды.* Если тепловое могущество солнечных лучей определяется астрономическим отношением Земли к Солнцу, то способность поглощать и собирать теплоту, которую в различной степени получают разные страны земного шара, обуславливается в свою очередь целой сложной совокупностью условий, изучение которых входит также в область сравнительной географии. Бросим беглый взгляд на разные, но часто с трудом уловимые влияния, которые, вытекая из разнообразия отношений между *геосферой, гидросферой и атмосферой*, т.е. между тремя составными частями нашей планеты, оказывают влияние на исторические и социальные судьбы человечества.

Климат большей части стран и местностей лишь отчасти соответствует их географическим широтам.

Неодинаковое распределение морей и материков, различная изрезанность и расчлененность береговой линии, высота, конфигурация и геологическое строение почвы, форма и направление горных цепей, морские и атмосферные течения, обилие или недостаток осадков, наконец, бесчисленные случайные метеорологические явления – все это создает иногда значительные отступления изотермических линий, обозначающих географическую широту. Говоря вообще, параллели должны считаться абстрактными, придуманными лишь для удобства линиями. Охватить одним взглядом все бесчисленные черты и особенности климата на земном шаре можно, лишь основываясь на изотермах, расположение которых на первый взгляд крайне капризно.

Помимо непосредственного влияния сложные физические условия влияют на социальную жизнь людей самым различным образом, поощряя или затрудняя развитие солидарности и взаимопомощи между людьми. Так, например, водопады, пороги и быстрины больших рек (Нила, Конго, Замбези, Оранжевой) в связи с устройством поверхности, плоскогорьями, лежащими одно над другим, оказались недостаточными, чтобы сделать внутренность Черного материка непроницаемой для культурного воздействия. Культура, зародившаяся в долине нижнего течения Нила, проникла в область, находящуюся у истоков этой реки, только сделав гигантский обход через Средиземное море, Атлантический океан, Америку, Тихий и Индийский океаны. Целый ряд физико-географических преимуществ Европы, обусловленных удачным ее расчленением, слегка волнообразным рельефом ее поверхности, направлением ее главных горных хребтов параллельно экватору (Альпы, Пиренеи) и, наконец, тем фактом, что ее берега омываются теплым океаническим течением – Гольфстримом, давно уже обратили внимание гео-

графов, начиная с Карла Риттера и Гумбольдта и кончая их современными продолжателями. <...>

3. *Влияние растительного и животного мира.* Влияние антропологических условий. Растительный и животный мир оказывают также свое влияние, иногда очень решающее, на социальную жизнь людей. Страны, покрытые лесами, изобилующими дикими животными, как, например, Сибирь и Маньчжурия, способствуют образованию охотничьих наклонностей у населения; и наоборот, население невольно становится пастушеским, если оно обитает среди обширных травяных степей, льяносов, пампасов и прерий. <...>

...Мы должны признать, что в наши дни лишь одна Европа имеет более или менее неоспоримое право на название цивилизованного материка. Ее ближайшая соседка, огромная Азия, с исторической и физико-географической точки зрения делится цепями гор и высоких плоскогорий, пересекающих ее по направлению наибольшей длины (от Черного моря до берегов Великого океана), на две неравные части. Половина, большая, занимающая все пространство к северу от этой демаркационной линии и спускающаяся к Северному Ледовитому океану, представляет собою обширную пустыню, где едва в среднем приходится один человек на квадратный километр и где несколько незначительных городов вместе с остатками древних культурных центров составляют немногие культурные базы в бассейнах Аральского моря, озера Или и реки Тарим. Наоборот, южная половина и юго-восточная часть Азиатского материка отличаются густым населением и сохранили памятники былых цивилизаций, некогда горевших ярким светом, погасшим уже несколько столетий тому назад. В обеих Америках занесенная из Европы цивилизация еще борется с туземным варварством. Наконец, Африка, за исключением узкой береговой полосы, коснеет еще в дикости.

Если мы станем рассматривать цивилизацию как общее создание всего человечества, как дело, в котором участвуют все народы мира, то мы тем не менее должны будем признать, что по отношению «званных» (т.е. по отношению ко всему числу всех жителей земного шара – приблизительно один миллиард шестьсот тысяч человек) приходится слишком незначительное число «избранных», т.е. действительно работающих или работавших когда-нибудь над этой грандиозной задачей человечества. Из этих «избранников» и составляются «исторические народы», называемые так в отличие от «народов природы», которым дал это название, если не ошибаюсь, антрополог Вайц. Весьма возможно, что это было сделано им отчасти под влиянием воспоминания «о естественном состоянии» человека, о котором так много говорили Жан Жак Руссо и его школа в конце XVIII столетия.

Но нужно ли доказывать, что в строгом смысле этого слова «народов природы» не существует. В жизни человечества не было эпохи на-

стоящего «естественного состояния», так как зачатки цивилизации и искусства существовали на Земле даже до появления человека, хотя бы у бобров и у других животных. Самые отсталые племена, стоящие на наиболее низкой ступени развития, все же обладают некоторыми зачатками культуры; они успели еще с начала четвертичного периода, а может быть, и раньше, худо ли, хорошо ли приспособиться к окружающей среде, успели приобрести, хотя бы и в слабой степени, разумную власть над своими инстинктами и над природой, одержать большие победы над космическими силами, сумели превратить себе на пользу то или иное растение, научились приручать животных и почти всюду пользуются огнем.

Многие из этих народов, как, например, племена Малайского архипелага, пользуются, по уверениям Уоллеса, таким материальным благосостоянием, какому позавидовало бы большинство обездоленного населения богатейших городов Европы. Но эти «народы-счастливыцы» являлись на историческую арену слишком поздно, они добивались до начальных пунктов цивилизации только в то время, когда эти последние уже давно бывали покинуты «историческими народами». Поэтому мы и имеем право сказать, что ни один из этих народов не принес ни единого камня для постройки величественного здания всемирной цивилизации, не вложил ни одной лепты в общую сокровищницу человечества.

Всегда и всюду история заносит на свои скрижали лишь тяжкий, очень часто кровавый труд, который существующее в данный момент поколение выполняет ради пользы неизвестного будущего.

Но, быть может, народы, не знающие этого тяжелого труда на пользу цивилизации, пользуются счастьем? Ренан дает и на этот вопрос утвердительный ответ. Я ограничусь здесь лишь указанием на то, что эти «счастливые народы», если только они действительно счастливы, не интересуют историка и социолога – их жизнь и быт могут интересовать только антрополога и этнографа.

Задача, к разрешению которой я стремлюсь, может быть сформулирована в следующих словах: какая таинственная сила налагает на некоторые народы то ярмо истории, которое остается совершенно неизвестным для значительного количества племен? Каковы естественные причины неравного распределения благоденствий и тягостей цивилизации? Может быть, наше исследование внесет некоторый свет в эти «проклятые» вопросы истории человеческого рода, социологическую важность которых нет необходимости еще лишний раз доказывать. <...>

ГЛАВА V.

Среда

История и цивилизация непрерывно перемещаются на поверхности земного шара. Европа, стоящая теперь во главе прогрессивного дви-

жения человечества, еще не так давно была погружена во мрак невежества; светоч цивилизации в это время блистал в другой части Земли, в настоящее время пустынной и дикой. В Египте и в Азии некогда процветали многочисленные города, навсегда вписавшие свое имя в историю мира, но от этих городов теперь остались или бесформенная куча развалин, частью погребенных под песками пустыни, или несколько отдельных памятников, или, наконец, одно только название; полудикий кочевник попирает ногами то место, где некогда возвышались величественные здания, столько же размышляя о былом величии этих городов, сколько и пасущиеся под его охраной стада.

Нередко упадок цивилизаций совпадает по времени с геологическими или климатическими изменениями среды. Говоря вообще, различные области нашей планеты, быть может, еще больше, чем судьба народов, испытывают на себе тяжесть веков и изменяются под действием физико-географических причин. Земная кора нашей планеты изменяется и принимает различные формы в течение веков. От большого в древности Латвийского залива в Греции в наше время осталось лишь небольшое озеро, окруженное заражающими воздух болотами. Вся остальная его часть заполнилась наносным илом Меандра [р. Бол. Мендерес], причем некоторое поднятие почвы еще более ускорило этот процесс⁷. Древний город Милет, некогда цветущая столица ионийской федерации, обязанный своим процветанием Латвийскому заливу, обратился в настоящее время благодаря этому в жалкую деревушку Палатия. <...>

Насколько мне известно, единственная попытка связать всемирную историю человечества с космической и физико-географической историей нашей планеты была сделана французским ученым Адольфом д'Ассье. Ему принадлежит честь первого исследования этого важного вопроса при помощи строгого и точного метода и громадной разносторонней эрудиции.

«Почему, – спрашивает д'Ассье, – некоторые народы Востока пробудились уже сто пятьдесят веков (?) тому назад, а европейцы всего семь или восемь тысяч лет тому назад еще пребывали в состоянии троглодитов?»⁸. Ученый автор надеется найти ключ к этой загадке в теории ледниковых периодов. «Будучи лишен высоких гор и прилегая своей южной границей к тропику Рака, Египет был всегда защищен от явлений, связанных с ледниками. В подобном же положении находились все страны, лежавшие к югу от громадных горных цепей, пересекающих Азию от берегов Средиземного моря до восточных берегов Китая.

⁷ Оставшееся от Латвийского залива озеро Капикерен в настоящее время находится на высоте 29 метров над уровнем моря.

⁸ «Revue Scientifique», № 26, juillet, 1879.

Совершенно в другом положении находилась Европа, расположенная вдали от тропиков и граничащая с Северным Ледовитым океаном; благодаря этой близости к полярному океану Европа имеет сравнительно прохладный климат и длинный период холодов.

В течение ледникового периода ее поверхность была покрыта толстым покровом снега, что задерживало процесс развития и распространения ее народонаселения. Только после исчезновения ледников и снегового покрова сделалось возможным ее заселение, и, действительно, первые следы существования доисторического человека в Европе мы встречаем только в период, непосредственно следовавший за исчезновением ледников. Только тогда человек начал селиться в гротах, пещерах и стал возводить свои жалкие хижины на сваях на берегах озер».

Таким образом, по мнению д'Ассье, в страшном полярном холоде и в суровости климата северного полушария следует видеть причину того, что народонаселение высоких плоскогорий Азии было вынуждено эмигрировать из своей родины и поселиться вдоль южного берега Средиземного моря, на берегах Персидского залива и на побережье Индостана и Индокитая, климат которых в то время был приблизительно такой, каков теперь климат наиболее теплых стран. Человечество, так сказать, выросло и расцвело в благоприятной для него среде, в климатическом отношении не оставлявшей желать ничего лучшего, так как зной умерялся здесь близостью ледников. Но мало-помалу, с отходом ледников к северу, их умеряющее действие прекращалось, климат становился все более и более тропическим, умственная энергия населения слабела, и, наконец, их цивилизация пришла в упадок, уступив место более северной, европейской цивилизации.

В свою очередь климат Европы со времени дилювиального периода⁸ значительно смягчился, сохраняя вместе с тем все преимущества климата внетропического, без раздражающего и расслабляющего зноя⁹.

Но если Европа оказалась, таким образом, в сравнительно более благоприятных условиях для развития цивилизации, зато ей грозит опасность в будущем стать первой жертвой постепенного охлаждения северного полушария, когда грядущее наступление ледников с севера заставит поток цивилизации изменить направление от севера к югу. Правда, д'Ассье предвидел это и утешает нас тем, что человек будущего сумеет победить разрушительные тенденции природы при помощи техники и науки.

⁸ *Дилювиальный* период – устаревшее название плейстоценового периода четвертичной системы. Продолжался 600–700 тысяч лет и завершился примерно, 11,5 тысячи лет назад с окончанием последнего оледенения.

⁹ Мужоль в своей книге «*Statique des Civilisations*» пытался также объяснить развитие и ход цивилизаций по направлению от экватора к полюсам и предложил теорию, во многом сходную с взглядами д'Ассье.

Смелая гипотеза д'Ассье не лишена привлекательности, как и вообще все теории, пытающиеся объединить разрозненные явления в нечто целое и грандиозное. В данном случае она связывает интеллектуальную и политическую историю человечества с ходом непрерывных изменений в Солнечной системе вообще и в частности на нашей планете. К сожалению, гипотеза д'Ассье недостаточно обоснована или, вернее, построена на очень зыбком фундаменте; так, например, д'Ассье признает египетскую цивилизацию существующей пятнадцать тысяч лет, хотя самые смелые хронологические вычисления не дают и половины этой цифры¹⁰. <...>

Перейдем теперь к рассмотрению астрономических причин, могущих вызывать те или другие изменения температуры на земном шаре, укорачивая или удлиняя зимнее время в местностях, лежащих к югу и северу от экватора. Из вычислений астрономов Кролля, Стона, Мора и геолога Чарльза Лайеля мы узнаем, что одна из причин ледниковых периодов может заключаться в изменениях величин эксцентриситета¹¹ земной орбиты, которые переходят от максимума к минимуму раз в восемьсот пятьдесят тысяч лет, т.е. в течение столь громадного периода времени в сравнении с исторической эпохой, что мы смело можем оставить их влияние вне рассмотрения.

Мы не можем поступить так же просто с явлением, известным в астрономии под именем «предварение равноденствий»¹², которое, различным образом видоизменяясь, совершает полный цикл в двести десять веков. Известно, что математик Адемар усматривал в предварении равноденствий существенную причину наступления ледниковых эпох.

¹⁰ Мена, основатель египетской монархии, согласно мнению Манефона, жил за 5000 лет до христ. эры. Бругш думает, что эту цифру надо уменьшить до 4500 лет; Лепсиус сводит ее к 3600 годам; Мариетт устанавливает 4000–4500-летний возраст некоторых египетских надписей и статуй.

¹¹ *Эксцентриситет* – степень удлиненности земной орбиты.

¹² Чтобы представить себе это явление, мы не должны забывать, что земной шар при своем вращении вокруг Солнца делает колебательные движения, причем полюсы медленно перемещаются; благодаря таким колебаниям воображаемая земная ось, проходящая через полюсы, ежегодно поворачивается несколько в сторону, к новым областям небесного пространства. Вследствие такого постоянного изменения в направлении земной оси происходит изменение и в положении земного экватора относительно Солнца, так что с каждым годом наступление мартовского равноденствия начинается на 16 минут раньше, чем в предшествующем году. Так как земная ось неизменно поворачивается в течение длинного ряда веков, то по прошествии периода в сто пять веков условия времен года на обоих полушариях совершенно изменятся. Полушарие, получавшее прежде наибольшее количество тепла, будет получать его меньше, а то полушарие, на долю которого выпадало большее количество зимних дней, будет получать больше света и тепла, и в этом полушарии лето будет длиннее зимы. Затем, по прошествии второго периода в сто пять веков, отношение времен года снова изменится в обоих полушариях, и земная ось завершит полный круг своих колебаний, употребив на это двести десять веков.

Как известно, наша Земля прошла свой перигелий в момент зимнего солнцестояния в 1248 году по Р.Х. Таким образом, этот год представляет собою критическую дату в истории нашей планеты, которая не могла остаться вне всякой связи с хронологией древних цивилизаций. 9252 год до Р.Х. был самым холодным годом для всего северного полушария; затем температура северного полушария постепенно повышалась, с тем чтобы в 1248 году снова начать свое движение в обратном направлении, которое в 11747 году достигнет кульминационной точки.

Наиболее авторитетные и заслуживающие доверия египтологи, как мы видели выше, относят возникновение монархии фараонов к эпохе 45–50 веков до Р.Х. Расстояние между двумя хронологическими датами, 9252 годом, самым холодным годом нашего полушария, и 4500-м, в котором приблизительно Мена явился в Мемфисе, очень значительно: около 5000 лет должно было протечь до перигелия. Много веков должны были настать и кончиться, пока один за другим народы леденевших стран не закончили эмиграцию в северо-восточную часть Африки, тогда еще обладавшую умеренным климатом. При их появлении на исторической арене они встретили египтян уже обладателями довольно развитой цивилизации, бывшей, разумеется, плодом работы бесчисленных ранее живших поколений¹³. <...>

Как нам пришлось уже видеть раньше, изотермические линии действительно образуют границы той области, которую можно назвать ареной исторических цивилизаций. Эти границы, будучи не вполне определенными и постоянными, совпадают, однако, за весьма немногими исключениями, северная – с изотермой $+4^{\circ}$, а южная – с изотермой $+20^{\circ}$ или $+22^{\circ}$, не более. Пять больших и весьма населенных городов, лежащих к югу от этой границы, – Мехико, Мадрас, Бомбей, Калькутта, – каково бы ни было их местное значение, играют слишком подчиненную роль в летописях всемирной истории.

Всякая, однако, цивилизация, особенно в эпоху своей зрелости, ни в коем случае не похожа на один из тех нежных цветков, которые сразу гибнут вследствие малейшего понижения температуры. Человеческая цивилизация более стойкий продукт истории и может переносить иногда и крайне неблагоприятные условия. Сыны зеленого Эрина (Ирландии) родились на острове, где средняя годовая температура не достигает и $+10^{\circ}$, но они отлично себя чувствуют и в жаркой Калифорнии, и даже на границах Мексики.

Русские также легко приспособляются к климату с изотермой $+12^{\circ}$ и с изотермой -12° . Китайский кули от Маньчжурии до Перу сохраняет свой дух ассоциации, свою физиономию и внешний вид, свой собствен-

¹³ Fr. Lenormant. Цит. соч.; G. Perrot et Ch. Chipiez. Histoire de Tart dans l'antiquité. 10 vol. Paris, 1882–1903, vol. I.

ный запах – смесь опиума, камфоры и тухлых яиц, – свою спокойную, но непоколебимую трудовую энергию, наконец, свое умение устраиваться всюду, даже при самых неудобных жизненных условиях, умение, соединенное вместе с тем со склонностью к эпикурейству и к утонченности. Все эти факты не внушают нам слепого доверия к ученым космологическим соображениям и сопоставлениям, которые мы рассмотрели выше.

Тем не менее следует признать, что некоторые из приведенных нами гипотез бесспорно полезны как рабочие гипотезы, полезны хотя бы по одному тому, что они, так сказать, расширяют наш горизонт и побуждают к новым исследованиям.

Гораздо раньше д'Ассье, но с теми же целями, т.е. для объяснения незначительной роли, сыгранной Европой в греко-римский период истории, многие ученые полагали, что ее климат должен был бы быть в то время слишком сырым и холодным. Точные изыскания по этому вопросу были сделаны Гумбольдтом, Фраасом¹⁴, Гей-Люссаком, Араго¹⁵, Беккерелем¹⁶, Моро де Жонесом, Дюро де ля Малем в Европе и еще многими учеными в Америке. Вопрос, однако, не получил еще окончательного решения, и если, с одной стороны, установлено, что климатические изменения действительно имели место в истории, то, с другой – сделалось известным, что все эти изменения распространялись в слишком узких пределах. Следовательно, мы не имеем никаких оснований приписывать большие, социального характера перемены действию этих незначительных причин.

Конечно, в сравнении с быстротой исторических событий, человеческие, почвенные и климатические изменения происходят невероятно медленно. «В наше время, как и во времена Плиния, – говорит Кинэ, – гиацинт цветет в Галлии, барвинок в Иллирии, маргаритка на развалинах Нуманции¹⁷, как в то же время вокруг них сотни государств переменили сотни правителей и названий, тысячи городов разрушились и перестали существовать, цивилизации сталкивались и падали, а скромные и мирные поколения цветов пережили века и дожили до нас все такие же смеющиеся и свежие, как и в дни былых войн и битв...»¹⁸.

¹⁴ К. Fraas. *Khma und pflanzenwelt in der Zeit*. Landshut, 1847.

¹⁵ D. Arago. *Annales du Bureau des longitudes*, 1834.

¹⁶ A. Becquerel. *Des climats et de l'influence qu'exercent les sols boisés et mm boisés*. Paris, 1853.

¹⁷ Галлия – древнее название области, занимающей территорию современной Северной Италии, Франции, Люксембурга, Бельгии и части Нидерландов. Иллирия – римская провинция (II в. до н.э. – VIII в. н.э.) на Балканском полуострове. Нуманция – древнее иберийское укрепленное поселение на реке Дуэро в Испании. Возникло на месте более древнего поселения кельтов-ареваков. Во время Нумантийской войны (143 – 133 гг. до н.э.) была центром сопротивления римлянам.

¹⁸ E. Quinet. *Introduction a la Philosophie de l'Histoire de l'Humanite*.

Говоря вообще, примеры падений исторических цивилизаций, которые без натяжки могут быть приписаны непосредственному действию геологических факторов, крайне редки. Случай с Милетом, пришедшим в упадок благодаря высыханию Латвийского залива, и подобный же случай с Пизой, потерявшей возможность успешно конкурировать с Венецией и Генуей вследствие занесения песком ее собственной гавани, – вот наиболее характерные из известных примеров такого рода.

Если мы окинем одним общим взглядом страны и области, где родились и развивались великие цивилизации и протекала всемирная история человечества, то мы должны будем констатировать, что влияние климатических и геологических явлений существенно видоизменялось, смотря по времени воздействия.

«Известно, насколько благотельно было влияние физико-географической среды для прогрессивного развития Европы, и можно смело утверждать, что европейцы обязаны своим первенством не творческим силам своей расы, так как родственные им народы в других странах Старого Света не проявили себя ничем замечательным. Благоприятные условия: почва, климат, форма и положение материка, словом, *благоприятная среда* – вот что послужило для возвышения европейцев и дало им возможность стать в авангарде человечества... Но не следует забывать, что географические условия влияют в истории человечества различным образом, смотря по состоянию цивилизации, которой достигла данная нация. Так, например, та же самая река, которая составляет непобедимое препятствие для некультурного народа, становится средством сообщения у народа культурного. Та же самая гора, которая в древности была доступна только охотникам и пастухам, на высшей ступени культуры начинает привлекать промышленников и рудокопов и перестает быть преградой для сообщения народов...»¹⁹.

Говоря вообще, надлежит помнить, что историческое значение очертаний и рельефа страны – это главный факт, на который надлежит обращать внимание при изучении истории... Изучая пространство, необходимо, конечно, отдавать себе отчет и о действии другого равносильного элемента – времени.

Здесь, однако, следует прибавить, что мы отнюдь не являемся защитниками теории «географического фатализма», провозглашающего наперекор фактам, что данная совокупность физико-географических условий играет и должна всюду играть одну и ту же неизменную роль. Нет, дело идет только о том, чтобы установить историческую ценность этих условий и изменчивость этой ценности в течение веков и на разных ступенях цивилизации.

¹⁹ E. Rec'lus. Nouvelle geographic universelle. Vol. I. 323.

В настоящей книге мне хотелось бы выяснить влияние физико-географической среды на развитие и прогресс цивилизации и попытаться найти общую синтетическую формулу, позволяющую выразить в кратких словах, не теряясь в частности, те отношения и взаимную связь, которые существуют между определенной физико-географической средой и различными стадиями социальной эволюции, между различными периодами коллективной истории человеческого рода.

ГЛАВА VI

Великие исторические периоды

<...> Подводя итоги всему сказанному выше, мы можем разделить всю историю человечества на следующие периоды.

I. *Древние века, речной период.* Он охватывает собою историю четырех великих цивилизаций древности – Египта, Месопотамии, Индии и Китая, – возникших в бассейнах великих рек. История этих четырех цивилизаций не синхронистична: восточная группа (Индия и Китай) с самого начала своего возникновения несколько запаздывает в своем развитии сравнительно с двумя западными цивилизациями (Ассирия-Вавилония и Египет). При дальнейшем подразделении, которое мною будет сделано, я имел в виду исключительно эти две последние цивилизации, которые, развившись в более благоприятных географических условиях, перешли сравнительно быстро в фазу морской цивилизации и оказали большое влияние на Европу и европейские народы.

В периоде древних речных цивилизаций можно различить две эпохи:

- 1) эпоха *изолированных народов*, завершающаяся к XVIII веку до начала нашей эры;
- 2) эпоха первоначальных международных сношений и сближений народов, начинающаяся первыми войнами Египта и Ассирия-Вавилонии и заканчивающаяся вступлением на историческую арену пунических (финикийских) федераций приблизительно около 800 года до начала христианской эры.

II. *Средние века, средиземноморский период.* Этот период охватывает двадцать пять веков, с основания Карфагена до Карла Великого, и подразделяется в свою очередь на две следующие эпохи:

- 1) эпоха Средиземного моря, во времена которой главные очаги культуры одновременно или поочередно представлены крупными олигархическими государствами Финикии, Карфагена, Греции и, наконец, Рима при цезарях, вплоть до Константина Великого;
- 2) эпоха морская, начинающаяся со времени основания Византии (Константинополя), когда в орбиту цивилизации втягиваются Черное море, а затем Балтийское. Эта эпоха охватывает собою весь период средних веков.

III. *Новое время, или период океанический*, характеризующийся заметным перевесом западноевропейских государств, лежащих на побережье Атлантики. Этот третий период развития цивилизации, несмотря на свою молодость по сравнению с двумя предыдущими, может быть разделен также на две эпохи:

1) *атлантическая эпоха* от открытия Америки до момента «золотой лихорадки» в Калифорнии и Аляске, широкого развития английского влияния в Австралии, русской колонизации берегов Амура и открытия для европейцев портов Китая и Японии;

2) *всемирная эпоха*, едва только зарождающаяся в наши дни. Это разделение человеческой истории, представляющей в действительности единый процесс, вполне соответствует также и трем последовательным фазисам социальной эволюции, и трем восходящим ступеням органической эволюции в природе.

Главная задача настоящей книги и заключается в том, чтобы выяснить и отыскать естественные, но часто таинственные пути, при помощи которых различная физико-географическая среда оказывает влияние на судьбы народов, представляя некоторым из них верховенство над другими народами. Проблема, поставленная нами, слишком обширна, чтобы ее можно было разрешить силами одного только человека и в одной небольшой книге. Вследствие этого в настоящем произведении я ограничусь лишь рассмотрением вопроса о развитии первоначальной цивилизации в речных бассейнах, которые я уже называл много раз на предыдущих страницах.

С первых проблесков зари исторических времен эти реки (Нил, Тигр и Евфрат, Инд и Ганг, Хуанхэ и Янцзы) наложили на жителей, населявших берега этих рек, своего рода ярмо исторической необходимости: народы, обитавшие в бассейнах названных рек, самими физико-географическими условиями были сразу прочно привязаны, как пленники к колеснице Джаггернаута, к цивилизации и прогрессу.

Вопросы для самопроверки

1. Каково, по мнению Мечникова, влияние астрономических условий на исторический процесс?
2. Каково влияние физической среды на исторический процесс?
3. Какие исторические периоды выделял Мечников и почему?

Ключевский Василий Осипович (1841 – 1911), великий русский историк. В своих лекциях указывал на определяющее значение природных условий в истории Российского государства.

ЛЕКЦИЯ IV

ПРИРОДА СТРАНЫ И ИСТОРИЯ НАРОДА. Здесь не будет излишней одна предварительная оговорка. Поставленный вопрос не свободен от некоторых затруднений и опасностей, против которых необходимы методологические предосторожности. Наше мышление привыкло расчленять изучаемый предмет на составные его части, а природа ни в себе самой, ни в своём действии на людей не любит такого расчленения; у неё все силы ведут совокупную работу, в каждом действии господствующему фактору помогают незаметные сотрудники, в каждом явлении участвуют разнородные условия. В своём изучении мы умеем различить этих участников, но нам с трудом удаётся точно определить долю и характер участия каждого сотрудника в общем деле и ещё труднее понять, как и почему вступили они в такое взаимодействие. Жизненная цельность исторического процесса – наименее податливый предмет исторического изучения. Несомненно то, что человек поминутно и попеременно то приспосабливается к окружающей его природе, к её силам и способам действия, то их приспособляет к себе самому, к своим потребностям, от которых не может или не хочет отказаться, и на этой двусторонней борьбе с самим собой и с природой вырабатывает свою сообразительность и свой характер, энергию, понятия, чувства и стремления, а частью и свои отношения к другим людям. И чем более природа даёт возбуждения и пищи этим способностям человека, чем шире раскрывает она его внутренние силы, тем её влияние на историю окружаемого ею населения должно быть признано более сильным, хотя бы это влияние природы сказывалось в деятельности человека, ею возбуждённой и обращенной на её же самоё. Законами жизни физической природе отведена своя сфера влияния в исторической судьбе человечества и не все стороны его деятельности в одинаковой мере подчинены её действию. Здесь необходимо предположить известную постепенность или, как бы сказать, разностепенность влияния; но очень трудно установить это отношение хотя с некоторой научной отчётливостью. Рассуждая теорети-

²⁰ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. В 3-х книгах. Кн. 1. Ростов-на-Дону, 1998. С. 53 – 64.

чески, не на точном основании исторического опыта, казалось бы, что физическая природа с особенной силой должна действовать на те стороны человеческой жизни, которыми сам человек непосредственно входит в её область как физическое существо или которыми близко с нею соприкасается. Таковы материальные потребности человека, для удовлетворения которых средства даёт физическая природа и из которых рождается хозяйственный быт; сюда же относятся и способы, которыми регулируется удовлетворение этих потребностей, обеспечивается необходимая для того внутренняя и внешняя безопасность, т. е. отношения юридические и политические. Переходя от этих общих соображений к поставленному вопросу, не будем усиленно искать в нашей истории подтверждения только что изложенной схемы, а отметим явления, которых нельзя объяснить без участия природы страны или в которых степень её участия достаточно очевидна. Здесь прежде всего следует отметить три географических особенности, или, точнее, три сложившихся из этих особенностей сочетания благоприятных для культуры условий исторической жизни страны: 1) её деление на почвенные и ботанические полосы с неодинаковым составом почвы и неодинаковой растительностью, 2) сложность её водной сети с разносторонними направлениями рек и взаимной близостью речных бассейнов и 3) общий или основной ботанический и гидрографический узел на Центральном алаунско-московском пространстве.

ЗНАЧЕНИЕ ПОЧВЕННЫХ И БОТАНИЧЕСКИХ ПОЛОС. Почвенные полосы и указанные свойства речных бассейнов оказали сильное действие на историю страны, и действие неодинаковое на различные стороны быта её населения. Различием в составе почвы разных частей равнины с неодинаковой растительностью определялись особенности народного хозяйства, вырабатывались местные экономические типы, смотря по тому, на какой полосе, лесной или степной, сосредоточивалась главная масса русского населения. Но действие этого условия сказалось не сразу. Восточные славяне при своем расселении по равнине заняли обе смежные полосы средней России, лесной суглинок и северную часть степного чернозёма. Можно было бы ожидать, что в той и другой полосе сложатся различные типы народного хозяйства. охотничий и земледельческий. Однако наша древняя летопись не замечает такого различия. Правда, Кий с братьями, основавшие город Киев среди «леса и бора великого», были звероловы, «бяху ловяща зверь». Но все племена южного пояса славянского расселения, поселившиеся в лесах, занимаясь звероловством и платя дань киевским князьям или хозарам мехами, в то же время, по летописи, были и хлебопашцами. Вятичи, забившиеся в глухие леса между Десной и верхней Окой, платили хозарам дань «от рала», с сохи. Лесовики по самому своему названию, древляне, с которых Олег брал дань мехами, вместе с тем «делали нивы своя

и земле своя». В первые века незаметно хозяйственного различия по почвенным и ботаническим полосам.

ВЛИЯНИЕ РЕЧНОЙ СЕТИ. Речная сеть, по-видимому, оказала более раннее и сильное действие на разделение народного труда по местным естественным условиям. По большим рекам как главным торговым путям сгущалось население, принимавшее наиболее деятельное участие в торговом движении, рано здесь завязавшемся; по ним возникали торговые средоточия, древнейшие русские города; население, от них удалённое, оставалось при хлебопашестве и лесных промыслах, доставлявших вывозные статьи приречным торговцам, мёд, воск, меха. При таком влиянии на народнохозяйственный обмен реки рано получили ещё более важное политическое значение. Речными бассейнами направлялось, географическое размещение населения, а этим размещением определялось политическое деление страны. Служа готовыми первобытными дорогами, речные бассейны своими разносторонними направлениями рассеивали население по своим ветвям. По этим бассейнам рано обозначались различные местные группы населения, племена, на которые древняя летопись делит русское славянство IX – X вв.; по ним же сложились потом политические области, земли, на которые долго делилась страна, и с этим делением соотносились князья в своих взаимных отношениях и в своём управлении. В первоначальном племенном, как и в сменившем его областном, земско-княжеском делении Древней Руси легко заметить это гидрографическое основание. Древняя летопись размещает русско-славянские племена на равнине прямо по рекам. Точно так же древняя Киевская земля – это область Среднего Днепра, земля Черниговская – область его притока Десны, Ростовская – область Верхней Волги и т. д. То же гидрографическое основание ещё заметнее в последующем удельном делении XIII – XV вв. довольно точно согласовавшемся со сложным разветвлением бассейнов Оки и Верхней Волги. Но это центробежное действие речной сети сдерживалось другой её особенностью. Взаимная близость главных речных бассейнов равнины при содействии однообразной формы поверхности не позволяла размещавшимся по ним частям населения обособляться друг от друга, замыкаться в изолированные гидрографические клетки, поддерживала общение между ними, подготовляла народное единство и содействовала государственному объединению страны.

ОКСКО-ВОЛЖСКОЕ МЕЖДУРЕЧЬЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ. Под совместным действием изложенных условий, ботанических и гидрографических, с течением времени на равнине обозначился сложный узел разнообразных народных отношений. Мы уже видели, что Алаунское плоскогорье служило узловым пунктом речной сети нашей страны. Смежные части этого плоскогорья и центральной Московской котловины, образовавшие область Оки и Верхней Волги, и стали таким быто-

вым народным узлом. Когда начала передвигаться сюда масса русского населения из Днепровского бассейна, в этом Окско-волжском междуречье образовался центр расселения, сборный пункт переселенческого движения с юго-запада: здесь сходились колонисты и отсюда расходились в разных направлениях, на север за Волгу, а потом на восток и юго-восток за Оку. Здесь же со временем завязался и народнохозяйственный узел. Когда разделение народного труда стало приурочиваться к естественным географическим различиям, в этом краю встретились завязывавшиеся типы хозяйства лесного и степного, промыслового и земледельческого. Внешние опасности, особенно со стороны степи, вносили новый элемент разделения. Когда усилилось выделение военнотрудового люда из народной массы, в том же краю рабочее сельское население перемешивалось с вооружённым классом, который служил степным сторожем земли. Отсюда он рассаживался живой оборонительной изгородью по поместьям и острожкам северной степной полосы, по мере того как её отвоёвывали у татар. *Берег*, как звали в старину течение Оки, южного предела этого узлового края, служил операционным базисом степной борьбы и вместе опорной линией этой степной военной колонизации. Переселенцы из разных областей старой Киевской Руси, поглотив туземцев-финнов, образовали здесь плотную массу, однородную и деловитую, со сложным хозяйственным бытом и всё осложнявшимся социальным составом, – ту массу, которая послужила зерном великорусского племени. Как скоро в этом географически и этнографически центральном пространстве утвердилось средоточие народной обороны, из разнообразных отношений и интересов, здесь встречавшихся и переплетавшихся, завязался и политический узел. Государственная сила, основавшаяся в области истоков главных рек равнины, естественно стремилась расширить сферу своего владычества до их устьев, по направлению главных речных бассейнов двигая и население, необходимое для их защиты. Так центр государственной территории определился верховьями рек, окружность – их устьями, дальнейшее расселение – направлением речных бассейнов. На этот раз наша история пошла в достаточном согласии с естественными условиями: реки во многом очертали её программу.

ОСНОВНЫЕ СТИХИИ ПРИРОДЫ РУССКОЙ РАВНИНЫ. До сих пор мы рассматривали совокупное действие различных форм поверхности нашей равнины, условий орографических, почвенных и гидрографических, оказавших влияние на хозяйственный быт и политический строй русского народа. Лес, степь и река – это, можно сказать, основные стихии русской природы по своему историческому значению. Каждая из них и в отдельности сама по себе приняла живое и своеобразное участие в строении жизни и понятий русского человека. В лесной России поло-

жены были основы русского государства, в котором мы живем: с леса мы и начнем частичный обзор этих стихий.

ЛЕС. Лес сыграл крупную роль в нашей истории. Он был многовековой обстановкой русской жизни: до второй половины XVIII в. жизнь наибольшей части русского народа шла в лесной полосе нашей равнины. Степь вторгалась в эту жизнь только злыми эпизодами, татарскими нашествиями да козацкими бунтами. Еще в XVII в. западному европейцу, ехавшему в Москву на Смоленск, Московская Россия казалась сплошным лесом, среди которого города и села представлялись только большими или малыми прогалинами. Даже теперь более или менее просторный горизонт, окаймленный синеватой полосой леса – наиболее привычный пейзаж Средней России. Лес оказывал русскому человеку разнообразные услуги – хозяйственные, политические и даже нравственные: обстраивал его сосной и дубом, отапливал березой и осиной, освещал его избу березовой лучиной, обувал его лыковыми лаптями, обзаводил домашней посудой и мочалом. Долго и на севере, как прежде на юге, он питал народное хозяйство пушным зверем и лесной пчелой. Лес служил самым надежным убежищем от внешних врагов, заменяя русскому человеку горы и замки. Само государство, первый опыт которого на границе со степью не удался по вине этого соседства, могло укрепиться только на далеком от Киева севере под прикрытием лесов со стороны степи. Лес служил русскому отшельнику Фивайдской пустыней, убежищем от соблазнов мира. С конца XIV в. люди, в пустынном безмолвии искавшие спасения души, устремлялись в лесные дебри северного Заволжья, куда только они могли проложить тропу. Но, убегая от мира в пустыню, эти лесопроходцы увлекали с собою мир туда же. По их следам шли крестьяне, и многочисленные обитатели, там возникавшие, становились опорными пунктами крестьянского расселения, служа для новоселов и приходскими храмами, и ссудодателями, и богадельнями под старость. Так лес придал особый характер севернорусскому пустынножителю, сделав из него своеобразную форму лесной колонизации. Несмотря на все такие услуги, лес всегда был тяжел для русского человека. В старое время, когда его было слишком много, он своей чащей прерывал пути-дороги, назойливыми зарослями оспаривал с трудом расчищенные луг и поле, медведем и волком грозил самому и домашнему скоту. По лесам свивались и гнезда разбоя. Тяжелая работа топором и огнем, какую заводилось лесное хлебопашество на *пали*, расчищенной из-под срубленного и спаленного леса, утомляла, досаждала. Этим можно объяснить недружелюбное или небрежное отношение русского человека к лесу: он никогда не любил своего леса. Безотчетная робость овладевала им, когда он вступал под его сумрачную сень. Сонная, «дремучая» тишина леса пугала его; в глухом, беззвучном шуме его вековых вершин чуялось что-то зловещее; ежеминут-

ное ожидание неожиданной, непредвидимой опасности напрягало нервы, будоражило воображение. И древнерусский человек населил лес всевозможными страхами. Лес – это темное царство лешего одноглазого, злого духа – озорника, который любит дурачиться над путником, забредшим в его владения. Теперь лес в южной полосе средней России – все редееющее напоминание о когда-то бывших здесь лесах, которое берегут, как роскошь, а севернее – доходная статья частных хозяйств и казны, которая выручает от эксплуатации своих лесных богатств по 57 – 58 миллионов ежегодно.

СТЕПЬ. Степь, *поле*, оказывала другие услуги и клала другие впечатления. Можно предполагать раннее и значительное развитие хлебопашества на открытом черноземе, скотоводства, особенно табунного, на травянистых степных пастбищах. Доброе историческое значение южнорусской степи заключается преимущественно в ее близости к южным морям, которые её и создали, особенно к Чёрному, которым днепровская Русь рано пришла в непосредственное соприкосновение с южно-европейским культурным миром; но этим значением степь обязана не столько самой себе, сколько тем морям да великим русским рекам, по ней протекающим. Трудно сказать, насколько степь широкая, раздольная, как величает её песня, своим простором, которому конца-краю нет, воспитывала в древнерусском южанине чувство шири и дали, представление о просторном горизонте, *окоёме*, как говорили в старину; во всяком случае, не лесная Россия образовала это представление. Но степь заключала в себе и важные исторические неудобства: вместе с дарами она несла мирному соседу едва ли не более бедствий. Она была вечной угрозой для Древней Руси и нередко становилась бичом для неё. Борьба со степным кочевником, половчином, злым татаринном, длившаяся с VIII почти до конца XVII в., – самое тяжёлое историческое воспоминание русского народа, особенно глубоко врезавшееся в его памяти и наиболее ярко выразившееся в его былевой поэзии. Тысячелетнее и враждебное соседство с хищным степным азиатом – это такое обстоятельство, которое одно может покрыть не один европейский недочёт в русской исторической жизни. Историческим продуктом степи, соответствовавшим её характеру и значению, является козак, по общерусскому значению слова – бездомный и бездольный, «гуляющий» человек, не приписанный ни к какому обществу, не имеющий определённых занятий и постоянного местожительства, а по первоначальному и простейшему южнорусскому своему облику человек «вольный», тоже беглец из общества, не признававший никаких общественных связей вне своего «товариства», удалец, отдававший всего себя борьбе с неверными, мастер всё разорить, но не любивший и не умевший ничего построить, – исторический преемник древних киевских богатырей, стоявших в степи «на заставах богатырских», чтобы постеречь землю Русскую от поганых, и

полный нравственный контраст северному лесному монаху. Со Смутного времени для Московской Руси козак стал ненавистным образом гуляки, «вора».

РЕКА. Так лес и особенно степь действовали на русского человека двусмысленно. Зато никакой двусмысленности, никаких недоразумений не бывало у него с русской рекой. На реке он оживал и жил с ней душа в душу. Он любил свою реку, никакой другой стихии своей страны не говорил в песне таких ласковых слов – и было за что. При переселениях река указывала ему путь, при поселении она – его неизменная соседка: он жался к ней, на её непоёмном берегу ставил своё жильё, село или деревню. В продолжение значительной постной части года она и кормила его. Для торговца она – готовая летняя и даже зимняя ледяная дорога, не грозила ни бурями, ни подводными камнями: только вовремя поворачивай руль при постоянных капризных извилинах реки да помни мели, перекаты. Река является даже своего рода воспитательницей чувства порядка и общественного духа в народе. Она и сама любит порядок, закономерность. Её великолепные половодья, совершаясь правильно, в урочное время, не имеют ничего себе подобного в западноевропейской гидрографии. Указывая, где не следует селиться, они превращают на время скромные речки в настоящие сплавные потоки и приносят неисчислимую пользу судоходству, торговле, луговодству, огородничеству. Редкие паводки при малом падении русской реки не могут идти ни в какое сравнение с неожиданными и разрушительными наводнениями западноевропейских горных рек. Русская река приучала своих прибрежных обитателей к общежитию и общительности. В Древней Руси расселение шло по рекам и жилые места особенно сгущались по берегам бойких судоходных рек, оставляя в междуречьях пустые лесные или болотистые пространства. Если бы можно было взглянуть сверху на среднюю Россию, например, XV в., она представилась бы зрителю сложной канвой с причудливыми узорами из тонких полосок вдоль водных линий и со значительными темными промежутками. Река воспитывала дух предприимчивости, привычку к совместному, артельному действию, заставляла размышлять и изловчаться, сблизжала разбросанные части населения, приучала чувствовать себя членом общества, обращаться с чужими людьми, наблюдать их нравы и интересы, меняться товаром и опытом, знать обхождение. Так разнообразна была историческая служба русской реки.

ВПЕЧАТЛЕНИЕ ОТ РУССКОЙ РАВНИНЫ. Изучая влияние природы страны на человека, мы иногда пытаемся в заключение уяснить себе, как она должна была настраивать древнее население, и при этом нередко сравниваем нашу страну по её народно-психологическому действию с Западной Европой. Этот предмет очень любопытен, но не свободен от серьёзных научных опасностей. Стараясь проникнуть в таин-

ственный процесс, каким древний человек воспринимал впечатления окружающей его природы, мы вообще расположены переносить на него наши собственные ощущения. Припоминая, как мы с высоты нижегородского кремля любовались видом двигавшегося перед нашими глазами могучего потока и перспективой равнинной заволжской дали, мы готовы думать, что и древние основатели Нижнего, русские люди XIII в., выбирая опорный пункт для борьбы с мордвой и другими поволжскими инородцами, тоже давали себе досуг постоять перед этим ландшафтом и, между прочим, под его обаянием решили основать укрепленный город при слиянии Оки с Волгой. Но очень может статься, что древнему человеку было не до эстетики, не до перспективы. Теперь путник с Восточноевропейской равнины, впервые проезжая по Западной Европе, поражается разнообразием видов, резкостью очертаний, к чему он не привык дома. Из Ломбардии, так напоминающей ему родину своим рельефом, он через несколько часов попадает в Швейцарию, где уже другая поверхность, совсем ему не привычная. Все, что он видит вокруг себя на Западе, настойчиво навязывает ему впечатление границы, предела, точной определенности, строгой отчетливости и ежеминутного, повсеместного присутствия человека с внушительными признаками его упорного и продолжительного труда. Внимание путника непрерывно занято, крайне возбуждено. Он припоминает однообразие родного тульского или орловского вида ранней весной: он видит ровные пустынные поля, которые как будто горбятся на горизонте, подобно морю, с редкими перелесками и черной дорогой по окраине – и эта картина провожает его с севера на юг из губернии в губернию, точно одно и то же место движется вместе с ним сотни верст. Все отличается мягкостью, неуловимостью очертаний, нечувствительностью переходов, скромностью, даже робостью тонов и красок, все оставляет неопределенное, спокойно-неясное впечатление. Жилья не видно на обширных пространствах, никакого звука не слышно кругом – и наблюдателем овладевает жуткое чувство невозмутимого покоя, беспробудного сна и пустынности, одиночества, располагающее к беспредметному унылому раздумью без ясной, отчетливой мысли. Но разве это чувство – историческое наблюдение над древним человеком, над его отношением к окружающей природе? Это – одно из двух: или впечатление общего культурного состояния народа, насколько оно отражается в наружности его страны, или же привычка современного наблюдателя перелагать географические наблюдения на свои душевные настроения, а эти последние ретроспективно превращать в нравственные состояния, возбуждавшие или расслаблявшие энергию давно минувших поколений. Другое дело – вид людских жилищ: здесь меньше субъективного и больше исторически уловимого, чем во впечатлениях, воспринимаемых от внешней природы. Жилища строятся не только по средствам, но и по вкусам

строителей, по их господствующему настроению. Но формы, раз установившиеся по условиям времени, обыкновенно переживают их в силу косности, свойственной вкусам не меньше, чем прочим расположениям человеческой души. Крестьянские поселки по Волге и во многих других местах Европейской России доселе своей примитивностью, отсутствием простейших житейских удобств производят, особенно на путешественника с Запада, впечатление временных, случайных стоянок кочевников, не нынче-завтра собирающихся бросить свои едва насиженные места, чтобы передвинуться на новые. В этом сказались продолжительная переселенческая бродячьность прежних времен и хронические пожары – обстоятельства, которые из поколения в поколение воспитывали пренебрежительное равнодушие к домашнему благоустройству, к удобствам в житейской обстановке.

УГРОЖАЮЩИЕ ЯВЛЕНИЯ. Рассматривая влияние природы на человека, надобно видеть и действие человека на природу: в этом действии также обнаруживаются некоторые особенности последней. Культурная обработка природы человеком для удовлетворения его потребностей имеет свои пределы и требует известной осмотрительности: увеличивая и регулируя энергию физических сил, нельзя истощать их и выводить из равновесия, нарушая их естественное соотношение. Иначе природа станет в противоречие сама с собой и будет противодействовать видам человека, одной рукой разрушая то, что создала другой, и географические условия, сами по себе благоприятные для культуры, при неосмотрительном с ними обращении могут превратиться в помехи народному благосостоянию. Природа нашей страны при видимой простоте и однообразии отличается недостатком устойчивости: ее сравнительно легко вывести из равновесия. Человеку трудно уничтожить источники питания горных рек в Западной Европе; но в России стоит только оголеть или осушить верховья реки и ее верхних притоков, и река обмелеет. В чернозёмных и песчаных местах России есть два явления, которые, будучи вполне или отчасти продуктами культуры, точнее говоря, человеческой непредусмотрительности, стали как бы географическими особенностями нашей страны, постоянными физическими её бедствиями: это *овраги* и *летучие пески*. Рыхлая почва, с которой распашка сдёрнула скреплявший её дерновый покров, легко размывается скатывающимися с возвышений дождевыми и снеговыми ручьями, и образуются овраги, идущие в самых разносторонних направлениях. Уже самые старые поземельные описи, до нас дошедшие, указывают на обилие таких оврагов и отвешков. Теперь они образуют обширную и запутанную сеть, которая все более расширяется и усложняется, отнимая у хлебопашества в сложности огромную площадь земледельческой почвы. На юге овраги особенно многочисленны именно в обработанной части степи, в губерниях Волынской, Подольской, Бессарабской, Херсонской,

Екатеринославской и в Области Войска Донского. Причиняя великий вред сельскому хозяйству сами по себе, своею многочисленностью, овраги влекут за собой еще новое бедствие: составляя как бы систему естественного дренажа и ускоряя сток осадков с окрестных полей, они вытягивают влагу из почвы прилегающих к ним местностей, не дают времени этой почве пропитаться снеговой и дождевой водой и таким образом вместе с оскудением лесов содействуют понижению уровня почвенных вод, которое всё выразительнее сказывается в учащающихся засухах. Летучие пески, значительными полосами прорезывающие чернозёмную Россию, не менее бедственны. Переносясь на далекие расстояния, они засыпают дороги, пруды, озёра, засоряют реки, уничтожают урожай, целые имения превращают в пустыни. Площадь их в Европейской России исчисляют в 2,5 миллиона десятин с лишком, и эта площадь, по сделанным наблюдениям, ежегодно расширяется на один процент, т. е. приблизительно на 25 тысяч десятин. Пески постепенно засыпают чернозём, подготавливая Южной России со временем участь Туркестана. Этому процессу помогает пасущийся в степях скот: он своими копытами разрыхляет верхний твёрдый слой песка, а ветер выдувает из него скрепляющие его органические вещества, и песок становится летучим. С этим бедствием борются разнообразными и дорогими мерами, изгородями, плетнями, насаждениями. В последние годы министерство земледелия повело систематическое укрепление песков посадками древесных и кустарных растений и в пять лет (1898–1902) укрепило более 30 тысяч десятин песков. Эти цифры убедительно говорят о трудности и медленности борьбы с песками. Мы окончили предварительные работы, которые пригодятся нам при изучении русской истории, условились в задачах и приемах изучения, составили план курса и повторили некоторые уроки по географии России, имеющие близкое отношение к её истории. Теперь можем начать самый курс.

Вопросы для самопроверки

1. Какова, по мнению Ключевского, сущность взаимоотношений природы страны и народа?
2. Каково значение почвы и речной сети в истории народа?
3. Какова природа Русской равнины и как это определило ход русской истории?

РАЗДЕЛ 2. ИСТОРИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

НАРОДОВЕДЕНИЕ (АНТРОПОГЕОГРАФИЯ)²¹

Ратцель Ф.

Ратцель Фридрих (1844 – 1904), крупный немецкий географ и основатель геополитики. По политическим пристрастиям – умеренный националист, член Пангерманского союза.

Задачи народоведения

Узнать человечество во всех его частях в том виде, в каком оно живет в настоящее время на земле, составляет задачу народоведения. Мы давно уже привыкли рассматривать подробнее лишь наиболее продвинувшиеся народы, носителей высшей культуры, привыкли их одних считать представителями человечества, вырабатывающими мировую историю; поэтому в обязанности народоведения тем более лежит изучение забытых, более глубоких слоев человечества. Кроме того, понятие человечества не должно быть для нас чем-либо поверхностным, каким оно выработалось в тени возвышающихся над всеми другими культурных народов, но именно в этих низших слоях мы должны искать промежуточные пункты, которые привели к нынешнему, более высокому развитию. Народоведение должно не только знакомить нас с человечеством, каково оно теперь, но и с тем, как оно стало таким, на сколько для нас уцелели следы его разнообразного прошлого. Только таким путем мы можем установить единство и целостность человечества. Что касается хода этих соображений, то прежде всего надо иметь в виду, что культурное расстояние между двумя группами человечества по ширине и глубине можем быть совершенно независимым от различия даровитости. Это последнее различие мы должны поставить на последнем, а различия развития и внешних условий – на первом месте. Поэтому окружающей среде народов мы посвящаем более подробное рассмотрение, пытаясь вместе с тем исторически разъяснить современные условия ее. Географическое воззрение (рассмотрение внешних условий) и историческое разъяснение (рассмотрение развития) должны, таким образом, идти рука об руку. Только из соединения того и другого может получиться настоящая оценка нашего предмета.

Наше умственное и культурное развитие, все то, что мы называем прогрессом цивилизации, можно сравнить скорее с ростом растения, чем

²¹ Ратцель Ф. Народоведение (Антропогеография) // Классика геополитики, XIX век. М., 2003. С. 55 – 56, 59 – 61, 63, 64 – 68, 71, 72.

со свободным подъемом птицы. Мы всегда останемся связанными с землей, и ветвь может расти только на стволе. Как бы человечество ни поднимало голову в эфирные области, ноги его все-таки касаются земли, и прах вновь становится прахом. Этим обуславливается необходимость географического рассмотрения нашего предмета. Что касается исторического воззрения, то мы можем указать народы, которые целые тысячелетия оставались одинаковыми, не меняя ни местопребывания, ни языка, ни физического облика, ни образа жизни, и только поверхностно изменяли сном верования и знания. <...>

Положение, форма и величина человечества

Человечество населяет умеренные и теплые страны и острова земли и часть холодного пояса северного полушария. Область его обитания, эйкумена, образует пояс изменчивой ширины, самый северный пункт которого в северном полушарии лежит в области 80° , а в южном полушарии – 55° широты. Из обоих наибольших океанов земли северный край эйкумены лежит в Тихом океане, где Азии и Америка отстоят друг от друга только на 12,5 географических миль, и по середине его проходит полоса обитаемых островов; напротив, Атлантический океан до ирландско-нормандского заселения Фарерских островов и Исландии составлял широкий перерыв в этом обитаемом поясе. Поэтому в эйкумене, поверхность которой, выключая море, составляет приблизительно 2,4 млн квадратных географических миль, можно различать северную и южную окраины, обращенные к необитаемым ледяным пустыням полярных областей, и восточную и западную окраины, между которыми лежит Атлантический океан. Народы, живущие на этих окраинах, видят перед собой пустоту, не окружены со всех сторон подобными себе и находятся там, где их местообитания далеко выдвинуты, в полном уединении, составляющем причину их этнографической бедности. Наоборот, некоторые группы пародов помещаются в тех местах, где они могут пользоваться значительным преимуществом общения с другими пародами: такие места мы видим на Тихом океане, в особенности на его северном крае, в пограничных областях Средиземного моря, в Средней Америке и пр. Из положения и формы эйкумены видно, что северное полушарие дает приют большему числу людей, чем южное, что оно предоставляет им более обширные и разнообразные, соприкасающиеся между собой с различных сторон области и, благодаря этому, возможность более широкого развития, одним словом, оно по своему положению, форме и пространству имеет преимущества для целей развития человечества.

Распространение человека, так же как растений и животных, зависит от связи материков на севере и разделения их на юге. Если мы взглянем на человечество как на целое, мы увидим, что северные части его находятся в широкой взаимной связи, а южные значительно раз-

делены между собой. Обращая внимание на расы, мы замечаем, что негроиды принадлежат югу, а монголоиды и белые – северу. <...>

Широкая пропасть, какую образует Атлантический океан в поясе эйкумены, в свою очередь, создаст окраинные народы. Хотя эти последние, пользуясь оживленными сношениями в меридиональном направлении с лежавшими позади них густонаселенными странами и более благоприятными климатическими условиями, были не так бедны, как окраинные народы юга и севера, но все-таки высшее развитие в Африке встречается на востоке, а в Америке – на западе, т. е. внутри материка или на стороне, противоположной Атлантическому океану. Несомненно, население Африки тесно связано с азиатским, но не обнаруживает никаких следов более близких сношений с Америкой. Эта связь проникает, однако, дальше, за восточный край азиатского материка до больших азиатских островов; она создает между окраинными странами на севере и юге большую культурную область, которую, в качестве западной, можно противопоставить восточной, проникающей далее на восток – через Тихий океан до Америки. <...>

Водная поверхность земли в виде одних морей занимает почти три четверти поверхности земли; поэтому всю сушу можно назвать островом моря тройной величины в сравнении с нею. Самые различные части человечества должны были в силу исторических движений приближаться к морю, и было такое время до изобретения мореплавания, когда море обрекало людей жить в той части земли, где находилась их колыбель. Изобретение судоходства, первые проявления которого давно потеряны для нас (во всех частях земли мы находим высокие степени развития мореплавательного искусства рядом с полным незнанием его), прежде всего сделало возможным распространение человечества почти по всем пригодным для обитания областям земли. Высокие ступени кораблестроительного и судоходного искусства оказываются в самых различных местах земли, всего более в Тихом океане и всего менее в Атлантическом. В своем неравном распространении они заключают доказательство того, что они легко могут подвергаться забвению. <...>

Широкое распространение воды доставило человеку обширные источники питания, и вследствие того именно на ее берегах произошло сгущение населения; оно дало возможность сношения с отдаленными странами, которое в древние времена не могло совершаться сплошь по суше, повсюду населенной врагами; таким образом, более высокая культура с берегов могла распространяться внутрь страны. Вода оказывала также на дух человека замечательное действие, заключающееся в том, что морской горизонт отражается повсеместно во всех представлениях о мире, где бы они ни создавались. По большей части, земля в них является островом в широком море и далеко в море находится место пребывания душ. <...>

Насколько земля обитаема для человека, мы находим на ней народы – членов одного и того же человечества. Единство человеческого рода есть теллурический или планетный признак, отпечатлевшийся на высшей ступени творения. Существует только один человеческий вид, изменения которого многочисленны, но не глубоки. Человек – гражданин земли в самом обширном смысле слова. Он проникает даже туда, где не может жить постоянно. Почти весь земной шар ему известен. Из всех существ, связанных с почвой, он – одно из самых подвижных. Отдельные движения сплетаются между собой, и из них с течением времени исходит великое движение, субстратом которого является все человечество. Так как эта связь необходима и прочна, она поднимает отдельные движения в сферу высшего значения. В конечном результате является не только обширное пространственное распространение, но и все возрастающее взаимное проникновение частей человечества, живущих в этих пределах, до полного совладения их в существенных чертах. Это последнее составляет достояние целого, а особенности являются местными. Таким образом, мы получаем право говорить в научном смысле о единстве человеческого рода, если под единством мы будем подразумевать не однообразие, но общность, доказанную свидетельствами во всех областях народной жизни и течение истории, обнимающей целые тысячелетия, а также общность естественной почвы, создаваемую природой. Если темп культурного прогресса в последних исторических периодах отчасти настолько ускорился, что некоторые народные группы выдвинулись далеко вперед множества других, то все-таки можно найти значительный остаток общего достояния и в высших, и в низших слоях нынешнего человечества. Если мы будем доискиваться начала этого общего достояния, то опять придем к тому, что неустанное движение является свойством человечества. <...>

Если мы будем видеть в человечестве нечто вечно подвижное, мы не сможем, как это делалось до сих пор, считать его соединением резко отделенных друг от друга видов, подвидов, групп народов, народов и племен. Как скоро какая-либо часть человечества научалась пересекать моря, разделяющие земли, для нее уже являлось целью дальнейшее слияние с другими народами. Если мы признаем вместе с большинством нынешних антропологов единство происхождения человечества, то воссоединение разделившихся частей человечества путем образования разновидностей в одно целое явится бессознательной последней целью всех этих движений человечества. <...>

Численность людей тесно связана с их почвой, оказывающей значительное влияние на их внутреннее развитие, распространение и взаимные отношения. Нынешнее количество их, принимаемое в 1500 млн мы можем признать продуктом развития, которое никогда не достигалось в прежние времена. Развитие нынешних состояний человечества

зависит в гораздо высшей мере, чем обыкновенно полагают, от увеличившейся численности населения. <...>

В густом населении заключается не только прочность и порука энергичного развития, но и непосредственный стимул культуры. Чем ближе люди соприкасаются между собой, тем ближе они принимают участие друг в друге, тем менее погибает культурных приобретений, тем выше поднимается соревнование в проявлении сил. Умножение и укрепление численности народа находится в самой тесной связи с развитием культуры; редкое население в обширной области связано с низкой культурой; в старых и новых культурных центрах мы видим плотно сгруппированные народные массы. Китай и Индия насчитывают более 600 млн человек, но соответствующее пространство лежащее между ними внутренне-азиатского угла кочевых народов Монголии и Тибета и восточных тюркских народов не заключает в себе и 1/60 этого числа. Шесть седьмых населения земли принадлежат культурным странам. <...>

Если мировая история показывает нам, правда, прерывавшееся, но тем не менее все более и более расширявшееся распространение культуры на земном шаре, то могучим фактором при этом было преобладание числа культурных народов. Между тем как более быстро размножающийся народ отдает свой избыток остальным народам, влияние высшей культуры само собой получает перевес, так как оно служило причиной или условием более сильного размножения. Таким образом, распространение культуры представляется нам самоускоряющимся разрастанием культурных народов на земном шаре, которое ведет к более полному осуществлению единства человеческого рода, являющегося нашей целью и задачей, надеждой и желанием.

Положение диких народов в человечестве

Скажем сперва несколько слов о названии «дикие народы», которое так часто повторяется на этих страницах. Это – те народы, которые более находятся под давлением природы или в зависимости от нее, чем народы культурные. В этом названии выражается различие образа жизни, умственных способностей и исторического положения; насколько оно ничего не предопределяет, мы находим его вдвойне пригодным для нас именно потому, что нами придается ему, быть может, во многих отношениях иное значение, чем то, какое читатель привык связывать с термином «дикие». Мы называем народы дикими не потому, что они стоят в возможно тесной связи с природой, но потому, что они живут под ее давлением. Различия между диким и культурным народом следует искать не в степени, а в характере связи с природой. Культура делает нас свободными не в смысле полного отрешения от природы, а в смысле более разнообразной и широкой связи с ней. <...>

ОТДЕЛ I. Государство и его территория

ГЛАВА I

Государство как организм, тесно связанный с землей

С точки зрения биогеографии государство является одной из форм распространения жизни на земной поверхности. Оно находится в зависимости от тех же влияний, как и жизнь вообще. Особые законы распространения человека определяют также и распространение его государств. <...>

Вместе с человеком государства во все части Света и, по мере возрастания численности населения, увеличивались в числе и величине все более и государства. И как для всего живого, так и для государства условием жизни является его с землей: без земли немыслим ни человек, ни величайшее его создание на земле – государство. Говоря о государстве, мы представляем себе в неразрывной связи известную часть человечества, человеческого труда и вместе с тем известную часть земной поверхности. Государство живет только от земли и владеет прочно только теми преимуществами, какие обеспечивает ему земля.

Таким образом, государство есть организм, в составе которого известная часть земной поверхности играет настолько существенную роль, что все свойства государства определяются свойствами народа и его территории. Такими территориальными, или естественными, природными свойствами являются величина, положение, границы, формы поверхности, растительность и орошение, отношение к другим частям земной поверхности. Но когда мы говорим о «нашей земле», мы связываем в своем представлении с этими природными свойствами также и все то, что создал из этой земли и человек своим трудом: здесь проявляется уже известная духовная связь земли – с нами, ее обитателями, и со всей нашей историей.

Связь народа с его территорией, благодаря их взаимодействию, укрепляется настолько, что народ и его территория становятся чем-то единым и не могут быть взаимно отделены без того, чтобы вместе с тем не уничтожилась и жизнь государства.

Развитие каждого государства является совершенствующейся организацией его территории на основе более тесного единения ее с наро-

²² Ратцель Ф. Политическая география (в изложении Л. Синицкого) // Землеведение. 1898. Кн. I – II // Геополитика. Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев. СПб.: Питер, 2007. С. 15-36.

дом. Замечается несомненная связь между совершенством этой организации и численностью населения. Если на том же пространстве число населения увеличивается, то вместе с тем умножаются и нити, связывающие народ с его территорией, все больше развиваются естественные источники существования, увеличивая мощь народа, который вместе с тем становится более зависимым от своей земли. Чем больше у народа земли, тем слабее связь с нею народонаселения. Различие между культурными и варварскими государствами обуславливается всегда тем, что в первых организация территории продвинулась дальше вперед, чем во вторых.

Но что же одухотворяет это живое тело государственного организма? Политическая идея. Она подлежит также развитию. В простейшем государстве она олицетворяется волею владыки и так же преходяща, как и человеческая жизнь; в государстве культурном ее носителем является целый народ, почему она и возрождается вместе со сменой поколений.

Наиболее сильными государствами будут те, где политическая идея проникает все государственное тело, до последней его части. У народа, которому удалось сохранить свое государство на той же территории в течение столетий, эта неизменная основа государства (его территория) так глубоко сливается с ним, что нельзя даже представить народа без его территории. <...>

И политическая идея обнимает не только народ, но и его территорию. На данной территории может развиваться только одна политическая держава так, чтобы воспринять и себя всю политическую ценность этой территории. Права одного государства на территорию другого уничтожаются самостоятельностью последнего. Что извлекает из известной территории одно государство – теряет другое, так что, не ослабляя себя, одно государство не может терпеть на своей территории никакого другого.

Но если государство и организм, то по сравнению с растениями и животными оно представляется очень несовершенным организмом, так как его члены сохраняют такую самостоятельность, какой не встречается даже у низших животных и растений. На одном уровне с государством, с точки зрения биологического организма, стоят лишь некоторые водоросли и губки. И если, тем не менее, это несовершенное, и органическом смысле, соединение людей, называемое государством, способно к могучим целостным проявлениям, то это – благодаря тому, что государство является духовным и нравственным организмом. Духовная связь заполняет пробелы животной организации, и в этом отношении с государством не может быть отождествлен никакой биологический индивид, настолько оно выше всего прочего. И чем прочнее эта духовная связь, тем большего совершенства достигает государство. Простое

сравнение с биологическим организмом является более подходящим по отношению к примитивным государствам, чем к ушедшим далее вперед по пути развития. Чем больше развилось государство, тем более развитие его оказывается переросшим сто органическую основу.

Было сделано много попыток сравнения государства с организмом, и все они оказались бесплодными. Объясняется это тем, что государство сравнивалось всегда с высокоразвитым организмом, т. е. с таким, отдельные части которого потеряли всякую самостоятельность, тогда как в совершенном государстве граждане, являясь частями целого, в то же время наиболее полным образом развивают свою индивидуальность.

Материально связующим и государстве является лишь территория; отсюда сильное стремление прежде всего на ней обосновать политическую организацию, как будто территория может сама по себе насильственно соединить людей, остающихся разбедненными.

Но если государство покоится на органической связи людей с территорией, то в этом факте – больше чем простая опора для существования государства. Территория государства, при самом возникновении его, не дает еще, конечно, сразу его величины и вида, не определяет еще его границ, но она заключает все это в потенции и таким образом влияет на окончательное создание, которое совершается уже воздействием человека.

Кроме этой материальной связи с территорией, есть, однако, и другая – духовного характера. Она лежит в унаследованной привычке к совместной жизни, в совместном труде и в необходимости внешней защиты. Привычка к совместной жизни вырастает в национальное сознание, сдерживающее миллионы людей; из совместного труда вытекают особые экономические интересы государства; необходимость защиты дает властителям силу – вынуждать совместное существование всех жителей государства. Привычка к совместной жизни не только связывает членов одного народа между собой, но и создает связь с землей, освященную религией. Необходимость защиты окружает страну прочными границами и создает укрепления, ближайшею целью которых является охрана территории, к которой сами они принадлежат.

Каждое человеческое сообщество находится в процессе постоянной борьбы за сохранение своей самостоятельной жизни. Оно хочет остаться организмом, тогда как все работает над низведением его на степень органа. Положение его в этой борьбе трудное. Пред нашими глазами непрестанно происходит включение самостоятельных единиц все в большие союзы, и эта потеря редко возмещается отделением новых единиц. Теперь на всей земле существует всего 54 государства, заслуживающих названия самостоятельных, тогда как несколько столетий тому назад было столько же тысяч самостоятельных государств. Все-

мирный обмен работает над объединением всех государств в один хозяйственный организм, в котором все страны и народы являлись бы лишь подчиненными органами. <...>

ГЛАВА 2

Связь между территорией и пространством

Развитие дает возможность проявляться в государственном организме. В этом развитии сказывается всегда одна тенденция: приведение в более тесную связь территории и ее населения. Поскольку государство организм, ступени его развития ведут от соединения немногих людей с клочком земли вплоть до великой державы, которую образуют множество людей на большой территории. <...>

Через все преобразования проходит, однако, один и тот же принцип, а именно что всякое отношение народа или народа к земле – стремится принять политические формы, и всякое политическое сознание ищет связи с территорией. Этой связи не может не быть ни на одной ступени образования государства. <...>

В прежнее время политика очень часто отличалась нетерриториальным характером. Такой характер носила она у Греции, стремившейся стать мировой торговой державой, не опираясь на собственную территорию. Опыт так же не удался Греции, как не удался он ранее Финикии. Эту же ошибку часто повторяли и торговые колонии: ими практиковали экономическую эксплуатацию территории, вместо того, чтобы стремиться к национальному приобретению ее. В этом отключалась слабость голландской колонизации в С. Америке по сравнению с английской: в то время, как Голландия посылала за море купцов, вторая захватывала территорию при посредстве земледельцев.

В настоящее время всякая война имеет целью отнятие у противника части территории, и чем и усматривается надежнейшее средство для обесилеия врага. Без земли не может быть прочного политического существования. Государства, существовавшие известное время без земли, лишь тогда становились великими державами, когда завладевали территорией, как это легко проследить в истории ламаизма, папства, калифата. <...>

ГЛАВА 3

Владение и господство

Народ представляет собой органическое существо, которое, развиваясь путем работы отдельных лиц, все теснее срастается с территорией и вовлекает ее в процесс развития. Поэтому наряду с ростом государства вишь, идет и его рост вглубь. Путем расширения своей площади или роста в пространстве государство становится больше и увеличивает свои средства существования; путем укрепления на своей территории оно в большей степени обеспечивает свое положение. Подобно корням

растения, государство извлекает из своей земли все более питания и, благодаря тому, все теснее связывается с нею. На каждой ступени развития государство ставит все новые требования по отношению к своей территории, но при этом не оставляет того, что требовалось им ранее, так что общая сумма требований становится все больше. И, подобно тому как в пространственном росте государства, в развитии связи между государством и территорией наблюдается историческая постепенность. <...>

Характер пищи и жизни номадов ведут к выработке сильных, суровых натур, к выработке порядка и дисциплины, необходимых во время перекочевок. Оседлость ослабляет народ политически, номадизм укрепляет его. Но номадизм сам вырывает себе почву из-под ног, потребляя дары природы в том виде, как она сама их создает, тогда как земледелец увеличивает доход от земли и предоставляет возможность все большему числу людей жить за счет той же территории. Земледелие поэтому прогрессирует, тогда как номадизм, по отношению к своей земле, или рано застывает или даже идет на убыль. <...>

Редко народ приспосабливается к характеру почвы настолько как эти кочевники. При всей кажущейся свободе здесь замечается крайняя зависимость от природных условий: кочевая жизнь налагает неизгладимую печать на все общественные и политические учреждения номадов. <...>

Переход к земледельческому состоянию представляет так называемый полуномадизм, когда номад в продолжение своих временных остановок на месте, где месяц-другой стоят его шатры, начинает засеивать бобовые и тыквенные растения, а иногда также и самый неприхотливый из хлебных злаков – просо. <...>

Борьба кочевников и оседлых народов так же стара, как и история. Мы ее встречаем в древнем Египте, с ней связаны корни еврейства. Так как через весь материк Старого Света обширным поясом от Атлантического до Великого океана тянутся пустыни и степи, по обе стороны которых идут плодородные низменности, то через всю историю проходит воздействие кочующих здесь номадов на оседлых народов, живущих по окраинам полосы степей. Ход истории за последние 200 лет неопровержимо свидетельствует о все большем вытеснении номадов из политических границ и круга деятельности оседлых народов. Но было бы еще преждевременно заключать, что номадизм как всемирно-историческая сила вычеркнут навсегда. <...>

ОТДЕЛ II. Историческое движение и роль государств

ГЛАВА 4

Историческое движение

Для политической географии каждый народ, таким образом, является живым телом на неподвижной, по существу, территории, из кото-

рой он извлекает средства для жизни и к которой он, кроме того, привязан духовными отношениями. Это тело заняло известную часть земной поверхности и от других подобных же тел отделено идеальными границами, а иногда также и пустыми пространствами. Народы находятся в постоянном внутреннем движении, переходящем во внешнее движение в случае занятия новой части земной поверхности или потери занятой ими ранее. Получается такое впечатление, как будто народ, подобно медленно текущей массе, переливается вперед и назад. Редко в известный нам истории бывали случаи, чтобы подобное движение распространялось на неограниченное пространство. Обыкновенно при этом происходят лишь небольшие проникания вперед или оттеснения назад, соединение небольших областей с их народами в одну большую или новое распадение этих государств. В политико-географическом смысле эти распадения и соединения будут представляться сменой меньших и больших площадей. Духовные и экономические движения выходят, однако, за пределы этих площадей и в конце концов ведут к тому, что и государства стремятся к распространению на большие пространства. <...>

Прежде всего должны подлежать оценке ценности трех великих политико-географических свойств: местоположения, пространства и границ, причем местоположению принадлежит первая, а границам – последняя роль. <...>

Пространственный рост проявляется, в смысле периферическая явления, в передвижении границ. Расширяющееся государство выдвигает как бы форпосты, выказывающие большую жизнь, чем остальная периферия. <...>

ГЛАВА 6

Завоевание и колонизация

Народ растет, умножаясь в числе, страна – увеличивая свою территорию. Для увеличившегося населения необходимы новые пространства: оно перерастает страну. Сначала оно начинает утилизировать внутри государства те участки земли, которые оставались незанятыми; это – внутренняя колонизация. Если этого оказывается недостаточно, народ обращается к внешней колонизации, очень часто связанной с военным движением вперед, с завоеванием.

Рост государств бывает то преимущественно внутренним, собирающим и накапливающим силы, то внешним, выводящим его за пределы территориальных границ. Это два различных вида исторического развития, проявляющихся то в замкнутости, то в расширяющемся взаимодействии. Ни одно из них не проявляется, впрочем, исключительно. Едва закончился процесс сближения и слияния, как тотчас же замечается более сильное стремление выйти за пределы уже достигнутого. <...>

Расширение государства совершается или путем завоевания, или путем колонизации; последняя может сопровождаться также завоеванием в виде так называемой «завоевательной колонизации». В то время как завоевание совершается сразу, быстрым захватом, колонизация складывается из целого ряда колонизационных движений, представляющих ряд переходов между открытием и завоеванием. Основание колонии является всегда не начальным, а заключительным процессом.

Всякая колонизация предполагает три условия: страну для насаждения колоний; народ, соединяющийся со страной в колонию; движения, связующие новую страну со старою и поддерживающие это соединение. Первое из этих условий ограничено природой земной поверхности, два последних – неограниченны. Было время, когда на земле было много полей, т. е. незаселенной земли. Теперь уже давно колонизация стала, вытеснением. <..>

Между различными колониями могут быть различаемы:

- с преобладающим хозяйственным характером: колонии земледельческие;
- с преобладающим политическим характером: плантации и торговые колонии;
- с чисто политическим характером: завоевательные колонии.

В деле развития колонизации Европа является тем ядром, от которого исходило и теперь исходит мощное развитие колониальных и филиальных государств. <...>

Таблица 1

Колонии и колониальные владения настоящего времени

	Метрополия кв. км	Колонии кв. км	
1	2	3	4
Великобритания	314 628	2 6814 000	
Россия	5 389 975	17 265 000	(с зависимыми государствами Хивую и Бухарою)
Китай	5 396 000	4 500 000	(без Тибета, закрытого для китайской иммиграции)
Франция	536 408	3 200 000	(без Алжира)
Германия	540 521	2 265 700	(без Того)
Бельгия	29 457	2 253 000	

1	2	3	4
Португалия	92 575	2 146 000	
Турция	1 855 900	2 028 561	(владения в Африке и зависимые государства Самоса и Тозаса)
Голландия	33 000	2 004 600	
Соединенные Штаты Америки	7 752 810	14 576 200	(Аляска и область Индейцев)
Аргентина	1 582 810	1 295 400	(территории)
Италия	286 589	247 300	(Эритрея без Ауссы, Сомали и т.д.)
Испания	504 352	429 000	
Дания	38 340	194 520	
Япония	288 404	128 640	(Иессо, Формоза, о-ва Бонин)
Австро-Венгрия	625 337	51 028	(Босния и Герцеговина)
Чили	776 000	195 122	(Магеланас (территория), о-ва Пасхи и Сала и Голец)

ГЛАВА 7

Государственная и естественная области. Внутреннее расчленение и связь

Говоря о государственной области, мы разумеем не что иное, как самое государство в его пространственном ограничении. В состав государственной области входит и собственность отдельных лиц, и собственность государства, как обитаемые, так и необитаемые земли. Собственно география обращает свое внимание исключительно на те свойства области, которые вытекают из жизни государственного организма. Как живой организм государство никогда не может быть совершенно привязано к мертвым границам раз и навсегда определившегося участка, а отсюда жизненными свойствами государства являются передвижения вперед или назад этих границ, несовпадение таможенных границ с политическими, право для одного государства свободного плавания по рекам другого, совместное проведение туннелей и т.д.

Свойствам органического тела, каким является государство, вполне соответствует то, что оно разрушает неорганические рамки полити-

ческих пограничных линий там, где этого требует его жизнедеятельность. При этом области, служащие для сообщений, могут быть открыты не только для одних соседних, но и для многих и даже для всех государств: в таких условиях находятся устья и нижние течения судоходных рек, иногда даже целые речные бассейны, открытые на основании договоров для общего плавания. В состав государственной области включается также и прибрежная полоса моря, причем, во избежание произвола, территориальным морем (*renitorialwatersmer territoriale*) считается прибрежная морская полоса шириною в 3 географические мили.

Кроме собственно государственной области отличают еще сферу интересов, причем область, включенная в сферу интересов данного государства, рассматривается последним как не подлежащая посягательству со стороны другого. <...>

Совершенно особый смысл приобрел термин «сфера интересов» в последнее десятилетие в языке африканской политики. Там этим термином обозначаются пространства, в которых соответствующие государства, опираясь на береговую полосу, часто совершенно незначительную, рассчитывают создать для себя известные интересы. Это, собственно, сфера не интересов, а притязаний.

Государства, создавшие почву для одинакового исторического движения, приобретают благодаря этому сходные черты характера, и таким образом возникают более обширные сообщества, на первый взгляд не имеющие ничего общего с политическими областями государств, но таящие в себе нечто общее, чем и объясняется политическое влияние этих обобщающих элементов. Европа имеет три такие области: одна – охватывающая Средиземное море, область начатков нашей культуры, другая – западная и средняя Европа от Пиренеев до Норд Капа, область распространения этой культуры, и третья – восточная Европа, получившая первоначально свою культуру не с запада, а с юга, область, в которой Византия играла подобную же роль, какую на западе Рим. Все вместе образует европейское государственное сообщество, европейский концерн, совет Европы, в котором имеют голос лишь крупные первоклассные государства. Еще большее целое представляет совокупный комплекс христианских государств Старого Света вместе с их филиальными государствами в остальных частях Света. Комплекс этот больше того, что обещает его название «Христианский мир». Это часть земли, имеющая наивысшую культуру и распространяющая ее с непреодолимой силой. В экономическом отношении это область наиболее оживленных сношений и обмена, наиболее тесного взаимодействия. В политическом отношении это область признания народных прав и сходного, определяемого той или другой высотой культуры отношения ко многим вопросам государственной жизни. <...>

Политическая самостоятельность опирается на самостоятельность географическую. Поэтому вопрос о географической самостоятельности

для политической географии (как и для истории) является важнейшим. Географическая самостоятельность страны заключается в утверждении ее своеобразности по сравнению с окружающим. Совершенно самостоятельны: каждый остров, каждая резко обособленная гора, а менее всего самостоятельны случайно выделенные части большого географического целого: часть Сахары, отрезок долины, половина горы. Как государства такие части имеют неестественные границы. Если политике и придется иметь некоторое время дело с подобными образованиями, то произвольные границы должны очень скоро пасть перед развивающимися сношениями, стремящимися присоединить эти части к тому целому, к которому они должны принадлежать по природе. <...>

А так как каждое государство находится в связи со многими другими, то из этой связи, вначале духовной и хозяйственной, возникают с течением времени новые соединения и слияния. Мы находимся теперь в начале разрешения величайшей задачи этого процесса роста: образования одного человечества из множества народов. Географическим выражением этого росту является продолжающееся увеличение как хозяйственных, так и политических пространств, доходящее теперь, благодаря мировым сношениям, до охватывания всей земли. <...>

В таком сложном целом, как государство, естественно замечается внутреннее расчленение, на котором прежде всего сказываются природные влияния, то более тесно сплавивающие целое, то затрудняющие слияние его частей. Во многих случаях связь, даже на географический взгляд, представляется настолько слабой, что при описаниях отдельные части выделяются сами собою. Сложение из подобных отдельных частей, разбросанных по всему Свету, является одним из отличительных признаков Британской монархии. В меньшем масштабе состав Дании из полуостровного и островного отделов так характерен, что должен быть поставлен на первый план при описании этого королевства. Не менее характерно для Италии сложение из альпийской, аппенинской, ломбардской и островных составляющих ее частей.

Другого рода расчленение, например, Австрии и Венгрии, Швеции и Норвегии, Финляндии и России и т.д., часто не имеет таких естественных оснований, но исторические основы для расчленения так глубоки, что на это обстоятельство приходится обращать внимание в каждом политико-географическом описании. <...>

ОТДЕЛ III. Принципы пространственного роста государств

ГЛАВА 8

Пространственный рост государств

Расширение географического горизонта, плод телесных и духовных усилий бесчисленных поколений, отдает в распоряжение пространственного роста народов все новые области, причем каждая ступень

духовного захвата земли находит и свое политическое выражение. Последовательно сменялись державы западного, восточного и всего Средиземного моря, европейского Запада и европейско-ази-атского Востока, атлантические и всемирные монархии. Географические открытия в истории Римского и каждого другого колониального государства нераздельны с политическим их расширением. Чтобы всякий раз политически овладеть этими растущими пространствами, связать и удержать их, требовались все новые силы, которые могли развиваться лишь медленно, по мере роста культуры и при ее посредстве. Культура создавала все больше сил и средств для объединения народов и все больше расширяла круг, сознания политического единства. Идеи и материальные блага распространялись от мелких начальных и исходных пунктов, находили новые пути для распространения и расширяли свою область. Таким образом, они становились предтечами роста государства, пользовавшегося теми же путями и распространявшегося на те же области. Особенно тесную связь замечаем мы между расширением политической власти и распространением религий, но последний фактор значительно уступает бесконечно большему влиянию обмена и сношений. Что дает всегда новую пищу этим побудительным силам, так это увеличивающаяся с культурой численность населения. Уже один этот факт, вызывая необходимость в новых землях, побуждает к расширению, тогда как еще до того возросшая плотность населения не осталась без влияния на повышение культуры.

Вместе с увеличением населения открывается все больше новых земельных пространств, причем теперь эти открытия совершаются гораздо быстрее, чем в древности. Хотя наиболее великие носители культуры не всегда были и самыми сильными образователями государств, ибо образование государств является лишь одним из применений культурных сил, удающимся лишь при особых условиях, однако все великие государства прошлого и настоящего принадлежат культурным народам. <...>

Между современными государствами материковых размеров только Китай может быть назван древним, но и он более чем половину нынешней своей территории (Монголию и Маньчжурию, Тибет, Юннан, Западный Сечуан, Формозу) приобрел лишь в течение последних столетий. Остальные же большие государства: Русская Империя, Бразилия, Соединенные Штаты, Британская Северная Америка, Австралия возникли лишь в последние 2 1/2 века и все – на территориях прежних мелких государств диких народов. Наиболее замечательная черта современного подразделения земли, громадная величина немногих государств, представляет собой особенность последних веков, достигшую наибольшего развития в нынешнем столетии. <...>

Рост государств является лишь одной из форм политического завладения пространством. Есть другие формы расширений, распространяющиеся быстрее государства, предшествующие ему и подготавливающие для него территорию. Существует известная общая жизнь всего человечества, состоящая из идей и материальных благ, стремящаяся стать предметом обмена между народами. Редко удавалось государствам положить политические пределы распространению тех или других; правилом является скорее то, что они влекут за собой и государства на дорогу, ими проторенную. Проникнутые тем же стремлением к распространению и распространяясь по тем же путям, идеи и товары, миссии и купцы идут часто совместно, сближая народы, усиливая их сходство и подготавливая таким образом почву для политического сближения и соединения. В степени такой подготовки заключается главное различие в образовании государств на низшей и высшей ступенях культуры. <...>

Расширение географического горизонта всегда должно предшествовать политическому росту. Тесная связь географических открытий с ростом государства давно уже признана и разъяснена на подвигах Александра, Цезаря, Васко да Гамы, Колумба, Кука. <...>

Теперь, когда политически использована вся обитаемая земля, замечаются и другие перемены: теперь, как это было в Европе уже целые столетия, государства на каждом континенте находятся во взаимной зависимости. <...>

Но для образования государства важно не только географическое открытие, но также и научное изучение страны. Измерение и картографическая съемка неизбежно сопровождают теперь приобретение новых стран. Так, в русской Средней Азии работа географов и политиков идет рука об руку. <...>

Национальные идеи, политическую силу которых доказывает новейшая история Германии и Италии, близки к религиозным, поскольку они опираются более на темное чувство, чем на ясное сознание. <...>

Национальные идеи являются возбудителями политического брожения, как это показывает история юго-восточной Европы со времен сербской и греческой борьбы за независимость. Они оживляют славное прошлое, в чем известную роль играют, конечно, и воспоминания о большем пространственном распространении, и ставят его как идеал пред политически павшим народом. <...>

Религиозное единение. Человечество всегда чувствовало потребность в объединяющих идеях. Уже у первобытных народов находим мы поэтому религиозную связь впереди политической. Религиозное единство выходит далеко за пределы политических границ. <...>

Все древние государства были теократиями и. Нет династий без божественного происхождения, ни один князь и предводитель не мог не иметь дарования шамана или не быть первым жрецом. <...>

ГЛАВА 9

Рост государства во взаимодействии с окружающими областями

Рост простого политического тела, предоставленный самому себе, поддерживает его жизнь, но не создает нового тела. Разветвления родовых племен не создают большого государства из меньших, а лишь массу государств все той же величины. <...>

Идею крупных государств разносят теперь по всему свету европейцы. Где это сделано неевропейцами, там идея эта принесена народами приморскими и стенными, хамитами и семитами, монголами и тюрками. Если будем искать начала этой идеи у европейцев, то найдем его на берегах восточного Средиземного моря, где плодородные страны расположены среди обширных степных областей. <...>

Так подобно тому, как Нижний Египет вырос по направлению к Верхнему, Китай – из своей лёссовой области по всем направлениям, так и эти страны доставили массы людей для военного нашествия и медленного колониационного завоевания. Но политическая организация этих масс всегда исходила из степей. Такое же организующее влияние, какое оказывают на оседлых земледельцев и ремесленников кочующие номады, оказывают и морские народы: вспомним образование больших государств финикийцами, норманнами, малайцами, современную колонизацию европейцев. Наоборот, чисто земледельческая колонизация всегда склонна к замыканию в узком пространстве.

Эта неизбежность чужих элементов в образовании государств бросает свет на неизбежность смешения народов. Политическое развитие человечества должно, по крайней мере, так же сглаживать различия народов и рас, как и взаимные сношения. <..>

ГЛОВА 10

Географическое уравнивание государств

Государства развиваются в борьбе с соседями, причем состязательным призом являются, большей частью, те или другие земли. И чем больше развивается способность к господству над большими областями, тем решительнее целью политического развития становится приобретение земель, причем большие пространства одного побуждают соседнее государство с меньшим пространством уравнивать различие путем собственного приобретения новых земель, установить равновесие; всякую потерю с одного своего края такое государство стремится возместить приобретениями с другого. История Германии, Австрии, Франции представляет тому ряд примеров. Европейское равновесие никоим образом не является дипломатическим изобретением. Тот факт, что пространства, занимаемые в Европе Австро-Венгрией, Германией, Францией и Испанией, могут быть выражены числами 100, 86, 84 и 80, Нидерландами

и Бельгией – 90, Соединенными Штатами и Британскими владениями в Северной Америке – 96, Онтарио и Квебеком – 97, а равно то, что история всегда представляет подобные же отношения при самых разнообразнейших положениях и степенях величины, все это является результатом медленного развития, достигнутого после продолжительной борьбы. Закон равновесия проявлял свое действие в государствах западной и средней Европы задолго до XVI века; в этом веке борьба Испании, Франции и Габсбургской монархии заставила лишь с большей сознательностью отнести к этому принципу.

Стремление к пространственной равномерности, являющееся пространственным выражением стремления государств к уравниванию, наблюдается не только в Европе. <...>

В этом стремлении к уравниванию замечается подражание со стороны более мелких и юных более крупным и старым. Подражание касается не только величины, но также и политических форм, экономических порядков. Так, все республики Америки, от Мексики до Чили, построили свои конституции по образу Северо-Американской. <...>

Другой интересный вид уравнивания, ведущий к росту государств, даже к их новообразованию, заключается в этническом уравнивании: государство, принимая в себя элементы из враждебного народа, при их же посредстве побеждает этот народ. Так, Рим победил галлов бывшими на его службе галльскими войсками, Германию – германскими, Византию – болгарскими и славянскими. <...>

ОТДЕЛ IV. Положение

ГЛАВА 11

Положение

В положении страны Ратцель отличает общее и особенное положение. Общее отражает лишь важнейшие свойства более крупных областей. Так, отдельные государства, лежащие на пространстве между Эгейским морем и Гиндукушем, Сиро-аравийской пустыней и Тавром, неоднократно меняли свои границы, подвергали различной группировке данные политические элементы, но всегда сохраняли одну постоянную черту: они лежали на перешейке между Эгейским морем и Персидским заливом. Общее положение, таким образом, для всех этих государств оставалось одним и тем же, хотя, конечно, не всякое государство могло « равной степени использовать все элементы этого положения.

Особенное же положение, занимаемое в данное время, может и должно быть определено точнее: здесь приходится указать не ту или другую крупную область, в которой расположена данная страна, а точно определить градусы долготы и широты, указать моря, горы, реки, между которыми она лежит.

Политическая ценность положения определяется тем, является ли оно самостоятельным или зависимым. <...>

Каждое новое политическое образование, для возможности свободного развития должно прежде всего обеспечить за собою пространство, независимое от существующих уже политических тел. Только тогда может оно противостоять им. <...>

ГЛАВА 12

Политическое положение (в узком смысле слова)

Каждый континент распадается на различные стороны и ядро, не имеющее ясно выраженного отношения ни к одной из этих сторон. И скорее противоположающееся им, как внутренность континента (внутренняя Азия, внутренняя Африка). Одна или две стороны континента обращены к краям ойкумены, в связи с чем имеют упомянутые уже своеобразные свойства, остальные же стороны прилегают обыкновенно к морю. В век оживленных сношений внутреннее положение создает большое препятствие по преодолению расстояний. Если природа сама приходит на помощь в этом отношении путем морских заливов, внутренних озер, рек, то эти естественные пути приобретают значение для всего континента. Если этих путей нет, то на внутренних странах лежит отпечаток изолированности и запоздалости; в них замечается сильное тяготение к морю, обещающему им плодотворное сообщение с остальным Светом. Если это тяготение не будет удовлетворено, то внутренние страны легко попадают в политическую зависимость от краевых государств. <...>

Краевое положение, по сравнению с внутренним, всегда является лучшим, так как обеспечивает большую легкость сношений. В связи с этим и историческое развитие краевых стран шло успешнее, чем внутренних. Позже эти краевые страны подпали натиску континентальных народов Северной и Восточной Европы и внутренней Азии. Они или выдержали этот натиск, как Западная Европа нападение среднеазиатских номадов, или же толпы народов влились в пограничные области, остановились там и смешались с туземцами (Галлия, краевые области Китая).

Каждая часть Света имеет различные стороны, омываемые разными морями или частями моря, и ее краевые страны распадаются поэтому на определенные группы. Атлантические, тихоокеанские и прилежащие к Мексиканскому заливу государства Соединенных Штатов имеют настолько же противоположные интересы, насколько различны их положения относительно стран Света. Точно так же и в Европе средиземноморские, атлантические и балтийские государства образуют естественные группы, привязанные и прежде, и теперь своими интересами к тем

морям, у которых они лежат. И на историческую арену эти группы вступили одновременно: самой древней является средиземноморская.

Прилегание к двум океанам, естественно, выгоднее, чем к одному. В этом отношении Америка расположена благоприятнее Европы, где существуют только атлантические положения. Из всех европейских государств одна Россия будет иметь непосредственное отношение к Тихому океану, значение которого растет. Все остальные европейские государства приходят в соприкосновение с ним только при помощи своих колоний и торговли. <...>

Между различными положениями наиболее важны: угловое, так как здесь сталкиваются два направления больших движений, и, в особенности, центральное, имеющее громадное и торговое, и политическое значение. Это положение обязывает одинаково и к нападению, и к защите, оно приводит к различнейшим соприкосновениям с другими странами.

Но при всех выгодах центрального положения есть и невыгодная сторона его: это необеспеченность этого положения в зависимости от отсутствия естественных границ. Страны с таким положением являются скорее политическим, чем географическим понятием. Такое положение закаляет способный к воспитанию народ и губит слабый. Удачные союзы с соседями выгодны для таких внутренних государств, так как улучшают их положение (Германия и тройственный союз).

Самым простейшим случаем является одностороннее соседство: так, Португалия граничит только с одной Испанией, Греция – только с Турцией, Дания – только с Германией, Корея – почти с одним Китаем и т. д. <...>

У большинства государств одностороннее соседство только и мыслимо в том смысле, что одной стороной государство касается соседа, другой – моря...

Наконец, третьим и наиболее частым случаем является многостороннее соседство: страна окружена тремя или большим числом государств, причем более важно не число этих государств, а то, как они расположены. Германия представляет классический пример такого многостороннего соседства: она окружена восьмью соседями, между которыми есть большие, средние и малые. В сравнении с нею положение России, в 40 раз большей, гораздо благоприятнее: у нее всего десять соседей, но между ними только два сильных в современном смысле государства: Австрия и Германия, тогда как у Германии три таких соседа: Россия, Франция и Австрия. <...>

Один из соседей может, по своему положению или форме, особенно облегчать доступ к другому, быть как бы порогом соседней страны. Простейший случай представляют острова, расположенные вдоль страны (таково, например, было положение Эгины относительно Афин, Эв-

беи относительно Средней Греции), а также и полуострова (положение Крымского полуострова). В больших странах совершенно с такой же точки зрения могут рассматриваться краевые провинции; в этом смысле Польша является для России порогом для проникновения и Среднюю Европу.

Область, расположенная между двумя другими, является настолько же переходом, насколько и разделением. Россия отделяет Среднюю Европу от Азии, но чрез Россию же Азия продолжается в Европу. От природы и политических свойств такой области зависит, скажется ли сильнее разделение или соединение. Промежуточные государства могут играть и другую роль: не всегда является большим приобретением, если одно государство непосредственно прилегает к границе другою, и уже давно сильные государства стремились создать между собой промежуточные государства, государства-буферы (Pufferstaaten). Высшим и наиболее устойчивым выражением принципа государств-буферов являются нейтральные государства. Швейцария, Люксембург. Бельгия, в конце концов, только этому принципу и обязаны своим нынешним положением в Европе. <...>

История и политические интересы связывают соседей в определенные ряды, в которых передовые члены воспринимают первыми известные удары, постепенно распространяющиеся уже и дальше. Первые образуют этапы для дальнейших. В определенные исторические периоды всегда есть господствующая, историческая, передняя сторона этих рядов. В классической древности такой стороной была южная сторона Европы, затем ее сменила западная. Различия эти становятся тем меньше, чем дальше идет движение, постепенно охватывая весь мир.

Во всяком политическом ряду наибольшую политическую ценность имеет страна, лежащая ближе всего к цели. Для стремлений России в Индию ценность завоеваний растет от Хивы по направлению к Бухаре и Афганистану и от Армении и Персии по направлению к Афганистану. И обратно, для Англо-Индии ценность стран возрастает от Пенджаба через Пешавар к Кабулу. <...>

Наряду со сплошными массами заселенной земли есть также и разбросанные острова, оазы, придающие разбросанность и занимающим их государствам, и к такому разбросанному раздробленному положению вынуждены многие государства и тем в большей степени, чем шире распространяются они по земле. Все колониальные державы Европы, за единственным исключением России, имеют отделенные от метрополии владения. <...>

Но раздробленность может явиться следствием не только природных, но и политических условий; в особенности же образуется она при внутреннем разложении больших стран и ведет к распадению их на отдельные государства. Старая Германская Империя была классической страной политических осколков, перемешанных крайне пестро. <...>

Раздробленность может быть ослаблена группировкой пространственно разделенных областей: из островов образуются ряды островов, из оазов – ряды оазов. То единое, что разделяет их и соединяет воедино. <...>

ОТДЕЛ V. Пространство

ГЛАВА 13

Политические пространства

Каждое государство находится, таким образом, в генетической связи с земною поверхностью. На государство влияют не только собственное, но и все окружающие пространства, от которых зависят его пути к морю, к другим странам и центрам, а также его рост и, при известных обстоятельствах, и жизнеспособность. Великое значение истории открытий для общей истории заключается именно в том, что она говорит о том, как в круговорот политической жизни втягивались все новые пространства, как новые государства расширяли историческую арену. Вместе с тем с ростом целого изменялась и роль каждой отдельной, самой маленькой страны, а это и политическую историю ставит в более глубокую необходимую связь с общей географией. <...>

Отданного пространства каждого исторического периода зависит то, насколько должны разрастаться государства, чтобы стать всемирными державами. <...>

Если государства разделить на 3 группы: континентальные (5 млн кв. км и больше), средние (5 – 0,2 млн кв. км) и малые, то они следующим образом распределятся по частям Света:

	Континентальные	Средние	Малые
Европа	1	7	16
Азия	3 (Сибирь, Китай, Индийская империя)	8	5
Африка	–	15	4
Америка	3 (Соединенные Штаты, Канада, Бразилия)	9	12
Австралия	1	–	–
Океания	–	–	–

ГЛАВА 14

Политические влияния широких пространств

Размеры площади и продолжительность существования – тесно связанные свойства государств. Те же силы, которые дают народу возможность поддерживать целостность своей наследственной и при-

обретенной территории, далеко превосходящей средние размеры, – те же силы обеспечивают прочность этой цельности в течение десятилетий и столетий. Ясно, что большая государственная область, если она вообще прочна, легче может выдержать внешние повреждения, всегда исходящие из периферии, чем малая. Поход Наполеона на Москву показал, как трудно добраться до сердца большой страны. <...>

ГЛАВА 15

Политическое влияние тесных пространств

Маленькие государства представляют исключение из закона роста государства: они как бы окаменели. В этом их большое отличие от мелких примитивных государств: высшая культура развивает большие и терпит очень мелкие государства; мирное сосуществование самых слабых и мельчайших государств принадлежит к отличительным признакам нашей европейской государственной системы. <...>

Характер политического влияния неизменных тесных пространств, при условии невозможности расширения или развития сил, лучше всего передается термином «государственный провинциализм» (Kleinstaaterei). В государствах, осужденных на изолированное существование, лишенных всякого движения, вымирает все мужественное, выдающееся и разливается ничтожное, провинциальное тщеславие; даже страсть обращается здесь на мелкие интересы. Развивается однообразие в стремлениях и деятельности, крайняя близорукость политики. <...>

ГЛАВА 17

Сношение как покоритель пространства

По мере того как с большей интенсивностью захватываются пространства, растут и артерии сношений, место множества мелких участков дорог занимают немногие главные пути. <...>

При этом замечаются следующие географически определяемые направления рассматриваемого развития:

- увеличение числа дорог;
- рост длины дорог;
- проложение дорог в направлении кратчайшего соединения;
- перенесение сообщений из случайно выбранных проходных областей в наиболее подходящие по природе;
- рост услуг сношений в овладении массами и пространством, частичным следствием чего является переход все большей части крупных сношений с суши на воду. <...>

Каждое государство в большей или меньшей степени принимает участие в торговле, но есть торговые державы по преимуществу. Правда, они могут быть только переходящим явлением, представляющим

один из этапов развития культуры. Резкое отличие торговых от остальных держав постепенно сглаживается: политика всех государств все более проникается экономическими мотивами. Но в данный исторически момент такие государства пока существуют. <...>

Вопросы для самопроверки

1. Каковы основные задачи народоведения?
2. Понятие «диких народов» и определение их значения в социальной системе человечества.
3. В чем сущность государства?
4. В чем природа исторических процессов?
5. Каковы принципы пространственного роста государств?
6. Понятие политического положения государства.
7. Каково значение пространства в жизни государства?

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ, ЕЕ СООТВЕТСТВИИ С ДРУГИМИ ОТРАСЛЯМИ ЗНАНИЯ И ОБ ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА²³

Челлен Ю.Р.

Челлен Юхан Рудольф (1864–1922), шведский юрист и правовед, профессор истории и политических наук Гётеборгского и Упсальского университетов. Изучал системы управления с целью выявления путей создания сильного государства.

О саморефлексии политики²⁴

[Политической науке], вне всякого сомнения, присущ момент саморефлексии (*sjalfbesinningens stund*), когда мысль стремится назад к выявлению собственной проблематики, своих задач и исходного пункта. Предчувствие подсказывает нам, что этот миг уже настал, поскольку великий общественный кризис, затронувший весь мир, проявился в усилении внимания к государствоведческой проблематике. <...>

Если политическая наука пока не превратилась в полноправную дисциплину в общей системе народного просвещения и не стала звеном в системе аттестационных экзаменов высшей школы, то <...> причину тому я вижу в официальном воззрении на ее предмет. <...>

Согласно данному воззрению государство в принципе и в первую очередь является субъектом права. Понятие государства создает именно конституция и ничто иное. Следовательно, наука о нем есть не более чем наука о конституции. Но эта дисциплина уже изучается в высшей школе на юридических факультетах в рамках курса государственного права. Относящаяся к гуманитарной области знания политическая наука пытается отделить себя от права и хоть как-то обозначить собственное своеобразие, совместив перспективу своего развития с историей или выразив ее в метафизическом понятии. Но тем самым она вторгается в законные области двух других наук – истории и (практической) философии. В качестве гибрида этих трех <...> без сердцевины и четко очерченного предметного поля наука политики влачит жалкое существование в сообществе других наук. Но стоит ли тогда удивляться тому, что ей не удалось добиться от общественного мнения того внимания, которое уделяется самостоятельным наукам с собственными предметом и методами исследования? <...>

²³ Челлен Р. О политической науке, ее соответствии с другими отраслями знания и об изучении политического пространства. // Полис. 2005, № 2. С. 115 – 126.

²⁴ Выдержки из введения к книге «Государство как форма жизни». Перевод выполнен по изданию: Kjellen R. *Staten som livsform*. Stockholm, 1916.

Итак, следует констатировать, что традиционный для нашей страны взгляд на предназначение политической науки не дает ей обрести то, что по праву ей принадлежит. Но прежде чем возлагать вину за подобное состояние дел на отечественных администраторов этой науки, необходимо вспомнить, что в данном случае они лишь выражают общее мнение, распространенное даже в так наз. больших культурных странах. Если государство – это юридический факт, то, соответственно, наука о государстве – это правовая наука. Подобное представление характерно для нашей эпохи, оно даже не оспаривается ввиду его самоочевидности. Перед нами всеобщий, а не исключительно национальный предрассудок. <...>

Как бы нам ни хотелось представить науку чем-то величественно бесстрастным (*oberord majestet*), отстраненным от любых веяний эпохи, вряд ли от нас может ускользнуть ее фактическая зависимость от них. Силы, выраженные в этих веяниях, неизбежно распространяясь вглубь и вширь, самым решительным образом влияют на науку, способствуя манипулированию ею. Из положения руководителя политическая наука охотно переходит на роль обычного клерка. Каково современное государство, таково и государствоведение, которому трудно избежать искушения быть скорее апологией случайно реализованных форм, нежели чистым отражением самой идеи государства²⁵. Но тем более необходимо, чтобы оно по крайней мере не останавливалось в развитии согласно собственному предназначению.

Довольно впечатляющее зрелище – наблюдать, как идея государственной власти движется во времени, то поглощая собой сферу интересов индивида, то отступая перед нею. Мощный волновой ритм этого движения в целом совпадает с циклами всеобщей истории. Так, мы видим эту идею вполне сформированной в период взлета государственности в античном мире, а затем истонченной в деятельности средневековых корпораций, снова достигшей кульминации при абсолютизме и опять угнетенной в эпоху индивидуалистического либерализма, под знаком которого прошло все XIX столетие. *Разгадка нынешнего официального взгляда на политическую науку состоит в том, что мы все еще держимся за теоретическое оправдание последнего исторического проявления идеи государства.*

Действительно, знаменитая «манчестерская школа» минимизаторов («*the minimisers*»), восходящая к учению Локка и Канта, хотела бы видеть в государстве лишь «полицейского» гаранта правопорядка. Но с утверждением формального права данная цель себя уже исчерпала, особенно после того как индивид превратился в фактор позитивного госу-

²⁵ Здесь и далее Челлен следует гегельянской традиции рассмотрения идеи государства как своего рода морфологического инварианта политической организации, находящего свои конкретные проявления в истории, точнее, в ходе эволюции. - *Ред.*

дарственного развития. Ведь на практике подобное государство – не более чем юридически-административный факт, «насуспенный и неучитивый господин, сидящий за служебным окошком», как выразился однажды Анатолий Франс.

Можно ли отрицать, что это определение в известной степени применимо и к шведскому государству XIX в.? Прямое и роковое свидетельство тому <...> мы находим в давно утвердившейся фактической монополии юридических факультетов на подготовку кадров для нашего чиновного корпуса. <...> Если деятельность государства в значительной мере ограничивается надзором за соответствием реальности изданным нормативным предписаниям, то образование заключается в изучении этих нормативных предписаний, не более того. Служить государству – значит служить праву, и точка!

<...> Подобно кольцу, которое стало слишком узким для пальца, наша традиционная наука о государстве должна быть расширена. Это необходимо самой науке, дабы теория не оказалась столь же серой, как тень от живого зеленого дерева, под сенью которого эта наука находится. Это необходимо и народу, который сегодня, как никогда прежде, нуждается в данном элементе системы просвещения. Получив всеобщее избирательное право, шведский народ уже не может уклоняться от современного политического образования.

Сущность государства²⁶

Саморефлексия подвела нас к пониманию потребности в расширении сферы политической науки. Возникает вопрос: в каком направлении? <...> Самый короткий путь к решению этой проблемы – обратиться к собственному жизненному опыту и тем представлениям, которые существуют в окружающем нас обществе.

Какой же опыт извлекает гражданин из общения с государством? На первый взгляд, никакого: у человека, как правило, вообще нет опыта общения с государством. В своей повседневной жизни он не сталкивается с ним. Он его не видит. И все же государство всепроникающе, как воздух, гражданин вдыхает его, он пронизан правовым порядком, который ограничивает свободу его действий. Если же ему захочется воочию увидеть государство, то для этого есть простой способ: совершить правонарушение. Тогда словно из тени, где оно обычно скрывается, выступает государство со всеми своими органами и институтами, предназначенными для наказания гражданина: полицией, судами и тюрьмами. Сопrotивляться ему бессмысленно, это только ухудшит положение. Государство обладает властью и средствами принуждения, против которых действия гражданина – щекотка былинкой.

²⁶ Выдержки из первой главы книги «Государство как форма жизни».

Вот – первый образ, в котором государство является индивиду: в виде принуждения, ограничивающего его свободу. Вместе с тем оно олицетворяет собой и защиту от насилия со стороны других индивидов. Очевидно, что и в том, и в другом случае государство обеспечивает определенный правовой порядок реализации непосредственных потребностей индивидов. Подобное вмешательство в сферу свободы, будь то путем принуждения или защиты, осуществляется не прямо ради индивида и даже не только ради правопорядка вообще. Объективно говоря, государство, безусловно, выступает здесь как *воля* и *сила* – воля, которая знает, чего она хочет, и сила, способная добиться желаемого; воля к сохранению правопорядка, сила поддерживать этот правопорядок с помощью надлежащих органов. В качестве такой огромной, мощной и тайной воли государство стоит за спиной живущих повседневной жизнью индивидов, огораживая их крепкой стеной из правовых норм, изданных во имя общественного порядка и свободы.

Итак, первое свойство государства, познанное нами эмпирически, подкрепляет взгляд на государство как на субъект права. Вне сомнения, государство существует в виде правового состояния и действует в правовых формах посредством правовых инструментов. <...>

[Но] государство не всегда ведет себя пассивно по отношению к индивиду. По собственному умыслу, без всякого приглашения с его стороны оно с большей или меньшей периодичностью навевается к нему со своими требованиями и претензиями. Каждый год оно приходит ко всем проживающим на его территории и забирает у них часть честно заработанного на свои нужды – так наз. государственный налог. В какой-то момент – обычно единожды, хотя случаются и рецидивы, – является оно ко всем здоровым людям и прерывает их частную деятельность, призывая на воинскую службу. В экстраординарных ситуациях оно, как настоящий бог войны, требует от своих солдат жертв, вплоть до их жизни. Мы снова сталкиваемся здесь с целеустремленной волей и силой, уже возвысившимися до полного господства над собственностью, рабочим временем и жизнью граждан. <...> Впрочем, и в этом случае их правовой характер еще не утрачен, поскольку притязания государства могут прямо выводиться из необходимости защиты правопорядка от внутренних и внешних посягательств, к тому же очевидно, что для содержания аппарата полиции и армии нужны денежные средства. Но если мы взглянем еще внимательнее, то обнаружим область, где индивид может искать и получать вспомоществование от своего государства вне правовой сферы.

В самом деле, мы знаем множество случаев, – когда государство помогает индивиду и советом, и делом. Оно предоставляет субсидии на возведение жилья, занимается осушением болот, прокладыванием дорог, организацией профессионального обучения – вот несколько взятых наугад примеров деятельности современного государства. <...> Полно-

стью или частично возложив на себя заботу о народном образовании на всех его этапах, государство вторгается в огромную сферу духовных и культурных интересов <...> весьма далекую от правовых рамок.

Таким образом, мы достигли в своем анализе того уровня, когда можем диагностировать наличие у государства интереса к благосостоянию граждан и национальной жизни во всем ее объеме. Разумеется, этот интерес иногда обременителен для индивида. Государство, например, может перекрыть ему дорогу, так что он будет не в состоянии осуществить свои планы, не заручившись государственным согласием в форме так наз. концессии. Мы снова получаем здесь подтверждение тому, что требования и пожелания частного лица – не главное для государства. Оно решает задачи, стоящие над индивидом, и поддерживает частных лиц только в той мере, в какой их деятельность способствует реализации этих задач.

<...> Государство демонстрирует решительный интерес к любого рода развитию. Чем ближе к нашим дням, тем отчетливее проступает эта его черта. Все заметнее инициативы государства в сфере торговли и других отраслях хозяйства и – еще в большей степени – в области культуры. Все нагляднее его присутствие и в той широкой сфере, которую немцы называют «Soziale Fursorge» (социальное обеспечение – *нем.*). <...>

В подобном своем облике государство <...> резко отличается от того старого либерального идеала, согласно которому оно должно заниматься только обеспечением правопорядка, оставив заботу о прогрессе частным лицам. Наше современное государство само стало проводником прогресса, неизмеримо превосходящим по мощи все остальные. Вывод из нашего исследования является прямым и неоспоримым: политическая наука должна получить столь же широкую возможность изучать особенности социальной и экономической силы государства, как и свойства его правовой силы (*rattskraft*). Нас уже не может удовлетворять противопоставление «Staat» (государства – *нем.*) и «Gesellschaft» (общества – *нем.*), поскольку время и сама жизнь сделали его устаревшим. <...>

<...> Ориентация науки о государстве на социальные вопросы означает начало ее эмансипации от чистой юриспруденции. <...> Кроме того, приближение нашей науки к действительности представляет собою шаг к укреплению ее самостоятельности. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что несомненная выгода здесь сопряжена с новыми рисками. Перспектива включения в предмет государственного ведения социальных проблем спасает дисциплину от поглощения юриспруденцией, но при этом возникает вопрос: какое положение она займет по отношению к социологии? <...> Со смелостью, присущей молодости, социология уже предъявляет права на понятие государства как на честно завоеванный трофей. <...> Существует опасность, что, освободив-

шись от односторонности юридической науки, наука о государстве вследствие столь характерной для новых учений претензии на исключительность ударится в другую крайность, связанную с преувеличением значимости обществоведческих проблем.

<...> До сих пор в своем исследовании мы ограничивались рассмотрением внутренних проблем государства, политической жизни изнутри. Теперь нам предстоит извне взглянуть на политическую игру между странами. <...> Мы наблюдаем некоторое количество образов, больших фактических реальностей, совпадающих с человеческими чувствами и в любом случае связанных с ними. Что же они представляют собой по существу? Обычно мы называем их *державами* (makter), чаще всего – в словосочетании *иностранные державы*.

<...> Мы именуем их также *землями* (lander), *царствами* (rike)²⁷, *нациями* (nationer), *народами* (folk), но во всех языках для обозначения их в качестве синонима употребляется слово «государство» (stat). <...>

<...> С самого начала использования этого слова в нашем языке ему присуще двойное значение. <...> В наших представлениях оно подходит на двуликого Януса, одно лицо которого обращено вовнутрь, а другое – вовне.

Теперь зададимся вопросом: в какой науке понятие государства приобрело вторичный смысл? Для ответа на этот вопрос потребуются новый анализ, и при его проведении, безусловно, должна быть принята во внимание географическая составляющая проблемы. Ведь мы используем слова «земля» (land) и «царство» (rike) как своего рода синонимы. На это указывают сами названия стран: Германия (Tyskland – земля немцев), Франция (Frankrike – царство франков) и т.п. <...> Первое, что приходит на ум при упоминании иностранной державы, – это, вне всякого сомнения, ее карта.

Поэтому не следует удивляться тому, что современная география предъявляет претензии на данную область исследования как на собственное наследие и достояние. Ведущим представителем этого движения на рубеже последних двух столетий²⁸ стал Фридрих Ратцель, создатель «антропогеографии» и реформатор политической географии. Исследуя отношения между государством и его почвой (mark)²⁹, он пришел к выводу, что их связь носит более интимный характер, чем полагали преж-

²⁷ Шведское слово «rike» родственно немецкому «das Reich» и латинскому «regnum», которые, в свою очередь, восходят к индоевропейскому *regjo – «царское достоинство, владительство, государство». Блестящий анализ смысла общиндоевропейского этимона «установление прямого направления, правильности и права» см. Бенвенист Э. Рех. - *Словарь индоевропейских социальных терминов*. М., 1995, с. 249-253.

²⁸ Имеется в виду рубеж XIX и XX вв.

²⁹ Хотя шведское слово mark близко к немецкому die Mark («пограничная область») и латинскому margo («край, межа»), в данном случае Челлен употребляет его для обозначения территориального основания государства.

де. <...> «Государство является своего рода очеловеченной и организованной землей», – таков окончательный вердикт Ратцеля. <...>

Однако при дальнейшем анализе обнаруживается неспособность географии и этнографии объять всю эту сферу. Не требуется особенно долгого наблюдения, чтобы заметить, что сущность власти никоим образом не сводится к земле (land) и народу. Эти понятия близки к понятию власти, но никак не исчерпывают ее содержания. Названия Германия, Франция и т.п. подразумевают нечто более широкое, более глубокое. При их упоминании в сознании неизбежно возникают определенные социальные и правовые характеристики, ведь разве можно отделить, например, от образа Германии так наз. милитаризм или от образа Франции – республиканскую конституцию? Разве можно представить себе Англию вне так наз. парламентаризма? Указанные черты, как и все прочие, непостоянны, но в каждый данный момент они неразрывно связаны с конкретной (vederborande) сущностью власти. <...> Загадка государства скрывается в такой духовной глубине, куда не проникает географическая пространственная перспектива. <...> Таким образом, мы сталкиваемся здесь с безусловным пробелом в организации нашей науки. <...> Если процесс просвещения заключается прежде всего в познании окружающих нас мировых связей, то, думается, есть потребность и в просвещении более высокого порядка, предполагающем познание фактов в их однородной сущности. Но, похоже, для такого знания пока нет места в общем здании науки, ибо география не может, а наука о государстве не желает предоставить ему кров.

<...> Почему же государствоведение решительно ничего не предпринимает для преодоления такой ситуации? Почему оно не заявляет во всеуслышание о своем преимущественном и первородном праве? Разумеется, оно не может игнорировать тот очевидный факт, что ни одно из проявлений государства нельзя отделить от земли и народа. Наиболее проницательные наблюдатели уже давно обратили внимание на связь между этими составляющими государства и его конституционной практикой (forfattningslifvet). Но в целом такая взаимосвязь до сих пор оценивалась лишь как чисто внешнее явление. Во всяком случае территория, несмотря на частые к ней обращения, воспринималась как некое подобие рамы для общей картины государства, или пьедестала для его статуи, или же особого подноса, на котором подается наука о государстве, разлитая в бокалы юриспруденции. <...> На таком противопоставлении: или [внутреннее]... или [внешнее], сегодня и остановились. <...> Но если исходя из только что приобретенного опыта мы сравним между собой эти две трактовки, то тотчас заметим, что в обоих случаях перед нами все то же государство, только рассмотренное с разных позиций. Германия, Франция и другие державы, разве изнутри они не кажутся такими же, как Швеция в нашем первом анализе? И разве наша собственная страна не видится извне «иностранный державой», столь же неуверенной в себе и допускающей ошибки, как и другие... <...>

Как будто пелена спала с наших глаз. <...> Нам больше не надо создавать две разные науки о государстве, первая из которых занималась бы исключительно государством как абсолютным вместилищем права и разумной сущностью, а вторая – совокупностью государств как сферой разрозненных интересов! <...>

Исторически данные реальности, которые мы именуем государствами, выглядят совершенно по-разному в зависимости от того, смотрим ли мы на них извне или изнутри. В одном случае центр перспективы находится исключительно среди граждан государства, индивид отстраняется от взаимосвязи с целым и только после этого получает возможность обозрения. Тогда он в первую очередь замечает правовой феномен, затем социальный и экономический и лишь потом, в самом конце, – этнический и географический. <...> В другом случае мы наблюдаем то же противопоставление себе подобным, <...> как один член семьи противопоставляется остальным ее членам. Но при этом мы получаем обратную картину, ибо [при такой перспективе] в глаза бросаются прежде всего географические и этнические особенности государства, весьма далекие от экономических и социальных, хотя в основе общего представления о нем по-прежнему лежит правопорядок. Так возникает международно-правовое понятие государства. <...> Индивид в этой ситуации уже не сторонний наблюдатель, он еще теснее связан с государством; и в результате мы видим, как государственный корабль со своими пассажирами-гражданами на борту правит путь через океан истории.

<...> Понятия [«государство» и «власть»] не равноценны по объему. Внутреннее заключено во внешнем. Конституция – это только одна из многих сторон государства. Государство как власть является более широким понятием, вбирающим в себя юридическое понятие государства, а не наоборот.

Господство языка над мыслью, поддерживавшееся практической иллюзией до тех пор, пока мы устанавливали границы науки о языке, выражалось в доминировании узкого юридического понятия государства, хотя статистика и география простирали свои усилия дальше, к фактическому понятию. Время, похоже, дает серьезное подтверждение преимущественному праву на последнее науки о государстве. *Наша наука должна синтетически встать над старым тезисом государствоведения и антитезисом географии.* При изучении богатой фактической сущности государства мы не можем более довольствоваться противопоставлением «или... или», нам необходимо также сопоставление «как... так и». <...> [Нас должна интересовать] не только правовая сторона государства, пусть даже в высшей степени обогащенная за счет его экономических и общественных составляющих, но и государство в целом, как оно проявляется в реальной жизни. <...>

<...> Только в качестве политической науки в содержательном смысле слова, т.е. науки скорее о «государственном корабле», нежели о

государственном строе, о государствах, а не просто государственных органах <...> государство-ведение найдет свое особое место среди современных исследовательских дисциплин. <...>

<...> Имеющее подобную направленность исследование по своей природе является преимущественно дескриптивным. Его общим основанием выступает эмпирическое наблюдение фактически существующих государств. Оно последовательно рассматривает государство как территориальную форму власти (rike), как экономику, как народ, как общество и как систему господства (herradome), или источник права, не останавливаясь специально ни на одной из этих характеристик. Иначе говоря, оно видит в них лишь особые проявления одного и того же феномена. <...>

Обладая таким ключом, легко различить естественные границы нашей науки по отношению к предмету других наук. Ее левое крыло – не география, но геополитика; ее цель – не территория (land), но всегда и исключительно пронизывающая последнюю политическая организация, т.е. территориальная форма власти (rike). Ее правое крыло – не государственное право и, тем более, не конституционная история, но конституционная и административная политика, или, если использовать единый термин, <...> политика управления (regements politik). <...>

Государство как территориальная форма власти³⁰

Геополитика есть учение о государстве как о географическом организме или явлении в пространстве: как о земле, территории, области или, что более содержательно, – о территориальной форме власти, царстве (rike). Подобно политической науке, геополитика держит в поле своего зрения единство государства, способствуя тем самым пониманию его сущности, в то время как политическая география изучает земную поверхность в качестве места обитания человечества в его отношении к прочим свойствам земли.

Уже было замечено, что территориальная организация власти (rike) – это та сторона государства, которая первая попадает в поле зрения при наблюдении его извне. Подтверждением тому служит номенклатура географических элементов ряда государств. Когда мы под Англией подразумеваем могущественного исторического героя, закрасившего большую часть карты мира своим традиционным красным цветом, то в основе наших представлений, вне всякого сомнения, лежит образ, навеянный этой географической картой. <...> И если термин «земля» (land) может использоваться для обозначения провинций – Вестеталанд, Фрисланд, Ютландия и др., то слово «царство» (rike) употребляется в нашем языке лишь применительно к государству. Более того, это слово часто включается в сами названия государств: например, Франция

³⁰ Выдержки из второй главы книги «Государство как форма жизни».

(*Frankrike*), Австрия (*Osterrrike*), Германская империя (*Tyska riket*) и даже Швеция (*Sverige*), хотя четкость [упомянутого компонента] названия нашей страны оказалась несколько затуманена в ходе развития языка и произношения. К географической номенклатуре относятся и названия таких государств, как Дания³¹ <...> и Норвегия³². <...> Мы не можем думать о государстве отдельно от земли (территории), не колебля при этом понятие государства вообще.

Таким образом, для существования государства явно недостаточно целеустремленной воли и даже организованной власти. <...> Ганза когда-то обладала огромным могуществом, <...> но так и не стала настоящим государством. Деятельность северогерманского Ллойда охватывает все моря мира, однако из его бесчисленных кораблей и контор, безусловно, государства не возникает. Современные профсоюзы и синдикаты смогли приобрести огромную клиентуру и распространились (как Всемирный почтовый союз) практически по всему земному шару, но, поскольку сами по себе они не владеют никакой территорией, им никогда не обрести свойств или статуса государства. В столь же малой степени могут быть причислены к государствам, несмотря на богатейшие фонды, и полутайные союзы, например, Иезуитский орден, хотя Тевтонский орден, в свое время захвативший реальные земли и организовавший управление ими, был государством. Крупнейшее из известных организованных сообществ, за исключением государства, – народная Церковь, а самая большая из всех церквей – всемирная католическая Церковь. Она, без сомнения, и сейчас может претендовать на роль великой державы; она все еще держит в своей «мертвой руке» неисчислимы богатства, обладает необычайно сильной организацией монархического типа, и ее монарх – ровня прочим суверенам. Но все это вместе взятое не превращает Церковь в государство. <...> Необходимый для идентификации в качестве государства территориальный признак имеется лишь у коммуны как органа местного самоуправления, но она лишена права на полное самоопределение (*sjalfbestamningsratt*).

<...> Каждый, кто обращался к эпохе античности, не мог не заметить, что в те времена государства обычно носили имена своих столиц. Знакомясь с античной историей, мы следим за судьбой Афин, Спарты, Фив, наблюдаем борьбу Рима с Карфагеном, видим, как Рим разрастается до размеров огромного культурного сообщества, оставаясь по-прежнему Римом. Когда же вместо этих названий мы сегодня употребляем слова «Греция» и «Италия», то тем самым искажаем действительность. Античные государства являлись городами-государствами, и подобно тому, как это бывает, скажем, у деревни, их территория по сути сводилась к городской округе. Только в пределах городской черты ки-

³¹ Danmark - область, марка данов.

³² Norge - северный путь, путь к северу.

пела государственная жизнь, а потому территориальный аспект лишь косвенно учитывался при определении самого государства. То есть, данный территориальный тип государства представлял собой город с округом. <...>

Западноевропейское средневековье принесло с собой новый [территориальный] тип [государства], прямо противоположный античному. Понятие государства полностью растворилось в понятии территории, *terra*. При этом господство натурального хозяйства и плохое состояние дорог вызвали к жизни феномен кочующего двора с королем, живущим за счет своих владений и не имеющим опоры даже в столице. <...> Но в эпоху абсолютизма XVI – XVII вв. вследствие развития экономики снова появляются государства позднеримского, преимущественно византийского, типа. В результате опять возникают сильно развитые столичные центры. <...> Это ведет к окончательному распределению и выравниванию между столицей и остальной территорией, столь характерному для современных европейских стран³³.

На гребне этого общего развития столицы получают новое дыхание (*reinkarnation*). Это происходит в конце эпохи средневековья в связи с расцветом капиталистического способа хозяйствования в трех основных регионах: в Северной Италии (Венеция, Генуя, Флоренция), частично во Фландрии (Гент, Брюгге, Антверпен) и частично в Германии с ее «имперскими городами», которые после Вестфальского мира получили в рамках империи ту же самостоятельность, что и другие немецкие земли. <...> Вплоть до окончания Французской революции ярчайшим примером города-государства, построенного по образцу римского полиса (*Roms cert*), оставалась Венеция. В настоящее время сохранилось лишь несколько суверенных городов, включенных в современную структуру территории; к ним относятся так наз. «свободные имперские города» – Гамбург, Любек, Бремен, а также такой полукантон, как Базель. Однако на самом деле все они являются не более чем провинциальными центрами, пользующимися широким самоуправлением благодаря покровительству высших властей страны.

На сегодняшний день подобный тип государства тоже принято считать исчерпавшим себя. <...>

<...> Мы констатируем, что современное государство охватывает собой территорию как городов, так и всей страны (*land*). Все государства – землевладельцы. Следующее наблюдение касается различия между государством и частным землевладельцем. Крестьянин может продать свой хутор (*gerd*) и купить новый. <...> Совсем по-другому обстоит дело с государством. Государство не может никуда переехать. В противоположность бродячим ордам кочевников у него постоянное место жительства

³³ Впрочем, значение столиц в современных демократиях сегодня вновь начало снижаться. <...>

и прописка (hemortsratt). Это установлено раз и навсегда для всех краев (mark). Государство прикреплено к своей земле, оно погибнет, если нарушит эту связь. Оно подчинено «особенностям жизни» на этой земле. Представьте себе, что все население Швеции утратило связь с монархом, государственным флагом, всей своей подвижной культурой и присоединилось к кому-то другому, вошло в другое окружение. Швецию мы не смогли бы унести с собой, позади нас лежало бы мертвое шведское государство.

Мы зафиксировали здесь то свойство, которое сближает государство с феноменами растительного мира, например – с лесом. Государство, <...> подобно лесу, связано с определенной почвой, из которой получает питание и в которую, как дерево, вплетено своими корнями. Есть у него и сходство с миром животных, ибо принадлежащие к государству индивиды могут свободно передвигаться, а значит – и служить его интересам, находясь за пределами государственной территории. <...> В растительной и животной среде можно найти аналогии и процессу колонизации, когда новое государство вырастает как молодой побег на старом дереве. Вместе с тем все антропоморфные аналогии исчерпываются способностью государства устанавливать духовные связи. <...>

Вот в целом те соображения, которые появляются при первоначальной рекогносцировке просторов геополитики (geopolitikens vida). <...> Я склонен трактовать отношение между государством и его территориальной организацией (rike) не столько как внешнюю связь между собственником и собственностью, сколько как внутреннюю связь между личностью и ее физическим телом. И я полностью убежден, что данная трактовка, вместе с проанализированным здесь материалом, поможет нам изучать те многочисленные нити, которые связывают свободную волю государства с территориальной формой его власти (rike).

Вопросы для самопроверки

1. Как, по мнению Челлена, должен измениться предмет политической науки?
2. Какова сущность государства?
3. Каково значение территории в деятельности государства?

ГРАНИЦЫ В ИХ ГЕОГРАФИЧЕСКОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ³⁴

Хаусхофер К.

Хаусхофер Карл (1869 – 1946), известный немецкий геополитик. По образованию – военный. После выхода в отставку преподавал географию в Мюнхенском университете. Был знаком с Р. Гессом и поддерживал нацистов после их прихода к власти.

ГЛАВА XV

Оценка границ по качеству и типам

Первую группу (I) можно было бы образовать из отчетливо продвинутых вперед, ставших опорным органом (*Greiforgan*) с военно-географической точки зрения наступательных границ. Опорные пункты на границе (*Wachstumsspitzen*), горловины коммуникаций (*Verkehrsköpfe*), как их великолепно описывает Ратцель в книге *Gesetzen des raumlichen Wachstums der Staaten* («Законы пространственного роста государств»), характерны для много объемлющей жизни такой границы: Гонконг (Сянган) с Коулупом (Шюлуи) по отношению к Южному Китаю, Пешавар и Кветта по отношению к Восточному Ирану; так ощущается Мексикой граница по Рио-Гранде, а нынешней Германией – Страсбург.

К I группе примыкает высокоорганизованная, насыщенная коммуникациями, всегда успешно продвигающаяся, развивающаяся граница (II). Ее можно было бы назвать с военно-географической точки зрения границей начеку. Насколько широко можно было бы рассматривать таковой западную государственную границу [Германии], русскую с ее построенной на французские деньги по чисто стратегическим соображениям железнодорожной сетью в канун 1914 г., именно с присущими им соответственно такими тонкостями, как военно-географическая западня – «шармская дыра» (*trou de Chanties*) и польская железнодорожная сеть? Виделись ли они такими, когда германский штаб придерживался еще возможности русского отступления в глубь [страны] и оставления на произвол судьбы всей этой пограничной организации, когда левое крыло [немецкого] войска после битвы в Лотарингии бегом устремилось прямо на Эпинал и шармскую западню?

Средняя, третья, ступень (III) – граница равновесия, с обеих сторон одновременно и разграничивающая, и соединяющая инстинктивно вер-

³⁴ Границы в их географическом и политическом значении. // Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М., 2001. С. 147 – 152.

ные или осознанные жизненные формы, и одна из прочнейших пограничных жизненных форм, которая может быть создана только при обоюдном понимании. Временами ее двусторонняя безопасность – симптом прочности благодаря состоянию кондоминиума, как казалось длительное время для Люксембурга и Мореснета, особенно пока Люксембург был в руках голландцев, как примерно могло бы быть с широко задуманной автономией, предоставленной пограничному ландшафту в Эльзасе, Южном Тироле, если бы... по ту сторону осознали ее преимущество.

Четвертый тип (IV) – укрепленная граница (*Schutzgrenze*) в состоянии обороны. Она часто имеет сильные, подкрепленные крупными средствами оборонительные сооружения с обеих сторон, известную предрасположенность к поощрению враждебных переходных коммуникаций и защитных зон. Опытный глаз очень легко отличит высокоразвитую в военно-техническом отношении оборонительную границу от границы начеку. В первом случае основу составляют добротные отстроенные долговременные укрепления: крепости не могут маршировать! Так, именно укрепление Верхнего Рейна было явным симптомом нежелания немецкой стороны нападать в этом месте. Оно, следовательно, могло скорее успокоить, чем возбудить Базель. Выдвинутые вперед ramпы, подготовка коммуникаций, проложенные железнодорожные пути (как в Пешаваре, Мерве, Кветте) и уже подведенные к чужим крупным рекам средства для наведения мостов – признаки намерения перейти границу! Закладка Англией пирсов в Зебрюгге (Бельгия) и Эсбьерге (Дания), подготовленные возможности для высадки десанта, предмостные укрепления, принудительный демонтаж крепостей у соседей, как на германском Рейне, – недвусмысленные признаки того, что речь идет не только о защите и безопасности.

Наконец, пятый тип (V) – распадающаяся граница (*Zersetzungsgrenze*), разоруженная, брошенная на произвол судьбы, открытая для проникновения, подрыва, вылазок, вторжения в чужие опорные пункты и центры сношений. Промежуточные области с неустойчивым состоянием населения, расчлененность на малые пространства (дезорганизация) делают ее распознаваемой. Со своей стороны она будет разлагаться именно более сильными, растущими жизненными формами благодаря центрам сношений и опорным пунктам, в результате воздействия на душевное состояние ее жителей.

Агрессивные и оборонительные сооружения средств сообщения легко различимы при равной грузонапряженности сети коммуникаций (плотности (интенсивности движения) железных дорог).

Еще один тип, который следует скорее рассматривать как подвид третьего, как разновидность границы равновесия, – спокойная, близкая к анэйкуменной граница.

Границы тем надежнее и безопаснее, чем больше они одновременно окаймляют области с сырьевыми ресурсами и заселенные; иными словами, спокойная, инертная граница (*Trag-heitsgrenze*), удобная для пограничных сношений, может долго оставаться неизменной, как и совсем не вызывающим соблазна, замкнутым видом границы. На противоположной стороне существует, естественно, повышенная опасность, где впадают и искушение узнать, что находится на поверхности земли и под ней; признаки выходящих пластов (соль, калий, каменный уголь, железная руда) оказывают свое воздействие. Именно так могут возникать авантюристические отношения на границе: проходы, соединяющие залежи (Берхтесгаден – Халлейн), штольни, которые с военной точки зрения должны быть отгорожены, как между калийными копами в Верхнем Эльзасе севернее Мюльхаузена; и здесь, разумеется, любому доступны пределы величин (залежи калийных солей между Мюльхаузеном и Баденом, бассейн Брие, каменный уголь Верхней Силезии, золотой прииск на Амуре). Насколько сильно противостоят таким отношениям соблазна разделяющая способность меридиональных русел крупных рек между Китаем и Индией, скажем, в противоположность уже больше не разделяющим сегодня афганским пограничным горным районам. Там, где геология, морфология ландшафта, климат, биогеография взаимодействуют в установлении границ, мы имеем как раз наилучшие границы; но самые лучшие всегда там, куда не приходит человек, – в аййкумене!

Противопоставляя чрезмерно полнокровную, тонизирующую, легко возбуждающую границу (*Reizgrenze*) спокойной или застывшей, малокровной, застойной границе, можно также, вероятно, прийти к плодотворным антропогеографическим (т.е. геополитическим) выводам.

Тонизирующие, вызывающие искушение границы активно или пассивно обнаруживают по отношению к той или иной жизненной форме аналогичные состояния. Они показывают с антропогеографической точки зрения повышенный подвод связи, внезапное изменение давления населения, его более свободное отношение к земле, более ранний, чем в ее «хинтерланде», переход от натурального хозяйства, от автаркии к чисто денежному хозяйству или к состоянию монокультуры, более раннюю социальную дифференциацию, разделение труда, но и порчу нравов, более быстрое и более глубокое смешение рас, в том числе в животном мире и в мире хозяйственных растений, о дальнейшем распространении которых заботятся затем области свободных портов, открытых портовых зон, транзитных вокзалов, передовые опорные пункты всех видов, горловины коммуникаций, колонии портов (как в Китае), международные колонии (шанхайский сэттльмент). Они часто образуют почти самостоятельные миниатюрные транзитные государства, настоящие центры и подцентры распределения, к которым имеет обыкновенно прицепляться система ячеек (по образцу большевистской).

При этом географические проявления родственны, идет ли речь о размещении опорных пунктов на море (Данциг, Гонконг, Сингапур), на озерах и реках (Линдау, Констанц, города на реке Инн, Зальцбург), на горных перевалах (Партенкирхен, Клеве-Плюре), на кромке горных зон (Пешавар, Верона, Беллуно, Герц), в проломах лесных зон (Москва), на проходах через зыбуны (персидские торговые пункты по крайней мере солончаковых пустынь Биканер, Джайпур).

Повсюду неудержимо усиливающаяся жизненность проявляется также культурно-географически в чрезвычайно богатом смешении стилей, поглощении и дальнейшем распространении местнотуждых образцов строений и изделий и лейтмотивов культуры (отражение греческого в культуре Гандхары, турфанские находки, англо-индийский колониальный стиль, новокаталонский стиль в архитектуре). Антропогеографические, покрытые многими рунами пограничные знаки народов и культур особенно поучительны в пространственно связанных, хорошо обозреваемых местах. Таковы Гвалиор, Ангкорват. Пекин и Мукден (Шэньян), Анурадхапура, Москва, в особенности Кремль, а также Вена и Мюнхен.

Часто имеет место изоляция особо возбуждающих пунктов в противовес политико-географическим жизненным формам, очень сильным по характеру и здоровым. Так поступала Япония по отношению к Осима и Хирадо, Китай в случае Кантона против Шамьяна, столь же внушает опасения как фильтр Восточный Лондон в Англии, Вена в отношении австрийских альпийских земель. Имперские города создавались как сепаратные районы (Нюрнберг – Фюрт!), но и у государств иногда вырастает на такой почве стремление формироваться как особые органы. На этой основе выросли альпийские государства на перевалах: Савойя, древние кантоны, Тироль, распространившие свое господство над Альпами крупные епископства – Зальцбург и Фрейзинг.

Совсем иную картину являет окостеневшая или окостеневающая инертная граница. Она обнаруживает большие различия, смотря по тому, возникает ли граница вследствие внутреннего застоя (Япония между 1636 и 1854 г., старевшая Венеция) или же окостеневает, испытывая давление в результате принуждения извне или же блокады или же создавая препятствие любым возможностям внешнего воздействия, которое внутри становится причиной, мешающей естественному общению и кровообращению. Подобными проявлениями изобиловали старые и новые австрийские границы, отношения между Сербией и Центральной Европой были таким образом отравлены из-за венгерских препятствий на границе. <...>

ГЛАВА I

К вопросу о геополитике панидеи

Убедительный опыт географии и истории свидетельствует о том, что все идеи, которые провозглашают охватывающие целые народы широкие цели (панидеи), инстинктивно стремятся к воплощению, а затем и к развитию в пространстве, становясь поддающимися описанию и реальными явлениями на просторах Земли в понятиях, имеющих мировое политическое значение... <...>

Подобный опыт показывает нам, вплоть до сегодняшнего дня, по меньшей мере сквозь семь тысячелетий, что человечество нередко и во многих своих начинаниях задерживалось на пути, ведущем от общинно-племенной групповой организации через народное (национальное) государство к мечте о совместном освоении всех известных земель, о планетарном союзе. <...>

В тот момент, когда панидеи воплощаются на просторах Земли – и пусть это происходит в скромных формах родового наследства апостола Петра или нынешнего Ватикана, в исполнительных органах Второго или Третьего Интернационалов, Панамериканских союзов или объединенного всемирного государства, в протоколах Пантихоокеанского союза, в журнале «Пан-Европа» с его точной картой мира на обороте, – они тотчас же становятся добычей науки о пространстве в ее применении к государственно оформленной воле, объектом геополитики, которая исследует определяемые Землей, происходящие на ее почве процессы при каждом воплощении власти (силы) в пространстве, ее разделении, перераспределении, динамике, даже если речь идет о влиянии идей и их носителей. <...>

Мы видим, что почти все панидеи прошлого – и среди них многие появившиеся задолго до святилища панэллинского (т.е. всегреческого) Зевса, который подарил нам путеводное слово, – как-то действительны и по сей день. Это панидеи, возникшие на основе религиозных верований Передней и Средней Азии, как идеи мировой державы Ирана, панидеи эллинизма, Рима, монголов, иберов, англосаксов, китайцев. Разве мы не узнаем без труда их продолжающееся действие и примирении церковью, в панисламизме, в движении за Великую Испанию и латинизацию, в панславизме и в движении за Великую Британию. Даже огни жизни

³⁵ Панидеи в геополитике. // Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М., 2001. С. 253, 255 – 259, 342, 348.

древних восточноиранских снязностей (*Zusammenhangen*), столь чудовишно растоптанных монголами, вновь тянутся вверх, подобно индонезийским, к рунам которых в диаспоре принадлежат такие выдающиеся памятники культуры, как Ангкорват и Боробудур. При этом мы признаем «панидеями» только те, которые, возвысившись над откровенно завоевательским и эксплуататорским мышлением, выступали носителями культурных миссии (*Kultursendungen*) и были обращены фактически ко всем, а не только к одержавшему верх господствующему слою. В число этих идей следует включить и пангерманскую. <...>

С того момента, когда после завершения [первой] мировой войны стало известно, что столь страстно желаемая многими идеалистами консолидация всей планеты в едином сообществе народов – даже в столь шаткой и бессильной структуре, как женеvская [т.е. Лига Наций], – не удалась (поскольку в ней отсутствовали две основные жизненные формы – Соединенные Штаты Северной Америки и Советский Союз, а еще больше – власть и воля к подлинному равноправию ее членов и к действительной защите меньшинств), на переднем плане вновь появилась исполдволь осуществленная еще в 1900 г. в Австралии мысль об объединении одной части Смета в качестве промежуточной ступени к фактически еще не созревшему подразделению (*Durchgliederung*) структуры всей Земли.

Но при этом быстро обнаружились две очень большие трудности, а именно то, что отдельные части Света, крупные материковые ландшафты, в ходе своего развития совершенно по-разному преуспели на пути к этой цели и что прежде всего представленное еще Ратцелем в столь ярком свете континентально-океанское противоречие заставило считаться с собой.

Из больших традиционных «частей Света» (имеется множество новых классификаций, и среди них предложенные Э. Банзе, но не вошедшие в обиход) уже однажды оформлялась пан-Азия, но затем распалась. Пан-Австралия еще в 1900 г. консолидировалась в Австралийское сообщество (*Commonwealth*), однако без своего океанского дополнения (Новой Зеландии), на которое сильно рассчитывали при его создании, конструкция получила мнимое равновесие и осталась столь неудовлетворительной, что у порога – всенародное голосование по поводу ее перестройки. Пан-Африка все еще стояла на перепутье и зависела прежде всего от вопроса расовой эмансипации. Пан-Америки располагала международно признанными основными образованиями, но с 1900 г., похоже, бездействовала. Пан-Европа была сокровенной мечтой. Однако именно между этой сокровенной мечтой и возможностью ее осуществления вклинились в качестве парализующей силы морские панидеи, носители которых предстали как прочное следствие былого морского всемирно-политического образования вокруг романского Средиземно-

морья – средиземноморской Римской империи, а позже ислама, и устойчивое присутствие морских панидей крупных островных народов и островных государств – англосаксов и японцев, равно как и паназиатские связи Советов и сопредельных с ними государств. Не только в Срединных морях Земли, а именно в романском, где панидеи составляли существенное содержание того, что мы так долго называли всемирной историей, в американском, где Соединенные Штаты защищают свою более скромную морскую панидею (наряду с крупной тихоокеанской), и австрало-азиатском, где панмалайская идея восстала против колониальных держав, но и в океанах они уже отчетливо набросили свои пересекающиеся тени, вступив в борьбу с континентальными образованиями.

При этом три океана проявляли себя по отношению к образованиям панидеи совершенно по-разному. В Атлантическом океане, который долгое время во многих случаях был разделяющим рвом мировой политики, четко определились меридиональное и широтное размежевания: раздел Север – Юг между англосаксонскими, исконно северо-германскими и иберийскими коренными и колониальными народами (*Stamm-und Koloniaivölker*) (где Запад противостоял колониально-политическому образу действия посредством мятежей, доктрины Монро, панамериканских идей, дополненных умной культурной политикой) и проходящая с Востока на Запад демаркационная линия (*Scheidemark*) германо-иберийского раздела. В Индийском океане, где, «оседлав» муссоны, впервые с транспортно-технической точки зрения осилили трансокеанский переход крупного моря (правда. Ратцель был склонен считать его лишь «полуокеаном»), на более ранние малайскую и арабскую панидеи наложилась ныне британская, за которой, однако, становится уже ощутимым индийское притязание на Восточную Африку как «Индийскую Америку», проникшее при завершении мировой войны в казавшуюся осуществленной британскую империю Индийского моря. Напротив, в Тихом океане образовался искусственно вызванный к жизни, но значительный, в основном культурно-политический Пантхоокеанский союз в качестве будущего инструмента осуществления своей панидеи. Но как раз рассмотрение и культурно-политическая оценка этой крупномасштабной синтетической панидеи самого большого моря – самого огромного географического пространства Земли, одной из всеобщих географических категорий всей ее совокупной поверхности – невольно приводят нас к выводу о пересечении панидеи, порожденных не нашим временем, но действующих в нем в полную меру. <...>

И все же именно во взаимосвязи паназиатской и пантхоокеанской идей еще больше, чем в связи пан-Европы с какой-нибудь другой панидеей, которая пересекается с мечтами панъевропейцев (вроде пан-

малайской, евразийской панславизма, великобританской, пананглосаксонской), мы наблюдаем важное геополитически действующее различие панидеи, разделяющее их на эволюционные и революционные. Очевидно, эволюционные черты несут в себе, например, паптихоокеанская и в меньшей степени, в противовес ее колониально-испанскому происхождению, – современная панамериканская идея, а также большинство «наднациональных» объединительных взглядов, исходящих от островных народов и островных государств. Исключение составляет вновь возродившееся вследствие гнета панмалайское движение, которое может стать эволюционным, лишь склоняясь к идее «Великой Японии», а революционным – обретя мощную поддержку направляемого из Москвы, а также Китая и Индии революционного паназиатского движения, питаемого антагонизмом в положении цветных и белых и мире, – т. е., например, выступающего за «пан-Африку африканцев», против «белой Австралии». <...>

Некоторые панидеи располагают сводными программами, изложенными в таких журналах, как *Pan-Europa*, или *Pacific Affaris* Пантихоокеанского союза, или «Новый Восток» (Москва), «Young Asia», или в книгах, кои самими соответствующими движениями рассматриваются в качестве своего священного писания, например труд Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» – «библия» панславизма или книга Б.К. Саркара *Futurism of Young Asia*. Другие же программы приходится терпеливо искать в протоколах различных конгрессов и движений. <...>

ГЛАВА IX

Планетарное будущее панидеи

Решающий ответ на вопрос о правомерности существования панидей между современными великими и малыми державами и поистине дееспособной всемирной организацией, которой у нас еще нет, будет попросту зависеть от того, смогут ли панидеи служить мостом или препятствием к решению главной проблемы физической антропогеографии: справедливого распределения становящейся все более тесной Земли сообразно ее производительности для всемерного развития деятельности по освоению пространства и его способности нести нагрузку. Приведет ли такое развитие к подлинному миру во всем мире или же снова ввергнет его в борьбу за существование, только уже между более крупными пространствами и с еще более страшными последствиями для человечества? <...>

Итак, мы видим, что все без исключения организованные к настоящему моменту или готовые к организации панидеи витают в лимбе между планетарной организацией и национальными государственными образованиями народного духа (*Volkshheiten*), но внутри этого большого свободного пространства – почти все на разных плоскостях и с глубокими пересечениями. <...>

КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ БЛОК: БЕРЛИН – МОСКВА – ТОКИО³⁶

Хаусхофер К.

Нет сомнения, что наиболее грандиозным и важным событием в временной мировой политике является перспектива образования могущественного континентального блока, который объединил бы Европу с Севером и Востоком Азии.

Но проекты такого масштаба не рождаются лишь в голове у того или иного государственного деятеля, будь он столь же велик, как обладавшая способностью перевоплощаться знаменитая греческая богиня войны. Осведомленные люди знают, что такие планы готовятся в течение долгого времени. Именно в силу этого обстоятельства я охотно принимаю предложение нашей географической школы, избравшей именно меня из представителей старшего поколения для того, чтобы привести свидетельства формирования континентальной евроазиатской политики – ведь уже много лет, начиная с первых рискованных попыток установления дружеских, а впоследствии и союзных отношений, я предпринимаю систематические исследования этого вопроса, позволяющие мне постоянно следить (подчас непосредственно присутствуя при образовании этих политических объединений) за кузницей судьбы, а иногда и вносить в нее свой скромный вклад.

Прежде всего необходимо усвоить один из принципов геополитики, который был впервые сформулирован еще в далекие времена зарождения римского государства и с тех пор не утратил своей актуальности: *Fas est ab hoste doceri* («Учиться у противника – священный долг»).

Вскоре после рождения важных политических образований у потенциального противника появляется инстинкт близкой угрозы, то самое симптоматическое чувство, которое замечательный японский социолог Г.Е. Вишара приписывает всему своему народу и которое позволяет японцам издали видеть приближение какой-либо опасности. Такая национальная характеристика, вне сомнения, весьма драгоценна. Как бы то ни было, первыми едва появившуюся на горизонте возможность создания евроазиатского континентального блока, чреватого угрозой мировому англосаксонскому господству, увидели как раз английские и американские руководители, в то время как мы во Втором Рейхе не составили себе никакого представления о том, что можно извлечь из соединения Центральной Европы и могущественного по-

³⁶ Хаусхофер К. Континентальный блок: Берлин – Москва – Токио. // Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. мыслить пространством. М., 2000. С. 825 – 832, 834 – 835.

тенциала Восточной Азии через необъятную Евразию. Лорд Пальмерстон, один из наиболее жестких и удачливых империалистических политиков, первым сказал премьер-министру, отстранившему его от должности во время правительственного кризиса: «Наши отношения с Францией теперь могут стать несколько натянутыми, но мы должны их сохранить любой ценой, ибо на заднем плане нам угрожает Россия, которая может соединить Европу и Восточную Азию, и одни мы не сможем этому противостоять». Эта фраза была произнесена в 1851 г. – в эпоху, когда во всем своем блеске находилась победоносная Англия, когда пережившие ряд тяжелых внутренних кризисов Соединенные Штаты впервые применили жесткую формулу, которую нам следует навсегда начертать на наших скрижалях – формулу «политики анаконды». Гигантская змея, которая душит свою жертву, сжимая вокруг нее свои кольца до тех пор, пока не будут раздроблены все кости и не прекратится дыхание – образ не из приятных. Попытавшись представить себе эту угрозу, нависающую над политическими пространствами Старого Света, можно понять, какими бы стали величина и могущество этих пространств в случае неудачи «политики анаконды». Кроме того, еще в период процветания победоносной мировой империи раздалось предостережение и другого империалиста – Гомера Ли, написавшего знаменитую книгу о закате англосаксов. В этой книге, принадлежащей эпохе очевидного апогея мировой Британской империи, можно прочитать, что роковой день, закат богов может настать для мировой англоязычной империи в тот день, когда Германия, Россия и Япония станут союзниками друг друга.

Все время, пока процветает мировая британская империя, существует это мрачное опасение относительно единственного альянса, заставляющего предчувствовать, что рано или поздно силы окружения – этого столь блистательно и умело разработанного искусства, мастером применения которого в Средние века была Венеция, – могут потерпеть крах. В наше время самые пронзительные предостережения сделал сэр Х. Маккиндер, написавший в 1904 г. эссе о географической оси истории. Ось – это великая империя степей, центр Старого Света, кем бы она ни управлялась – персами, монголами, тюрками, белыми или красными царями. В 1919 г. Маккиндер делает новое предостережение и предлагает раз и навсегда разделить немцев и русских, переселив жителей Восточной Пруссии на левый берег Вислы. Далее, в последние дни перед началом блицкрига против Польши, «Нью Стэйтсман» обвинил узкий круг геополитиков, в том числе и нас, в поиске наиболее эффективных способов борьбы с британской империей и британским империализмом их собственными средствами. Мы были бы счастливы, если бы смогли действительно использовать эти средства в целях нашей обороны, в особенности в те моменты, когда оказываемся лицом к лицу с агрессивными действиями. Наконец, можно

вспомнить и мою беседу со старшим Чемберленом, который предвидел опасность того, что Англия в конце концов может бросить в объятия друг друга Германию, Россию и Японию в их безнадежной борьбе за обеспечение необходимых жизненных условий: вот почему он предлагал сотрудничество между Англией, Германией и Японией. Страх перед германо-русским сотрудничеством даже в 1919 г., когда мы были разоружены и производили совершенно безобидное впечатление, был настолько силен, что родилось предложение ценой грандиозного переселения жителей Восточной Пруссии на Запад ограничить пределы Германии западным берегом Вислы, – в сущности, лишь для того, чтобы Германия и Россия больше не имели общих границ. Рапалльский договор явился грандиозным разочарованием для Маккиндера и его школы. Таким образом, страх перед возможными потенциальными последствиями континентальной политики Старого Света для мировой Британской Империи проходит через всю ее историю. Ощутимый с самого начала, этот страх становится все более и более ясным впоследствии, по мере того как правители Британской империи утрачивали свою былую способность к видению ситуации в целом и некогда присущее им искусство смотреть фактам в лицо. А как известно, «страх и ненависть – плохие советчики».

Можно заметить подобное предчувствие и в Соединенных Штатах. Так, Брук Адаме, один из наиболее замечательных и прозорливых специалистов в области экономической политики, еще задолго до приобретения Киао-Чао указывал на то, до какой степени будет поставлена под угрозу возрастающая англицизация мира, если через проведение обширной железнодорожной трансконтинентальной линии с конечными пунктами и Порт-Артуре и Циндао будет достигнуто грандиозное германо-русско-восточно-азиатское объединение – единственное объединение, против которого окажутся бессильными какие бы то ни было попытки английской, американской или даже объединенной блокады. Итак, не кто иной, как наш противник придает нам уверенность в том, что прочный континентальный блок одержит верх над «политикой анаконды» в экономическом, военном, морском и стратегическом плане, – ту уверенность, которую мы с радостью отметили при второй попытке удушения Старого Света.

Посмотрим на перспективу образования континентального блока глазами «победителей», которым уже при приобретении Киао-Чао приписывали столь обширные планы. К нашему стыду, следует признать, что уже на рубеже XX века в России и Японии было гораздо больше мыслящих голов, предвидевших и исследовавших возможность создания континентального блока, нежели в Центральной Европе. Так, можно вспомнить, что во время подготовки англо-японского союза 1902 г., из которого Англия извлекла гораздо большую выгоду, чем Япония, у дальневосточной островной империи было ощущение,

что ее вовлекают в кабальный договор. Это соглашение беспокоило Японию, так как ей надо было бы обеспечить равное участие в соглашении Германии, которая явилась бы вторым противовесом могуществу британского флота. Переговоры тянулись два года, на протяжении которых предпринимались неоднократные попытки полноправного включения Германии в игру. Японцам казалось, что в одиночку Япония не сможет остаться на одном уровне с британским морским могуществом того времени, а подписанный договор окажется кабальным.

«Если бы германский и японский флоты сотрудничали с русской сухопутной армией, океанское соглашение перестало бы быть кабальной по отношению к Японии сделкой, превратившись в равный договор», – такой была позиция прозорливых японцев. <...>

...Когда японский маркиз Ито, пытаясь поставить на ноги японо-русско-германский союз, отправился через Санкт-Петербург в Германию, с целью нейтрализации его континентальных планов была предпринята нечистоплотная акция по изменению шифра поступавших из Японии депеш. Японские визитеры собирались противопоставить ответные хитрости англо-японскому союзу во Фридрихсруэ, сельском поместье Бисмарка – государственного мужа, которому особенно поклонялся маркиз Ито. Уже в 1901-1902 гг. у них было ясное представление о возможности создания континентального союза, и эта возможность углубленно изучалась в Японии. Довольно откровенно говорили о ней и в 1909 – 1910 гг. В то время мы располагали прекрасным посредником для установления контакта с самыми высокими японскими сферами – с маркизом Ито, с его самым умным последователем графом Гото, с Кацурой, который был тогда председателем совета министров, с наиболее влиятельными личностями в кругу пожилых государственных деятелей. Дело в том, что огромную роль здесь играл личный врач японской императорской семьи, блистательный знаток Дальнего Востока вюртембержец Эльвин фон Баэльд. <...>

Важным звеном в этой грандиозной политике была Россия. Там основным защитником мысли о необходимости образования континентального блока был немец по происхождению Витте, создатель транссибирской железной магистрали и один из наиболее важных русских финансистов. Во время войны он разрабатывал заключение сепаратного мира с Германией и в 1915 г. умер при странных обстоятельствах. В России всегда существовало течение, осознававшее выгоды и возможности, которые заключало в себе германо-русско-японское сотрудничество; и когда после войны один из наиболее выдающихся государственных деятелей – обладавший железным характером Брокдорф-Рантцау – захотел с моей помощью восстановить нить контактов, два русских государственных деятеля контролировали этот процесс и стремились благоприятствовать его ходу. По правде говоря, следовало соглашаться на все, что угодно, для достижения цели объединить ради высшего политиче-

ского интереса японцев и русских, чтобы они смогли обоснованно урегулировать границы, защитив тем самым свои тылы и получив возможность для развертывания политической активности в других направлениях. <...>

У нас во Втором Рейхе было слишком лояльное отношение к британской колониальной политике, чтобы воспользоваться жесткими и трезвыми геополитическими возможностями континентального союза, способного долго приносить хорошие плоды. Второй Рейх отказался от этой перспективы, хотя использование этих возможностей предполагало вероятность двойного давления на противника. И именно в этом отказе таилась большая опасность.

Сегодня мы знаем: можно построить довольно дерзкие стальные конструкции, но лишь в том случае, если имеется твердый и прочный фундамент, если из по-настоящему крепкой и упругой стали сделаны основные несущие опоры, если структура сооружения настолько прочна, что намертво спаяны и камень, и стальное сочленение. Но особую прочность и устойчивость к мировым бурям такая стальная конструкция получает тогда, когда в само ее основание введены, как в наших новых мостах, прочные каменные укрепления пространственного блока, простирающегося от Балтийского и Черного морей до Тихого Океана.

Подчеркнем, что на возможность участия Германии в такой континентальной политике мы смотрим совершенно хладнокровно. Эта возможность не была реализована маркизом Ито и Бисмарком. Аналогичные попытки предпринимал, обращаясь к Тирпицу, адмирал Като, начальник штаба флота в Цусиме, в том же самом направлении были сделаны и мои скромные усилия. Для всех нас, работавших над этим великим соглашением ради спасения всего Старого Света, предварительным условием было германо-японское объединение.

Японский государственный деятель Гото говорил мне: «Вспомните русскую тройную упряжку – «тройку». Там применяется особый способ запрягать: в центре идет самая норовистая и самая сильная лошадь; а справа и слева, поддерживая среднюю, бегут две более покладистые. Обладая такой упряжкой, можно сильно выиграть в скорости и мощи». Взглянув на карту Старого Света, мы констатируем, что такой тройной упряжке подобны три пограничных моря: во-первых, ставшее в последнее время довольно политически близким нам Балтийское море с прибалтийским пространством; во-вторых, намного менее освоенное своими прибрежными жителями, чем Балтика нами, Японское море и, в-третьих, находящаяся под итальянским господством и недавно замкнутая с юга Адриатика с примыкающим к ней Восточным Средиземноморьем. Все эти пограничные моря расположены в районах наиболее важных выходов России к свободному океану, если не учитывать свободный Северный ледовитый океан, использование которого зависит от капризов его обогрева атлантическими водами Гольфстрима.

Японцы, подчиняясь своему прочному инстинкту и следуя тактике контроля моря, в основном замкнули зону, окружающую русский выход к свободному океану в районе Владивостока, поступив намного более логично, чем германцы поступили с колыбелью своей расы и балтийском пространстве.

Еще в 1935 г. мы нанесли себе в Швеции бесконечный урон, убедив социал-демократическое правительство Стокгольма, а затем и Осло, отказаться от уверенности в защите со стороны Лиги Наций и предпринять самостоятельные меры по защите своего обширного пространства: мы заявили, что такие меры нашли бы у нас самое полное понимание. Но, как известно, обещанного три года ждут. Предложенные пакты о ненападении так и не были приняты, и пространство Балтийского моря стало, таким образом, выглядеть для нас гораздо менее отраднo, нежели пространство Японского моря – для японцев. <...>

Поняв, что в компетентных правительственных кругах Швеции и Норвегии она не найдет необходимого понимания, Германия решила однозначно следовать основным линиям континентальной политики, не учитывая интересы тех, чье дружелюбие выражалось лишь в громких фразах. Мы не могли из-за нескольких геополитических аутсайдеров ставить под удар ту «тройку», которая только и могла вырвать Старый Свет из объятий «анаконды». <...>

Что касается последних инициатив, то огромную роль в подготовке континентального союза следует отнести и хорошо известным графу Мушакои и барону Ошима. Как нам известно, на протяжении всей войны в Китае Япония сражалась лишь левой рукой, поскольку правая рука с резервной военной силой была всегда наготове в Манчжурии. Там были сосредоточены такие силы, о которых мы даже не предполагали. Теперь вопрос о границе отчасти урегулирован, причем в крайне искусной форме. К примеру, был заключен договор в отношении Монголии, где в течение пяти месяцев русские и японцы вели серьезные бои, повлекшие за собой многочисленные смерти и ранения. Тогда одновременно от обеих враждующих сторон, из Москвы и из Токио, поступили предложения положить конец этой борьбе. Вскоре это и было сделано. <...>

Итак, на востоке от нас простирается Союз Советских Социалистических Республик с политико-пространственной массой в 21 352 571 кв. км (без учета последних аннексий), с 13 000 км береговых линий и 182 млн жителей. Далее располагается Япония, площадь которой составляет около 2 млн кв. км (без учета территорий, расположенных вне ее непосредственных границ, а также территорий ее мощных союзников) с весьма продолжительной береговой линией и со 140 млн человек населения.

Разумеется, из этого числа лишь 73 млн жителей империи являются в прямом смысле ее политической и военной опорой, но рабочая

сила числом 140 млн человек вполне доступна. Перед лицом такого положения дел на Востоке, мы хотя и трудимся, интенсифицируя наши культурные и экономические связи на западном фланге блока, но все-таки, с политико-пространственной точки зрения, не действуем в том объеме, как другие партнеры. В нашем распоряжении находится 1 млн кв. км (а также право еще на 3 млн кв. км в колониях) и от 87 до 100 млн человек. Промежуточное положение в силу наличия как океанических, так и континентальных условий существования занимает Италия, обладающая 250 тыс. км побережий (что влечет за собой их уязвимость и необходимость прилагать основные усилия к развитию флота и авиации) и от 57 до 60 млн человеческого резерва. Если мы сравним эти цифры с теми, на которых основывались центральные державы во время мировой войны, то, исходя из геополитических данных, увидим заметную разницу между положением дел тогда и теперь. И если нам удастся консолидироваться и поддерживать эту отважную и грандиозную евроазиатскую континентальную политику вплоть до достижения ее последних великих последствий проявятся ее огромные возможности, при которых, к примеру, автономия и независимость Индии будут являться просто одним из сопутствующих такой политике феноменов. <...>

С первых минут после обнародования советско-германского пакта о ненападении мы наблюдаем чрезвычайный перепорот в индийском общественном мнении. До этого англоиндийские газеты были исполнены фразеологией на тему укрепления демократии во всем мире; и именно ради этого должна была существовать Индия. Но стоило только возникнуть грандиозному призраку европейской континентальной политики, как это мнение, подобно резкому изменению погоды, полностью переменялось. Теперь индийцы полагают, что Советский Союз, безусловно, мог бы причинить англичанам значительные неприятности в Индии – для этого ему будет достаточно вмешаться и переправить свои армии через перевалы.

Грандиозное и столь ослепительное во всей полноте эффектов зрелище евроазиатской континентальной политики подготавливалось по отдельности многими людьми. Оно было не случайным броском в неизвестность, но сознательным исполнением великой необходимости.

Вопросы для самопроверки

1. Какие типы границ выделял Хаусхофер?
2. Что такое пан-идеи?
3. Что такое пан-регионы?
4. Какова природа континентального блока Берлин – Москва – Токио?

Шмитт К.

Шмитт Карл (1899–1985), крупный немецкий правовед, политолог и геополитик. Преподавал в университетах Грайфсвольда, Бонна, Берлина. Занимал крайне правую, граничащую с нацизмом политическую позицию.

1. Основателем учения о происхождении всего живого из водной стихии чаще всего называют греческого натурфилософа Фалеса из Милета (ок. 500 г. до Р.Х.). Но это воззрение одновременно моложе и старше Фалеса. Оно вечно. В XIX в. о происхождении людей и всего живого из моря учил крупный немецкий ученый Лоренц Окен. И в генеалогических схемах, сконструированных естествоиспытателями-дарвинистами, рыбы и наземные животные идут рядом и один за другим в различной последовательности. Обитатели моря фигурируют здесь как предки людей. Древнейшая и древняя форма человечества, по всей видимости, подтверждают эту гипотезу о происхождении жизни. Авторитетные исследователи открыли, что наряду с «автохтонными», то есть родившимися на суше, существуют также «автоталассические», то есть исключительно морем определенные народы, никогда не бывшие путешественниками по земле и не хотевшие ничего знать о твердой суше. На островах тихоого океана, у полинезийских мореплавателей, канаков и самоа еще можно обнаружить последние остатки таких людей-рыб. Все их бытие, мир представлений, язык складывались под определенным воздействием моря. Все наше представление о пространстве и времени, сложившиеся в условиях твердой поверхности суши, казались им настолько же чуждыми и непонятными, насколько для нас, жителей суши, мир тех чисто морских людей означает едва постижимый иной мир.

В любом случае возникает вопрос: что есть наша стихия? Мы – дети земли или моря? На этот вопрос невозможно ответить однозначно. Доисторические мифы, естественнонаучные гипотезы Нового времени и результаты исторического исследования эпохи первых письменных памятников оставляют обе возможности для ответа открытыми.

2. Слово «стихия» в любом случае требует небольшого дополнительного пояснения. Со времени вышеупомянутого философа Фалеса, начиная с эпохи ионийской философии, т. е. примерно с 500 г. до н. э., у европейских народов принято говорить о четырех стихиях или эле-

³⁷ Шмитт К. Земля и Море. Созерцание всемирной истории // Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М., 2000. С. 841 – 849, 851 – 861, 867 – 870, 874 – 875, 877 – 879, 881, 882.

ментах. С тех пор это представление о четверке элементов – Земле, Воде, Воздухе и Огне – осталось живо и неискоренимо до сего дня, несмотря на всю научную критику. Современное естествознание упразднило эти четыре изначальные стихии; оно различает сегодня более девяносто совсем иначе структурированных «элементов» и понимает под этим словом каждый исходный материал, неразложимый и нерастворимый посредством методов сегодняшней химии. Таким образом, элементы, исследуемые сегодня естествознанием экспериментально и теоретически, имеют с теми четырьмя изначальными первоэлементами лишь общее название. Ни один физик или химик не решится сегодня утверждать, что какой-либо из четырех первоэлементов является единственной первопричиной, исходным материалом вселенной, как то говорил о воде Фалес Милетский, об огне – Гераклит Эфесский, о воздухе – Анаксимен Милетский, а Эмпедокл из Акраганта учил о соединении стихий, которые называл «корнями всех вещей». Один лишь вопрос о том, что, собственно, означают здесь слова «первопричина, исходный материал, корни вещей» – вовлек бы нас в обсуждение необозримого количества физических, естественнонаучных, метафизических и гносеологических проблем. Для нужд нашего исторического созерцания мы можем все же ограничиться представлением об этой четверке элементов или стихий. Ибо для нас эти стихии суть, простые и наглядные имена. Это обобщающие значения, указывающие на различного рода фундаментальные возможности человеческого бытия в мире. Поэтому мы вправе еще и сегодня использовать их, в особенности когда ведем речь о господстве посредством моря и о господстве посредством суши, о морских и континентальных державах, имея в виду стихии воды и земли.

Таким образом, «элементы» Земля и Море, о которых идет речь ниже, не могут мыслиться лишь как естественнонаучные величины. В этом случае они бы немедленно распались на химические составляющие, т.е. обратились бы в историческое ничто. <...>

3. Всемирная история – это история борьбы континентальных держав против морских держав и морских держав против континентальных держав. Адмирал Кастекс, французский специалист по военной науке, предпослал своей книге о стратегии обобщающий заголовок: «Море против Земли» (*la Mer contre la Terre*). Тем самым он пребывает в русле давней традиции.

Изначальный антагонизм земли и моря был замечен с давних пор, и еще в конце XIX в. имевшуюся тогда напряженность в отношениях между Россией и Англией любили изображать в виде битвы медведя с китом. Кит обозначает здесь огромную мифическую рыбу, Левиафана, о котором мы еще кое-что услышим, медведь же означает одного из многих представителей наземных животных. Согласно средневековым толкованиям так называемых каббалистов, всемирная история суть не что

иное, как борьба между могущественным китом, Левиафаном и столь же сильным наземным животным Бегемотом, которого представляли себе в виде быка или слона. Оба имени – Левиафан и Бегемот – заимствованы из книги Иова (главы 40 и 41). Итак, каббалисты утверждают, что Бегемот старается разорвать Левиафана своими рогами и зубами, Левиафан же стремится зажать своими плавниками пасть и нос Бегемота, чтобы тот не смог есть и дышать. Это предельно наглядное, какое только и позволяет дать миф, изображение блокады континентальной державы морской державой, которая закрывает все морские подходы к суше, чтобы вызвать голод. Так обе воюющие державы убивают друг друга. <...>

Бросим же беглый взгляд на некоторые события всемирной истории под углом зрения этой борьбы между землей и морем.

Мир греческой античности возник из путешествий и войн народов-мореплавателей, «недаром вскормил их бог моря». Господствовавшая на острове Крит морская держава изгнала персов из восточной части Средиземноморья и создала культуру, все необъяснимое очарование которой было явлено нам при раскопках Кносса. Тысячелетие спустя в морской сражении при Саламинии (480 г. до Р. Х.) свободный город Афины оборонялся от своего врага – «всем повелевающих персов» – за деревянными стенами, т. е. на кораблях, и спасся благодаря этой морской битве. Его собственное господство было побеждено в Пелопонесской войне континентальной Спартой; последняя, однако, именно в силу своего континентального характера оказалась не в состоянии объединить города Эллады и возглавить греческую империю. Рим, напротив, бывший с самого начала итальянской крестьянской республикой и чисто континентальным государством, превратился в настоящую империю в процессе борьбы с морским и торговым господством Карфагена. История Рима, как вся в совокупности, так особенно и в этот период долгой борьбы между Римом и Карфагеном, часто сравнивалась с другими историческими ситуациями и катаклизмами. Такие сравнения и параллели могут быть весьма поучительными, однако они часто приводят к странному противоречию. Например, параллели всемирной английской империи находят то в Риме, то в Карфагене. Сравнения такого рода в большинстве случаев являются палкой о двух концах, которую можно взять и повернуть любой стороной. Из рук угасавшей Римской империи морское господство вырвали вандалы, сарацины, викинги и норманны. После множества неудачных попыток арабы покорили Карфаген (698 г.) и основали новую столицу Тунис. Тем самым началось их многовековое господство над западным Средиземноморьем. Восточноримская Византийская империя, управляющая из Константинополя, была береговой империей. В ее распоряжении был сильный флот и таинственное боевое средство – так называемый греческий огонь. Впрочем, все это служило

исключительно оборонительным целям. Во всяком случае, в своем качестве морской державы она могла предпринимать нечто такое, чего не могла себе позволить империя Карла Великого – держава чисто континентальная; Византия была настоящим «удерживающим», «катехоном», несмотря на свою слабость, она «удерживала» ислам много веков, предотвращая тем самым возможность завоевания Италии арабами. В противном случае с Италией случилось бы то же самое, что произошло тогда с Северной Африкой – антично-христианская культура оказалась бы уничтоженной и Италия была бы поглощена миром ислама. В христианско-европейском ареале впоследствии возникла новая морская держава, возвысившаяся благодаря крестовым походам: Венеция, <...>

Эта сказочная царица моря сияла все ярче с 1000 по 1500 г. <...> Между этими двумя датами лежит эпоха венецианского морского господства над Адриатикой, Эгейским морем и восточной частью Средиземного моря. <...>

В эту эпоху возникла легенда, привлекающая в Венецию еще в XIX–XX вв. бесконечное множество путешественников и знаменитых романтиков всех европейских наций...

И в области техники кораблестроения республика Венеция «не покидала» Средиземного моря и Средневековья вплоть до своего упадке в 1797 г. Как и народы Средиземноморья, Венеция знала только гребное судно, галеру. Судходство на больших парусниках пришло в Средиземное море из Атлантического океана. Венецианский флот был и остался флотом больших галер, движимых гребной силой. Парус использовался лишь в качестве дополнительного элемента при благоприятном попутном ветре, как это было уже в античную эпоху. <...>

В античном морском сражении гребные суда атакуют друг друга и пытаются протаранить и взять на бордаж один другого. Морской бой поэтому всегда представляет собой ближний бой. «Корабли хватают друг друга словно пары борющихся мужчин». В битве при Милах римляне сперва брали вражеские суда на бордаж, перебрасывая настилы из досок, и устанавливали таким образом мост, по которому могли вступить на вражеский корабль. Морской бой превращался тем самым в сухопутное сражение на кораблях. <...>

Последнее крупное морское сражение такого рода оказалось вместе с тем последним славным подвигом венецианской истории – то был морской бой при Лепанто (1571). Здесь испано-венецианский флот встретился с турецким и одержал самую убедительную победу на море из всех, когда-либо одержанных христианами над мусульманами. Битва произошла в том же самом месте, у Акциума, где незадолго до начала нашей эры (30 г. до Р. Х.) вступили в бой флотилии Востока и Запада, Антония и Октавиана. Морская битва при Лепанто велась в основном теми же корабельно-техническими средствами, что и сражение у Акциума полтора тысячелетия назад. <...>

Изменение способа ведения войны на море произошло многими годами позже битвы при Лепанто – именно при разгроме испанской армады в проливе Ла-Манш. Маленькие парусники англичан обнаружили свое преимущество перед большими кораблями испанского флота. Однако ведущими в области техники кораблестроения были тогда не англичане, а голландцы. За время с 1450 по 1600 г. голландцы изобрели новых типов кораблей больше, чем все остальные народы. Просто открытия новых частей света и океанов было недостаточно для того, чтобы заложить основы господства на мировых океанах и обеспечить выбор моря в качестве стихии существования. <...>

Тогда, в XVI столетии, на нашей планете два различных вида охотников одновременно находились во власти пробуждения стихий. На земле то были русские охотники на пушного зверя, которые, следуя за пушным зверем, покорили Сибирь и вышли по суше к восточно-азиатскому побережью; на море – северо- и западноевропейские охотники на кита, которые охотились на всех мировых океанах и, как справедливо указывает Мишле, сделали видимым глобус. Они – первенцы новой, стихийной экзистенции, первые настоящие «дети моря».

6. На эту смену эпох приходится важнейшее событие в области техники. И здесь голландцы оказываются впереди всех. В 1600 г. они были бесспорными мастерами кораблестроения. Они изобрели новые приемы парусной техники и новые типы парусных кораблей, которые упразднили весла и открыли возможности для навигации и судоходства, отвечающие размерам вновь открытых мировых океанов. <...>

Они унаследовали также торговлю немецкой Ганзы. Даже мировая держава Испания была вынуждена фрахтовать голландские суда для обеспечения своих трансатлантических перевозок.

В XVI в., кроме того, появляется новый военный корабль, и этим открывается новая эра морской военной стратегии: оснащенный орудиями парусник с бортов обстреливает залпами противника. Тем самым морское сражение становится артиллерийским боем с дальнего расстояния, требующим большого искусства управления парусником. Только теперь можно по-настоящему говорить о морском сражении, ибо сражение экипажей гребных галер, как мы видели, представляет собой только сухопутный бой на корабле. С этим связана совершенно новая тактика морского боя и ведения войны на море – новое искусство «эволюции», необходимое до, во время и после морского сражения. <...>

Все западно- и центральноевропейские народы внесли свой вклад в общее достижение, заключавшееся в открытии новой земли и имевшее следствием всемирную европейскую гегемонию. <...>

8. Королева Елизавета вполне заслуженно считается великой основательницей английского морского господства. Она вступила в борьбу с мировой гегемонией католической Испании. Во время ее прав-

ления была одержана победа над испанской армадой к проливу Ла-Манш (1588); она воодушевляла и чествовала таких героев моря, как Френсис Дрейк и Уолтер Рэлли; из ее рук в 1600 г. получила торговые привилегии английская Ост-Индская торговая кампания, покорившая впоследствии под английское владычество всю Индию. За 15 лет правления Елизаветы (1558–603) Англия стала богатой страной, какой прежде не являлась. Раньше англичане занимались овцеводством и продавали во Фландрию шерсть; теперь же со всех морей к английским островам устремились сказочные трофеи английских пиратов и корсаров. Королева радовалась этим сокровищам – они пополняли ее богатства. В этом отношении все время своего девичества она занималась тем же самым, чем занимались многочисленные английские дворяне и буржуа ее эпохи, – все они участвовали в большом деле добычи. Сотни тысяч англичан и англичанок стали тогда «корсар-капиталистами», *corsairs capitalistes*. Это также относится к тому стихийному повороту от земли к морю, о котором мы здесь ведем речь. <...>

9. Англичане сравнительно поздно добиваются успехов в океанических плаваниях. Португальцы стали заниматься мореплаванием на сто лет раньше, однако плавали они в основном вдоль побережья. С 1492 г. испанцы начинают великую Конкисту, покорение Америки. На ними быстро последовали французские мореплаватели, гугеноты и англичане. Но лишь в 1553 г. с основанием *Muscovy Company* Англия начинает проводить трансатлантическую политику, с помощью которой ей удалось несколько потеснить прочие великие колониальные державы. <...>

Так Англия стала наследницей, универсальной наследницей великого пробуждения европейских народов....Англия осуществила превращение стихий в совсем иной момент истории, совсем иным образом, нежели прежние морские державы. Она действительно отделилась от земли и основала свое существование к стихии моря. Благодаря этому она выиграла только многие морские сражения и войны, но одержала верх в чем-то совсем ином и бесконечно большем, – в революции, а именно в уникальной революции, в планетарной революции пространства. <...>

10. Что такое – революция пространства?

Человек обладает определенным представлением своего «пространства»; это представление изменяется под влиянием крупных исторических преобразований. Различным жизненным формам соответствует столь же разнообразные пространства. <...>

Но государства и силы истории не дожидаются данных науки точно так же, как Христофор Колумб не дожидаясь Коперника. Каждый раз, когда ввиду новой атаки исторических сил, через высвобождение новых энергий в поле зрения всего человечества попадают новые земли и океаны, изменяются также пространства исторической экзи-

стенции. Тогда возникают новые масштабы и измерения политико-исторического действия, новые науки, новые устройства, новая жизнь новых или возродившихся народов. Это распространение может быть настолько интенсивным и поразительным, что меняются не только меры, масштабы и пропорции, не только внешнее окружение человека, но и сама структура понятий пространства. Тогда уже можно говорить о революции пространства. Впрочем, с каждым историческим изменением в большинстве случаев связано видоизменение картины пространства. Это является истинной сущностью той всеобъемлющей политической, научной и культурной трансформации, которая тогда разочивается. <...>

13. Всякое привычное упорядочивание представляет собой упорядочение пространства. О составлении, конституировании страны или части света говорят как о его основном, первичном упорядочивании, его номосе. <...>

Столь поразительная, беспрецедентная пространственная революция, какая имело место в XVI – XVII вв., должна была привести к столь же неслыханному, не имеющему аналогий захвату земель. Европейские народы, которым открылись тогда новые, казавшиеся бесконечными пространства и которые устремились в даль этих просторов, обходились с открытыми ими неевропейскими и нехристианскими народами как с бесхозным добром, которое становилось собственностью первого попавшегося европейского захватчика. <...>

14. Португальцы, испанцы, французы, голландцы и англичане боролись между собой за раздел новой земли. Борьба велась не только силой оружия; она протекала также в форме дипломатического и юридического спора за получение более выгодного права собственности. <...>

До тех пор пока Португалия и Испания, две католические державы, определяли положение дел в мире, папа римский мог выступать в качестве творца правовых актов, инициатора новых колониальных захватов и арбитра в споре колониальных держав. Уже в 1493 г., т.е. по прошествии почти года после открытия Америки, испанцам удалось добиться издания тогдашним папой Александром VI эдикта, в котором папа силой своего апостольского авторитета даровал королю Кастилии и Леона и его наследникам только что открытые вест-индские страны в качестве мирских ленных владений Церкви.

В этом эдикте была определена линия, проходившая через Атлантический океан в ста милях к Западу от Азорских островов и островов Зеленого Мыса. Испания получала от папы все земли, открытые западнее этой линии, в ленное владение. В следующем году Испания и Португалия условились в договоре у Тордесильяс о том, что все земли восточнее линии должны принадлежать Португалии. Так немедленно с огромным размахом начинается раздел Нового Света, хотя Колумб

открыл к тому времени всего лишь несколько островов и прибрежных областей. В то время еще никто не мог представить себе реальную картину всей Земли, однако передел Земли начал осуществляться в полной мере и по всем правилам. Папская разделительная линия 1493 г. оказалась в начале борьбы за новое исходное упорядочения, за новый номос Земли.

Более ста лет испанцы и португальцы ссылались на папские решения в своем стремлении отклонить все притязания следовавших за ними французов, голландцев и англичан. Бразилия, открытая Кабралем в 1500 г., стала естественным образом собственностью Португалии, ибо эта выступающая часть западного побережья Америки попала в восточное, португальское полушарие вследствие позднейшего переноса разделительной линии к Западу. Однако другие державы-колонизаторы не чувствовали себя связанными условиями соглашения между Португалией и Испанией, а авторитета Римского Папы не хватало для того, чтобы внушить им уважение к колониальной монополии обеих католических держав. Благодаря Реформации народы, примявшие протестантизм, открыто порвали с любой зависимостью от римского престола. Так борьба за колонизацию новой земли прекратилась в борьбе между Реформацией и Контрреформацией, между всемирным католицизмом испанцев и всемирным протестантизмом гугенотов, голландцев и англичан. <...>

16. В то время как на береговой стороне исторического свершения с большим размахом шел процесс захвата новых земель, на море завершилась другая, не менее важная часть нового передела нашей планеты. Это происходило посредством английского покорения моря, что было результатом общеевропейского пробуждения этих столетий. Им определена основная линия первого планетарного упорядочения пространства, сущность которого состоит в отделении земли от моря. Земная твердь принадлежит теперь дюжине суверенных государств, море принадлежит всем или, наконец, в действительности лишь одному государству – Англии. Устроение земной тверди, суши, состоит в том, что она поделена на территории государств; открытое море, напротив, свободно, это значит свободно от государственных образований и не подчинено никакому территориальному верховенству. Таковы решающие факты устроения пространства, на основании которых развивалось христианское европейское международное право трех последних столетий. Это был основной закон, номос земли этой эпохи.

Только в свете этого изначального факта британского покорения моря и отделения моря от земли многие знаменитые и часто цитируемые слова и выражения обретают свой подлинный смысл. Таково, например, высказывание сэра Уолтера Рэлли: «Тот, кто господствует на море, господствует в мировой торговле, а тому, кто господствует в

мировой торговле, принадлежат все богатства мира и фактически сам мир». <...>

Начиная с XVI в. государства европейского материка выработали определенные способы ведения сухопутной войны, в основе которых лежит представление о войне как о взаимоотношении государств. По обеим сторонам линии фронта находится государственно структурированная, военная власть, и армии борются между собой в открытом полевым сражении. В качестве врагов противостоят друг другу лишь участвующие в битве войска, при том, что мирное гражданское население не участвует в боевых действиях. Оно не враг и его не считают врагом до тех пор, пока оно не участвует в войне. Война на море, напротив, предполагает уничтожение торговли и экономики противника. Врагом в такой войне является не только воюющий противник, но и любой подданный враждебного государства и, наконец, даже нейтральная страна, ведущая торговлю с неприятелем и имеющая с ним экономические отношения. Наземная война имеет тенденцию к решающему открытому полевому сражению. Конечно, и во время войны на море дело может дойти до морского сражения, но ее типичными средствами и методами является обстрел и блокада берегов неприятеля и захват вражеских и нейтральных торговых судов согласно призовому нраву. <...>

На взгляд, определяемый исключительно морем, земная твердь, суша, есть всего лишь берег, прибрежная полоса плюс «хинтерланд» (незахваченная территория). <...>

18. После битвы при Ватерлоо, когда Наполеон был побежден в результате 20-летней войны, настала эпоха бесспорного морского владычества Англии. Эта эпоха продолжалась весь XIX в. Своей кульминации она достигла в середине века, после Крымской войны, окончившейся Парижской конфедерацией 1856 г. Эпоха свободной торговли была также временем свободного расцвета английского индустриального и экономического превосходства. Свободные морские просторы и свободная мировая торговля, свободный рынок соединились в представлении о свободе, олицетворением и стражем которой могла быть только Англия. В эту эпоху своего апогея достигает также восхищение и подражание английскому примеру во всем мире. <...>

...Ибо Левиафан превратился теперь из огромной рыбы в машину. На деле то было сущностное превращение, неслыханное в своем роде. Машина изменила отношение человека к морю. Отважный тип личностей, определявший до сих пор размеры морской державы, утратил свой старый смысл. Смелые подвиги моряков парусных кораблей, высокое искусство навигации, суровое воспитание и отбор определенной породы людей – все это утратило всякое значение ввиду надежности современного технизированного морского сообщения. Море все еще сохраняло свою силу. Но ослабевало и постепенно оканчивалось действие того мощного импульса, который превратил народ овцево-

дов в пиратов. Между стихией моря и человеческой экзистенцией встал аппарат машины. Морское господство, основанное на индустрии машин, очевидно, представляет собой нечто иное, чем морская держава, ежедневно возрастающая в ожесточенной и непосредственной борьбе со стихией. <...>

20. Промышленное развитие и новая техника не могли оставаться на уровне XIX в. Прогресс не закончился с изобретением парохода и железной дороги. Мир изменился быстрее, чем того ожидали пророки машинной веры, и вступил в эпоху электротехники и электродинамики. Электротехника, авиация и радио вызвали такой переворот во всех представлениях о пространстве, что явно началась новая стадия первой планетарной пространственной революции, если даже не вторая, новая революция пространства.

За короткий период времени с 1890 по 1914 г. Германия, государство европейского материка, догнала и даже перегнала Англию в важнейших областях деятельности, в машиностроении, кораблестроении и локомотивостроении, – после того, как Крупп уже в 1868 г. продемонстрировал снос преимущество перед англичанами па поприще производства вооружений. Уже Мировая пойма 1914 г. проходила под знаком нового. <...>

Когда появился самолет, было покорено новое, третье измерение, добавившееся к земле и к морю. Теперь человек поднялся над поверхностями земли и моря и приобрел совершенно новое средство передвижения и столь же полное оружие. Меры и соразмерности вновь изменились, а возможности человеческого господства над природой и над другими людьми расширились до необозримых пределов. Понятно, почему именно военно-воздушные силы получили наименование «пространственного оружия». Ибо производимые ими революционные изменения пространства особенно сильные, непосредственные и наглядные.

Но если, кроме того, представить себе, что воздушное пространство над землей и морем не только бороздят самолеты, радиоволны станций всех стран... беспрепятственно пронизывают атмосферное пространство вокруг земного шара, то есть нее основания поверить в то, что теперь не просто достигнуто новое, третье измерение, но прибавился даже третий элемент, воздух, в качестве новой стихии человеческой экзистенции. Тогда к обоим мифическим животным – Левиафану и Бегемоту – стоило бы добавить и третье: большую Птицу. <...>

Вопросы для самопроверки

1. Какова природа элементов Земли и Моря?
2. Что такое всемирная история, по мнению Шмидта?
3. Каково значение пространства в жизнедеятельности государств?
4. Что такое «революция пространства»?

Мэхэн А.Т.

Мэхэн Альфред Тайер (1840–914), американский военно-морской историк, стратег и геополитик. В 1885–1889 гг. преподавал историю военного флота в военно-морском колледже в Ньюпорте.

ГЛАВА I

Элементы морского могущества

С социальной и политической точек зрения море представляется великим путем или, скорее, обширной общинной равниной, через которую можно проходить по всем направлениям, но некоторые из линий сообщения через эту равнину избираются кораблями, очевидно по серьезным причинам, чаще, чем другие, эти-то сообщения и называются торговыми путями, и причины, их определившие, следует искать в мировой истории.

Несмотря на все заурядные и исключительные опасности моря, путешествие и перевозка товаров водою всегда были легче и дешевле, чем сушей. Коммерческое величие Голландии обуславливалось не только ее приморским положением, но также многочисленностью спокойных водных путей, которые давали легкий доступ во внутренние области ее и в области Германии. Это преимущество водной перевозки грузов перед сухопутной было еще значительнее в эпоху, когда дороги были малочисленны и дурны, войны часты и общества неустроены, как это еще имело место около двух столетий тому назад. Морской перевозке грузов тогда еще угрожали пираты, но тем не менее она была безопаснее и быстрее, чем перевозка сухопутная. Один голландский писатель того времени, оценивая шансы своей страны в войне с Англией, замечает, между прочим, что водные пути последней не достаточно прорезывают страну, а так как дороги плохи, то грузы должны перевозиться из одной части королевства в другую морем и подвергаются захватам на пути. Что касается чисто внутренней торговли, то в настоящее время такая опасность для нее повсюду исчезла. В большей части цивилизованных стран уничтожение прибрежной морской торговли было бы только неудобством, хотя водный транзит все-таки дешевле. Несмотря на то, всем, кто знаком с историей и обширной легкой морской литературой, относящейся к столь недавней эпохе, как эпоха войн Французской Республики и первой империи, известно, как часто писатели упоминали о

³⁸ Влияние морской силы на историю, 1660 – 1783. М.: ООО «Издательство АСТ», СПб.: Terra Fantastica, 2002. С. 38 – 74.

морских торговых караванах, прокрадывавшихся тогда вдоль берегов Франции, хотя море и кишело английскими крейсерами и хотя сухопутные береговые сообщения Франции были хороши.

При современных условиях, однако, отечественная торговля составляет только часть коммерческой деятельности страны, граничащей с морем. Иностранные предметы необходимости или роскоши должны перевозиться в порты на судах, которые, в обмен, вывозят из страны продукты ее добывающей или обрабатывающей промышленности, и каждая нация стремится к тому, чтобы этот обмен совершался при посредстве ее собственных судов. Для последних необходимы обеспеченные порты дома и за границей, и возможное покровительство своей страны в ходе плавания.

Это покровительство во время войны должно осуществляться военным флотом, необходимость которого, в тесном смысле слова, вытекает, поэтому, из существования мирного флота и исчезает вместе с ним, за исключением случая, когда нация имеет наступательные стремления и содержит флот единственно как отрасль военных учреждений. Так как Соединенные Штаты не имеют теперь наступательных целей, а коммерческая морская деятельность их почти исчезла, то упадок военного флота их и недостаток интереса к нему являются строго логическими следствиями. Когда по каким-нибудь причинам морская торговля Штатов снова возникнет, явится вновь и интерес к мореходству, достаточный для оживления военного флота. Возможно также, что когда прорывтие канала через Центрально-Американский перешеек делается близким к окончательному осуществлению, то и наступательные побуждения сделаются достаточно сильными для приведения к тому же результату; возможно, но однако сомнительно, потому что мирная любостыжательная нация недалновидна, а дальновидность необходима для надлежащей военной подготовки, особенно в наши дни.

Когда нация посылает военные и коммерческие флоты далеко от своих берегов, то для нее скоро появляется необходимость в пунктах, на которые суда ее могли бы опираться в операциях мирной торговли, в деле пополнения продовольственных и других припасов и как на убежища от опасностей. В настоящее время для всякой нации найдутся по всему свету дружественные, хотя бы и иностранные, порты, и в мирное время они дают достаточную защиту. Это, однако, не всегда было так; не вечен также и мир, хотя Соединенные Штаты избалованы столь продолжительной непрерывностью его. В прежние времена коммерческий моряк, искавший торговых сношений с новыми и неисследованными странами, делал свои приобретения с риском для жизни и свободы в столкновениях с подозрительными и враждебными нациями, и собирание полного и выгодного фрахта часто было сопряжено для него с большой потерей времени. Он поэтому, естественно, искал на дальнем

конце своего торгового пути станций, где под влиянием дружеского расположения к нему или опираясь на вооруженную силу, он или его агенты могли бы чувствовать себя безопасно, где корабли его могли бы найти убежище и откуда возможно было бы постоянное собирание подлежащих выгодному торговому обмену продуктов в ожидании домашнего флота, который перевозил бы последние в отечественную страну. Так как в таких ранних мореходных предприятиях представлялась столь же громадная выгода, сколь и большой риск, то подобные станции естественно умножились и росли до образования колоний, конечное развитие которых зависело от политического гения основавших их наций и играет большую роль в истории мира, особенно же в морской истории его. Не все колонии возникли и развились вышеописанным простым и естественным путем. Многие были основаны в видах чисто политических, более по почину и усилиями правителей народов, чем частных предпринимателей их; но в процессе развития своего торговая станция, – плод деятельности искавшего коммерческих выгод авантюриста, – по существу, не отличается от колонии, организованной заботливым попечением метрополии. В обоих случаях последняя ставила ногу на чужую землю, ища новых рынков для своей торговли, новой сферы для своего мореходства, новой деятельности для своего народа, большего комфорта и богатства для себя.

Нужды коммерции, однако, далеко не все удовлетворялись обеспечением безопасной гавани на дальнем конце торгового пути. Путешествия были длинны и опасны; на морях часто встречались враждебные суда. В дни наиболее деятельной колонизации на море господствовала незаконность, самая память о которой почти исчезла теперь, и периоды мирного настроения между морскими нациями были тогда коротки и редки. Таким образом возникла потребность в станциях на линиях торговых путей, как например, на мысе Доброй Надежды, на островах Св. Елены и Маврикие, сначала не для торговли, но для обороны и вообще военных действий потребовались посты, подобные Гибралтару, Мальте, Луисбургу, при входе в залив Св. Лаврентия – посты, значение которых было, главным образом, стратегическим, хотя и не необходимо лишь таким. Колонии и колониальные посты были, по своему характеру, или военные, или коммерческие и лишь исключительные из них, как например Нью-Йорк, имели одновременно одинаковое значение с обеих точек зрения.

В трех данных: 1) в производстве продуктов, с необходимостью обмена их, 2) в судоходстве для совершения этого обмена и 3) в колониях, которые расширяют и облегчают операции судоходства, покровительствуя ему также умножением безопасных для судов станций, надо искать ключ ко многому в истории и политике приморских наций. Политика изменялась, как с духом века, так и с характером и степенью дальновидности правителей.

Но история прибрежных наций определялась менее пронизательностью и предусмотрительностью правительств, чем условиями положения, протяжения, очертания берега, численностью и характером народонаселения – т. е. вообще тем, что называется естественными условиями. Должно, однако, допустить – и правильность этого будет ясна из дальнейшего изложения – что мудрые и глупые деяния отдельных личностей имеют в известные эпохи большое влияние на развитие морской силы в широком смысле, который обнимает не только военную силу на воде, господствующую на море или на той или другой части его силой оружия, но также мирное торговое мореходство, из которого одного только возникает военный флот естественным путем и на которое только он прочно опирается.

Главные условия, влияющие на морскую силу наций, могут быть подведены под следующие рубрики: I. Географическое положение. II. Физическое строение (conformation), включая сюда естественную производительность и климат. III. Размеры территории. IV. Численность народонаселения. V. Характер народа. VI. Характер правительства, включая в эту рубрику и национальные учреждения.

I. Географическое положение. – Здесь прежде всего можно указать, что если страна расположена так, что она не вынуждена ни защищать себя со стороны суши, ни искать расширения территории путем сухопутных действий, то уже по самому единству своей цели, направленной в сторону требований морских интересов, она имеет преимущество сравнительно со страной, одна из границ которой континентальна...

Географическое положение страны может или требовать сосредоточения морских сил, или вынуждать рассеяние их. <...>

Географическое положение страны может не только благоприятствовать сосредоточению ее сил, но дать и другое стратегическое преимущество – центральную позицию и хорошую базу для враждебных операций против ее вероятных врагов. <...>

Выгода географической близости к неприятелю или к предмету атаки нигде так не очевидна, как в том роде войны, который в последнее время получил в Англии название *commerce-destroying* (уничтожающий торговлю) и который французы называют *guerre de course* (крейсерская война). Эта военная операция, направленная против мирных коммерческих судов, обыкновенно беззащитных, требует военных судов малой силы. Последние, имея слабые оборонительные средства, нуждаются в близких к району их действий убежищах или пунктах поддержки, которые и существуют обыкновенно или в некоторых частях моря, где господствует боевой флот их страны, или в дружественных гаванях. Такие гавани представляют самую сильную поддержку по постоянству положения своего и потому, что входы в них всегда более известны уничтожителю торговли, чем его неприятелю. <...>

II. Физическое строение. – Вышеупомянутые свойства берегов Мексиканского залива подходят прямо под эту вторую рубрику условий, влияющих на развитие морской силы.

Береговая линия страны – это одна из ее границ, и чем легче доступ через границу к другим странам, в рассматриваемом случае через море, тем сильнее стремление народа к сношениям с ними. В стране, обладающей береговой линией, хотя и большего протяжения, но совершенно без гавани, не могли бы развиваться ни морское судоходство, ни морская торговля, ни флот... Многочисленные и глубокие гавани составляют источник силы и богатства, особенно если они лежат у устьев судоходных рек, которые облегчают сосредоточение в них внутренней торговли страны, но вследствие самой доступности своей они делаются источником слабости в войне, если их оборона недостаточно обеспечена. <...>

Кроме очертания берегов, включая сюда степень легкости доступа к морю, существуют еще другие физические условия, которые или обрашают деятельность нации к морю, или отвлекают ее от него. <...>

Когда море не только граничит со страной или омывает ее, но и разделяет ее на две или более части, то обладание им делается не только желательным, но и существенно необходимым. Такое физическое условие или способствует возникновению и развитию морского могущества страны, или же Делает ее бессильной. <...>

III. Размеры территории. – Последнее из тех условий, влияющих на развитие нации со стороны морской силы ее, которые лежат в самой стране, а не в ее населении – это размеры территории. Условие это может быть разом описано в сравнительно кратких чертах.

В вопросе развития морской силы имеет значение не полное число квадратных миль, занимаемых страной, а длина ее береговой линии и характер ее гаваней. При этом следует заметить, что, при одинаковых географических и физических условиях, протяжение береговой линии служит источником силы или слабости, смотря по тому, велико или мало население. Страна в этом отношении подобна крепости, гарнизон которой должен быть всегда пропорционален периметру ее. <...>

IV. Численность народонаселения. – После рассмотрения естественных условий страны надлежит изучить влияние на морскую силу свойств населения, и прежде всего уместно остановиться на численности его, так как этот элемент имеет связь с только что изложенным. Было уже указано, что на морскую силу влияет не только число квадратных миль страны, но протяжение и характер ее береговой линии; подобно этому, рассматривая влияние населения, следует принимать в расчет не только полную численность его, но и то, какая часть его знакома с морем или, по крайней мере, с успехом может быть эксплуати-

руема для службы на судах и для работ по организации материальной части флота. <...>

V. Национальный характер. – Рассмотрим теперь влияние национального характера и способностей населения на развитие морской силы.

Если морская сила действительно опирается на мирную и обширную торговлю, то стремление к коммерческой деятельности должно быть отличительной чертой наций, которые, в то или другое время, были велики на море. История подтверждает это почти без исключений; кроме истории римлян, мы, действительно, не находим ни одного серьезного примера, противоречащего этому заключению.

Все люди более или менее любят деньги и добиваются материальных приобретений, но способы, или пути, которыми они идут к этой цели, всегда окажут существенное влияние на торговую деятельность и на историю населяемой ими страны. <...>

Национальный характер еще другим образом влияет на развитие морской силы, в самом широком смысле этого выражения, а именно в зависимости от способности нации основывать цветущие колонии. Колонизация, как и всякое дело, подлежащее развитию, имеет тем больший залог успеха, чем более она естественна. Поэтому колонии, которые возникают из сознательных потребностей и естественных побуждений всего народа, имеют наиболее прочные основания, и их последующий рост будет тем более обеспечен, чем менее будет вмешиваться в него метрополия, если народ обладает способностью к независимой деятельности. Люди трех прошлых столетий живо сознавали значение для своего отечества колоний как рынков для сбыта отечественных продуктов и как питомников для торговли и мореходства, но не всегда одинаковый характер имели заботы их о колониях и не одинаковым успехом сопровождались различные системы колонизации. Недостаток естественных побуждений в народе к организации колоний никогда не мог восполниться усилиями государственных деятелей, как бы дальновидны и заботливы они ни были; равным образом, самые точные установления, продиктованные из метрополии, не могут дать такие хорошие результаты, как спокойное предоставление колониям свободы в том случае, когда в национальном характере лежит зародыш саморазвития. Успешные колонии свидетельствовали о мудрости центральной администрации не в большей мере, чем колонии неуспешные – может быть, даже в меньшей. Если с одной стороны надо допустить, что обдуманная система и предусмотрительность со стороны правительства, постоянная заботливость его, тщательное приспособление средств к целям и т. п. могли иметь значение для колониального роста, то с другой стороны нельзя не видеть, что гений Англии отличается меньшей систематизирующей способностью, чем гений Франции, а между тем Англия, а не Франция

сделалась первым колонизатором в мире. Успешная колонизация, с ее последующим влиянием на торговлю и морскую силу, зависит главным образом от национального характера, потому что колонии развиваются лучше всего, когда они развиваются самостоятельно, естественно; характер колониста, а не забота о нем правительства из метрополии, представляет главную опору их роста. <...>

VI. Характер правительства. – Влияние правительства и правительственных учреждений на развитие морской силы нации огромно. Необходимо воздержаться от стремления к излишнему философствованию и ограничить внимание очевидными и непосредственными причинами, с явными их результатами, не углубляясь слишком в разбор отдаленных и косвенных влияний.

Прежде всего должно заметить, что частные формы правительства, с соответствующими им учреждениями и характер правителей в то или другое время оказывали весьма существенное влияние на развитие морской силы. Различные свойства страны и ее населения, поскольку они рассматривались выше, представляют естественные данные, с которыми нация начинает жизнь, и могут сравниваться с врожденными свойствами человека, с которыми он выступает на житейское поприще; правительственное же руководство в истории нации, в свою очередь, можно сравнить с влиянием интеллигентной воли (will-power) в жизни человека, которая, – согласно тому, будет ли она мудра, энергична и настойчива или наоборот, – служит причиной его успехов или неудач.

Кажется вероятным, что правительство, действуя в полном согласии с естественными наклонностями своего народа, будет весьма успешно содействовать его росту во всех отношениях; и в деле создания морской силы самые блестящие результаты имели место именно при мудром руководстве правительства, сообразовавшегося с духом и общими свойствами нации. Представительное правительство тем более надежно, чем более широкое участие принимает в нем воля народа, но такое правительство иногда действует неудачно. С другой стороны, деспотическая власть, при управлении разумном и твердом, создавала иногда большую морскую торговлю и блестящий флот, идя к цели с меньшими отклонениями от начертанного плана, чем это возможно для правительства свободного народа. Однако слабая сторона деспотического правительства заключается в том, что после смерти правившего страной деспота настойчивое продолжение начинаний его не обеспечено. <...>

Вопросы для самопроверки

1. Каково значение морских коммуникаций в жизни государств и народов?
2. Каковы составляющие морской политики государства?
3. Какие условия влияют на морскую силу нации?

Маккиндер Х.

Маккиндер Хэлфорд Джон (1861–1947), известный британский географ, геополитик и политический деятель. Получил географическое образование и преподавал в Оксфордском и Лондонском университетах. Принимал участие в подготовке Версальского мирного договора (1918–1919).

Когда в отдаленном будущем какой-нибудь историк соберется исследовать времена, в которые мы сейчас живем, и захочет более кратко их обозначить, как это делаем мы сегодня в отношении династий Древнего Египта, то очень может быть, что последние четыреста лет он назовет «эпохой Колумба» и скажет, что завершилась она вскоре после 1900 года. Сегодня стало прямо-таки общим местом говорить о географических исследованиях как о чем-то практически завершенном. Считается также, что географию следует свести исключительно к тщательному обзору и философскому синтезу. За четыреста лет объекты на географической карте мира получили достаточно верные и точные очертания, и даже в районах обоих полюсов экспедиции Нансена и Скотта значительно уменьшили возможности для новых и невероятных открытий. При этом начало XX столетия квалифицируется как конец великой исторической эпохи, причем это касается не только ее достижений, как бы велики они ни были. Миссионер, завоеватель, фермер, горнопромышленник и, наконец, инженер шли буквально по следам путешественников, вот почему можно с уверенностью сказать, что мир в своих самых отдаленных пределах был открыт уже до того, как мы стали говорить о его фактическом политическом освоении. В Европе, Северной и Южной Америке, Африке и Австралии едва ли найдется место, где можно застолбить участок земли. Такое возможно разве что в ходе войны между цивилизованными и полуцивилизованными державами. Даже в Азии мы становимся, вероятно, зрителями последних актов пьесы, начатой всадниками Ермака, казахами, а также мореплавателями Васко да Гамы. Для сравнения мы можем сопоставить эпоху Колумба с предшествующими веками, приведя в качестве ее характерной черты экспансию Европы, не встречавшей практически никакого сопротивления, тогда как средневековое христианство было загнано в рамки небольшого региона, и ему постоянно угрожало нападение варваров извне. Отныне же, в послеколумбову эпоху, нам придется иметь дело с замкнутой политической системой, и вполне возможно, что это будет система гло-

³⁹ Маккиндер Х. Географическая ось истории. // Полис. 1995, № 4. С. 162 – 169.

бального масштаба. Всякий взрыв общественных сил, вместо того чтобы рассеяться в окружающем неизведанном пространстве и хаосе варварства, отзовется громким эхом на противоположной стороне земного шара, так что в итоге разрушению подвергнутся любые слабые элементы в политическом и экономическом организме Земли. Существует большая разница между попаданием снаряда в яму и попаданием его в закрытое пространство между жесткими конструкциями крупного здания или же судна. Возможно, хотя бы частичное понимание этого факта, отвлекая, наконец, внимание государственных деятелей во всех частях мира от территориальной экспансии, обратит их к борьбе за согласованную созидательную деятельность.

Вот почему мне кажется, что в настоящее десятилетие мы впервые находимся в ситуации, когда можно попытаться установить, с известной долей завершенности, связь между широкими географическими и историческими обобщениями. Впервые мы можем ощутить некоторые реальные пропорции в соотношении событий, происходящих на мировой арене, и выявить формулу, которая так или иначе выразит определенные аспекты географической преданности мировой истории. Если нам пощастливится, то эта формула обретет и практическую ценность – с ее помощью можно будет вычислить перспективу развития некоторых конкурирующих сил нынешней международной политической жизни. Известная фраза о том, что империя движется на запад, является всего лишь эмпирической и фрагментарной попыткой подобного рода. Так что сегодня я хотел бы описать те характерные физические черты мира, которые, по-моему, очень тесно связаны с человеческой деятельностью, и представить некоторые основные фазы истории, что были органически связаны с этими чертами, причем даже тогда, когда последние были еще неизвестны географии. Я вовсе не ставлю себе целью обсуждать влияние того или иного фактора или заниматься региональной географией, но скорее хочу показать историю человечества как часть жизни мирового организма. Я отдаю себе отчет в том, что могу здесь познать лишь до некоторого аспекта истины, и вовсе не склонен впадать в чрезмерный материализм. Инициативу проявляет человек, не природа, но именно природа в большей мере осуществляет регулирование. Мой интерес лежит скорее в области изучения всеобщего физического регулирования, нежели в сфере изучения причин всеобщей истории. Совершенно ясно, что здесь можно надеяться только на первое приближение к истине, а потому я со смирением восприму все замечания моих критиков.

Покойный профессор Фримен говорил, что единственная история, которую следует принимать в расчет, есть история средиземноморской и европейской рас. В каком-то отношении это, конечно же, верно, ибо именно среди этих рас зародились идеи, приведшие к тому, что потомки

греков и римлян стали господствовать во всем мире. Однако в другом, и не менее важном отношении подобное ограничение значительно стесняет мысль. Идеи, формирующие нацию как противоположность простой толпе человеческих существ, обычно принимаются под давлением общего несчастья, либо же при общей необходимости сопротивляться внешней силе. Идея Англии была внедрена в государства Гептархии датскими и норманскими завоевателями, идея Франции была навязана гуннами, спорившими между собой франками, готами и римлянами в битве при Шалоне, а также внушалась позднее, во время Столетней войны с Англией; идея христианства родилась из гонений в Римской империи и была доведена до своего логического завершения в эпоху крестовых походов; идея Соединенных Штатов была воспринята – при участии местного патриотизма колонистов – только во время длительной войны за независимость; идея Германской империи была в Южной Германии воспринята, да и то неохотно, после ее борьбы против Франции в союзе с Северной Германией. Та концепция истории, которую я могу охарактеризовать как литературную, возможно, невольно упускает из вида изначальные движения, чье давление играло роль побуждающего импульса в атмосфере, в которой вынашивались великие идеи. Как вызывающая неприятие персона выполняет важную общественную функцию, объединяя своих врагов, точно так же благодаря давлению внешних варваров Европа сумела создать свою цивилизацию. Вот почему я прошу вас взглянуть на Европу и европейскую историю как на явления, зависимые по отношению к Азии и ее истории, ибо европейская цивилизация является в значительной степени результатом вековой борьбы против азиатских вторжений.

Наиболее важный контраст, заметный на политической карте современной Европы, – это контраст между огромными пространствами России, занимающей половину этого континента, с одной стороны, и группой более мелких территорий, занимаемых западноевропейскими странами – с другой. С физической точки зрения здесь, конечно, налицо еще подобный же контраст между нераспаханными равнинами востока и богатствами гор и долин, островов и полуостровов, составляющих в совокупности остальную часть этого района земного шара. При первом взгляде может показаться, что в этих знакомых фактах предстает столь очевидная связь между природной средой и политической организацией, что едва ли стоит об этом говорить, особенно если мы упомянем, что на Русской равнине холодной зиме противостоит жаркое лето, и условия человеческого существования привносят, таким образом, в жизнь людей дополнительное единообразие. И тем не менее, несколько исторических карт, содержащихся, например, в Оксфордском атласе, покажут нам, что приблизительное совпадение европейской части России с Восточно-Европейской равниной не случайно и возникло не за послед-

ние сто лет, а имело место и в более ранние времена, когда здесь существовала совершенно иная тенденция в политическом объединении. Две группы государств обычно разделяли эту страну на северную и южную политические системы. Дело в том, что орографические карты не выражают того особого физического своеобразия, которое до самого последнего времени регулировало передвижение и расселение человека на территории России. Когда снежный покров постепенно отступает на север от этих обширных равнин, его сменяют дожди, на побережье Черного моря особенно сильные в мае и июне, однако в районе Балтики и Белого моря чаще льют в июле и августе. На юге царит долгое засушливое лето. Следствием подобного климатического режима является то, что северные и северо-западные районы покрыты лесами, чьи чащи изредка перемежаются озерами и болотами, в то время как юг и юго-восток представляют из себя бескрайние травянистые степи, где деревья можно увидеть лишь по берегам рек. Линия, разделяющая эти два региона, идет по диагонали на северо-восток, начинаясь у северной оконечности Карпат и заканчиваясь скорее у южных склонов Урала, нежели в его северной части. Москва лежит севернее этой линии, находясь, иными словами, на лесистой стороне. За пределами России граница этих огромных лесов тянется на запад, проходя почти посередине европейского перешейка, ширина которого (т.е. расстояние между Балтийским и Черным морями) равняется 800 милям. За ним, на остальной европейской территории леса покрывают на севере долины Германии, в то время как на юге степи формируют великий Трансильванский бастион у Карпат и простираются до Дуная, там, где теперь колышутся румынские нивы, и вплоть до Железных ворот. Отдельный степной район, известный среди местных жителей под названием «пушта» и ныне активно обрабатываемый, занял Венгерскую равнину: его окаймляет цепь лесистых Карпатских и Альпийских гор. На Западе же России, за исключением крайнего Севера, расчистка леса, осушение болот и подъем неосвоенных земель сравнительно недавно определили характер ландшафта, в большей степени сглаживая то различие, которое раньше было так заметно.

Россия и Польша возникли на лесных прогалинах. Вместе с тем, сюда начиная с V по XVI столетие через степи из отдаленных и неведомых уголков Азии направлялась в створ, образуемый Уральскими горами и Каспийским морем, непрерывная череда кочевников-туранцев: гунны, авары, болгары, мадьяры, хазары, печенеги, куманы, монголы, калмыки. Во время правления Аттилы гунны утвердились в центре пушты, на самых отдаленных «придунайских» островках степи, и оттуда нанесли удары на север, запад и юг по оседлому населению Европы. Большая часть современной истории может быть написана как комментарии к изменениям, прямо или косвенно представлявшим собой последствия

тех набегов. Вполне возможно, что именно тогда англы и саксы были принуждены пересечь море и основать на Британских островах Англию. Впервые франки, готы и жители римских провинций оказались вынуждены встать плечом к плечу на поле битвы у Шалона, имея перед собой общую цель борьбы с азиатами; таким образом они непроизвольно составили современную Францию. В результате разрушения Аквилеи и Падуи была основана Венеция; и даже папство обязано своим огромным престижем успешному посредничеству папы Льва на встрече с Атиллой в Милане. Таков был результат, произведенный ордой безжалостных и ни над чем таким не задумывавшихся всадников, заполонивших неконтролируемые равнины, – это был удар, беспрепятственно нанесенный азиатским молотом по незанятому пространству. За гуннами последовали авары. Именно в борьбе с ними была основана Австрия, а в результате походов Карла Великого была укреплена Вена. Затем пришли мадьяры и своими непрекращающимися набегами из степных лагерей, расположенных на территории Венгрии, еще больше увеличили значение австрийского аванпоста, перенося таким образом фокус происходящего с Германии на восток, к границе этого королевства. Болгары стали правящей кастой на землях к югу от Дуная, оставив свое имя на карте мира, хотя язык их растворился в языке их славянских подданных. Вероятно, самым долговременным и эффективным в русских степях было расселение хазар – современников великого движения сарацин: арабские географы знали Каспий, или Хазарское море. Но в конце концов из Монголии прибыли новые орды, и на протяжении двухсот лет русские земли, расположенные в лесах к северу от указанных территорий, платили дань монгольским ханам, или «Степи», и, таким образом, развитие России было задержано и деформировано именно в то время, когда остальная Европа быстро шагала вперед.

Следует также заметить, что реки, выбегающие из этих лесов и текущие к Черному и Каспийским морям, пересекают весь степной путь кочевников и что время от времени вдоль течения этих рек происходили случайные встречные по отношению к перемещениям этих всадников движения. Так, миссионеры греческой церкви поднялись по Днепру до Киева, как незадолго до того спустились по той же самой реке на своем пути в Константинополь северяне-варяги. Еще раньше германское племя готов появилось на короткое время на берегах Днестра, пройдя через Европу от берегов Балтики в том же юго-восточном направлении. Но все это – проходные эпизоды, которые отнюдь не сводят на нет более широкие обобщения. На протяжении десяти веков несколько волн всадников-кочевников выходило из Азии через широкий проход между Уралом и Каспийским морем, пересекая открытые пространства юга России и, оседая в Венгрии, попадали в самое сердце Европы, внося таким образом в историю соседних народов момент неперемennого про-

тивостояния: так было в отношении русских, германцев, французов, итальянцев и византийских греков. То, что они стимулировали здоровую и мощную реакцию вместо разрушительного противодействия в условиях широко распространенного деспотизма, стало возможным благодаря тому, что мобильность их державы была обусловлена самой степью и неизбежно исчезала в окружении гор и лесов.

Подобная мобильность державы была свойственна и мореплавателям-викингам. Прибывая из Скандинавии и высаживаясь на южном и северном побережьях Европы, они просачивались вглубь ее территории, пользуясь для этого речными путями. Однако масштаб их действий был ограничен, поскольку, по справедливости говоря, их власть распространялась лишь на территории, непосредственно примыкавшие к воде. Таким образом, оседлое население Европы оказалось зажатым в тисках между азиатскими кочевниками с востока и наседавшими с трех сторон участниками набегов с моря. По природе своей ни одна из сторон не могла превозмочь другую, так что обе они оказывали взаимно стимулирующее воздействие. Следует заметить, что формирующее влияние скандинавов стояло на втором месте после аналогичного влияния кочевников, ибо именно благодаря им Англия и Франция начали долгий путь к собственному объединению, тогда как единая Италия пала под их ударами. Когда-то давно Рим мог мобилизовать свое население, используя для этого дороги, однако теперь римские дороги пришли в упадок и их не обновляли до восемнадцатого столетия.

Похоже, что даже нашествие гуннов было отнюдь не первым в этой «азиатской» серии. Скифы из рассказов Гомера и Геродота, питавшиеся молоком кобылиц, скорее всего, вели такой же образ жизни, относясь, вероятно, к той же самой расе, что и позднейшие обитатели степи. Кельтские элементы в названиях рек Дон, Донец, Днепр, Днестр и Дунай, возможно, и могли бы служить обозначением понятий у людей с похожими привычками, хотя и не одной и той же расы, однако не похоже, чтобы кельты пришли из северных лесов, подобно готам и варягам последующих времен. Тем не менее, огромный клин населения, который антропологи называют брахицефалами, оттесненный на запад из брахицефальной Азии через Центральную Европу вплоть до Франции, вероятно, внедрился между северной, западной и южной группами долихоцефального населения и, вполне возможно, происходит из Азии.

Между тем влияние Азии на Европу незаметно до того момента, когда мы начинаем говорить о монгольском вторжении XV в.; правда, прежде чем проанализировать факты, ко всему этому относящиеся, желательнее сменить наш «европейский» угол зрения с тем, чтобы мы могли представить Старый Свет во всей его целостности. Поскольку количество осадков зависит от моря, середина величайших земных массивов в климатическом отношении остаточна суха. Вот почему не стоит удив-

ляться, что две трети мирового населения сосредоточены в относительно небольших районах, расположенных по краям великих континентов – в Европе около Атлантического океана, у Индийского и Тихого океанов в Индии и Китае. Через всю Северную Африку вплоть до Аравии тянется широкая полоса почти незаселенных в силу практического отсутствия дождей земель. Центральная и Южная Африка большую часть своей истории были точно так же отделены от Европы и Азии, как и Америка с Австралией. В действительности южной границей Европы была и является скорее Сахара, нежели Средиземноморье, поскольку именно эта пустыня отделяет белых людей от черных. Огромные земли Евро-Азии, заключенные, таким образом, между океаном и пустыней, насчитывают 21 000 000 кв. миль, т.е. половину всех земель на земном шаре, если исключить из подсчета пустыни Сахары и Аравии. Существует много отдаленных пустынных районов, разбросанных по всей территории Азии, от Сирии и Персии на северо-восток по направлению к Маньчжурии, однако среди них нет таких пустынь, которые можно было бы сравнить с Сахарой. С другой стороны, Евро-Азия характеризуется весьма примечательным распределением рек. На большей части севера и центра эти реки были практически бесполезны для целей человеческого общения с внешним миром. Волга, Окс, Яксарт⁴⁰ текут в соленые озера; Обь, Енисей и Лена – в холодный Северный океан. В мире существует шесть великих рек. В этих же районах есть много хотя и меньших, но также значительных рек, таких как Тарим и Хельмунд, которые опять-таки не впадают в Океан. Таким образом, центр Евро-Азии, испещренный пятнышками пустыни, является в целом степной местностью, представляющей хотя зачастую и скудные, но обширные пастбища, где не так уж мало питаемых речками оазисов. Вместе с тем необходимо еще раз подчеркнуть, что вся ее территория все-таки не пронизана водными путями, ведущими от океана. Другими словами, в этом большом ареале мы имеем все условия для поддержания редкого, но в совокупности весьма значительного населения – кочевников, передвигающихся на лошадях и верблюдах. На севере область их обитания ограничена широкой полосой субарктических лесов и болот, где климат, за исключением западной и восточной оконечностей, слишком суров для развития сельскохозяйственных поселений. На востоке леса простираются на юг до тихоокеанского побережья вдоль Амура – к Маньчжурии. То же и на Западе: в доисторической Европе леса занимали основную территорию. Ограниченные таким образом на северо-востоке, севере и северо-западе степи тянутся, не прерываясь, на протяжении 4 000 миль от венгерской пушты до Малой Гоби и Маньчжурии, и, за исключением самой западной оконечности, их не пересекают реки,

⁴⁰ Окс, Яксарт – древние названия Амударьи и Сырдарьи.

текущие в доступный им океан, так что мы можем не принимать во внимание недавние усилия по развитию торговли в устье Оби и Енисея. В Европе, Западной Сибири и Западном Туркестане степь лежит низко, местами даже ниже уровня моря. Далее на востоке, в Монголии, они тянутся в виде плато; но переход с одного уровня на другой, над голыми, ровными и низкими районами засушливых центральных земель не представляет значительных трудностей.

Орды, которые в конце концов обрушились на Европу в середине XIV в., собирали свои силы в 3 000 миль отсюда, в степях Верхней Монголии. Опустошения, совершившиеся в течение нескольких лет в Польше, Силезии, Моравии, Венгрии, Хорватии и Сербии, были, тем не менее, лишь самыми отдаленными и одновременно скоротечными результатами великого движения кочевников востока, связываемого с именем Чингис-хана. В то время как Золотая Орда заняла Кипчакскую степь от Аральского моря через проход между Уральским хребтом и Каспием до подножья Карпат, другая орда, спустившаяся на юго-запад между Каспийским морем и Гиндукушем в Персию, Месопотамию и даже Сирию, основала державу Ильхана. Позднее третья орда ударила на Северный Китай, овладев Китаем. Индия и Манги, или Южный Китай, были до поры прикрыты великолепным барьером Тибетских гор, с чьей эффективностью ничто в мире, пожалуй, сравниться не может, если, конечно, не считать Сахару и полярные льды. Но в более позднее время, в дни Марко Поло – если говорить о Манги, и в дни Тамерлана – если иметь в виду Индию, это препятствие было обойдено. Произошло так, что в этом последнем известном и хорошо описанном случае все населенные края Старого Света раньше или позже ощутили на себе экспансивную мощь мобильной державы, зародившейся на степных просторах. Россия, Персия, Индия и Китай либо платили дань, либо принимали монгольские династии. Даже зарождавшееся в Малой Азии государство турок терпело это иго на протяжении более полувека.

Подобно Европе, записи о более ранних вторжениях сохранились и на других пограничных землях Евро-Азии. Неоднократно подчинялись завоевателям с севера Китай, а завоевателям с северо-запада – Индия. По меньшей мере одно вторжение на территорию Персии сыграло особую роль в истории всей западной цивилизации. За триста или четыреста лет до прихода монголов, турки-сельджуки, появившиеся из района Малой Азии, растеклись здесь по огромным пространствам, которые условно можно назвать регионом, расположенным между пятью морями – Каспийским, Черным, Средиземным, Красным и Персидским заливом. Они утвердились в Кермане, Хамадане, Малой Азии, свергли господство сарацин в Багдаде и Дамаске. Явилась необходимость покарать их за их обращение с паломниками, шедшими в Иерусалим, – вот почему христианский мир и предпринял целую серию военных походов,

известных под общим названием крестовых. И хотя европейцам не удалось достигнуть поставленных целей, эти события так взволновали и объединили Европу, что мы вполне можем считать их началом современной истории – это был пример продвижения Европы, стимулированного необходимостью ответной реакции на давление, оказываемое на нее из самого центра Азии.

Понятие Евро-Азии, которое мы, таким образом, получаем, подразумевает протяженные земли, окаймленные льдами на севере, пронизанные повсюду реками и насчитывающие по площади 21 000 000 кв. миль, т.е. более чем в два раза превосходящие Северную Америку, чьи центральные и северные районы насчитывают 9 000 000 кв. миль, и более чем в два раза территорию Европы. Однако у нее нет удовлетворительных водных путей, ведущих в океан, хотя с другой стороны, за исключением субарктических лесов, она в целом пригодна для передвижения всякого рода кочевников. На запад, юг и восток от этой зоны находятся пограничные регионы, образующие широкий полумесяц и доступные для мореплавания. В соответствии с физическим строением число этих районов равняется четырем, причем отнюдь не маловажно то, что в принципе они совпадают соответственно со сферами распространения четырех великих религий – буддизма, брахманизма, ислама и христианства. Первые две лежат в зоне муссонов, причем одна из них обращена к Тихому океану, другая к Индийскому. Четвертая, Европа, орошается дождями, идущими с запада, с Атлантики. Эти три региона, насчитывающие в совокупности менее семи миллионов кв. миль, населяет более миллиарда человек, иначе говоря, две трети населения земного шара. Третья сфера, совпадающая с зоной пяти морей или, как ее чаще называют, район Ближнего Востока, в еще большей степени страдает от недостатка влаги из-за своей близости к Африке и, за исключением оазисов, заселена, соответственно, не плотно. В некоторой степени она совмещает черты как пограничной зоны, так и центрального района Евро-Азии. Эта зона лишена лесов, поверхность ее испещрена пустынями, так что она вполне подходит для жизнедеятельности кочевников. Черты пограничного района прослеживаются в ней постольку, поскольку морские заливы и впадающие в океан реки делают ее доступной для морских держав, позволяя, впрочем, и им самим осуществлять свое господство на море. Вот почему здесь периодически возникали империи, относившиеся к «пограничному» разряду, основу которых составляло сельскохозяйственное население великих оазисов Египта и Вавилона. Кроме того, они были связаны водными путями с цивилизованным миром Средиземноморья и Индии. Но, как и следовало бы ожидать, эти империи попадали в зону череды невиданных дотоле миграций, одни из которых осуществлялись скифами, турками и монголами, шедшими из Центральной Азии, другие же были результатом усилий народов Сре-

земноморья, желавших захватить сухопутья, ведущие от западного к восточному океану. Это место – самое слабое звено для этих ранних цивилизаций, поскольку Суэцкий перешеек, разделивший морские державы на западные и восточные, и засушливые пустыни Персии, простирающиеся из Центральной Азии вплоть до Персидского залива, предоставляли постоянную возможность объединения кочевников добираться до берега океана, отделявшего, с одной стороны, Индию и Китай, а с другой – их самих от Средиземноморского мира. Всякий раз, когда оазисы Египта, Сирии и Вавилона приходили в упадок, жители степей получали возможность использовать плоские нагорья Ирана и Малой Азии в качестве форпостов, откуда они могли направлять свои удары через Пенджаб прямо на Индию, через Сирию на Египет, а через разгромленный мост Босфора и Дарданелл – на Венгрию. На магистральном пути во внутреннюю Европу стояла Вена, противостоявшая набегам кочевников, как тех, что приходили прямой дорогой из русских степей, так и проникавших извилистыми путями, пролежавшими к югу от Черного и Каспийского морей.

Итак, мы проиллюстрировали очевидную разницу между сарацинским и турецким контролем на Ближнем Востоке. Сарацины были ветвью семитской расы, людьми, населявшими долины Нила и Евфрата и небольшие оазисы на юге Азии. Воспользовавшись двумя возможностями, предоставленными им этой землей, – лошадьми и верблюдами, с одной стороны, и кораблями – с другой – они создали великую империю. В различные исторические периоды их флот контролировал Средиземное море вплоть до Испании, а также Индийский океан до Малайских островов. С этой стратегически центральной позиции, находившейся между западным и восточным океанами, они пытались завоевать все пограничные земли Старого Света, повторяя в чем-то Александра Македонского и предвосхищая Наполеона. Они смогли даже угрожать степи. Но сарацинскую цивилизацию разрушили турки, полностью отделенные от Аравии, Европы, Индии и Китая, язычники-туранцы, обитавшие в самом сердце Азии.

Передвижение по глади океана явилось естественным конкурентом внутриконтинентального передвижения на верблюдах и лошадях. Именно на освоении океанических рек была основана потамическая (речная) стадия цивилизации: китайская на Янцзы, индийская на Ганге, вавилонская на Евфрате, египетская на Ниле. На освоении Средиземного моря основывалось то, что называют «морской» стадией цивилизации, – основывались цивилизации греков и римлян. Сарацины и викинги могли контролировать побережья океанов именно благодаря своей возможности плавать.

Важнейший результат обнаружения пути в Индию вокруг мыса Доброй Надежды состоял в том, что он должен был связать западное и

восточные каботажные судоходства Евро-Азии, пусть даже таким окольным путем, и таким образом в некоторой степени нейтрализовать стратегическое преимущество центрального положения, занимаемого степняками, подвергнув их давлению с тыла. Революция, начатая великими мореплавателями поколения Колумба, наделила христианский мир необычайно широкой мобильностью, не достигшей, впрочем, заветного уровня. Единый и протяженный океан, окружающий разделенные и островные земли, является, безусловно, тем географическим условием, которое привело к высшей степени концентрации командования на море и во всей теории современной военно-морской стратегии и политики, о чем подробно писали капитан Мэхэн и м-р Спенсер Уилкинсон. Политический результат всего этого заключался в изменении отношений между Европой и Азией. Не надо забывать, что в средние века Европа была зажата между непроходимыми песками на юге, неизведанным океаном на западе, льдами или бескрайними лесами на севере и северо-востоке, а с востока и юго-востока ей угрожала необычайная подвижность кочевников. И вот теперь она поднялась над миром, дотянувшись до тридцати восьми морей либо других территорий и распространив свое влияние вокруг евроазиатских континентальных держав, до тех пор угрожавших самому ее существованию. На свободных землях, которые были открыты среди водных пространств, создавались новые Европы, и тем, чем были ранее для европейцев Британия и Скандинавия, теперь становятся Америка и Австралия и в некоторой степени даже транссахарская Африка, примыкавшая теперь к Евро-Азии. Британия, Канада, Соединенные Штаты, Южная Африка, Австралия и Япония являют собой своеобразное кольцо, состоящее из островных баз, предназначенных для торговли и морских сил, недостижимых для сухопутных держав Евро-Азии.

Тем не менее, последние продолжают существовать, и известные события еще раз подчеркнули их значимость. Пока «морские» народы Западной Европы заполняли поверхность океана своими судами, направлявшимися в отдаленные земли, и тем или иным образом облагали данью жителей океанического побережья Азии, Россия организовала казаков и, выйдя из своих северных лесов, взяла под контроль степь, выставив собственных кочевников против кочевников-татар. Эпоха Тюдоров, увидевшая экспансию Западной Европы на морских просторах, лицезрела и то, как Русское государство продвигалось от Москвы в сторону Сибири. Бросок всадников через всю Азию на восток был событием, в той же самой мере чреватым политическими последствиями, как и преодоление мыса Доброй Надежды, хотя оба эти события долгое время не соотносили друг с другом.

Возможно, самое впечатляющее совпадение в истории заключалось в том, что как морская, так и сухопутная экспансия Европы явилась

в известном смысле продолжением древнего противостояния греков и римлян. Несколько неудач в этой области имели куда более далеко идущие последствия, нежели неудачная попытка Рима латинизировать греков. Тевтонцы цивилизовались и приняли христианство от римлян, славяне же – от греков. Именно романо-тевтонцы впоследствии плыли по морям; и именно греко-славяне скакали по степям, покоряя туранские народы. Так что современная сухопутная держава отличается от морской уже в источнике своих идеалов, а не в материальных условиях и мобильности⁴¹.

Вслед за казаками на сцене появилась Россия, спокойно расставшаяся со своим одиночеством, в котором она пребывала в лесах Севера. Другим же изменением необычайного внутреннего значения, происшедшем в Европе в прошлом столетии, была миграция русских крестьян на юг, так что если раньше сельскохозяйственные поселения заканчивались на границе с лесами, то теперь центр населения всей Европейской России лежит к югу от этой границы, посреди пшеничных полей, сменивших расположенные там и западнее степи. Именно так возник необычайно важный город Одесса, развивавшийся с чисто американской скоростью.

Еще поколение назад казалось, что пар и Суэцкий канал увеличили мобильность морских держав в сравнении с сухопутными. Железные дороги играли, главным образом, роль придатка океанской торговли. Но теперь трансконтинентальные железные дороги изменяют положение сухопутных держав, и нигде они не работают с большей эффективностью, чем в закрытых центральных районах Евро-Азии, где на обширных просторах не встретишь ни одного подходящего бревна или камня для их постройки. Железные дороги совершают в степи невиданные чудеса, потому что они непосредственно заменили лошадь и верблюда, так что необходимая стадия развития – дорожная – здесь была пропущена.

Относительно торговли не следует забывать, что при океаническом ее способе, хотя и относительно дешевом, обычно товар прогоняется через четыре этапа: фабрика-изготовитель, порт погрузки, порт выгрузки и товарный склад в пункте продажи, в то время как континентальная железная дорога ведет прямо от фабрики-производителя на склад импортера. Таким образом, посредническая океанская торговля ведет, при прочих равных условиях, к формированию вокруг континен-

⁴¹ Это заявление подверглось критике в ходе дискуссии, последовавшей за прочтением доклада. Пересматривая этот параграф, я все-таки думаю, что в основе своей оно справедливо. Даже византийский грек был бы другим, подчини Рим себе всю древнюю Грецию. Без сомнения, идеалы, о которых идет речь, были скорее византийскими, нежели эллинскими, но римскими они не были, это уж точно.

тов зоны проникновения, чья внутренняя граница грубо обозначена линией, вдоль которой цена четырех операций, океанской перевозки и железнодорожной перевозки с соседнего побережья равна цене двух операций и перевозке по континентальной железной дороге.

Российские железные дороги протянулись на 6 000 миль от Вербаллена на западе до Владивостока на востоке. Русская армия в Маньчжурии являет собой замечательное свидетельство мобильной сухопутной мощи подобно тому, как Британия являет в Южной Африке пример морской державы. Конечно, Транссибирская магистраль по-прежнему остается единственной и далеко не безопасной линией связи, однако не закончится еще это столетие, как вся Азия покроется сетью железных дорог. Пространства на территории Российской империи и Монголии столь велики, а их потенциал в отношении населения, зерна, хлопка, топлива и металлов столь высок, что здесь несомненно разовьется свой, пусть несколько отдаленный, огромный экономический мир, недостижимый для океанской торговли.

Просматривая столь беглым взглядом основные тенденции истории, не видим ли мы воочию нечто постоянное в плане географическом? Разве не является осевым регионом в мировой политике этот обширный район Евро-Азии, недоступный судам, но доступный в древности кочевникам, который ныне должен быть покрыт сетью железных дорог? Здесь существовали и продолжают существовать условия, многообещающие и тем не менее ограниченные, для мобильности военных и промышленных держав. Россия заменяет Монгольскую империю. Ее давление на Финляндию, Скандинавию, Польшу, Турцию, Персию, Индию и Китай заменило собой исходившие из одного центра набег степняков. В этом мире она занимает центральное стратегическое положение, которое в Европе принадлежит Германии. Она может по всем направлениям, за исключением севера, наносить, а одновременно и получать удары. Окончательное развитие ее мобильности, связанное с железными дорогами, является лишь вопросом времени. Да и никакая социальная революция не изменит ее отношения к великим географическим границам ее существования. Трезво понимая пределы своего могущества, правители России расстались с Аляской, ибо для русской политики является фактическим правилом не владеть никакими заморскими территориями, точно так же как для Британии – править на океанских просторах.

За пределами этого осевого района существует большой внутренний полумесяц, образуемый Германией, Австрией, Турцией, Индией и Китаем, и внешний – Британия, Южная Африка, Австралия, Соединенные Штаты, Канада и Япония. При нынешнем соотношении сил осевое государство – Россия – не равносильно периферийным государствам, и здесь в качестве противовеса может выступить Франция. Только что

восточной державой стали Соединенные Штаты. На баланс сил в Европе они влияют не непосредственно, а через Россию, и нет никаких сомнений в том, что они построят Панамский канал для того, чтобы сделать ресурсы Миссисипи и Атлантики поддающимися перекачке в Тихий океан. С этой точки зрения линию реального разделения между востоком и западом следует искать именно в Атлантике. Нарушение баланса сил в пользу осевого государства, выражающееся в его экспансии на пограничные территории Евро-Азии, позволяет использовать необъятные континентальные ресурсы для постройки флота. Благодаря этому скоро перед нашим взором явится мировая империя. Это может случиться, если Германия захочет присоединиться к России в качестве союзника. Вот почему угроза подобного союза должна толкнуть Францию в объятия морских держав, и тогда Франция, Италия, Египет, Индия и Корея составят такое сильное объединение, в котором флот будет поддерживать армию, что в конечном итоге заставит союзников оси развертывать свои сухопутные силы, удерживая их от концентрации всей мощи на морях. Если привести более скромное сравнение, то это напоминает то, что совершал во время боевых действий Веллингтон с базы Торрес Ведрас. И не сможет ли Индия в конце концов сыграть такую же роль в системе Британской империи? И не эта ли идея лежит в основании концепции мистера Эмери, говорившего, что фронт боевых действий для Британии простирается от мыса Доброй Надежды через Индию вплоть до Японии?

На эту систему может оказать решающее влияние развитие огромных возможностей Южной Америки. С одной стороны, они смогут усилить позиции Соединенных Штатов, а с другой, если, конечно, Германия сможет бросить действенный вызов доктрине Монро, она в силах отъединить Берлин от того, что я охарактеризовал как политику оси. Местные комбинации держав, приведенных в равновесие, здесь значения не имеют. Я утверждаю, что с географической точки зрения они совершают нечто вроде круговращения вокруг осевого государства, которое всегда так или иначе является великим, но имеющим ограниченную мобильность по сравнению с окружающими пограничными и островными державами.

Я говорил обо всем этом как географ. Настоящий же баланс политического могущества в каждый конкретный момент является, безусловно, с одной стороны, результатом географических, а также экономических и стратегических условий, а с другой стороны – относительной численности, мужества, оснащенности и организации конкурирующих народов. Если точно подсчитать все это, то мы сможем выяснить разность, не прибегая к силе оружия. Географические показатели в подсчетах более употребительны и более постоянны, нежели человеческие. Вот почему мы надеемся найти формулу, приложимую в равной степе-

ни и к прошлой истории, и к сегодняшней политике. Социальные движения во все времена носили примерно одни и те же физические черты, ибо я сомневаюсь в том, что постепенно возрастающая сухость климата, если это еще будет доказано, меняла в историческое время окружающую среду в Азии и Африке. Движение империи на запад кажется мне кратковременным вращением пограничных держав вокруг юго-западного и западного углов осевого района. Проблемы, связанные с Ближним, Средним и Дальним Востоком, зависят от неустойчивого равновесия между внутренними и внешними державами в тех частях пограничного полумесяца, где местные государства почти не принимаются в расчет.

В заключение необходимо заметить, что смена внутреннего контроля России каким-то новым его видом не приведет к снижению значимости этой осевой позиции. Если бы, например, китайцы с помощью Японии разгромили Российскую империю и завоевали ее территорию, они бы создали желтую опасность для мировой свободы тем, что добавили к ресурсам великого континента океанические просторы, завоевав таким образом преимущество, до сих пор не полученное русским хозяином этого осевого региона.

Вопросы для самопроверки

1. Какова, по мнению Маккиндера, связь между историей и географией?
2. В чем состоят особенности морских и сухопутных цивилизаций?
3. Что такое «осевой регион»?

Спикмен Н.

Спикмен Николас Джон (1893–1943), известный американский социолог, теоретик международных отношений, геополитики голландского происхождения. Профессор международных отношений Йельского университета, организатор и первый директор Йельского института международных проблем.

Любая попытка рассматривать геополитические отношения государств Восточного Полушария должна сначала подчеркнуть тот факт, что вся поверхность земли, сегодня, стала единственным полем игры политических сил. Целый мир теперь описан географией и изменение устоявшихся сил в одном регионе, должно затронуть выравнивание сил в других регионах. Развитие морской силы установило политическое господство государств Западной Европы над побережьями самых дальних континентов. Состояние мощи на одном континенте неизбежно отражены в распределении мощи на другом, и на внешнюю политику любого государства могут воздействовать событиями, имеющими место во всем мире.

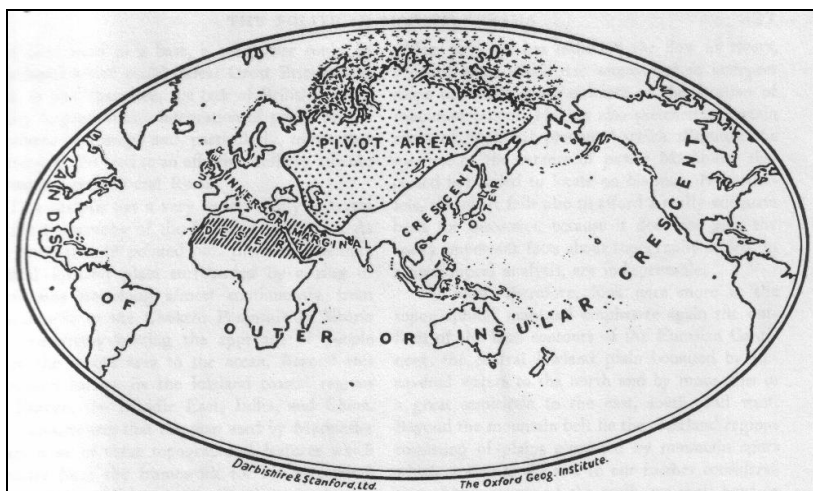
Фундаментальный факт, который является ответственным за состояния этой эпохи мировой политики – это развитие океанской навигации и открытия морских маршрутов к Индии и Америке. Морская подвижность есть основание нового типа геополитической структуры – океанической империи. Прежде история давала нам примеры мощи больших пространств, базирующихся на контроле относительно однородных масс земли, типа Римской, Китайской и Российских империй. Теперь море стало большой коммуникационной артерией, и мы получили новую структуру великой мощи и громадной протяженности. Британская, Французская и Японские империи и морская мощь Соединенных Штатов внесли вклад в развитие современного мира, который является единственным полем для взаимодействия политических сил. Это – морская мощь, которая сделала возможным замыслить Евразийский континента как единое целое, и эта морская мощь, которая управляет отношениями между Старым и Новыми Мирами.

Это важное изменение в организации мощи было всесторонне рассмотрено и проанализировано в 1890 Альфредом Тейером Мэхеном в его книге «Влияние морской силы на историю, 1660-1783». Однако подробно отношения между силой земли и морской силой в глобальном масштабе было подробно рассмотрено британским географом Хэлфодом

⁴² Spykmen N. The Geography of the Peace. N.Y.: Harcourt, Brace, 1944. P. 35 – 41.

Маккиндером в 1904 г. используя карту центральной Сибири (см. карту 1) в качестве основного инструмента анализа, он трактовал Европу не как центра мира, а как один из многих полуостровов Евразийского земного массива. Западный Мир был сопоставлен с новым представлением о лице земли, которое затенило все поглощающую идею Европы как центра мира. В его широко известной работе «Демократические идеалы и реальность», изданной в 1919, Маккиндер снова обратился к глобальному видению мировой политики и более широко развивал анализ Евразийского континента.

Смотреть на мир как на единое целое сегодня даже более необходимо, так как теперь он унифицирован не только морскими путями, но и воздушными коммуникациями. Наше представление о положении Западного Полушария уже вынудило нас исказить фактическое состояние вещей в Старом Мире, так как мы сосредоточили наше внимание на Соединенных Штатах и разделили Евразийский континент на два региона, Европу и Дальний Восток, чтобы рассмотреть их возможности относительно нашей собственной страны. Для того, чтобы ясно видеть общую картину отношения двух этих регионов друг к другу, было бы лучше вернуться к карте Маккиндера с центром в Сибири и подробно рассмотреть всю совокупность развитых им концепций геополитические отношения на континенте.

Карта 1. Мир, согласно Маккиндеру

Мир Маккиндера

Маккиндер начинает свой анализ с идеи хартленда. Обширное пространство Сибири рассматривалось как единица в терминах внутреннего

пространства и доступа к морю. Эта огромная область может рассматриваться как единица, потому что все ее реки впадают в Северо-Ледовитый океан или внутренние воды Каспийского и Аральского морей, и никакая часть этого региона не соприкасается открытого океана в какой-либо точке. Кочевые племена, которые населяли этот регион, периодически пытались достигнуть моря и, следовательно, осуществить значительное военное давление на государства, которые имеют в различные времена занимали прибрежные регионы. Эту территорию Маккиндер называет внутренним полумесяцем и включает в его пределы все те континентальные государства, которые имели прямой доступ к морю и таким образом могли использовать и морскую силу, и силу земли. В отдалении располагаются острова и оффшорные континенты внешнего полумесяца, в то время как края океанов заняты заграничными континентами Западного полушария.

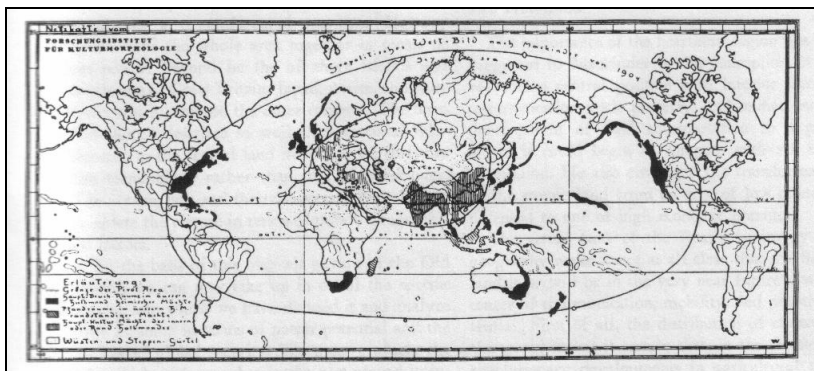
С этой точки зрения, непрерывность земных масс Западного полушария разбита, потому что карта с Сибирью в центре показывает Атлантическое побережье Северных и Южноамериканских Континентов, стоят перед Европой, в то время как Тихоокеанское побережье стоит перед Дальним Востоком. Когда Маккиндер первоначально издал свою карту, в 1904, это было скорее пророчество, чем истина до тех пор, пока Панамский канал не был закончен, раскрыв весь силовой потенциал Соединенных Штатов в западной части Тихого океана. Сегодня, однако, карта с Евразийским континентом в центре имеет определенную ценность, потому что Западное полушарие имеет жизненный интерес в связи и с Европейской, и Дальневосточной частями Старого Мира.

Созвездие мощи в Восточном полушарии было определено Маккиндером в терминах отношения между силой хартленда и морской силой Великобритании. Безопасность Британской Империи зависела от сохранения равновесия силы между морскими и континентальными государствами мирового острова. Если бы любой из этих двух частей мира достиг господства, то доминировал бы над целым континентом, и осевой регион контролировался бы посредством простой силы. Основываясь на обширной земной массе, морская сила могла бы развиться и с легкостью нанести поражение Великобритании. Поэтому, это была основной задачей британской внешней политики: предотвратить любую интеграцию мощи на Европейском континенте и, в особенности, наблюдать, чтобы ничто не вело к эффективному военному союзу между Германией и Россией.

Этот анализ имеет значительную весомость в условиях топографии евразийской земной массы. Как мы уже указали, имеется определенная центральная низменная равнина, окруженная кольцом гор, протянувшихся почти непрерывно от Скандинавии до Чукотского полуострова в Сибири и эффективно закрывшая подходы людей из внутренней области

к океану. Вне этого горного барьера лежат низменные прибрежные регионы Европы, Ближнего Востока, Индии, и Китая. Маккиндер использует неудачную карту, она не дает представление о топографических особенностях, которые фактически формируют структуру его концепции. Если не возможно обратиться непосредственно к его тексту, трудно ясно рассмотреть значения его терминологии.

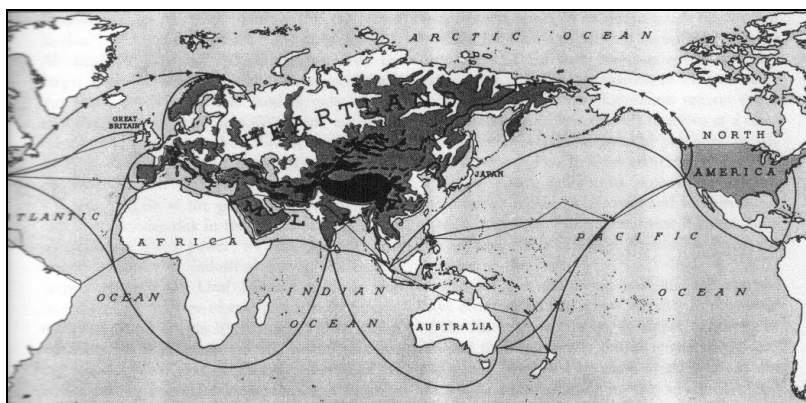
Немецкий геополитик, Хаусхофер интерпретировал британского географа и адаптировал его концепцию к своим специфическим потребностям. Взглянув на карту, которую он нарисовал, чтобы объяснить свою теорию, показывает, что он внес некоторые усовершенствования (см. карту 2.). Он указал на направления течения рек, деталь, на основе которой умеющий интерпретировать карты может дать оценку местоположения горных цепей. Он также сделал набросок некоторых областей «политического давления», иллюстрирующий местоположение центров мощи, рассматриваемых Маккиндером, но не сумел расположить его на карте. Однако, это предположение также оказалось не в состоянии дать адекватную основу для дискуссии, потому что не дала действительно важных фактов, касающиеся топографии, которые обязательно должны учитываться в геополитическом анализе.

Карта 2. Мир, согласно Хаусхоферу

Поэтому мы должны еще раз посмотреть топографическую карту и снова подчеркивать основные очертания земли Евразийского континента: центральная равнинная низменности, ограниченная закрытыми холодными водами на севере и большим полукругом гор на востоке, юге и западе. Вне пояса горы лежат прибрежные регионы, состоящие из равнин, разделенных горными шпорами, простирающимися до моря. В нашем дальнейшем рассмотрении картины земли, мы должны будем снова и снова обращаться к этим регионам, и поэтому необходимо их обозначить (см. карту 3). Центральную континентальную равнину можно про-

должать называться хартлендом, и мы можем заметить, что он, в действительности, с политической степенью приравнивается к Союзу Советских Социалистических Республик. Вне барьера гор, прибрежные регионы, которые Маккиндер называет внутренним полумесяцем, можно более эффективно обозначить как римленд, название, которое точно определяет его характер. Вереница окраинных и средиземных морей, которые отделяют континент от океанов, составляет окружное морское шоссе, которое связывает вместе всю область в терминах морской силы. Вне римленда лежат отдаленные острова и континенты – Великобритания, Япония, Африка и Австралия, которые составляют внешний полумесяц. Термин «окраинный» («off-shore») так хорошо описывает отношения этих территорий к центральной земной массе, что мы будем использовать этот термин гораздо чаще, чем Маккиндер. Океанский пояс и транс-океанский Новый Мир завершают картину мира, описанную в терминах географических факторов. <...>

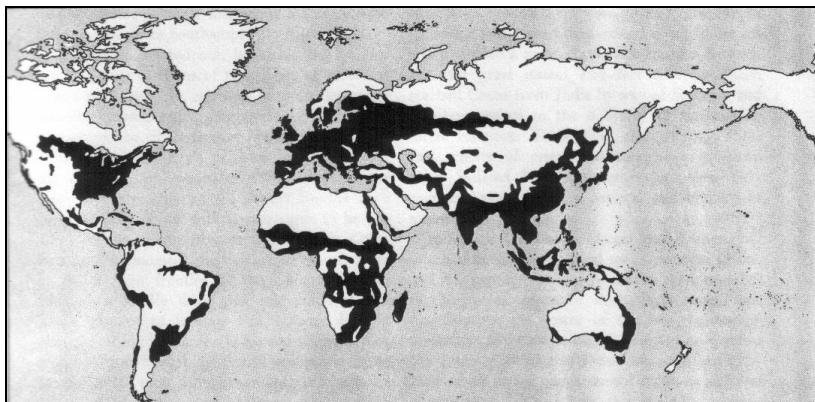
Карта 3. Геополитическая карта Евразии

Хартленд

Важность региона хартленда была сначала предложена Маккиндером в его концепции ценности центрального положения со внутренними линиями связи, которые усиливаются и объединяются развитием сухопутного транспорта до уровня, на котором они могли начинать конкурировать с морскими коммуникациями. Он также предусмотрел преобразование степных территорий из областей с низким экономическим потенциалом в пространства с высоким экономическим потенциалом.

Реальность российской экономики и географии несколько не проясняет, является ли, или будет ли в недалеком будущем, хартленд мировым центром коммуникации, мобильности и силы. Прежде всего, климатические условия в мире дают уверенность, что, в случае отсутствия ре-

волюционных изменений в сельскохозяйственной технике, центр аграрного производства останется в западной России, а не в центральной Сибири. Карта с распределением участков обрабатываемой земли в мире подтверждает этот факт (см. карта 4). Хотя Российское государство занимает территорию гораздо большую, чем Канада, Соединенные Штаты, или Бразилия, фактическая степень пахотной земли – это малая часть всей ее территории. Было бы ошибкой идентифицировать всю Россию, или хартленд, как регион с большими потенциальными возможностями в сфере аграрного производства.

Карта 4. Обрабатываемая земля в мире

Посмотрев теперь на географическое распределение залежей каменного угля и железной руды в мире, а также на месторождения нефти и водные ресурсы, мы обращаем внимание, что эти необходимые элементы тяжелой промышленности расположены в большей степени к западу от Уральских гор. Действительно, имеются запасы угля и железа в Сибири, точный объем которых неизвестен, но которые несомненно представлены в значительном количестве. Некоторые сообщения говорят, также, что имеются запасы нефти, которая могут иметь большое значение в случае своего развития. Конечно, Советское правительство уже сделало и продолжит предпринимать постоянные и напряженные усилия, чтобы переместить центр промышленного производства на восток. Пока оно, несомненно, преуспело в развитии фабрик и шахт в той мере, в какой это возможно для России, чтобы обеспечить себя большими размерами ее обширных потребностей военного времени. Цифры по промышленному производству большой области между Уралом и Новосибирском остаются неопределенными и неточными, и трудно составить полную оценку фактической и потенциальной важности этого региона. Тем не менее, можно уверенно утверждать, что этот регион уже увели-

чивает размер более плодородных областей на западе и юго-западе, хотя, необходимо помнить, что это не способствует поддержки большого количества сельскохозяйственного населения.

Железные дороги, автострады и авиаперевозки, конечно, увеличили подвижность в центре евразийской континентальной массы. Однако, нельзя игнорировать, что с севера, востока, юга и юго-запада эта область окружена одними из самых больших в мире препятствий использованию транспорта. Лед и низкие температуры, характерные для большей части года, и высокие горы, имеющие только несколько трудно преодолимых переходов, образуют его границы. Большая часть территорий римленда, которые касаются хартленда, имеет даже более убогие транспортные средства. Афганистан, Тибет, Синьцзян и Монголия – это регионы, не имеющие железных дорог, практически никаких автострад, и обладающие только несколькими извилистыми караванными маршрутами самого примитивного типа. Закон обратного отношения мощи к расстоянию сохраняет свою действенность как в рамках одной политической единицы, так и в отношениях между политическими единицами. В ближайшем будущем Центральная Азия, несомненно, останется регионом с довольно низким потенциалом политической мощи.

Значение этого региона Маккиндер определил также в терминах положения. То, что ядро хартленда лежит в центре евразийской континентальной массы, дает ему преимущество внутренней связи со странами внутреннего полумесяца. Очевидно, что армии, действующие по диаметру круга данной территории, будут иметь меньше проблем, чем те вооруженные силы, которые вынуждены действовать по окружности этого региона. По сравнению с внешними линиями британской военно-морской силы, протянувшимися от Великобритании по окраинному шоссе, вокруг евразийского римленда, российские внутренние линии связи более предпочтительны. Транспортные линии между Русским Туркестаном и северо-западом Индии можно рассматривать, конечно, как внутренние по сравнению с морскими маршрутами от Саугемптона до Карачи.

Однако, следует заметить, что внутренние линии связей следует строить между двумя точками, а не одной. Отношения между центром и окружностью могут быть легко изменены, если точка на окружности становится в свою очередь центром другого круга связей. Таким образом, стратегические значения положение хартленда относительно Британской империи имеют значение только, если военная сила, которую можно применить в Индии происходит из Великобритании. В момент, когда защита индийских, или персидских, или китайских рубежей будет опираться на местный военный потенциал, весь концепт внутренних и внешних линий изменится. Та истина, что Индия и Китай должны быть защищены британской морской мощью, более не является правдой, если

военная силы этих государств станет производной от их собственного индустриального развития. В этом случае, если основы (raw material) мощи центральных азиатских регионах России окажется не достаточно большими, чтобы уравновесить таковые регионов римленда, то Советская сила сохранится только к западу от Урала, и это не будет проявлением всепоглощающих устремлений против стран восточного, южного, и юго-западного побережья.

Римленд

В концепции Маккиндера внутренний полумесяц морских (amphibian) государств, окружающих хартленд, состоит из трех частей: побережье Европы, пустыни арабского Ближнего Востока, и муссонная территория Азии. Первые два региона ясно определены как географические области, но третий является чем-то самостоятельным только, если его рассматривать со специфически исторической точки зрения, представленной Великобританией. Моряку муссонная территория Азии представляется как отдельная область. Однообразие климата и легкость достижения области морем дополняют это впечатление. Эта территория также хорошо защищена от хартленда вереницей барьеров от Гималаев и Тибета до обширных пустынных и гористых областей Синьцзяна и Монголии. Эти горы, однако, не делают муссонные территории чем-то необычным. Пределы Бирмы и Индокитая доходят до моря и представляют собой большое препятствие для установления контактов между двумя великими государствами. Тот факт, что буддизм пришел в Китай из Индии через Синьцзян и Таиланд, указывает на трудность поддержания прямых отношений. на протяжении всей их истории, эти два центра восточной культуры остались довольно изолированными друг от друга, и их контакты имели исключительно культурную и интеллектуальную природу.

В этом случае Индия и побережье Индийского Океана, попадают в отличную от Китая геополитическую категорию, и едва ли верно классифицировать обе эти страны как муссонная территория Азии. В будущем, вероятно, придется рассматривать мощь каждого из этих регионов как две отдельные части, связанные по земле или воздухом лишь через узкую часть полуострова Индокитай и морем вокруг Сингапура. Если это так, то Азиатское Средиземноморье сохранит большое значение в политической стратегии независимого Азиатского мира также как оно имело жизненное значение в эпоху морского могущества западных государств.

Римленд Евразийской континентальной массы должен рассматриваться как промежуточный регион, расположенный между хартлендом и окраинными морями. Он функционирует как обширная буферная зона конфликта между морской мощью и мощью земли. Наблюдая в обе стороны, он должен функционировать и как морская, и как сухопутная сила

(amphibiously) и защищаться и на земле, и на море. В прошлом, нужно было бороться против мощи земли хартленда и против морской мощи отдаленных островов – Великобритании и Японии. Одновременно земная и морская природа данного региона является основой его безопасности.

Вопросы для самопроверки

1. В чем особенности геополитического анализа мировой политики, по мнению Спикмена?
2. Что такое хартленд в интерпретации Спикмена?
3. Что такое римленд в интерпретации Спикмена?

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ МИРО-СИСТЕМНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ: 1945–2025 ГОДЫ⁴³

Валлерстайн И.

Валлерстайн Иммануил, главный научный сотрудник факультета социологии Йельского университета (США).

Процесс миро-системных изменений в геополитике после Второй мировой войны можно условно разделить на три этапа. На первом этапе, с 1945 до начала 1970-х годов, в миро-системе установилась бесспорная гегемония США. На втором этапе, в 1970–2000 гг., Америка стала сдавать свои позиции лидера, однако происходило это постепенно – из-за попыток США замедлить данный процесс и минимизировать ущерб от экономического спада. На третьем этапе, в 2001–2025 гг., США попытаются восстановить свое былое величие посредством ведения более независимой и агрессивной политики, которая тем не менее обернется против них самих, ускоряя и усугубляя падение их мирового авторитета.

1945 – начало 1970-х годов

С окончанием Второй мировой войны завершилось 80-летнее соперничество между США и Германией за право стать преемником Великобритании, которая с 1873 г. последовательно утрачивала свое лидирующее положение в мире. Решающим в этой борьбе оказался 30-летний период военных действий (и восстановления экономики) в 1914–1945 гг., в которые были вовлечены крупнейшие индустриальные державы мира; последний этап противостояния (Вторая мировая война) привел к значительному сокращению численности населения Европы и Азии и массовому разрушению почти всей промышленной инфраструктуры.

В этом соперничестве победили США вместе со своими основными союзниками – СССР и Великобританией. После 1945 г. США стали единственной крупной индустриальной державой, промышленность которой не только не была разрушена войной, но, наоборот, получила в военные годы новый импульс для развития. В последующие 15–20 лет она работала значительно эффективнее, чем в других индустриально развитых странах: производители из США не имели себе равных по объему и качеству продукции ни на внутренних, ни на внешних рынках.

Военные разрушения были столь масштабны, что большая часть стран Европы и Азии столкнулась с проблемами недостатка продоволь-

⁴³ Геополитические миро-системные изменения: 1945 – 2025 годы. // Вопросы экономики. 2006, № 4. С. 67 – 83.

ствия, неустойчивости валюты и резкого ухудшения платежного баланса. Этим странам требовалась срочная экономическая поддержка, и все ждали, что ее предоставят США.

Америка с легкостью воспользовалась своим выгодным экономическим положением на мировой арене для достижения не только экономического, но и политического первенства. Впервые за всю историю своего существования США стали центром всемирной геокультуры. Столица мирового искусства переместилась из Парижа в Нью-Йорк, а американская система университетского образования внезапно превратилась в образец для подражания во всем мире.

Однако США не могли похвастаться военной мощью. Из соображений внутренней политики необходимо было немедленно сократить численность американской армии до уровня, обозначенного в законе о всеобщей воинской повинности. В военном отношении у США было только два «козыря»: наличие атомного оружия и отменной авиации, способной доставить атомные бомбы в любую точку земного шара. Единственной страной в мире, которая в то время могла соперничать с США в этой сфере, был Советский Союз. Во время Второй мировой войны он понес огромные потери, но советская армия все еще оставалась весьма многочисленной и к тому же полностью укомплектованной. Более того, в течение четырех лет СССР сумел создать собственную атомную бомбу и таким образом подорвать глобальную ядерную гегемонию США.

Единственным способом разрешения военного противостояния между двумя государствами, позднее названными сверхдержавами, могло стать заключение взаимовыгодного политического соглашения. Так и произошло; сейчас эти соглашения называют Ялтинскими, хотя политическое равновесие в мире удерживалось не только благодаря формальным договоренностям, достигнутым в Ялте, – не меньшую роль сыграли и неформальные переговоры. Договоренности были достигнуты по трем направлениям – в области политики, экономики и идеологии.

Во-первых, было принято решение о разделе мира на сферы влияния. После окончания Второй мировой войны Европа разделилась на два лагеря, условная граница между которыми пролегла приблизительно по Эльбе в Германии и ниже к югу, к Средиземному морю. В Юго-Восточной Азии сложилась похожая ситуация: река Ялу разделила Корею на две противоборствующие части. Была достигнута договоренность и о том, что обе стороны будут контролировать свою часть Европы, обязавшись не применять военную силу с целью изменить установленный порядок. В результате СССР получил контроль над территориями, оккупированными Советской Армией (которые составляли примерно треть всего мира), а Соединенные Штаты управляли оставшимися территориями.

Поскольку эта договоренность была довольно условной, в последующие годы она не раз нарушалась. Так было в северном Иране, во время гражданской войны в Греции, блокады Берлина, войны между Северной и Южной Кореей, многочисленных волнений и выступлений в Восточной Европе (1953, 1956, 1968 и 1980–1981 гг.), кризисной ситуации в районе островов Кемой и Матсу и во время Кубинского ракетного кризиса. В разрешении всех локальных столкновений и США, и СССР неизменно отказывались от применения ядерного оружия, то есть наблюдалось так называемое «равновесие сил устрашения» (*balance of terror*), и после окончания этих столкновений (войн) вновь восстанавливался *status quo*. Несмотря на то что в обеих странах были противники указанных негласных договоренностей, на протяжении всей так называемой «холодной войны» обе стороны признавали установленное разделение геополитических сфер влияния.

Во-вторых, в Ялте были приняты важные экономические решения. США должны были заняться восстановлением хозяйственной инфраструктуры в странах-союзниках. Америке это было выгодно и по политическим соображениям (чтобы обеспечить их преданность в качестве политических сателлитов), и с экономической точки зрения (США, самый крупный мировой производитель, нуждался в рынках сбыта своих товаров). Однако США не намеревались тратить деньги на инвестиции в восстановление хозяйственной инфраструктуры СССР и стран социалистического лагеря. Блокада Западного Берлина дала возможность обеим сторонам возвести барьер между двумя экономическими зонами. В США берлинский кризис мастерски использовался политиками для принятия в Конгрессе плана Маршалла. Похожая ситуация повторилась во время корейской войны, когда этот вооруженный конфликт был использован в качестве повода для оказания экономической поддержки Японии, Тайваню и Южной Корее. В свою очередь, СССР создал Совет Экономической Взаимопомощи со своими сателлитами среди стран Центральной и Восточной Европы, одновременно налаживая экономические отношения с Китаем и Северной Кореей.

В результате страны социалистического лагеря стали проводить политику коллективного протекционизма и практически прекратили все экономические отношения с остальной частью капиталистической миро-экономики. Они начали осуществлять активную индустриализацию и добились очень высоких темпов роста. В это время США создавали международные экономические институты (в которые не входили страны социалистического лагеря), что позволило установить такой международный порядок, при котором доллар стал мировой валютой, а также добиться процветания американских промышленных и финансовых компаний.

В-третьих, отношения между США и СССР усложнялись из-за сильных идеологических разногласий. Обе стороны попустительствовали и даже способствовали взаимному разоблачению друг друга. В американской прессе весь мир делился на свободные и тоталитарные государства, в советской – на буржуазный и социалистический лагерь. Различались только названия, а упоминавшиеся в разоблачениях страны оставались теми же. В этом противостоянии двух идеологий понятие «нейтральности» не признавалось. Однако в принятии политических и экономических решений идеологические различия не играли решающей роли. Подлинными целями таких схваток и риторики были подавление диссидентских движений в собственном лагере и контроль над группами, недовольными установившимся геополитическим порядком. В результате позиции мировой общественности разделились, и у каждого идеологического лагеря было достаточное количество сторонников.

После Ялтинской конференции ничто не могло помешать США делать то, что подобает делать сверхдержаве: навязывать свою волю исходя из долгосрочных интересов американского глобального проекта. В то время ситуация на геополитической арене была такова, что правительству США могло быть уверено: его решения будут реализованы в 95 случаях из 100. Мировая экономика переживала эпоху невероятной экспансии, уровень жизни стремительно повышался, улучшалось качество здравоохранения и образования, процветали искусство и наука. Несмотря на наблюдавшиеся время от времени истерии, уверенность в завтрашнем дне была непоколебимой. Позднее во Франции это время назовут *trente glorieuses* – славное тридцатилетие. Гармония, царившая в тот период в мире, была слишком хороша, чтобы длиться долго. Так и произошло. В «бочке с медом» оказалось две ложки дегтя.

Первой стало постепенное восстановление экономики в Западной Европе, Японии и в странах, названных «четырьмя азиатскими драконами» (в Южной Корее, Тайване, Гонконге и Сингапуре). В результате поддержки США к середине 1960-х годов они почти догнали Америку по уровню экономического развития. В Германии, Франции и Японии американские производители уже не могли конкурировать с местными, и теперь сами американцы принялись импортировать промышленные товары из этих стран. Когда экономическое отставание союзников США от своего гегемона начало стремительно сокращаться, они перестали ориентироваться на Америку в принятии политических и финансовых решений.

Второй удар по экономическому процветанию США нанесли действия стран третьего мира, чьи интересы и цели были вне сферы деятельности двух сверхдержав. Эти страны не отличались покорностью и сохраняли автономию в области политики. Вопреки настойчивому совету Сталина договориться с партией Гоминьдан китайские коммунисты

вошли в Шанхай и провозгласили его частью КНР. Единый национально-освободительный фронт Вьет-Минь проигнорировал принятый в Женеве договор между США, Францией и СССР и продолжил борьбу за освобождение Вьетнама от французов. В Алжире началась национально-освободительная война против Французской коммунистической партии. Кубинцы, забыв о присутствии представителей коммунистической партии в правительстве Батисты, развязали под предводительством Кастро партизанскую войну в Сьерра-Маэстра: они спустились с гор, захватили Гавану, а потом и всю Кубу.

Таким образом, СССР не удалось удержать народные движения в странах третьего мира от попыток изменить геополитический порядок, установившийся после Ялтинской конференции, и лидерам сверхдержав оставалось лишь поспешно, но неохотно заручиться поддержкой этих движений. В результате повстанческие движения оказались враждебно настроены по отношению к обеим сверхдержavam. Таким образом, и СССР, и США пришлось отказаться от своей «антинейтральной» политики и начать выискивать в этих странах тех лидеров национальных движений, которых можно было склонить на свою сторону. В случае с США это привело к тому, что бывшие колониальные страны осудили их новую политику, как неразумную и слишком назойливую. Такое резкое, хотя и негласное изменение в политике двух сверхдержав сопровождалось тем, что после конференции в Бандунге в 1955 г. – исторической встречи лидеров 29 стран Азии и Африки – западные страны стали принимать активное участие в процессе принятия решений в мировой системе. После Бандунга и США, и СССР пришлось считаться с мнением азиатских стран и добиваться их расположения.

Многое предвещало скорые изменения в мировой геополитической структуре, установившейся после 1945 г.: экономический подъем Западной Европы и Японии, ослабление экономики США из-за войны во Вьетнаме (и в конечном счете – поражения в этой войне), распространение идеологии «освобождения», возникшей в государствах третьего мира, в страны Западной Европы и США. Символическим концом прежнего мирового порядка можно считать революционные выступления в 1968 г.

Начало 1970-х – 2000 год

Новая эпоха охарактеризовалась двумя важными явлениями: политико-культурной трансформацией, произошедшей под влиянием революционных событий 1968 г., и экономическими изменениями, обусловленными завершением этапа экономического роста мирового хозяйства (так называемой А-фазы в теории циклов Кондратьева), а также началом 30-летнего экономического застоя (В-фазы по Кондратьеву). Чтобы понять процессы фундаментальных изменений геополитической расстановки сил в мире, остановимся подробнее на каждом из явлений.

Миро-системная революция 1968 г. (которая фактически продолжалась с 1966 по 1970 г.) представляла собой массовые выступления студентов (а в некоторых странах – и рабочих) против любой формы власти. Студенческие волнения во всем мире вспыхнули внезапно, продолжались недолго и в конечном счете сошли на нет. Однако для случайных свидетелей, застигнутых врасплох и находившихся в самой гуще событий, эти выступления были подобны ураганному шторму.

По отношению к этой революции мы употребляем термин «мировая», поскольку она происходила практически во всех странах мира. Основные действия разворачивались на территории трех регионов миро-системы той эпохи – на Западе, в коммунистическом лагере и в странах третьего мира. Подробная и точная хронология событий тех лет еще не написана, и большинству наблюдателей известны лишь наиболее яркие эпизоды революции из прессы; мало кто обладает сведениями о многочисленных локальных выступлениях, происходивших в странах с авторитарным режимом.

Причины недовольства властью везде были разными, однако при всей локальности эти выступления имели глобальное значение. Естественно, в каждом отдельном случае возникали особые проблемы и своя специфическая местная риторика, но два аспекта были общими для всех выступлений и носили глобальный характер. Во-первых, это был протест против соглашений, принятых на Ялтинской конференции, что проявлялось в осуждении империалистической политики США (в то время велась война во Вьетнаме), и «сговора» СССР и США с целью проведения такой политики. Китайские маоисты дали очень точную характеристику геополитической ситуации того времени: мир в 1968 г. делился на территории, находившиеся под контролем двух сверхдержав, и на все остальные.

Во-вторых, общим для всех локальных выступлений было неприятие курса «старых левых» партий, то есть трех основных антисистемных движений – коммунистической партии (стоявшей у власти в странах социалистического лагеря), социал-демократической партии (стоявшей у власти в большинстве западных стран) и партий национального освобождения и популистских движений (пришедших к власти в большинстве стран третьего мира). Основными пунктами обвинения «старых левых» были их приверженность двухступенчатой программе развития (на первом этапе был запланирован приход к власти, на втором – «изменение мира») и их неспособность выполнить свои обещания на втором этапе. Обвинения были обоснованны: в период 1945–1968 гг. во многих странах к власти пришли левые партии, но обещанного изменения мира не произошло. В мире продолжали господствовать иерархия, неравенство и авторитаризм. В глазах революционеров 1968 г. левые партии, стоявшие у власти, сами стали помехой осуществлению тех изменений, которые они некогда обещали.

Два факта – поддержка Советским Союзом политики американского империализма и политический крах «старых левых» партий – окончательно подорвали авторитет этих движений. Более того, спала волна оптимизма, на протяжении многих лет определявшая народные настроения. Под влиянием событий 1968 г. политические движения были вынуждены изменить свои стратегии. Разочарование в том, что основной целью политических движений должен стать приход к власти, породило множество «новых левых» партий, пытавшихся действовать в изменившейся ситуации.

Переосмысление политических целей дополнялось разочарованием в экономической политике государств. В период 1945–1970 гг. основной экономической доктриной была концепция «девелопментализма» («теории развития»). Согласно этой концепции, любая страна, осуществляя правильную внутреннюю политику, могла достичь уровня жизни наиболее развитых стран. Конечно, у США, СССР и стран третьего мира имелись свои представления о деталях развития, но главные идеи были сходными. Основу всех программ развития составляли урбанизация и индустриализация экономики, повышение эффективности сельского хозяйства, улучшение качества образования и проведение политики краткосрочного протекционизма (импортозамещения). <...>

Геополитическая структура мира изменилась радикальным образом. Больше всех от стагнации пострадали страны третьего мира, которые утратили уверенность в себе; кроме того, снизился достигнутый там за годы экономического роста уровень жизни населения. Гражданские войны и прочие беспорядки усугубили и без того плачевное состояние экономики этих стран, что привело к падению прежних политических режимов. Одна за другой страны третьего мира начали уступать требованиям Вашингтонского соглашения. Подобной участи не избежали и страны коммунистического блока. Некогда впечатляющие темпы экономического роста значительно замедлились, внутренняя авторитарная сплоченность ослабела, СССР начал терять контроль над своими когда-то покорными сателлитами. В конце концов с приходом к власти Горбачева и Советский Союз встал на путь политических и экономических реформ (начало «перестройки» и «гласности»). Как говорится, «по многим показателям лекарство было действенным, но, к сожалению, пациент умер».

Тогда казалось, что для США наступило золотое время. Это впечатление оказалось ложным: ситуация складывалась совершенно противоположным образом. Во-первых, США пришлось признать, что они проиграли масштабную войну против маленькой страны. Никсон с позором вывел войска из Вьетнама, и американцев поразил так называемый «вьетнамский синдром» – протест против отправки солдат на разрушительную войну на краю земли. Поражение во Вьетнаме дополнил Уотергейтский скандал, и Никсону пришлось подать в отставку.

На фоне военного поражения и внутреннего политического кризиса США столкнулись с более серьезной геополитической проблемой – потерей экономического преимущества перед своими основными союзниками, странами Западной Европы и Японией. Когда союзники сравнялись с США по уровню экономического развития, последние более не могли рассчитывать на то, что страны Западной Европы и Япония останутся в положении политических сателлитов Америки. Требовались срочные изменения во внешней политике. Последующие тридцать лет все американские президенты (от Никсона до Клинтона, включая Рейгана) ставили своей целью смягчение последствий утраты Соединенными Штатами гегемонии.

В новой стратегии внешней политики США было обозначено три основных приоритета. Первый приоритет – поддержание политической власти США на мировой арене. Отношения с Западной Европой и Японией должны были перейти в статус «партнерских». В качестве «платы» за отказ Западной Европы и Японии следовать самостоятельным политическим курсом США обещали предоставить своим союзникам возможность принимать участие в решении геополитических вопросов. Партнерские отношения реализовались в создании нескольких международных институтов: Трехсторонней комиссии, «большой семерки», Всемирного экономического форума в Давосе и др. Основным аргументом США для «сплочения рядов» была необходимость создания единой силы, противостоящей СССР (который сам уже начал пренебрегать исполнением Ялтинских соглашений, что проявлялось, например, в его поддержке коммунистического режима в Афганистане). <...>

Вторым приоритетом внешней политики США стало сохранение военного преимущества. После того как война во Вьетнаме продемонстрировала ограниченность военной мощи США, Америке было особенно важно сохранить свое ведущее положение среди ядерных держав. Монополия США на производство ядерного оружия была утрачена: к 1964 г. оно уже имелось у Великобритании, СССР, Франции и Китая. США считали, что необходимо ограничить развитие соответствующих разработок в других странах. Таким образом, главным для США стало предотвращение распространения ядерного оружия. <...>

Третье ведущее направление нового курса внешней политики США затрагивало экономическую сферу. Переход от доктрины развития к принятию условий Вашингтонского соглашения был очень выгоден для американцев и позволил им усилить экономическое и в особенности финансовое вмешательство в политику стран третьего мира. Таким образом, США смогли компенсировать потери от снижения прибыльности своих главных отраслей. До конца 1990-х годов эта часть новой программы внешней политики была наиболее успешной из всех трех.

Подобно политике США 1945–1970 гг. новая, отчасти удачная внешняя политика, направленная на смягчение последствий утраты влияния на мировой арене, создала для Америки новые, более серьезные проблемы в 1990-е годы, в тот самый момент, когда она праздновала обретение своей «новой» роли «единственной сверхдержавы». Во-первых, развал Советского Союза отрицательно сказался на геополитическом положении США. Во-вторых, к середине 1990-х частные выгоды и преимущества Америки в миро-экономике в силу принятия Вашингтонского соглашения были столь очевидны, что это вызвало протест мировой общественности. <...>

2001 – 2025 годы

В 2001 г. новым президентом США стал Джордж Буш. Правительство Буша было сформировано из тех, кого мы называем «неоконсерваторами». В 1990-е годы эта группа заявила о себе в рамках организации «Проекта Нового Века Америки». Участники проекта не скрывали своих политических взглядов: в 1997–2000 гг. было выпущено несколько манифестов...

Неоконсерваторы активно критиковали внешнеполитический курс Клинтона, и не только Клинтона. Критиковалась вся американская внешняя политика за период с 1970 по 2000 г. (я называю ее «внешней политикой от Никсона к Клинтону»), основной задачей которой было смягчение последствий от потери США лидерства на мировой арене. Неоконсерваторы утверждали, что «сосуд» власти США не наполовину полон, а наполовину пуст. Они осознавали, что их страна действительно теряет власть, однако причина этого виделась им не в структурных изменениях миро-системы (например, в силу потери США превосходства над странами Западной Европы и Японией), а в неэффективности политики США и отсутствии жесткости и решительности у президентов. Таким обвинениям подвергся и Рональд Рейган, хотя не столь открыто.

Неоконсерваторы требовали радикально изменить курс внешней политики США. Они предлагали отступить от мягкого «принципа многосторонних отношений», на котором базировалось «партнерство» США со своими основными союзниками в период 1970–2000 гг., и перейти к принципу «односторонних решений», применив к союзникам жесткий и бескомпромиссный подход – «либо вы принимаете наши условия, либо исключаетесь из игры». Они настаивали на принудительном ядерном разоружении стран, еще не выполнивших условия Договора о нераспространении ядерного оружия, но при этом предлагали освободить США от ограничений на расширение и усовершенствование собственного ядерного арсенала. Они отвергали идею вступления США в новые международные соглашения, которые могли бы ограничить их действия (Киотский протокол, Международный договор о морском пра-

ве и др.). Но прежде всего они выступали за насильственное свержение режима Саддама Хусейна. По их мнению, тот факт, что Хусейн остался у власти, был оскорбителен для США. Они негласно осуждали Джорджа Буша-старшего за то, что он не ввел войска в Ирак в 1991 г. <...>

Первые восемь месяцев правления Буша-младшего никто не поддерживал идеи неоконсерваторов. Но 11 сентября 2001 г. произошла террористическая атака сторонников Бен Ладена на Нью-Йорк и Пентагон. И почти сразу после этого Джордж Буш полностью встал на сторону неоконсерваторов. Видимо, он и его политические советники поняли, что слава «военного президента» давала большие шансы быть избранным на следующий срок и позволяла без помех проводить ту внутреннюю политику, идею которой Буш уже давно вынашивал.

Неоконсерваторы рассуждали очень просто. Свержение режима Саддама Хусейна военными силами США не только вернуло бы Америке прежнюю славу, но и послужило бы устрашением для трех основных групп государств, мешающих восстановлению американской гегемонии: стран Западной Европы, претендующих на геополитическую автономию; стран, представляющих потенциальную ядерную угрозу США (в особенности для Северной Кореи и Ирана); арабских государств, которые умышленно затягивали разрешение палестино-израильского конфликта и не спешили с разрешением «долговременного поселения» израильтян на палестинской территории. Неоконсерваторы считали, что быстрое и окончательное решение поставленной задачи позволит им обезвредить всех противников установления гегемонии США и начнется «новый век Америки».

Однако в своих рассуждениях неоконсерваторы допустили несколько серьезных ошибок. Во-первых, они предполагали, что осуществить военный захват Ирака будет несложно и что финансовые и человеческие потери этой операции будут минимальными...

Кроме того, политика устрашения привела к неожиданным последствиям. Вместо того чтобы уступить давлению США, страны Западной Европы (в особенности Франция и Германия) продемонстрировали политическую независимость, которую они не проявляли начиная с 1945 г. ...

Американская политика устрашения не подействовала и при попытке устранить угрозу распространения ядерного оружия. После нападения США на Ирак Северная Корея и Иран пришли к заключению, что правительство Соединенных Штатов решилось на военные действия не потому, что в Ираке действительно находились запасы ядерного оружия, а потому, что их там не было. Власти Северной Кореи и Ирана считали, что для сохранения своих политических режимов наиболее правильным будет ускорение и интенсификация разработок в области ядерного вооружения. И если Иран в этом не признался из тактических

соображений, то власти Северной Кореи объявили о своих намерениях официально...

В отношении неолиберализма действия стран Юга уже не были стеснены условиями Вашингтонского соглашения именно потому, что в результате войны в Ираке геополитическая позиция США была ослаблена. Переговоры в ВТО, которые правительство Буша надеялось возобновить, и попытка Америки организовать Американскую Зону Свободной Торговли (ФТАА) закончились безрезультатно во многом благодаря сопротивлению стран Юга во главе с Бразилией. <...>

Итак, новая внешняя политика, проводимая Бушем-младшим, ускорила падение мирового авторитета США, а не замедлила его, как предполагалось первоначально. В миро-системе произошло неструктурированное многостороннее разделение геополитических сил. Основными центрами власти стали США, Великобритания, страны Западной Европы, Россия, Китай, Япония, Индия, Иран и в меньшей степени Бразилия. Ни один из этих центров не имеет явного экономического, политического, военного или культурно-идеологического превосходства над остальными. На сегодняшний день нет сильной международной коалиции, которая могла бы обрести лидерство в решении геополитических вопросов, хотя в скором времени такая коалиция может сформироваться.

Какие общие направления и тенденции развития миро-системы можно выделить, если попробовать заглянуть в 2025 год? Во-первых, потерпит полный крах программа ядерного разоружения: в дополнение к уже существующим в мире появится десятка два новых небольших ядерных держав. Резкий спад влияния США на мировой арене и столкновение интересов многочисленных центров геополитической власти приведут к тому, что страны, свернувшие ядерные разработки в 1970 – 2000 гг., вновь запустят свои ядерные программы, и это удержит многие страны мира от военных вторжений и сделает значительно более опасными последствия подобных агрессий.

В сфере мировых финансов будет постепенно уменьшаться влияние американского доллара, место которого займет многовалютная система. Очевидно, что евро и иена станут чаще использоваться для операций на финансовых и товарных рынках. Сложно сказать, какие именно валюты войдут в список наиболее распространенных средств для осуществления подобных операций и оценить степень нестабильности (или, по крайней мере, повышения волатильности) экономической системы в результате увеличения числа валют, используемых в реальной экономической жизни. В любом случае снижение влияния доллара в мировой экономике усугубит проблемы США с выплатой накопившегося государственного долга и, возможно, приведет к снижению уровня жизни населения в Соединенных Штатах.

Особое внимание следует уделить рассмотрению трех регионов мира, характеризующихся сейчас довольно нестабильной политической ситуацией. Это Европа, Юго-Восточная Азия и Южная Америка. Последствия происходящих там сегодня событий существенно преобразят мировую геополитическую структуру. <...>

Вопросы для самопроверки

1. Что такое миро-системная геополитика?
2. В чем особенности геополитических изменений в период 1945–начала 1970-х гг.?
3. В чем особенности геополитических изменений в период начала 1970-х – 2000 гг.?
4. Каковы перспективы развития миро-системы?

Бжезинский Збигнев, консультант Центра стратегических и международных исследований и профессор американской внешней политики в Школе современных международных исследований Пола Х. Нитце при Университете им. Джона Хопкинса в Вашингтоне.

ГЛАВА I

Гегемония нового типа

Первая мировая держава

В результате краха соперника Соединенные Штаты оказались в уникальном положении. Они стали первой и единственной действительно мировой державой. И все же глобальное господство Америки в некотором отношении напоминает прежние империи, несмотря на их более ограниченный, региональный масштаб. Эти империи опирались в своем могуществе на иерархию вассальных, зависимых государств, протекторатов и колоний, и всех тех, кто не входил в империю, обычно рассматривали как варваров. В какой-то степени эта анахроничная терминология не является такой уж неподходящей для ряда государств, в настоящее время находящихся под влиянием Америки. Как и в прошлом, применение Америкой «имперской» власти в значительной мере является результатом превосходящей организации, способности быстро мобилизовать огромные экономические и технологические ресурсы в военных целях, неважно, но значительной культурной притягательности американского образа жизни, динамизма и прирожденного духа соперничества американской социальной и политической элиты.

Прежним империям также были свойственны эти качества. <...>

Короче говоря, Рим обеспечивал свое господство в основном с помощью более совершенной военной структуры и культурной притягательности. Китай в значительной степени опирался на эффективный бюрократический аппарат, управляя империей, построенной на общей этнической принадлежности, и укрепляя свой контроль за счет сильно развитого чувства культурного превосходства. Монгольская империя в качестве основы своего правления сочетала применение в ходе завоеваний передовой военной тактики и склонность к ассимиляции. Британцы (так же как испанцы, голландцы и французы) обеспечивали себе превосходство по мере того, как их флаг следовал за развитием их торгов-

⁴⁴ Бжезинский 3б. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 20 – 21, 32 – 33, 36 – 42, 64 – 73.

ли; их контроль также поддерживался более совершенной военной структурой и культурным самоутверждением. Однако ни одна из этих империй не была действительно мировой. Даже Великобритания не была настоящей мировой державой. Она не контролировала Европу, а лишь поддерживала в ней равновесие сил. Стабильная Европа имела решающее значение для международного господства Британии, и самоуничтожение Европы неизбежно означало конец главенствующей роли Британии.

Напротив, масштабы и влияние Соединенных Штатов Америки как мировой державы сегодня уникальны. Они не только контролируют все мировые океаны и моря, но и создали убедительные военные возможности для берегового контроля силами морского десанта, что позволяет им осуществлять свою власть на суше с большими политическими последствиями. Их военные легионы надежно закрепились на западных и восточных окраинах Евразии. Кроме того, они контролируют Персидский залив. Американские вассалы и зависимые государства, отдельные из которых стремятся к установлению еще более прочных официальных связей с Вашингтоном, распространились по всему Евразийскому континенту.

Экономический динамизм Америки служит необходимым предварительным условием для обеспечения главенствующей роли в мире.
<...>

Короче говоря, Америка занимает доминирующие позиции в четырех имеющих решающее значение областях мировой власти: в военной области она располагает не имеющими себе равных глобальными возможностями развертывания; в области экономики остается основной движущей силой мирового развития, даже несмотря на конкуренцию в отдельных областях со стороны Японии и Германии (ни одной из этих стран не свойственны другие отличительные черты мирового могущества); в технологическом отношении она сохраняет абсолютное лидерство в передовых областях науки и техники; в области культуры, несмотря на ее некоторую примитивность, Америка пользуется не имеющей себе равных притягательностью, особенно среди молодежи всего мира, – все это обеспечивает Соединенным Штатам политическое влияние, близкого которому не имеет ни одно государство мира. Именно сочетание всех этих четырех факторов делает Америку единственной мировой сверхдержавой в полном смысле этого слова.

Американская глобальная система

Хотя американское превосходство в международном масштабе неизбежно вызывает представление о сходстве с прежними имперскими системами, расхождения все же более существенны. Они выходят за пределы вопроса о территориальных границах. Американская мощь проявляется через глобальную систему явно американского покроя, от-

ражающую внутренний американский опыт. Центральное место в этом внутреннем опыте занимает плюралистический характер как американского общества, так и его политической системы. <...>

Американское превосходство, таким образом, породило новый международный порядок, который не только копирует, но и воспроизводит за рубежом многие черты американской системы. Ее основные моменты включают:

- систему коллективной безопасности, в том числе объединенное командование и вооруженные силы, например НАТО, Американско-японский договор о безопасности и т.д.;
- региональное экономическое сотрудничество, например АПЕС, НАРТА (Североамериканское соглашение о свободной торговле), и специализированные глобальные организации сотрудничества, например Всемирный банк, МВФ, ВТО (Всемирная организация труда);
- процедуры, которые уделяют особое внимание совместному принятию решений, даже при доминировании Соединенных Штатов;
- предпочтение демократическому членству в ключевых союзах;
- рудиментарную глобальную конституционную и юридическую структуру (от Международного Суда до специального трибунала по рассмотрению военных преступлений в Боснии). <...>

ГЛАВА 2

Евразийская шахматная доска

Главный геополитический приз для Америки – Евразия. Половину тысячелетия преобладающее влияние в мировых делах имели евразийские государства и народы, которые боролись друг с другом за региональное господство и пытались добиться глобальной власти. Сегодня в Евразии руководящую роль играет неевразийское государство и глобальное первенство Америки непосредственно зависит от того, насколько долго и эффективно будет сохраняться ее превосходство на Евразийском континенте.

Очевидно, что это условие временное. Но его продолжительность и то, что за ним последует, имеют особое значение не только для благополучия Америки, но и в общем плане для мира во всем мире. Внезапное возникновение первой и единственной глобальной державы создало ситуацию, при которой одинаково быстрое достижение своего превосходства – либо из-за ухода Америки из мира, либо из-за внезапного появления успешного соперника – создало бы общую международную нестабильность. В действительности это вызвало бы глобальную анархию. <...>

Важный выбор и потенциальные проблемы

Выявление центральных действующих лиц и ключевых центров помогает определить дилеммы общей американской политики и пред-

восхитить возникновение крупных проблем на Евразийском суперконтиненте. До всестороннего обсуждения в последующих главах все эти моменты можно свести к пяти основным вопросам:

- Какая Европа предпочтительнее для Америки и, следовательно, созданию какой Европы она должна способствовать?
- Какой должна быть Россия, чтобы соответствовать интересам Америки, и что и как должна Америка для этого делать?
- Каковы перспективы возникновения в Центральной Европе новых “Балкан” и что должна сделать Америка, чтобы свести до минимума опасность, которая может в результате возникнуть?
- На какую роль на Дальнем Востоке следует поощрять Китай и каковы могут быть последствия вышеупомянутого не только для Соединенных Штатов, но также и для Японии?
- Каковы возможные евразийские коалиции, которые в наибольшей степени могут быть опасными для интересов Соединенных Штатов, и что необходимо сделать, чтобы предотвратить их возникновение?

США всегда заявляли о своей приверженности делу создания единой Европы. Еще со времен правления администрации Кеннеди обычным призывом является призыв к «равному партнерству». Официальный Вашингтон постоянно заявляет о своем желании видеть Европу единым образованием, достаточно мощным, чтобы разделить с Америкой ответственность и бремя мирового лидерства.

Это обычная риторика. Однако на практике Соединенные Штаты не так определены и не так настойчивы. Действительно ли Вашингтон искренне хочет видеть в Европе настоящего равного партнера в мировых делах или же он предпочитает неравный альянс? Например, готовы ли Соединенные Штаты поделить лидерством с Европой на Ближнем Востоке, в регионе, который не только в географическом плане расположен ближе к Европе, чем к Америке, и в котором несколько европейских стран имеют свои давние интересы? Сразу же приходят на ум вопросы, связанные с Израилем. Разногласия между США и европейскими странами по поводу Ирана и Ирака рассматриваются Соединенными Штатами не как вопрос между равными партнерами, а как вопрос неподчинения.

Двусмысленность относительно степени американской поддержки процесса объединения Европы также распространяется на вопрос о том, как должно определяться европейское единство, и особенно на вопрос о том, какая страна должна возглавить объединенную Европу (и вообще должна ли быть такая страна). Вашингтон не имеет ничего против разъединяющей позиции Лондона по поводу интеграции Европы, хотя Вашингтон отдает явное предпочтение скорее германскому, чем французскому, лидерству в Европе. Это понятно, учитывая традиционное направление французской политики, однако этот выбор имеет также опре-

деленные последствия, которые выражаются в содействии появлению время от времени тактических франко-британских договоренностей с целью противодействовать Германии, равно как и в периодическом заигрывании Франции с Москвой с целью противостоять американско-германской коалиции.

Появление по-настоящему единой Европы – особенно, если это должно произойти с конструктивной американской помощью, – потребует значительных изменений в структуре и процессах блока НАТО, основного связующего звена между Америкой и Европой. НАТО не только обеспечивает основной механизм осуществления американского влияния в европейских делах, но и является основой для критически важного с точки зрения политики американского военного присутствия в Западной Европе. Однако европейское единство потребует приспособления этой структуры к новой реальности альянса, основанного на двух более или менее равных партнерах, вместо альянса, который, если пользоваться традиционной терминологией, предполагал наличие гегемона и его вассалов. Этот вопрос до сих пор большей частью не затрагивается, несмотря на принятые в 1996 году крайне скромные меры, направленные на повышение роли в рамках НАТО Западноевропейского союза (ЗЕС), военной коалиции стран Западной Европы. Таким образом, реальный выбор в пользу объединенной Европы потребует осуществления далеко идущей реорганизации НАТО, что неизбежно приведет к уменьшению главенствующей роли Америки в рамках альянса.

Короче говоря, в своей долгосрочной стратегии в отношении Европы американская сторона должна четко определиться в вопросах европейского единства и реального партнерства с Европой. Америка, которая по-настоящему хочет, чтобы Европа была единой и, следовательно, более независимой, должна будет всем своим авторитетом поддерживать те европейские силы, которые действительно выступают за политическую и экономическую интеграцию Европы. Такая стратегия также должна означать отказ от последних признаков однажды освященных особых отношений между США и Великобританией.

Политика в отношении создания объединенной Европы должна также обратиться – хотя бы и совместно с европейцами – к крайне важному вопросу о географических границах Европы. Как далеко на восток должен расширяться Европейский Союз? И должны ли восточные пределы ЕС совпадать с восточной границей НАТО? Первый из этих двух вопросов – это скорее вопрос, по которому решение должно приниматься в Европе, однако мнение европейских стран по этому вопросу окажет прямое воздействие на решение НАТО. Принятие решения по второму вопросу, однако, предполагает участие Соединенных Штатов, и голос США в НАТО по-прежнему решающий. Учитывая растущее согласие относительно желательности принятия стран Центральной Европы как в

ЕС, так и в НАТО, практическое значение этого вопроса вынуждает фокусировать внимание на будущем статусе Балтийских республик и, возможно, на статусе Украины.

Таким образом, существует важное частичное совпадение между европейской дилеммой, которая обсуждалась выше, и второй, которая касается России. Легко ответить на вопрос относительно будущего России, заявив о том, что предпочтение отдается демократической России, тесно связанной с Европой. Возможно, демократическая Россия с большим одобрением относилась бы к ценностям, которые разделяют Америка и Европа, и, следовательно, также весьма вероятно, стала бы младшим партнером в создании более стабильной и основанной на сотрудничестве Евразии. Однако амбиции России могут пойти дальше простого достижения признания и уважения ее как демократического государства. В рамках российского внешнеполитического истеблишмента (состоящего главным образом из бывших советских чиновников) до сих пор живет глубоко укоренившееся желание играть особую евразийскую роль, такую роль, которая может привести к тому, что вновь созданные независимые постсоветские государства будут подчиняться Москве.

В этом контексте даже дружественная политика Запада рассматривается некоторыми влиятельными членами российского сообщества, определяющего политику, как направленная на то, чтобы лишить Россию ее законного права на статус мировой державы...

...До какой степени следует оказывать России экономическую помощь, которая неизбежно приведет к усилению России как в политическом, так и в военном аспекте, и до какой степени следует одновременно помогать новым независимым государствам в их усилиях по защите и укреплению своей независимости? Может ли Россия быть мощным и одновременно демократическим государством? Если она вновь обретет мощь, не захочет ли она вернуть свои утраченные имперские владения и сможет ли она тогда быть и империей, и демократией?

Политика США по отношению к важным геополитическим центрам, таким как Украина и Азербайджан, не позволяет обойти этот вопрос, и Америка, таким образом, стоит перед трудной дилеммой относительно тактической расстановки сил и стратегической цели. Внутреннее оздоровление России необходимо для демократизации России и в конечном счете для европеизации. Однако любое восстановление ее имперской мощи может нанести вред обоим этим целям. Более того, именно по поводу этого вопроса могут возникнуть разногласия между Америкой и некоторыми европейскими государствами, особенно в случае расширения ЕС и НАТО. Следует ли считать Россию кандидатом в возможные члены в обе эти структуры? И что тогда предпринимать в отношении Украины? Издержки, связанные с недопущением России в

эти структуры, могут быть крайне высокими – в российском сознании будет реализовываться идея собственного особого предназначения России, – однако последствия ослабления ЕС и НАТО также могут оказаться дестабилизирующими.

Еще одна большая неопределенность проявляется в крупном и геополитически неустойчивом пространстве Центральной Евразии; эта неопределенность доведена до предела возможной уязвимостью турецкого и иранского центров. В районе, граница которого показана на карте X, она проходит через Крым в Черном море прямо на восток вдоль новых южных границ России, идет по границе с китайской провинцией Синьцзян, затем спускается вниз к Индийскому океану, отсюда идет на запад к Красному морю, затем поднимается на север к восточной части Средиземного моря и вновь возвращается к Крыму, там проживает около 400 млн. человек приблизительно в 25 странах, почти все из них как в этническом плане, так и в религиозном являются разнородными, и практически ни одна из этих стран не является политически стабильной. Некоторые из этих стран могут находиться в процессе приобретения ядерного оружия.

Этот огромный регион, раздираемый ненавистью, которую легко разжечь, и окруженный конкурирующими между собой могущественными соседями, вероятно, является и огромным полем битвы, на котором происходят войны между национальными государствами, и зоной (это скорее всего), где царит затянувшееся этническое и религиозное насилие. Будет ли Индия выступать в качестве сдерживающего фактора или же воспользуется некоторыми возможностями, чтобы навязывать свою волю Пакистану, в большой степени скажется на региональных рамках возможных конфликтов. Внутренняя напряженность в Турции и Иране, вероятно, не только усилится, но значительно снизит стабилизирующую роль, которую эти государства могут играть во взрывоопасном регионе. Такие события, в свою очередь, возможно, затруднят процесс ассимиляции международным сообществом новых государств Центральной Азии, а также отрицательно повлияют на безопасность в Персидском заливе, в обеспечении которой доминирующую роль играет Америка. В любом случае и Америка, и международное сообщество могут столкнуться здесь с проблемой, по сравнению с которой недавний кризис в бывшей Югославии покажется незначительным.

Частью проблемы этого нестабильного региона может стать вызов главенствующей роли Америки со стороны исламского фундаментализма. Эксплуатируя религиозную враждебность к американскому образу жизни и извлекая выгоду из арабо-израильского конфликта, исламский фундаментализм может подорвать позиции нескольких прозападных ближневосточных правительств и в итоге поставить под угрозу американские региональные интересы, особенно в районе Персидского зали-

ва. Однако без политической сплоченности и при отсутствии единого по-настоящему мощного исламского государства вызову со стороны исламского фундаментализма будет не хватать геополитического ядра и, следовательно, он будет выражаться скорее всего через насилие.

Появление Китая как крупной державы ставит геостратегический вопрос крайней важности. Наиболее привлекательным результатом было бы кооптирование идущего по пути демократии и развивающего свободный рынок Китая в более крупную азиатскую региональную структуру сотрудничества. А если Китай не станет проводить демократических преобразований, но продолжит наращивать свою экономическую и военную мощь? Может появиться Великий Китай, какими бы ни были желания и расчеты его соседей, и любые попытки помешать этому могут привести к обострению конфликта с Китаем. Такой конфликт может внести напряженность в американско-японские отношения, поскольку совсем необязательно, что Япония захочет следовать американскому примеру в сдерживании Китая, и, следовательно, может иметь революционные последствия для определения роли Японии на региональном уровне, что, возможно, даже приведет к прекращению американского присутствия на Дальнем Востоке.

Однако достижение договоренностей с Китаем потребует своей собственной цены. Признать Китай в качестве региональной державы не означает простого одобрения одного лишь лозунга. Такое превосходство на региональном уровне должно иметь и сущностное содержание. Откровенно говоря, в каком объеме и где готова Америка признать китайскую сферу влияния, что необходимо сделать в качестве составной части политики, направленной на успешное вовлечение Китая в мировые дела? Какие районы, находящиеся в настоящее время за пределами политического радиуса действия Китая, можно уступить в сферу влияния вновь появляющейся Поднебесной империи?

В этом контексте сохранение американского присутствия в Южной Корее становится особенно важным. Трудно представить себе, что без него американско-японское соглашение в оборонной области будет существовать в нынешней форме, поскольку Япония вынуждена будет стать более независимой в военном плане. Однако любое движение в сторону корейского воссоединения, вероятно, разрушит основу для продолжения американского военного присутствия в Южной Корее. Воссоединенная Корея может счесть необходимым отказаться от американской военной защиты; это фактически может стать ценой, которую потребует Китай за то, что он всем своим авторитетом поддерживает объединение полуострова. Короче говоря, урегулирование США своих отношений с Китаем неизбежно непосредственным образом скажется на стабильности отношений в области безопасности в рамках американско-японско-корейского «треугольника».

И в заключение следует кратко остановиться на некоторых возможных обстоятельствах, которые могут привести к созданию будущих политических союзов; более полно этот вопрос будет рассмотрен в соответствующих главах. В прошлом на международные дела оказывала влияние борьба между отдельными государствами за господство на региональном уровне. Впредь Соединенные Штаты, вероятно, должны будут решать, как справляться с региональными коалициями, стремящимися вытолкнуть Америку из Евразии, тем самым создавая угрозу статусу Америки как мировой державы. Однако будут или не будут такие коалиции бросать вызов американскому господству, фактически зависит в очень большой степени от того, насколько эффективно Соединенные Штаты смогут решить основные дилеммы, обозначенные здесь.

Потенциально самым опасным сценарием развития событий может быть создание «антигегемонистской» коалиции с участием Китая, России и, возможно, Ирана, которых будет объединять не идеология, а взаимодополняющие обиды. Такое развитие событий может напоминать по своему размеру и масштабу проблему, которая однажды уже поставлена китайско-советским блоком, хотя в этот раз Китай, вероятнее всего, будет лидером, а Россия – ведомым. Чтобы предотвратить создание этого блока, как бы маловероятно это ни выглядело, США потребуется проявить геостратегическое мастерство одновременно на западной, восточной и южной границах Евразии.

Географически более ограниченную, но потенциально даже более важную проблему может представлять собой китайско-японская «ось», которая может возникнуть вслед за крушением американских позиций на Дальнем Востоке и революционными изменениями во взглядах Японии на мировые проблемы. Такой блок может объединить мощь двух чрезвычайно продуктивных народов и использовать в качестве объединяющей антиамериканской доктрины некую форму «азиатчины» (“asianism”). Однако представляется маловероятным, что в обозримом будущем Китай и Япония образуют такой альянс, учитывая их прошлый исторический опыт; а дальновидная американская политика на Дальнем Востоке, конечно же, должна суметь предотвратить реализацию подобных изменений.

Существует также возможность – хотя и маловероятная, но которую нельзя полностью исключить – серьезной перегруппировки сил в Европе, заключающейся или в тайном германо-российском сговоре, или в образовании франко-российского союза. В истории есть подобные прецеденты, и каждая из этих двух возможностей может реализоваться в случае, если остановится процесс европейского объединения и произойдет серьезное ухудшение отношений между Европой и Америкой. Фактически в случае реализации последней из упомянутых возможно-

стей можно представить, что произойдет налаживание взаимопонимания между Европой и Россией с целью выдавливания Америки с континента. На данной стадии все эти варианты представляются невероятными. Для их осуществления понадобились бы не только проведение Америкой крайне неправильной европейской политики, но и резкая переориентация основных европейских государств.

Каким бы ни было будущее, разумно сделать вывод о том, что американское главенство на Евразийском континенте столкнется с различного рода волнениями и, возможно, с отдельными случаями насилия. Ведущая роль Америки потенциально не защищена от новых проблем, которые могут создать как региональные соперники, так и новая расстановка сил. Нынешняя мировая система с преобладанием Америки, снятием «угрозы войны с повестки дня» стабильна, вероятно, только в тех частях мира, в которых американское главенство, определяемое долгосрочной геостратегией, опирается на совместимые и родственные общественно-политические системы, связанные многосторонними рамками.

Вопросы для самопроверки

1. В чем, по мнению Бжезинского, сущность империализма нового типа?
2. В чем основы американского преимущества?
3. В чем состоят основные вызовы американскому преимуществу на Евразийском континенте?

Хантингтон С.

Хантингтон Самуэль, профессор Гарвардского университета, директор Института стратегических исследований им. Дж. Олина при Гарвардском университете.

Модель грядущего конфликта

Мировая политика вступает в новую фазу, и интеллектуалы незамедлительно обрушили на нас поток версий относительно ее будущего облика: конец истории, возврат к традиционному соперничеству между нациями-государствами, упадок наций-государств под напором разнонаправленных тенденций – к трайбализму и глобализму – и др. Каждая из этих версий ухватывает отдельные аспекты нарождающейся реальности. Но при этом утрачивается самый существенный, осевой аспект проблемы.

Я полагаю, что в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями – это и есть линии будущих фронтов.

Грядущий конфликт между цивилизациями – завершающая фаза эволюции глобальных конфликтов в современном мире. На протяжении полутора веков после Вестфальского мира, оформившего современную международную систему, в западном ареале конфликты разворачивались главным образом между государями – королями, императорами, абсолютными и конституционными монархами, стремившимися расширить свой бюрократический аппарат, увеличить армии, укрепить экономическую мощь, а главное – присоединить новые земли к своим владениям. Этот процесс породил нации-государства, и, начиная с Великой Французской революции, основные линии конфликтов стали пролегать не столько между правителями, сколько между нациями. В 1793 г., говоря словами Р.Р. Палмера, «войны между королями прекратились, и начались войны между народами».

⁴⁵ Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994, № 1. С. 33 – 48.

Данная модель сохранялась в течение всего XIX в. Конец ей положила первая мировая война. А затем, в результате русской революции и ответной реакции на нее, конфликт наций уступил место конфликту идеологий. Сторонами такого конфликта были вначале коммунизм, нацизм и либеральная демократия, а затем – коммунизм и либеральная демократия. Во время холодной войны этот конфликт воплотился в борьбу двух сверхдержав, ни одна из которых не была нацией-государством в классическом европейском смысле. Их самоидентификация формулировалась в идеологических категориях.

Конфликты между правителями, нациями-государствами и идеологиями были главным образом конфликтами западной цивилизации. У.Линд назвал их «гражданскими войнами Запада». Это столь же справедливо в отношении холодной войны, как и в отношении мировых войн, а также войн XVII, XVIII, XIX столетий. С окончанием холодной войны подходит к концу и западная фаза развития международной политики. В центр выдвигается взаимодействие между Западом и незападными цивилизациями. На этом новом этапе народы и правительства незападных цивилизаций уже не выступают как объекты истории – миссия западной колониальной политики, а наряду с Западом начинают сами двигать и творить историю.

Природа цивилизаций

<...> Тут мы доходим до сути дела. Ибо западный мир, арабский регион и Китай не являются частями более широкой культурной общности. Они представляют собой цивилизации. Мы можем определить цивилизацию как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей. Следующую ступень составляет уже то, что отличает род человеческий от других видов живых существ. Цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка, таких как язык, история, религия, обычаи, институты, – а также субъективной самоидентификацией людей. Есть различные уровни самоидентификации: так житель Рима может характеризовать себя как римлянина, итальянца, католика, христианина, европейца, человека западного мира. Цивилизация – это самый широкий уровень общности, с которой он себя соотносит. Культурная самоидентификация людей может меняться, и в результате меняются состав и границы той или иной цивилизации. <...>

...Большая часть человеческой истории – это история цивилизаций. По подсчетам А.Тойнби, история человечества знала 21 цивилизацию. Только шесть из них существуют в современном мире.

Почему неизбежно столкновение цивилизаций?

Идентичность на уровне цивилизации будет становиться все более важной, и облик мира будет в значительной мере формироваться в ходе

взаимодействия семи-восьми крупных цивилизаций. К ним относятся западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, православно-славянская, латиноамериканская и, возможно, африканская цивилизации. Самые значительные конфликты будущего развернутся вдоль линий разлома между цивилизациями. Почему?

Во-первых, различия между цивилизациями не просто реальны. Они – наиболее существенны. Цивилизации несхожи по своей истории, языку, культуре, традициям и, что самое важное, – религии...

Во-вторых, мир становится более тесным. Взаимодействие между народами разных цивилизаций усиливается. Это ведет к росту цивилизационного самосознания, к углублению понимания различий между цивилизациями и общности в рамках цивилизации...

В-третьих, процессы экономической модернизации и социальных изменений во всем мире размывают традиционную идентификацию людей с местом жительства, одновременно ослабевает и роль нациигосударства как источника идентификации. Образовавшиеся в результате лакуны по большей части заполняются религией, нередко в форме фундаменталистских движений...

В-четвертых, рост цивилизационного самосознания диктуется раздвоением роли Запада. С одной стороны, Запад находится на вершине своего могущества, а с другой, и возможно как раз поэтому, среди незападных цивилизаций происходит возврат к собственным корням. Все чаще приходится слышать о «возврате в Азию» Японии, о конце влияния идей Неру и «индуизации» Индии, о провале западных идей социализма и национализма к «реисламизации» Ближнего Востока, а в последнее время и споры о вестернизации или же русификации страны Бориса Ельцина. На вершине своего могущества Запад сталкивается с незападными странами, у которых достаточно стремления, воли и ресурсов, чтобы придать миру незападный облик. <...>

В-пятых, культурные особенности и различия менее подвержены изменениям, чем экономические и политические, и вследствие этого их сложнее разрешить либо свести к компромиссу. В бывшем Советском Союзе коммунисты могут стать демократами, богатые превратиться в бедных, а бедняки – в богачей, но русские при всем желании не смогут стать эстонцами, а азербайджанцы – армянами. <...>

И, наконец, усиливается экономический регионализм. Доля внутрорегионального торгового оборота возросла за период с 1980 по 1989 г. с 51 до 59% в Европе, с 33 до 37% в Юго-Восточной Азии, и с 32 до 36% – в Северной Америке. Судя по всему, роль региональных экономических связей будет усиливаться. С одной стороны, успех экономического регионализма укрепляет сознание принадлежности к одной цивилизации. А с другой – экономический регионализм может быть успешным, только если он коренится в общности цивилизации. Европей-

ское Сообщество покоится на общих основаниях европейской культуры и западного христианства. Успех «НАФТА (североамериканской зоны свободной торговли) зависит от продолжающегося сближения культур Мексики, Канады и Америки. А Япония, напротив, испытывает затруднения с созданием такого же экономического сообщества в Юго-Восточной Азии, т. к. Япония – это единственное в своем роде общество и цивилизация. Какими бы мощными ни были торговые и финансовые связи Японии с остальными странами Юго-Восточной Азии, культурные различия между ними мешают продвижению по пути региональной экономической интеграции по образцу Западной Европы или Северной Америки. <...>

Таким образом, конфликт цивилизаций разворачивается на двух уровнях. На микроуровне группы, обитающие вдоль линий разлома между цивилизациями, ведут борьбу, зачастую кровопролитную, за земли и власть друг над другом. На макроуровне страны, относящиеся к разным цивилизациям, соперничают из-за влияния в военной и экономической сфере, борются за контроль над международными организациями и третьими странами, стараясь утвердить собственные политические и религиозные ценности.

Линии разлома между цивилизациями

Если в годы холодной войны основные очаги кризисов и кровопролития сосредоточивались вдоль политических и идеологических границ, то теперь они перемещаются на линии разлома между цивилизациями. Холодная война началась с того момента, когда «железный занавес» разделил Европу политически и идеологически. Холодная война закончилась с исчезновением «железного занавеса». Но как только был ликвидирован идеологический раздел Европы, вновь возродился ее культурный раздел на западное христианство, с одной стороны, и православие и ислам – с другой. Возможно, что наиболее важной разделительной линией в Европе является, как считает У.Уоллис, восточная граница западного христианства, сложившаяся к 1500 г. Она пролегает вдоль нынешних границ между Россией и Финляндией, между прибалтийскими странами и Россией, пересекает Белоруссию и Украину, сворачивает западнее, отделяя Трансильванию от остальной части Румынии, а затем, проходя по Югославии, почти в точности совпадает с линией, ныне отделяющей Хорватию и Словению от остальной Югославии. На Балканах эта линия, конечно же, совпадает с исторической границей между Габсбургской и Османской империями. Севернее и западнее этой линии проживают протестанты и католики. У них – общий опыт европейской истории: феодализм, Ренессанс, Реформация, Просвещение, Великая французская революция, промышленная революция. Их экономическое положение, как правило, гораздо лучше, чем у людей, живущих восточнее. Сейчас они могут рассчитывать на более тесное сотру-

ничество в рамках единой европейской экономики и консолидацию демократических политических систем. Восточнее и южнее этой линии живут православные христиане и мусульмане. Исторически они относились к Османской либо царской империи, и до них донеслось лишь эхо исторических событий, определивших судьбу Запада. Экономически они отстают от Запада, и, похоже, менее подготовлены к созданию устойчивых демократических политических систем. И сейчас «бархатный занавес» культуры сменил «железный занавес» идеологии в качестве главной демаркационной линии в Европе. События в Югославии показали, что это линия не только культурных различий, но временами и кровавых конфликтов.

Уже 13 веков тянется конфликт вдоль линии разлома между западной и исламской цивилизациями. Начавшееся с возникновением ислама продвижение арабов и мавров на Запад и на Север завершилось лишь в 732 г. На протяжении XI–XIII веков крестоносцы с переменным успехом пытались принести в Святую Землю христианство и установить там христианское правление. В XIV–XVII столетии инициативу перехватили турки-османы. Они распространили свое господство на Ближний Восток и на Балканы, захватили Константинополь и дважды осаждали Вену. Но в XIX – начале XX в. власть турок-османов стала клониться к упадку. Большая часть Северной Африки и Ближнего Востока оказалась под контролем Англии, Франции и Италии.

По окончании второй мировой войны настал черед отступить Западу. Колониальные империи исчезли. Заявили о себе сначала арабский национализм, а затем и исламский фундаментализм. Запад попал в тяжкую зависимость от стран Персидского залива, снабжавших его энергоносителями, – мусульманские страны, богатые нефтью, богатели деньгами, а если желали, то и оружием. Произошло несколько войн между арабами и Израилем, созданным по инициативе Запада. На протяжении 50-х годов Франция почти непрерывно вела кровопролитную войну в Алжире. В 1956 г. британские и французские войска вторглись в Египет. В 1958 г. американцы вошли в Ливан. Впоследствии они неоднократно туда возвращались, а также совершали нападения на Ливию и участвовали во многочисленных военных столкновениях с Ираном. В ответ на это арабские и исламские террористы при поддержке по меньшей мере трех ближневосточных правительств воспользовались оружием слабых и стали взрывать западные самолеты, здания и захватывать заложников. Состояние войны между Западом и арабскими странами достигло апогея в 1990 г., когда США направили в Персидский залив многочисленную армию – защищать одни арабские страны – от агрессии других. По окончании этой войны планы НАТО составляются с учетом потенциальной опасности и нестабильности вдоль «южных границ».

Военная конфронтация между Западом и исламским миром продолжается целое столетие, и нет намека на ее смягчение. Скорее наоборот, она может еще больше обостриться. Война в Персидском заливе заставила многих арабов почувствовать гордость – Саддам Хусейн напал на Израиль и оказал сопротивление Западу. Но она же породила и чувства унижения и обиды, вызванные военным присутствием Запада в Персидском заливе, его силовым превосходством и своей очевидной неспособностью определять собственную судьбу. К тому же многие арабские страны – не только экспортеры нефти – подошли к такому уровню экономического и социального развития, который несовместим с авторитарными формами правления. Попытки ввести там демократию становятся все настойчивее. Политические системы некоторых арабских стран приобрели определенную долю открытости. Но это идет на пользу главным образом исламским фундаменталистам. Короче говоря, в арабском мире западная демократия усиливает антизападные политические силы. Возможно, это преходящее явление, но оно несомненно усложняет отношения между исламскими странами и Западом.

Эти отношения осложняются и демографическими факторами. Стремительный рост населения в арабских странах, особенно в Северной Африке, увеличивает эмиграцию в страны Западной Европы. В свою очередь наплыв эмигрантов, происходящий на фоне постепенной ликвидации внутренних границ между западноевропейскими странами, вызвал острое политическое неприятие. В Италии, Франции и Германии расистские настроения приобретают все более открытую форму, а начиная с 1990 г. постоянно нарастают политическая реакция и насилие в отношении арабских и турецких эмигрантов.

Обе стороны видят во взаимодействии между исламским и западным миром конфликт цивилизаций...

На протяжении истории арабо-исламская цивилизация находилась в постоянном антагонистическом взаимодействии с языческим, анимистическим, а ныне по преимуществу христианским чернокожим населением Юга. В прошлом этот антагонизм олицетворялся в образе арабароторговца и чернокожего раба. Сейчас он проявляется в затяжной гражданской войне между арабским и темнокожим населением в Судане, в вооруженной борьбе между инсургентами (которых поддерживает Ливия) и правительством в Чаде, в натянутых отношениях между православными христианами и мусульманами на мысе Горн, а также в политических конфликтах, доходящих до кровавых столкновений между мусульманами и христианами, в Нигерии. Процесс модернизации и распространения христианства на африканском континенте скорее всего лишь увеличит вероятность насилия вдоль этой линии межцивилизационного разлома. Симптомом обострения ситуации явилась речь папы Иоанна-Павла II в феврале 1993 г. в Хартуме. В ней он обрушился на

действия суданского исламистского правительства, направленные против христианского меньшинства в Судане.

На северных рубежах исламского региона конфликт разворачивается главным образом между православным населением и мусульманским. Здесь следует упомянуть резню в Боснии и Сараево, незатухающую борьбу между сербами и албанцами, натянутые отношения между болгарами и турецким меньшинством в Болгарии, кровопролитные столкновения между осетинами и ингушами, армянами и азербайджанцами, конфликты между русскими и мусульманами в Средней Азии, размещение российских войск в Средней Азии и на Кавказе с целью защитить интересы России. Религия подогревает возрождающуюся этническую самоидентификацию, и все это усиливает опасения русских насчет безопасности их южных границ...

Конфликт цивилизаций имеет глубокие корни и в других регионах Азии. Уходящая в глубину истории борьба между мусульманам и индусами выражается сегодня не только в соперничестве между Пакистаном и Индией, но и в усилении религиозной вражды внутри Индии между все более воинственными индуистскими группировками и значительным мусульманским меньшинством. В декабре 1992 г., после разрушения мечети Айодха, встал вопрос о том, останется ли Индия светской и демократической, или превратится в индуистское государство. В Восточной Азии Китай выдвигает территориальные притязания почти ко всем своим соседям. Он беспощадно расправился с буддистами в Тибете, а сейчас готов столь же решительно разделаться с тюрко-исламским меньшинством. По окончании «холодной войны» противоречия между Китаем и США проявились с особой силой в таких областях, как права человека, торговля и проблема нераспространения оружия массового уничтожения, и нет никаких надежд на их смягчение. Как сказал в 1991 г. Дэн Сяопин, «новая холодная война между Китаем и Америкой продолжается».

Высказывание Дэн Сяопина можно отнести и ко все более осложняющимся отношениям между Японией и США. Культурные различия усиливают экономический конфликт между этими странами. Каждая сторона обвиняет другую в расизме, но по крайней мере со стороны США отторжение носит не расовый, а культурный характер. Трудно вообразить себе два общества, более далекие друг от друга по фундаментальным ценностям, установкам и стилю поведения. Экономические разногласия США с Европой не менее серьезны, но они не столь политически выпуклы и эмоционально окрашены, ибо противоречия между американской и европейской культурами гораздо менее драматичны, чем между американской и японской цивилизациями.

Уровень потенциальной возможности насилия при взаимодействии различных цивилизаций может варьироваться. В отношениях между

американской и европейской субцивилизациями преобладает экономическая конкуренция, как и в отношениях между Западом в целом и Японией. В то же время в Евразии расползающиеся этнические конфликты, доходящие до «этнических чисток», отнюдь не являются редкостью. Чаще всего они происходят между группами, относящимися к разным цивилизациям, и в этом случае принимают наиболее крайние формы. Исторически сложившиеся границы между цивилизациями евразийского континента вновь сейчас полыхают в огне конфликтов. Особого накала эти конфликты достигают по границам исламского мира, полумесяцем раскинувшегося на пространстве между Северной Африкой и Средней Азией. Но насилие практикуется и в конфликтах между мусульманами, с одной стороны, и православными сербами на Балканах, евреями в Израиле, индусами в Индии, буддистами в Бирме и католиками на Филиппинах – с другой. Границы исламского мира везде и всюду залиты кровью.

Сплочение цивилизаций: синдром «братских стран»

Группы или страны, принадлежащие к одной цивилизации, оказавшись вовлеченными в войну с людьми другой цивилизации, естественно пытаются заручиться поддержкой представителей своей цивилизации. По окончании холодной войны складывается новый мировой порядок, и по мере его формирования, принадлежность к одной цивилизации или, как выразился Х. Д.С.Гринвэй, «синдром братских стран» приходит на смену политической идеологии и традиционным соображениям поддержания баланса сил в качестве основного принципа сотрудничества и коалиций...

Первое. В ходе конфликта в Персидском заливе одна арабская страна вторглась в другую, а затем вступила в борьбу с коалицией арабских, западных и прочих стран. Хотя открыто на сторону Саддама Хусейна встали лишь немногие мусульманские правительства, но неофициально его поддержали правящие элиты многих арабских стран, и он получил огромную популярность среди широких слоев арабского населения. <...>

Второе. Синдром «братских стран» проявляется также в конфликтах на территории бывшего Советского Союза. Военные успехи армян в 1992–1993 годах подтолкнули Турцию к усиленной поддержке родственного ей в религиозном, этническом и языковом отношении Азербайджана...

Третье. Если посмотреть на войну в бывшей Югославии, то здесь западная общественность проявила симпатии и поддержку боснийских мусульман, а также ужас и отвращение к зверствам, творимым сербами. В то же время ее относительно мало взволновали нападения на мусульман со стороны хорватов и расчленение Боснии и Герцеговины. <...>

До сих пор сплочение цивилизаций принимало ограниченные формы, но процесс развивается, и у него есть значительный потенциал на будущее. По мере продолжения конфликтов в Персидском заливе, на Кавказе и в Боснии, позиции разных стран и расхождения между ними все больше определялись цивилизационной принадлежностью. Политические деятели популистского толка, религиозные лидеры и средства массовой информации обрели в этом мощное орудие, обеспечивающее им поддержку широких масс населения и позволяющее оказывать давление на колеблющиеся правительства. В ближайшем будущем наибольшую угрозу перерастания в крупномасштабные войны будут нести в себе те локальные конфликты, которые, подобно конфликтам в Боснии и на Кавказе, завязались вдоль линий разлома между цивилизациями. Следующая мировая война, если она разразится, будет войной между цивилизациями.

Запад против остального мира

По отношению к другим цивилизациям Запад находится сейчас на вершине своего могущества. Вторая сверхдержава – в прошлом его оппонент, исчезла с политической карты мира. Военный конфликт между западными странами немыслим, военная мощь Запада не имеет равных. Если не считать Японии, у Запада нет экономических соперников. Он главенствует в политической сфере, в сфере безопасности, а совместно с Японией – и в сфере экономики. Мировые политические проблемы и проблемы безопасности эффективно разрешаются под руководством США, Великобритании и Франции, мировые экономические проблемы – под руководством США, Германии и Японии. Все эти страны имеют самые тесные отношения друг с другом, не допуская в свой круг страны поменьше, почти все страны незападного мира. <...>

Судя по всему, центральной осью мировой политики в будущем станет конфликт между «Западом и остальным миром», как выразился К.Махбубани, и реакция незападных цивилизаций на западную мощь и ценности (6). Такого рода реакция, как правило, принимает одну из трех форм, или же их сочетание.

Во-первых, и это самый крайний вариант, незападные страны могут последовать примеру Северной Кореи или Бирмы и взять курс на изоляцию – оградить свои страны от западного проникновения и разложения и в сущности устранившись от участия в жизни мирового сообщества, где доминирует Запад. Но за такую политику приходится платить слишком высокую цену, и лишь немногие страны приняли ее в полном объеме.

Вторая возможность – попробовать примкнуть к Западу и принять его ценности и институты. На языке теории международных отношений это называется «вскочить на подножку поезда».

Третья возможность – попытаться создать противовес Западу, развивая экономическую и военную мощь и сотрудничая с другими незападными странами против Запада. Одновременно можно сохранять исконные национальные ценности и институты – иными словами, модернизироваться, но не вестернизироваться.

Расколотые страны

В будущем, когда принадлежность к определенной цивилизации станет основой самоидентификации людей, страны, в населении которых представлено несколько цивилизационных групп, вроде Советского Союза или Югославии, будут обречены на распад. Но есть и внутренне расколотые страны – относительно однородные в культурном отношении, но в которых нет согласия по вопросу о том, к какой именно цивилизации они принадлежат. Их правительства, как правило, хотят «всколотить на подножку поезда» и примкнуть к Западу, но история, культура и традиции этих стран ничего общего с Западом не имеют. <...>

Чтобы расколота изнутри страна смогла заново обрести свою культурную идентичность, должны быть соблюдены три условия. Во-первых, необходимо, чтобы политическая и экономическая элита этой страны в целом поддерживала и приветствовала такой шаг. Во-вторых, ее народ должен быть согласен, пусть неохотно, на принятие новой идентичности. В-третьих, господствующие группы той цивилизации, в которую расколота страна пытается влиться, должны быть готовы принять «новообращенного»... <...>

Выводы для Запада

В данной статье отнюдь не утверждается, что цивилизационная идентичность заменит все другие формы идентичности, что нации-государства исчезнут, каждая цивилизация станет политически единой и целостной, а конфликты и борьба между различными группами внутри цивилизаций прекратятся. Я лишь выдвигаю гипотезу о том, что 1) противоречия между цивилизациями важны и реальны; 2) цивилизационное самосознание возрастает; 3) конфликт между цивилизациями придет на смену идеологическим и другим формам конфликтов в качестве преобладающей формы глобального конфликта; 4) международные отношения, исторически являвшиеся игрой в рамках западной цивилизации, будут все больше девестернизироваться и превращаться в игру, где незападные цивилизации станут выступать не как пассивные объекты, а как активные действующие лица; 5) эффективные международные институты в области политики, экономики и безопасности будут складываться скорее внутри цивилизаций, чем между ними; 6) конфликты между группами, относящимися к разным цивилизациям, будут более частыми, затяжными и кровопролитными, чем конфликты внутри одной цивилизации; 7) вооруженные конфликты между группами, принадле-

жащими к разным цивилизациям, станут наиболее вероятным и опасным источником напряженности, потенциальным источником мировых войн; 8) главными осями международной политики станут отношения между Западом и остальным миром; 9) политические элиты некоторых расколотых незападных стран постараются включить их в число западных, но в большинстве случаев им придется столкнуться с серьезными препятствиями; 10) в ближайшем будущем основным очагом конфликтов будут взаимоотношения между Западом и рядом исламско-конфуцианских стран.

Это не обоснование желательности конфликта между цивилизациями, а предположительная картина будущего. Но если моя гипотеза убедительна, необходимо задуматься о том, что это означает для западной политики. Здесь следует провести четкое различие между краткосрочной выгодой и долгосрочным урегулированием. Если исходить из позиций краткосрочной выгоды, интересы Запада явно требуют: 1) укрепления сотрудничества и единства в рамках собственной цивилизации, прежде всего между Европой и Северной Америкой; 2) интеграции в состав Запада стран Восточной Европы и Латинской Америки, чья культура близка к западной; 3) поддержания и расширения сотрудничества с Россией и Японией; 4) предотвращения, разрастания локальных межцивилизационных конфликтов в полномасштабные войны между цивилизациями; 5) ограничения роста военной мощи конфуцианских и исламских стран; 6) замедления сокращения военной мощи Запада и сохранения его военного превосходства в Восточной и Юго-Западной Азии; 7) использования конфликтов и разногласий между конфуцианскими и исламскими странами; 8) поддержки представителей других цивилизаций, симпатизирующих западным ценностям и интересам; 9) укрепления международных институтов, отражающих и легитимизирующих западные интересы и ценности, и привлечения к участию в этих институтах незападных стран.

В долгосрочной же перспективе надо ориентироваться на другие критерии. Западная цивилизация является одновременно и западной, и современной. Незападные цивилизации попытались стать современными, не становясь западными. Но до сих пор лишь Японии удалось добиться в этом полного успеха. Незападные цивилизации и впредь не оставят своих попыток обрести богатство, технологию, квалификацию, оборудование, вооружение – все то, что входит в понятие «быть современным». Но в то же время они постараются сочетать модернизацию со своими традиционными ценностями и культурой. Их экономическая и военная мощь будет возрастать, отставание от Запада сокращаться. Западу все больше и больше придется считаться с этими цивилизациями, близкими по своей мощи, но весьма отличными по своим ценностям и интересам. Это потребует поддержания его потенциала на уровне, кото-

рый будет обеспечивать защиту интересов Запада в отношениях с другими цивилизациями. Но от Запада потребуется и более глубокое понимание фундаментальных религиозных и философских основ этих цивилизаций. Он должен будет понять, как люди этих цивилизаций представляют себе собственные интересы. Необходимо будет найти элементы сходства между западной и другими цивилизациями. Ибо в обозримом будущем не сложится единой универсальной цивилизации. Напротив, мир будет состоять из непохожих друг на друга цивилизаций, и каждой из них придется учиться сосуществовать со всеми остальными.

Вопросы для самопроверки

1. В чем, по мнению Хантингтона, основная особенность мировых конфликтов в будущем?
2. В чем природа цивилизаций?
3. Что такое «линии разлома» между цивилизациями?
4. Как страны Запада должны стротить новую политику?

Бродель Ф.

Бродель Фернан (1902 – 1985), оригинальный французский мыслитель, один из крупнейших историков современности, окончил Сорбонну.

ГЛАВА I

Членение пространства и времени в Европе

Пространство и экономика: миры-экономики

Пространство, будучи источником объяснения, затрагивает разом все реальности истории, все, имеющее территориальную протяженность: государства, общества, культуры, экономики... В зависимости от того, то или другое из этих множеств мы изберем, значение и роль пространства будут изменяться. Однако же изменяться отнюдь не во всем.

В первую голову я хотел бы коснуться экономик и рассматривать какое-то время только их. Потом я попробую очертить место и вмешательство других множеств. Начинать с экономики – это отвечает не только программе данного труда. Из всех видов овладения пространством освоение экономическое, как мы увидим, легче всего вычленяется и шире всего распространено. И оно не совпадает с одним лишь ритмом материального времени мира: в его игру непрерывно вмешиваются все прочие социальные реальности, способствующие или враждебные ему и, в свою очередь, испытывающие его влияние.

И это – самое малое, что можно сказать.

Миры-экономики

Чтобы начать обсуждение, следует объясниться по поводу двух выражений, которые могут повести к путанице: мировая экономика и мир-экономика (*economie-monde*).

Мировая экономика простирается на всю землю; как говорил Сисмонди, она представляет «рынок всего мира», «род человеческий или же всю ту часть рода человеческого, которая находится в общении друг с другом и сегодня образует в некотором роде всего лишь единый рынок».

Мир-экономика (выражение неожиданное и плохо воспринимаемое французским языком, которое я некогда придумал за неимением лучшего и не слишком согласуясь с логикой, дабы передать одно из частных употреблений немецкого слова *Weltwirtschaft* «мировое хозяйство») затрагивает лишь часть Вселенной, экономически самостоятельный

⁴⁶ Бродель Ф. Время мира. Материалы цивилизации, экономики и капитализма, XV – XVIII вв.: В 3 т. Т. 3. Пер. с фр. Куббеля Л.Е. –М.: Прогресс, 1992.

кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство.

Например, давным-давно я изучал Средиземноморье XVI в. как *Welttheater* или *Wetwirtschaft* – «мир-театр», «мир-экономику», – понимая под этим не только само море, но я все то, что на более или менее удаленном расстоянии от его берегов приводилось в движение жизнью обменов. В общем, некий мир в себе, некую целостность. В самом деле, средиземноморский ареал, хотя и разделенный в политическом, культурном, да и в социальном плане, может восприниматься как определенное экономическое единство, которое, по правде говоря, строилось сверху, начиная с господствовавших городов Северной Италии, прежде всего Венеции, а также наряду с нею Милана, Генуи, Флоренции. Эта экономика данного комплекса не составляла всей экономической жизни моря и зависевших от него регионов. В известном роде она была верхним слоем последней, действие которого, более или менее сильное в зависимости от места, обнаруживалось на всех берегах моря, а иногда и очень далеко в глубине материка.

Эта [экономическая] деятельность не считалась с границами империй – испанской, складывание которой завершилось в правление Карла V (1519–1558), и турецкой, чей натиск намного предшествовал взятию Константинополя (1453). Таким же образом она претупала явственно наметившиеся и весьма определенно ощущавшиеся границы между цивилизациями, делившими между собой пространство Средиземноморья: греческой, униженной и замкнувшейся в себе под нараставшим игом турок; мусульманской, сосредоточенной вокруг Стамбула; христианской, связанной и с Флоренцией, и с Римом (Европа Возрождения, Европа Контрреформации). Ислам и христианство противостояли друг другу вдоль разграничительной линии, проходившей с севера на юг между Средиземноморьем Западным и Средиземноморьем Восточным, линии, которая, идя по берегам Адриатики и по побережью Сицилии, достигала побережья нынешнего Туниса.

На этой линии, разделявшей надвое средиземноморское пространство, происходили все громкие битвы между неверными и христианами. Но торговые суда непрестанно ее пересекали. Ибо характерной чертой этого особого мира-экономики, схему которого мы рассматриваем – Средиземноморья XVI в., – было как раз то, что он перешагивал через политические и культурные границы, которые каждая на свой лад дробили и дифференцировали средиземноморский мир. Так, в 1500 г. христианские купцы находились в Сирии, в Египте, в Стамбуле, в Северной Африке; позднее левантинские купцы, турки, армяне распространятся в бассейне Адриатического моря.

Экономика, вторгавшаяся повсюду, ворочавшая деньгами и обменами, вела к созданию известного единства, тогда как почти все остальное способствовало размежеванию разнящихся друг от друга блоков. Даже средиземноморское общество разделилось, в общем, в соответствии с двумя пространствами: с одной стороны, общество христианское, в большинстве своем сеньериальное, а с другой – общество мусульманское, с преобладанием системы бенефициев, пожизненных сеньерий, служивших вознаграждением любому человеку, способному отличиться и служить на войне. По смерти их обладателя бенефиций или должность возвращались государству и распределялись заново.

Короче говоря, из рассмотрения частного случая мы делаем вывод, что мир-экономика был суммой индивидуализированных изолированных пространств, экономических и неэкономических, перегруппировываемых таким миром-экономикой; что он охватывал огромную площадь (в принципе то была в ту или иную эпоху самая обширная зона сплощности в заданной части земного шара); что обычно он пренебрегал границами других крупных группировок истории.

Миры-экономики, существовавшие всегда

Миры-экономики существовали всегда, по крайней мере, с очень давних времен. Точно так же, как всегда, по крайней мере, с очень давних времен, имелись общества, цивилизации, государства и даже империи. Двигаясь семимильными шагами вспять течения истории, мы сказали бы о древней Финикии, что она была по отношению к обширным империям как бы наброском мира-экономики. Также точно, как Карфаген во времена своего величия. Так же, как эллинистический мир, как, в крайнем случае, Рим. Так же, как и мусульманский мир после его ошеломляющих успехов. С наступлением IX в. норманнские набеги на окраинах Западной Европы на короткое время очертили хрупкий мир-экономику, наследниками которого станут другие. Начиная с XI в. Европа создаст то, что станет первым ее миром-экономикой, за которым последуют другие, вплоть до нашего времени. Московское государство, связанное с Востоком, Индией, Китаем, Средней Азией и Сибирью, было, по меньшей мере до XVIII в., само по себе миром-экономикой.

Точно так же и Китай, который очень рано завладел обширными соседними территориями, привязав их к своей судьбе: Кореей, Японией, Индонезией, Вьетнамом, Юннанью, Тибетом, Монголией, т.е. «гирляндой» зависимых государств. Индия в еще более раннее время превратила в своих интересах Индийский океан в своего рода Внутреннее море, от восточного побережья Африки до островов Индонезии.

Короче говоря, не находимся ли мы перед бесконечно возобновлявшимся процессом, перед почти спонтанным опережением, след которого будет обнаруживаться повсюду? Даже в случае, на первый взгляд не укладывающемся в схему, Римской империи, чья экономика

тем не менее преодолевала границы вдоль благополучной линии Рейна и Дуная или в восточном направлении, вплоть до Красного моря и Индийского океана; по словам Плиния Старшего, Рим ежегодно терял на своих обменах с Дальним Востоком 100 млн сестерциев. И древнеримские монеты сегодня довольно часто обнаруживаются в Индии.

Правила, выявляющие тенденцию

Таким образом, минувшие времена предлагают нам ряд примеров миров-экономик. Не слишком многочисленные, но достаточные для того, чтобы позволить провести сравнения. К тому же, коль скоро каждый мир-экономика существовал очень долгое время, он эволюционировал, он трансформировался на той же территории по отношению к самому себе; и разные его «возрасты», его сменявшие друг друга состояния тоже предполагают возможность сопоставления. Наконец, материал достаточно богат, чтобы позволить своего рода типологию миров-экономик, чтобы, по крайней мере, вскрыть совокупность выявляющих тенденцию правил, которые уточняли и даже определяли соотношение этих миров-экономик с пространством.

При изучении какого угодно мира-экономики первая забота – это очертить пространство, которое он занимал. Обычно его пределы легко уловить, ибо они изменялись медленно. Зона, какую охватывал такой мир-экономика, представляется первейшим условием его существования. Не существовало мира-экономики без собственного пространства, значимого по нескольким причинам:

- у этого пространства есть пределы, и очерчивающая его линия придает ему некий смысл, подобно тому как берега характеризуют море;
- оно предполагает наличие некоего центра, служащего к выгоде какого-либо города и какого-либо уже господствовавшего *капитализма*, какова бы ни была форма последнего. Умножение числа центров свидетельствовало либо о некой форме молодости, либо же о какой-то форме вырождения или перерождения. В противоборстве с внутренними и внешними силами и в самом деле могло наметиться, а затем и завершиться смещение центра: города с международным признанием, городами, беспрестанно друг с другом соперничали и сменяли одни другие;
- будучи иерархизованным, такое пространство было суммой частных экономик: из них одни бывали бедными, другие скромными и одна-единственная в центре мира-экономики оказывалась относительно богатой. Отсюда возникали различные виды неравенства, разность потенциалов, посредством которых и обеспечивалось функционирование всей совокупности. И отсюда то «международное разделение труда», по поводу которого П.М. Суизи говорит нам, что Маркс не предвидел, что оно «конкретизируется в виде [пространственной] модели развития и отсталости, которая противопоставит два лагеря человечества – *имущих и неимущих (have u have-not)*, разделенных еще более радикальной про-

пастью, нежели та, что разделяет буржуазию и пролетариат развитых капиталистических стран». И тем не менее речь здесь идет не о каком-то «новом» разделении, но о ране очень древней и, вне сомнения, неизлечимой. Она существовала задолго до марксовой эпохи.

Итак, три группы условий, причем каждая имела первостепенное значение.

Вопросы для самопроверки

1. В чем природа взаимовлияние пространства и экономики в интерпретации Броделя?
2. Что такое «мир-экономика»?
3. В чем основные признаки мир-экономики?

РАЙОН И СТРАНА⁴⁷

Семёнов-Тян-Шанский В.П.

Семёнов-Тян-Шанский Вениамин Петрович (1870–1942), русский и советский географ, сын известного географа и путешественника. Специализировался на экономической географии, однако существенное внимание уделял политической географии, развивая идеи Ф. Ратцеля.

Если мы возьмем жизненные элементы Земли, то их окажется 6, а именно: 1) суша, 2) вода и 3) воздух, как основные оболочки Земли – с одной стороны, и 4) растения, 5) животные и 6) человек как производные солнечного света и теплоты – с другой. Расположив их геометрически правильно, получим шестиугольник, как показывает прилагаемый чертеж (см. рис. 1).

Рис. 1. Круг географии

Соединяем вершины шестиугольника линиями – пространственными связями. Их оказывается 15. Значит, 15 пространственных взаимоотношений необходимы для полного географического представления о Земле и о любой ее части. Вписываем шестиугольник в круг и получаем вполне замкнутую и строгую фигуру географической науки.

⁴⁷ Семёнов-Тян-Шанский В.П. Район и страна. // Геополитика. Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев. –СПб.: Питер, 2007. С., 207 – 220.

Связи, обозначенные цифрами в графической схеме, располагаются в следующую классификацию отделов географии:

I. Неорганическая география

1. Суша и вода. 2. Суша и воздух 3. Вода и воздух	География основных оболочек Земли (энеиография, или орография, гидрография, слагающаяся из океанографии, потамографии и лимнографии, и аэрография, или климатология).
---	---

II. Органическая география

4. Суша и растения 5. Вода и растения 6. Воздух и растения	Фитогеография	Биогеография	География производных солнечного света и теплоты
7. Суши и животные 8. Воды и животные 9. Воздух и животные 10. Растения и животные	Зоогеография		
11. Суши и человек 12. Вода и человек 13. Воздух и человек 14. Растение и человек 15. Животные и человек	Антропогеография		

III. Географический синтез

16. Экономическая география, или география производительных сил, естественных и искусственных сил, используемых и неиспользуемых человеком, и география вообще его хозяйственной деятельности. 17. Политическая география, или география территориальных и духовных господств человеческих сообществ.

В результате территориальных движений человечество выработало территориальные типы могущественных владений, которых я насчитываю три:

1. кольцеобразная система;
2. клочкообразная система;
3. система «от моря до моря», или чрезматериковая.

1. Кольцеобразная система возникает на побережьях средиземных морей, постепенно захватываемых и объединяемых какой-либо одной, наиболее деятельной нацией, живущей при данном море, после чего эти объединенные владения постепенно расширяются в глубь окружающих материков (Древние Греция и Рим). Эта система очень выгодна тем, что внутренние жизненные части государства удобно сообщаются между собой по Средиземному морю, тогда как окраины всюду сравнительно недалеко отстоят от побережий, и потому их защита от внешних нападений весьма облегчена. При кольцеобразной системе население страны располагается, по выражению философа Платона, так, как «лягушки си-

дят по берегам вокруг пруда». Распадение кольцеобразной системы обычно обуславливается ростом населения на соседних материковых массах и его, так сказать, боковым давлением на средиземные побережья, к которым оно ищет выхода.

2. Ключкообразная система наблюдается у островных или полуостровных государств, обладающих могучим флотом. При этой системе на различных материках захватываются с берегов определенные территории, поддерживающие при посредстве флота регулярные морские сообщения как с метрополией, так и между собой. На морских путях между метрополией и ее колониями, кроме того, устраиваются целые серии промежуточных малых «наблюдательных», «угольных» станций и пр., поддерживающих в порядке судоходство. Примеры: Испания, Голландия, Англия.

3. Система «от моря до моря», или чрезматериковая. Это полная противоположность ключкообразной системы. Тут захватывается внутри материка обширная территория, одним концом упирающаяся в одно из омывающих его морей, а другим – в другое. Примеры: Древняя Персия, Соединенные Штаты Северной Америки, СССР. Все внимание государства обращено при этом на устройство внутренних водных и сухопутных сообщений и на внутреннюю колонизацию.

Эта система отличается своей массивностью и имеет все природные задатки прочности. Однако ее главный недостаток заключается в том, что, при громадной протяженности, обычно с того конца, откуда начались колонизация и политическое «собрание» государства, находится гораздо более густонаселенная и экономически более развитая территория, чем на противоположном конце. При столкновениях с соседними чрезматериковое государство легче всего подвергается блокаде со стороны соприкасающихся с ним морей и хотя бы временным захватам со стороны их побережий; последнее же обстоятельство уничтожает всю суть системы «от моря до моря» и обессиливает страну. Для успешности роста чрезматерикового государства и его борьбы с соседями необходимо бывает заботиться о скорейшем доведении географического центра государственной территории по возможности до одинаковой или близкой густоты населения и степени экономического развития с наиболее населенным и экономически развитым коренным краем страны и до возможного их выравнивания, что является задачей очень трудно и, во всяком случае, медленно достижимой. Поэтому чрезматериковое государство особенно нуждается в длительных периодах внешнего покоя, чтобы иметь время к преодолению своих внутренних территориальных затруднений.

Ахиллесовой пятой ключкообразной приморской системы является ее непосредственная граница с континентальными и чрезматериковыми государствами, всегда способными к мощному «боковому» давлению. Поэтому, из политических соображений, нередко применяется между

клочкообразным и чрезматериковым государством система слабых второстепенных, промежуточных «государств-буферов», лишенных особой самостоятельности и выполняющих лишь предписания основателей. Буферная система применялась в XIX в. Англией на границе между Туркестаном и Индией – в виде Афганистана, а в XX в. применяется западными союзниками для изолирования СССР от Германии – в виде Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Чехии, Венгрии и Румынии.

В результате расширения или сужения государством своей территории являются движения географического центра или центра поверхности этой территории, а в результате как этого расширения или сужения, так и внутренней колонизации – движения центра его населенности. Их направления совпадают с направлениями движений территории и движений колонизации, но географические их положения обычно далеко не совпадают, расходясь тем сильнее, чем более опережает рост территории рост колонизации или отстает от него в том или в ином направлении. Центром поверхности территории называется та точка ее поверхности, где с этой поверхностью соприкасается радиус, проведенный от центра тяжести той части земного сфероида, которую занимает данная территория. Этот центр находится внутри Земли. Центр населенности получается следующим образом: если мы представим себе население данной территории в виде массы неравномерно покрывающих ее точек, соответствующих каждая одному жителю, то очевидно, что среди них есть одна центральная: если бы территория была населена равномерно, то ее положение совпало бы с географическим центром территории, но так как территория заселена неравномерно, то она сдвинута вбок, однако ее положение всегда можно найти.

Центрография, т. е. определение среднего места явлений, адептами которой у нас являются Д.И. Менделеев, Б.П. Вейнберг, Е.Е. Святловский и А.Л. Бобрик, а в Америке – Г. Геннет и др., представляет отвлечение совершенно того же типа, как и определение средних величин в статистике, и совершенно так же необходима для постройки правильных теософских умозаключений.

В результате всех движений человечество распределяется по земной поверхности различными типами территориального расселения, в основу которых следует класть преимущественное сосредоточение человеческих поселений среди тех или других форм земной поверхности. Я предложил в свое время такую схему территориальных типов расселения человека.

1. Группа зональных типов, т. е. связанных непосредственно с орографией, почвами и растительностью. Сюда относятся типы:

а. Долинный. Человеческое население сосредоточено исключительно в долинах, а водоразделы безлюдны. Этот тип встреч; тогда,

когда водоразделы покрыты неудобно-обитаемыми тундрами болотами, лесами, горами, сухими степями или пустынями.

b. Вариантом его будет (b) долинно-овражный тип, при котором человеческие поселения сосредоточены не только по речным долинам, но от них поднимаются также к водоразделам по некоторым более удобообитаемым оврагам, не лишенным текучей или грунтовой воды или легко запруживаемым для удержания внешних снеговых вод.

c. Водораздельный. Человеческие поселения сосредоточены на водоразделах, а в долинах их нет. Этот тип встречается в тех случаях, когда единственными сухими и удобными для земледелия местностями являются водоразделы, при близости к дневной поверхности горизонтов почвенной воды, тогда как долины слишком заболочены и потому неудобнообитаемы, а сверх того подвержены частым заморозкам весной и осенью в то время, как водоразделы лучше обогреваются Солнцем.

d. Приморский и приозерный береговой. Человеческие поселения сосредоточены по морским и озерным берегам, и их экономическая жизнь тесно связана с морями и озерами.

e. Сюда и к долинному типу примыкает (e) рыболовный тип поселений, всецело руководимый рыбными богатствами рек, озер и морей. Этот тип не носит зонального характера какие имеющий отношения к почвам и растительности, тогда как приморский и приозерный более или менее связаны с ними.

2. Группа азональных типов, т.е. не связанных с орографией, почками и растительностью. Сюда относятся типы:

f. Горнозаводский. Человеческие поселения руководятся при этом расположением месторождений полезных минеральных веществ, большая часть которых находится под поверхностью Земли.

g. Фабрично-заводский. Человеческие поселения располагаются возле фабрик и заводов обрабатывающей промышленности, не связанных почвенными и фитогеографическими условиями.

h. Дорожный, распадающийся на подтипы железнодорожный и трактовый. Человеческие поселения или сгруппированы близ железнодорожных и почтовых станций, или вытянуты вдоль трактов. Так как железные пути имеют остановочные пункты только в определенных местах, то вдоль железнодорожных линий нет сплошных поселений, тогда как вдоль трактов, где можно останавливаться в любом месте, они вытянуты нередко почти сплошными линиями.

Железнодорожный тип отчасти сливается с i) дачным.

Между дорожным, горнозаводским и приморским береговым типами заселения стоит к) курортный, или сгруппированный близ минеральных источников, или вытянутый по морским побережьям в виде морских купаний.

По характеру жизни и деятельности населения человеческие поселения делятся на городские и сельские. Сельскими занятиями считаются те, добывающие по преимуществу, промыслы населения, которые непосредственно связаны с поверхностными растительными и животными богатствами и для своего существования требуют прежде всего простора полей, степей, лугов, лесов, вод и гор, будучи немыслимы на участках Земли, более или менее сплошь занятых человеческим жильем. Сюда относятся: земледелие во всех его видах, садоводство, огородничество, скотоводство, пчеловодство, шелководство, рыболовство, охота и лесные промыслы. Несельскими занятиями будут все остальные занятия населения как непосредственно не связанные с ее растительным покровом и животным населением с их природном состоянии. К этой категории следует отнести и горное дело, так как оно вовсе не связано с растительным и животным миром, и хотя в своем добывающем виде част происходит в обстановке нетронутой природы, но последняя для него далеко не обязательна, обработка же полезных минеральных веществ, стоящая обыкновенно настолько бок о бок с добычей их, что нередко немыслимо сколько-нибудь определенно отделить их друг от друга, уже требует для своего осуществления скучения населения, не связанного сельскими занятиями.

Таковы в общих чертах способы заполнения государством принадлежащих ему территорий.

В результате жизнедеятельности человеческих сообществ создаются географические типы человеческих культур. Эти типы весьма разнообразны, что зависит, с одной стороны, от большого разнообразия географических условий различных частей нашей планеты, а с другой – от большой разницы в ступенях развития различных ветвей человечества... <...>

Первоначальный ареал обитания челонека на Земле, вероятно, имел приблизительно ту же форму, что и современный ареал обитания обезьян, будучи только несколько более сдвинут к северу. Это положение обусловило непосредственное соседство человека с южными частями громадных площадей великого оледенения и было едва ли не главной причиной того, что человек так далеко ушел в своем развитии от животных и постепенно стал истинным господином Земли. <...>

Географическое распределение человечества на материке Евразии с самого начала, по-видимому, таково. Индостан представляет срединный теплый полуостров, обращенный к югу и прикрытый с севера, как кровлей, высокими нагорьями Гималаев и Тибета. От Индостана к северо-востоку вытянуто желтое (азиатское) ядро человечества, к северо-западу – белое (средиземное) его ядро. <...>

Распространяясь по своим первоначальным территориям, оба ядра человечества Евразии одинаково заселяли своими оседлыми, земледельческими, менее выносливыми к невзгодам природы и требовательными к удобствам жизни элементами их части, которые находились в лучших природных условиях. В места же с менее благоприятными условиями выбрасывались более выносливые к невзгодам природы, более грубые и невзыскательные кочевые и бродячие элементы в лице скотоводов и звероловов. Вот почему желтое ядро выбросило именно к северо-западу от себя, на вышеуказанные юные территории всю свою массу кочевников и звероловов, занявших огромные пространства и дошедших до края ледника на Русской равнине, и в то же время не дало этих элементов по направлению к юго-востоку, ибо там было море. На долю неприязательных центров белого ядра человечества по направлению к краю Скандинаво-Русского ледника оставалась сравнительно очень узкая, быстро выклинившаяся на Западно-Европейском полуострове территория, на которую это ядро человечества и дало многочисленные ответвления скотоводов в виде арийцев и иранцев. Но зато белое ядро человечества дало огромную массу неприязательных кочевников по направлению к юго-западу – в пустыни Аравии и Сахары. Активная их роль в истории окончилась ранее, чем у кочевников желтого ядра человечества, по следующим географическим причинам. Кочевники, в зависимости от положения степных пространств, располагались у белого ядра человечества двумя сравнительно узкими, разрозненными оседлой массой полосами – по северному фронту в виде скифов и сарматов и по южному фронту в виде кочевых племен Аравии и Северной Африки, тогда как у желтого ядра человечества, опять-таки в зависимости от положения степей, кочевники перекатывались все время огромной, сплошной лавиной на западном и юго-западном фронтах: кроме того, белое оседлое человечество отличалось всегда более быстрым территориальным распространением, чем желтое, что также повлияло на более раннее обуздание кочевых передвижений своей расы. Распространившись до краевых морей Тихого и Атлантического океанов, оседлые части обеих ветвей человечества поневоле загнулись внутрь материка, навстречу друг другу: желтая – к северо-западу, а белая – к северо-востоку. Вот почему вековые прочные внедрения оседлого человека в пределах Евразийского материка имели только два направления, и каждому из ядер было строго присвоено только одно из них. <...>

Таким образом возникли две величайшие на Земле встречные волны миграционных движений человечества, волны, так сказать, вторичные, отраженные берегами Атлантического и Тихого океанов. Мы находимся в их конечном периоде. <...>

Следствием атлантического движения была окончательная ликвидация навеки возможности кочевых волн из Азии. Но в то же время

центр образованности переместился в Европе к западу со времени последней наиболее сильной кочевой волны из Азии: до татарского нашествия на Русь, случившегося в XIII в., и турецкого на Византию в XIV-XV вв. восточная, греко-славянская Европа была образованнее западной, германо-романской, а с этого времени стало наоборот.

Образованная, интенсивно-земледельческая и промышленная Западная Европа обратила почти всю энергию, первоначально предназначенную, судя по крестовым походам и поискам морского пути в Индию, для Азии, через океан на западные американские материки, где и выполнила блестяще свою колонизационную задачу, предоставив восточным славянам одним вести почти Азию. Правда, они добросовестно выполнили задачу достижения тихоокеанских берегов, но такая затрата сил одним племенем не прошла даром для атлантического движения. Между тем, хотя азиатский кочевой авангард и был разбит навсегда, тем не менее тихоокеанские интенсивные земледельцы за китайской стеной сохранили в целости всю свою нетронутую потенциальную энергию.

На прочих материках Земли, заселенных испокон веков каждый одной расой – красной в обеих Америках и черной в Африке и Австралии, соотношения всегда были значительно проще. Здесь первобытные человеческие племена, незаметно, в течение многих веков расселившиеся по всем доступным для жилья территориям этих материков вдоль длинных осей последних, испытали вначале очень мало вторжений, и притом неглубоких, со стороны представителей других рас. <...>

Колонизационная практика в Средиземьи древних народов – финикийян, греков и римлян – послужила хорошей школой для возникшей впоследствии западно-европейской всесветной заморской колонизации. Первые ее шаги начались с IX в. варягами, которые были, таким образом, ее предтечами. Эта северная варяжская колонизация открыла для себя Фарерские острова, Исландию, Гренландию и даже часть Северной Америки и впоследствии нашла себе подражателей на юге в лице испанцев и португальцев после принятия Испанией в дар от одного из норвежских авантюристов занятых им Канарских островов. Варяжские колонии, однако, были мало известны и прочностью и долговечностью не отличались, как, впрочем, и большая часть воинственных предприятий германских племен в те времена вообще.

Мы уже указали на мусульманскую стену, которую пришлось преодолевать колонизационной волне белого человечества при ее стремлении на восток Старого Света. Эта стена препятствовала долгое время непосредственным экономическим сношениям христианского мира Европы с восточными – индийским и китайским – и являлась, когда то было выгодно, непрошенным посредником между ними в ли-

це арабов, обогащавшихся за счет этих сношений и соперничавших с китайцами в береговом торговом мореплавании в Индийском океане, причем конечным пунктом для арабов были берега южного Китая, а для китайцев – берега Египта, вследствие чего попеременно процветали то Багдад с Басрой, то Александрия с Каиром. Стремление уничтожить мусульманскую стену сначала вызвало в XIII в. попытку Франции, в союзе с папским престолом, обратиться дипломатическим путем происшедшее перед тем великое нашествие на Восточную Европу язычников – монголов и татар, равнодушных к чужим религиям, против мусульман, завладевших всеми торговыми путями из Европы в Индию и Китай. Когда она не удалась, то попытка разбить мусульманскую стену была произведена тремя способами:

1. стремлением обратиться в христианство азиатских кочевников при помощи миссионерства к ним;
2. посредством крестовых походов против мусульман и
3. посредством обхода морским путем мусульманской стены, дабы этим способом пойти и непосредственные торговые сношения с Индией и Китаем.

Таким образом, Западная Европа была незаметно втянута в колониционную волну по направлению к востоку. Последовал ряд путешествий по суше и плаваний по морю в этом направлении, но успех их все же был недостаточен. Тогда в XV в. у Колумба родилась идея достигнуть заветной Индии западным морским путем через Атлантический океан, приведшая ко вторичному в сущности, открытию материка Америки, но в более южных широтах.

С этого момента колониционное движение, выходящее из Европы, раздвоилось: движение на восток сухим путем продолжалось энергично лишь в северной Евразии и шло только из Восточной Европы. Движение же из Западной Европы со всей энергией направилось на вновь открытые американские материка Нового Света. <...>

Таким способом на Романском Средиземном море выработалась кольцеобразная система могущественного территориального владения. Одним из первых начали копать кольцо греки со своими колониями. Карфагеняне попытались сковать свое территориальное кольцо могущества из финикийских колоний по берегам Средиземного моря. Но борьба с римлянами разрушила его. <...>

В средние века к испытанной системе кольцеобразного могущественного территориального владения прибегали венецианцы и генуэзцы, придерживаясь скорее греческой системы, преследуя только торговые цели и тоже технически достаточно не «организуя территорий», вследствие чего они и не удержались надолго.

В начале XIX в. кольцеобразную систему на Средиземном море начали применять французы, технически «организуя» захваченную

ими территорию постройкой сети шоссе по образцу римских дорог, но военные неудачи Франции в борьбе со всей Европой остановили эту работу. Та же кольцеобразная система территориального владения была применена и XVII в. Швецией на северном средиземном европейском море – Балтийском, полупокрытом в зимнее время льдами, просуществовав до ее столкновения с Россией. Попытка же Швеции в том же XVII в. основать единственную свою колонию в Северной Америке успехом не увенчалась.

Испанцы и португальцы, возвысившиеся в Средние века на крайнем западном полуострове Средиземного моря, пограничном с Атлантическим океаном, стали испытывать, вначале полусознательно, охоту, для создания своего территориального могущества новую систему: они не окружили Средиземное море кольцом своих владений, а устремились к Индии, представлявшейся им краем света, напрямик через таинственный Атлантический океан и вокруг берегов Африки старым, незаконченным путем карфагенских исследователей. В результате первого пути было открытие ими новой чисти света – Америки, неожиданное столкновение там с неведомым инко-ацтекским государством и его цивилизацией, которые и были бессмысленно уничтожены вследствие превосходства испанского вооружения. Кругоафриканским путем Индостан был благополучно достигнут.

Из этих двух движений получилась новая система клочкообразного могущественного территориального владения – разбросанными по морям и океанам отдельными островами и кусками материков, связанными периодическими рейсами кораблей военных и коммерческих. Эта система, наиболее пригодная при рабовладельческой эксплуатации наивных малочисленных дикарей хорошо вооруженными «заморскими чертями», дала исполинский толчок усовершенствованию техники мореплавания, но была роковой для Пиренейского полуострова. Этой модной в свое время системе последовали возвысившиеся в Европе, вслед за Испанией, Голландия и Франция, впоследствии обе на три четверти сломавшие свое оружие. Одна Англия, возвысившаяся в течение XVIII в. за счет Голландии и Франции и ставшая к началу XIX в. во главе всей мореходной техники, выдержала без ущерба для себя в течение более ста лет эту клочкообразную систему, несмотря на отложение своей самой крупной колонии – Соединенных Штатов. Сооружаемые за последнее время в разных частях света чрезматериковые железные пути наносят значительный вред клочкообразной системе могущественного территориального владения, так как по ним сообщения значительно быстрее, чем морские кругом материков.

Клочкообразная система ранее того породила, для успешной защиты от сильного материкового соседа, добавочную вспомогательную систему создания защитных государств-буферов. Две же огромные

страны северного полушария – бывшая Россия и Соединенные Штаты Северной Америки, а также Англия в Канаде, оставшись в стороне от кольцеобразных систем, применили систему, известную еще и древности (Персия, Македония), – «от моря до моря».

Для этой системы обычно характерна ее громадная сплошная протяженность, составляющая ее крупный недостаток. Самым большим территориальным протяжением в истории человечества отличалась, вообще говоря, прежняя Россия, достигая в середине XIX в. свыше 11 тыс. км длины, а затем, с добровольной уступкой Аляски Соединенным Штатам, сократилась до 9 1/2 тыс. км. Следующие после русского арабское и монгольское сплошные растяжения государственной территории достигали 7 и 8 с небольшим тыс. км. Обычно же большие растяжения (китайское, древнеперсидское, македонское, римское и др.) колебалось между 5 и 6 тыс. км. Таких же величин достигают и ныне северо-американские сплошные растяжения (Канада и Соединенные Штаты). При этом древние и средневековые территориальные системы «от моря до моря» находились в значительно более южных широтах и теплом климате, чем современные СССР и Канада.

Характерной географической особенностью всяких территориальных распространений человечества по лицу Земли является необходимость борьбы с пространствами, степень легкости которой, а следовательно и быстроты, зависит от степени сопротивляемости, т.е. трения той среды, на которой происходит это движение, и ровного или неровного рельефа поверхности. В то же время борьба с преодолением пространств легче там, где наиболее обеспечено скольжение по поверхности, как, напр., в водной среде. В государствах морских поэтому борьба сравнительно легче, ибо для победы над пространствами здесь нужно только сооружение флота, свободно бороздящего океаны в любых направлениях. В материковом же государстве для этого требуется длительное сооружение неподвижной сети чрезматериковых железных путей поперек целых рядов препятствий, воздвигаемых твердой земной оболочкой, не говоря уже о внутренних водных сообщениях с их условиями скольжения в жидкой среде. Но этого еще мало. Чрезматериковые железные пути, очень дорого стоящие, приобретают настоящее свое значение только в сочетаниях с океанскими рейсами флотов. Таким образом, мы подходим к великим мировым путям. Последняя европейская война, приобретая мировой характер, поставила, несомненно, на очередь вопрос о сети мировых путей в ближайшем будущем. Это один из животрепещущих вопросов политической географии.

В отношении чрезматериковых железных путей дело в Новом Свете значительно опередило таковое в Старом. Причины этому следующие. В Северной Америке нет серьезных угроз со стороны политических соседей материка. Воспользовавшись этим, можно было спокойно

перелить порядочную колониционную волну с востока на запад – от Атлантического океана к Тихому – и в тиши заполнять слабее всего населенный географический центр своей государственной территории. В Старом же Свете, в пределах Евразии, восточнославянская колонизация имеет вид постепенно суживающегося, зазубренного меча, тончающего на своем восточном тихоокеанском конце, вклинившегося между суровыми в климатическом отношении территориями севера Азии и исконными землями самого обширного государства желтой расы – Китая. При всяком столкновении с внешними противниками очень легко обрубить конец такого меча. Правда, сопротивление, по мере дальнейшего обрубления, должен расти в геометрической прогрессии, но ведь и обрубки только одного конца вполне достаточно для того, чтобы уничтожить всю системы «от моря до моря».

В Африке и Южной Америке доселе не было государств, построенных по типу «от моря до моря». Здесь европейская колонизация, начавшись кольцом по морским побережьям, лишь очень медленно внедрялась внутрь материков, остающихся и поныне мало исследованными и крайне первобытными в своих экваториальных сердцевинах. Поэтому Африка до последнего времени еще не имела ни одного сплошного, чрезматерикового железного пути, а Южная Америка имела всего один короткий в своей южной, быстро суживающейся части – между Аргентиной и Чили, тогда как Северная Америка имеет до 5 длинных чрезматериковых железных путей, правда, уступающих и длине Сибирскому, если не считать значительно более коротких чрезматериковых путей в быстро суживающейся к югу Средней Америке. Австралия представляет единственный в мире материк, заполненный сплошь одной страной. Здесь никаких политических соперничеств не было, а потому в тиши в XX в. был закончен в южной части материка, между Сиднеем и Пертом, первый чрезматериковый сплошной железный путь.

В ближайшем будущем надо ждать сооружения сети новых чрезматериковых железных путей в Евразии, Африке и Южной Америке.
<...>

Вопросы для самопроверки

1. Каковы основные территориальные типы владения?
2. Каковы основные территориальные типы расселения?
3. Какой тип владения характерен для России?

Савицкий П.Н.

Савицкий Петр Николаевич (1895–1968), русский геополитик, один из лидеров евразийского течения. Пытался адаптировать геополитический подход к евразийской философии.

І. Джучиев улус и Россия

В ряду политических образований, существовавших на пространстве Старого Света и обнимавших ту или иную часть нынешней территории России (СССР), Российская империя XVIII–XX вв. занимает, в отношении территориального протяжения, промежуточное место между Монгольской державой в ее целом и той частью этой державы, которая называлась Джучиевым улусом (кипчакско-русский улус). Российская империя ни в один период своего существования не достигала размеров Великой Монгольской державы, охватывающей почти целиком ойкумену (монголосферу), включая Корею, Китай, нынешний Индокитай, часть передней Индии, весь Иран и значительную часть так называемой «передней Азии». Но Российская империя – больше Джучиева улуса. Правда, Галицкие земли, находившиеся под властью Золотой Орды (Джучиева улуса), не входили в состав Российской империи, как не входят в пределы СССР. Нужно от метить и то обстоятельство, что золотоордынское политическое влияние на Балканах (Болгария, Сербия) и в Молдавии в течение некоторого времени имело более оформленный вид, чем имело его когда бы то ни было в этих местах русское влияние (однако и русское влияние бывало здесь временами достаточно сильно). За то на западных и северо-западных пределах нынешней доуральско-русской (западно-евразийской) равнины русская власть проникла так далеко на запад и северо-запад как никогда не проникало золотоордынское влияние (Прибалтика, в частности Финляндия, Эстляндия и Лифляндия, затем – Литва и Польша). В этих местах русские войска исходили, и русская власть охватила вала многие территории, где никогда не бывали монголы. Это относится также ко всему крайнему северу Евразии (хотя, на пример, Якутия при Кубилае [Хубилае] не только принадлежала Монгольской державе, но была «просвещаемая» и хозяйственно организуема монгольской властью). Освоение севера осталось в силе и в нынешнем СССР. Что же касается упомянутых выше северо-западных и западных земель, не входивших в состав Монгольской державы, то они почти целиком отпали в течение 1915–1920 годов. Однако факт существ-

⁴⁸ Савицкий П.Н. Континент Евразия. –М.: Аграф, 1997. С. 303 – 330.

вования в устье Невы такого (созданного Империей) центра, как Петербург – Петроград – Ленинград, создает для СССР в Прибалтике существенно иную конъюнктуру, чем та, с которой должна была считаться в этих местах монгольская власть.

Если учесть место России в Прибалтике в XVII–XIX вв. и в начале XX в., то перед нами раскроется одна из немногих сторон геополитического положения Российской империи, которая не имеет прямых аналогов в истории монголов. Русский Балтийский флот временами являлся существенным политическим фактором. Монголы на Балтийском море флота не имели вовсе. Также на восток Российская империя проникла далее, чем распространялся Джучиев улус (еще в XVII в. Русское государство перешло через Енисей и распространилось до Тихого океана; Джучиев улус в этом направлении не шел дальше Алтая; Монгольская же держава, в ее целом, охватывала эти места). То же наблюдается и на юго-востоке; во второй половине XIX в. Россия овладела предгорным и горным Туркестаном, в свое время остававшимся вне Джучиева улуса. Огромный круг земель является общим Российской империи и Джучиеву улусу. Мы подразумеваем основное протяжение евразийских низменностей-равнин (нынешней доуральско-русской, западно-сибирской и туркестанской). (Сюда же относятся прилегающие части Кавказа.) Основная территория Джучиева улуса составляет основную часть территории новейшего Русского государства. Подобно державе императоров всероссийских и власти правящих органов нынешнего СССР, власть золотоордынских ханов охватывала одновременно: бассейны Дона и Волги (в их полном составе), Киев, Смоленск, Новгород и Устюг, побережья Аральского моря (тогдашний Узбекистан) и степи позднейших Тобольской и Томской губерний.

С геополитической точки зрения является незыблемо обоснованным то введение истории Золотой Орды в рамки русской истории, которое производит Г.В. Вернадский. Даже элементарное изложение русской истории должно отныне знакомить с об разами тех царей и тех темников, в деятельности которых выразились в свое время геополитические и хозяйственные тяготения, приведшие в Новое время к созданию великого Русского государства и в настоящее время являющиеся основой существования СССР. Имена этих царей и темников должны явиться одним из символов трактовки евразийских низменностей-равнин и прилегающих к ним стран, как «связной площади», как геополитического единства. Не нужно забывать, что и в смысле экономическом золотоордынская власть имела дело с (применительным к условиям того времени) использованием хозяйственных ресурсов тех самых территорий, которые в настоящее время являются поприщем экономической деятельности народов России-Евразии. К настоящему моменту нет сомнений, что это использование было многосторонним. Как выра-

жается В.В. Бартольд, в терминах старой географии «доказано, что, несмотря на произведенные монголами опустошения, первое время существования Монгольской империи было временем экономического и культурного расцвета для всех областей, которые могли воспользоваться последствиями широко развившейся при монголах кара ванной торговли и более тесного, чем когда-либо прежде и после, культурного общения между западной и восточной Азией»...Пришедшие к процветанию (а отчасти возникшие) в течение XVIII–XIX вв. русские города Причерноморья, а также среднего и нижнего Поволжья представляются, в широкой исторической перспективе, воспроизведением и возрождением располагавшихся в тех же местах культурно-юродских центров золотоордынской эпохи (Сарай, золотоордынские центры в Крыму). В Поволжье «остатки домов с облицовкой мрамором и изразцами, водопроводы, надгробия, куски серебряной утвари, парча, венецианское стекло выступают свидетелями о жизни татарских культурных средоточий XIII–XIV вв. и...их отношений с другими народами Востока и Запада». Ряд золотоордынских царей и темников XIII–XIV столетий в их качестве распорядителей судьбами евразийских низменностей-равнин может и должен быть сопоставляем с образами русских императоров, императриц и полководцев XVIII–XX веков. И если среди последних мы видим много значительных и одаренных фигур, то немало их и среди первых: назовем «властного и сурового правителя» Беркая, «победителя греков» темника Ногая (правителя Причерноморья: 1266–1299), «правосудного и расположенного к людям добра всякого вероисповедания», в то же время «властного и сильного» хана Тохту (1291–1313), великого Узбека (1313–1341), Джанибека (1342–1357), при котором была «большая льгота» русской земле, и пр. Нужно отдать должное дому Джучи и монгольской военной среде. Ряд администраторов и полководцев, выдвинувшихся в истории Золотой Орды в течение одного столетия (от середины XIII по середину XIV в.: «великое столетие» Золотой Орды!), может поспорить с любым таким рядом в истории других народов и стран, особенно если мы вспомним, что Золотая Орда есть только часть того целого, в центре и других частях которого действовали и Чингис, и его полководцы, и последующие великие ханы XIII в., среди которых немало крупных фигур. Для русского человека изучение истории этих людей очень интересно. В частности, деятели Золотой Орды соприкасались со многими геополитическими сочетаниями, которые и в настоящее время остаются в силе для России-Евразии (например, отношение к Балканским странам и Польше). Около них скрещивались религиозные принципы (православие, мусульманство, шаманизм), которые и сейчас действенны в евразийском мире...

Сила золотоордынской государственной традиции не была исчерпана в «великое столетие» Золотой Орды (от середины XIII по середину

XIV в.). Крупным фактом является двукратное «возрождение» государственно-политической традиции Золотой Орды. Первое из них можно назвать тохтамышо-едигеевым, или тимуровым, возрождением (конец XIV – начало XV в.), второе – менглигиреевым, или крымско-османским (XV-XVIII вв.).

II. Русь и Литва

<...> Русскость оказалась несовместимой с латинством, а латинство, в свою очередь, оказалось несовместимым с осуществлением объединительной роли в пределах евразийского мира. Этот исторический итог, выводимый из рассмотрения судеб литовского и польского государства, не препятствует признанию значительности той геополитической конъюнктуры, при которой течение Днепра от истоков до устья было в руках единой литовской власти (Витовтова таможня на Днепре, в районе позднейшего Херсона), когда магистраль Днестра была в обладании той же власти, когда литовские войска проникали в позднейшую северную Таврию и на Крымский полуостров (например, в 1397 г.). <...>

IV. Царства-наследники Золотой Орды

<...> История Золотой Орды не только входит весьма существенной главой в историю Евразии, но входит также в историю России. Под пеленой Золотой Орды возросло Русское государство. Этого нельзя сказать про Крымское ханство. Крымское ханство было одним из важнейших соперников Московского государства (и даже Российской империи) в собирании рассыпавшихся улусов бывшей Золотой Орды. Этим положением и определяется, главным образом, отношение истории Крымского ханства к русской истории и систематическое место этого ханства в общей рамке евразийской истории): 1) Влияние Крымской Орды было основным, которое конкурировало с московским в делах Казанского царства; 2) Крымский хан (при помощи турецкого султана) пытался отобрать у Москвы Астрахань (1564 г.); 3) Он же являлся соперником русской власти на Северном Кавказе, в кабардинских, черкесских и прочих делах (при Иване Грозном и позже); 4) Крымское влияние неизменно сказывалось в башкирских восстаниях против русской власти в XVII и XVIII веках. Башкиры «пересылались» с Крымскою Ордою. В начале XVIII в. к Елабуге, а затем к Казани подступала группа восставших под предводительством Акая, из рода крымских Гиреев. <...>

VI. Проникновение России в степь и пустыни

Разителен контраст между постоянной укрепленностью западной русской границы и перемещающимся существованием (и несущество-

ванием) других укрепленных линий. Западная русская граница то продвигалась к западу, то отходила к востоку, но в любом своем положении оставалась укрепленной. В этом отношении особенно поучительна история укреплений Псковской земли, которой в течение четырех столетий (от XIII по XVII) приходилось выносить на своих плечах дело защиты от натиска с запада. Непрерывный исторический ряд ведет в городе Пскове от Довмонтовой стены XIII в. (ядро псковских укреплений) к стенам «Большого города», построенным в XV в., к земляным укреплениям, которые воздвигал у Пскова царь Петр в начале XVIII века. В этом же ряду помещаются другие (отчасти упомянутые выше) кремли и древние крепости западного и северо-западного рубежа; находятся в этом ряду и прочие укрепления, которые сооружал Петр), и Дрисский укрепленный лагерь, в котором одно время полагали защищаться от Наполеона, и те крепости, которые строились на западной границе при Николае I (Бобруйск, Киев, крепости Царства Польского и пр.), и те, которые воздвигались в конце XIX – начале XX века... Восточным аналогом постоянной укрепленной западнорусского рубежа является Великая китайская стена на границе внутреннего Китая с Монголией (стена эта построена задолго до появления Руси на исторической сцене). На пространстве же между Великой китайской стеной и западной русской границей укрепленные линии то существовали, то не существовали вовсе. В Доуралье их не было до времен Владимира Святого; каждое из государств-соперников этого времени (Русь и хазары) могло надеяться на полное одоление и едва ли нуждалось в оборонительных линиях. После появления печенегов «Владимир должен был строить целую систему укреплений, насыпать валы, рубить города». С этого времени начинается эпоха «противостепных» (для защиты от печенегов, а затем от половцев) укрепленных линий. История их в особенности тесно связана с историей Переяславского княжества) (в 1089 г. Переяславль был обнесен каменной стеной). По типу эти укрепленные линии должны были напоминать позднейшую (московскую) «засечную черту» XVI – XVII веков. Проходя, подобно последней, по лесостепи (в пределах которой находилось Переяславское княжество), укрепленные линии X-XIII вв. опирались, в определенной части своего протяжения, на лесные массивы. Так, лесной массив по р. Трубежу прикрывал Переяславль с севера. Укрепленные линии Переяславского княжества относились к типу укрепленных линий в пределах лесостепи. Первая эпоха существования русских противостепных укрепленных линий закончилась в XIII веке. В 1239 г. был разрушен Батыем (и на несколько веков сошел с исторической сцены) Переяславль. В 1260 г. по приказу Берке баскак Бурундай принудил Даниила Галицкого срыть укрепления галицких городов. Монгольская власть стерла укрепленные линии на пространстве от западной русской границы до Великой китайской стены и самую китай-

скую стену сделала ненужной, так как подчинила своей власти также и внутренний Китай. Это положение оставалось в силе более века. Великая китайская стена снова получила реальное значение после изгнания монголов из Китая в 1368 году. В Доуралье иных укрепленных линий, кроме линии западной границы (главным образом в новгородских и псковских пределах), не существовало и в XV веке. Мы указывали на геополитическое своеобразие того момента русской истории (княжение Ивана III), когда Московская Русь уже освободилась от татарского (золотоордынского) ига, но еще не должна была защищаться от татарских (крымских) набегов. Мы говорили о приступе к постройке укреплений в княжение Василия Ивановича. В это время начиналась вторая эпоха существования русских противостепных укрепленных линий (в качестве первой принимаем время X–XIII вв.). Эта эпоха распадается на несколько периодов.

1. Период укрепленных линий в пределах лесостепи (XVI–XVII вв.)...

2. Период укрепленных линий в пределах ковыльной и полынной степи. Засеки теряют значение (лесов нет). Основным является устройство укреплений, форпостов, пикетов и «маяков» на недалеком друг от друга расстоянии... Энергичное строительство укрепленных линий в пределах ковыльных и полынных степей Доуралья начинается в 1730-х гг. (при Анне Иоанновне)...

3. Наконец, в 1840-х гг. вместе с подавлением киргизского («казакского») восстания, руководимого султаном Кенесары (убит в 1847 г.), наступил третий период – период укрепленных линий в пределах пустыни...

В частности, в течение русской истории мы замечаем две обособленные эпохи существования противостепных укрепленных линий: X–XIII вв. и века XVI–XIX. Примечательно, насколько различны финалы этих эпох. Первая заканчивается уничтожением укрепленных линий в силу покорения Руси степняками. Вторая завершается исчезновением этих линий в силу подчинения степняков России. Видимо, Россия XVI–XIX вв. существен но отлична от Руси X–XIII веков. Одно из важнейших отличий заключается в том, что Россия XVI–XIX вв. есть Русь, прошедшая татарскую школу...

Конкретные наблюдения над историей русских укрепленных линий XVI–XIX вв. вкратце могут быть сведены к нижеследующей схеме: 1) XVI–XVII вв.: период укрепленных линий в пре делах лесостепи; 2) XVIII – первая половина XIX в.: период укрепленных линий в пределах ковыльной и полынной степи; 3) середина XIX в.: период укрепленных линий в пределах пустыни...

VII. Единство Евразии

Евразия, как географический мир, как бы «предсоздана» для образования единого государства. Но только в конкретном историческом процессе реализуется это единство.

К концу XIX в. завершился (в основных чертах) процесс создания России-Евразии как геополитического единства. Чисто географической стороне процесса имеются прообразы в прошлом. Была бы несостоятельной попытка свести культурное содержание процесса к каким бы то ни было известным в истории образцам. В культурном смысле геополитическое единство Евразии обосновывается и единственно может быть обосновано в принципах и формах, применительно к условиям этого времени. В последние годы Россия-Евразия вступила в полосу «мутации» (существенного изменения ряда признаков и свойств). Все исторические ценности и все принятые взгляды подвергаются перемотру и переоценке. Одни отпадают, другие получают новое обоснование. Нарождается новое. «Мутация» еще не завершилась. И нет сомнения, что создающееся включит в себя (в преобразованном и обновленном виде) многое «старое». «Мутация» не порывает преемственной (генетической) линии, не разрушает традиции. Она только видоизменяет ее. И потому, как было в прошлом, так и остается в настоящем: ключ к пониманию современности в значительной степени лежит в познании историческом. Этим определяется жизненный интерес изучения как внешней рамки, так и внутренних движущих сил исторического процесса России-Евразии.

Вопросы для самопроверки

1. Каково значение монгольского элемента в истории России?
2. Кто наследовал Золотой Орде ее геополитическую мощь?
3. Чем определяется единство Евразии?

РАЗДЕЛ 3. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ⁴⁹

Поздняков Э.А.

Поздняков Эльгиз Абдулович, современный российский политолог и геополитик, доктор философских наук, профессор, академик АЕ РАН.

ГЛАВА 1

Специфика системного исследования международных отношений и понятие системы межгосударственных отношений

<...> На основе фундаментальных принципов системный подход применительно к исследованию системы межгосударственных отношений системный подход можно определить как метод, направленный на выявление её целостного характера, способа связи элементов системы (т.е. её структуры) и механизма функционирования и развития данной системы. Системный подход воплощает в себя идею всеобщей связи явлений, взаимодействия и взаимовлияния различных процессов. В центре внимания системного исследования – объект-система как некоторая целостность, общие для всей системы закономерности функционирования и развития, которые оказывают определённое влияние на деятельность входящих в неё элементов. В исследовании системы межгосударственных отношений задача системного подхода состоит не в анализе внешней политики отдельных государств, а в выявлении механизма функционирования и развития системы в целом, закономерностей её жизнедеятельности. <...>

Определение целостного характера системы служит основанием для перехода к исследованию комплекса системных связей. Каждая самоорганизованная системы обладает своим особым способом связи входящих в системы элементов. Этот особый способ есть структура системы. Познание структуры – один из важнейших способов познания системы. Собственно системное исследование начинается по существу лишь тогда, когда именно структура системы становится предметом специального анализа. Выявление структуры системы относится к специфической теоретической задаче исследования. <...>

Пока не раскрыта и не познана структура системы, последняя предстаёт обычно как хаотическая масса обычных связей и отношений,

⁴⁹ Системный подход и международные отношения. М.: «Наука», 1976. С. 17 – 20, 33 – 35, 38, 43 – 49, 52 – 54, 58 – 63, 71 – 73, 82 – 94, 97 – 100, 102 – 106.

в которой, как правило, трудно разглядеть какую-либо закономерность. Структура же раскрывает упорядоченный, закономерный способ связи элементов системы. Вследствие этого понятие структуры приобретает категориальное значение.

Структуре системы как способу связи элементов отвечает и свойственный ей специфический способ функционирования элементов системы. Выявление структуры и закономерностей функционирования системы межгосударственных отношений позволяет познать механизм жизнедеятельности системы в её основных проявлениях, а именно: условия сохранения и поддержания динамического равновесия, условия стабильности системы, механизм структурных кризисов, интеграционные и дезинтеграционные процессы, соотношение сил в системе. <...>

В мире имеет система государств – это объективный факт. Государства не могут существовать, не взаимодействуя, так или иначе, друг с другом. В разного рода связи и отношения с другими государствами то или иное государство вступает через посредство своей внешней политики, на различные явления международной жизни оно также реагирует через свою внешнюю политику, приходя при этом к неизбежному контакту с внешней политикой других государств. Проводя внешнюю политику, которая исходит из своих интересов и целей, государство может устанавливать те или иные отношения с другими государствами, делая в зависимости от этого упор на одни, либо на другие виды связей...

Вычленив все эти связи и отношения между государствами, мы в результате получим определённую систему отношений. Самое существенное при этом то, что эти связи все без исключения носят политический характер, являются связями политическими, поскольку такой политический институт, как государство устанавливает их для реализации своих внешнеполитических интересов и целей. Следовательно, все существующие связи и отношения между государствами (экономические, торговые, дипломатические, правовые, научные, культурные и т.д.), поскольку все они осуществляются государством, являются по сути своей политическими.

В системе межгосударственных отношений нет оснований выделять в особый вид связей связи политические, так как в этом случае межгосударственные связи независимо от той формы, в которой они могут проявляться по существу своему связи политические. В системе межгосударственных отношений не может быть иных, не политических отношений, поскольку речь идёт об отношениях между определёнными классовыми политическими организациями...

Это положение имеет принципиальное значение. В литературе ещё и по ныне можно встретить довольно резкое противопоставление экономических и политических отношений между государствами. Отчасти

это, видимо, объясняется тем, что широкое использование в политике государств различных экономических средств защиты, агрессии, давления, устрашения и тому подобного, принявших особенно широкие масштабы в XX в., как бы заслоняли тот факт, что эти экономические средства есть средства или формы осуществления внешнеполитических интересов данного государства...

Так называемые экономические отношения между государствами – те же политические отношения, поскольку они устанавливаются, осуществляются и используются государствами в своих политических целях как одно из средств внешней политики. Экономика в данном случае выступает лишь как одна из форм внешней политики, как одно из её средств. <...>

Система межгосударственных отношений, как это очевидно, ни в коей мере не тождественна международным отношениям вообще...

Международные отношения в этом широком понимании могут быть представлены тоже как своего рода система или, вернее, макросистема, имеющая собственную структуру и развивающаяся согласно своим закономерностям. В этих рамках систему межгосударственных отношений можно уже рассматривать как одну из подсистем макросистемы. <...>

Система межгосударственных отношений находится в определённых отношениях и взаимодействии и с другими системами, входящими в макросистему. Взаимодействие различных систем проявляется, в общем, в том, что все они так или иначе, воздействуют друг на друга и в определённой мере взаимно детерминируют своё развитие и функционирование. Специфика этого взаимодействия с требуемой полнотой может быть определена в каждом конкретном случае отдельно. В самом общем плане для каждой системы, входящей в макросистему, все остальные системы представляют собой внешнее окружение, с которым она взаимодействует и в связи с которыми проявляет многие свои свойства как целостная система. Однако понятие «внешняя среда» носит строго научный характер при непрременном условии субординированности отношений входящих в макросистему систем и обусловленности всех отношений в ней, в конечном счете, объективными социально-экономическими процессами. <...>

В связи с определением системы межгосударственных отношений требует своего хотя бы краткого рассмотрения такое понятие, как «элемент» системы. Понятие «элемент» обычно считается вполне ясным.

С одной стороны, здесь не существует никаких сложностей, ибо элемент – есть та часть, из которых складывается совокупность. Но, с другой стороны, характеристика целостности не подразумевает выделение каких-либо самостоятельных элементов, которые могут функционировать также и вне данной системы.

...Если всякая совокупность, или сумма, может быть разделена на части или на элементы, её составляющие, то целое уже не делимо ни на какие элементы – именно потому оно и целое. Кучу камней можно при желании представить как некоторую систему, но эта система не целостная, не органичная: её можно разделить на любое количество частей или элементов (отдельные камни), и от такого деления эта система пострадает только количественно. Иное дело системы целостные, органичные. Живой организм нельзя делить на части или элементы, а если даже и делать это в каких-то ограниченных целях, то отдельно взятый элемент ничего не скажет о целом организме, и сам элемент нельзя понять и объяснить вне этого целого.

То же относится и к системе межгосударственных отношений. И здесь, разумеется, можно в целях морфологического строения системы расчленить её на множество частей и элементов: государства, международные организации и т.д. Но такое членение не даст и не способно дать понимания системы как целостности, функционирующей и развивающейся в соответствии с какими-то собственными закономерностями. Само государство, будучи оторвано от системы межгосударственных отношений, лишается связи с той внешней средой, по отношению к которой оно проявляет многие свои свойства. <...>

Единство различных частей и элементов системы выражается в особом способе их связи и отношений. Элементы, части целостной системы находятся в состоянии постоянного взаимодействия друг с другом. Взаимодействие это осуществляется благодаря некоторой системе связей и отношений.

По этой причине в сложноорганизованной системе важны не элементы или её части сами по себе, а те связи и отношения, в которых они находятся и которые как раз характеризуют жизнедеятельность системы; важен особый для каждой системы способ связи элементов системы, благодаря которому система функционирует и развивается. Этот способ связи представляет собой не что иное, как структуру системы. Выявление качественной специфики системы, механизма её жизнедеятельности предполагает, следовательно, непременно определение и изучение её структуры как комплекса устойчивых связей и отношений системы. <...>

В целом можно сказать, что система – это соподчинённая взаимосвязь частей, выражающая в своих противоречивых тенденциях, в своём непрерывном движении высшее единство – развивающуюся организацию. Основное внимание необходимо концентрировать на том, что объединяет части в одно развивающееся целое и что подчиняет их целому.

Системный подход нацелен на изучение процессов и явлений на различных иерархических уровнях структуры системы и на раскрытие их взаимосвязи. Он даёт возможность понять определённые виды дея-

тельности государств как функцию системы межгосударственных отношений, а не наоборот. <...>

ГЛАВА 2

Структура системы межгосударственных отношений

<...> Структура как определённая упорядоченность, как способ связи и взаимодействия явлений, свойств или отношений присуща материи и всем формам её движения. Выявление структуры системы помогает изучить механизм её жизнедеятельности.

Необходимость познания структуры системы следует, в частности, из особенностей развития и изменения сложных развивающихся систем. Особенность эта состоит в том, что сложная система развивается таким образом, что в её новых конкретных формах, в её новых состояниях сохраняются некоторые специфические системные признаки, благодаря которым данную систему отношений всегда можно отличить от других систем отношений. Это хорошо видно на примере системы межгосударственных отношений. <...>

Разумеется, что существование самой системы межгосударственных отношений обязано существованию в мире различных государств. Этот очевидный факт, однако, ничего не говорит о специфике системы, об особенностях её функционирования и развития. Особенности функционирования и развития системы межгосударственных отношений как некоторой целостности связаны с особым способом организации, особым способом связи различных государств между собой. Способ же связи, способ взаимодействия элементов системы, благодаря которому система выступает как целостность, выражается в особой форме, присущей каждой отдельно целостной системе, или в её структуре. В таком понимании способ связи представляет нечто такое, что может служить основанием для выделения некоторых устойчивых, повторяющихся, закономерных отношений в процессе развития системы.

...Структура системы рассматривается именно как закон связи элементов системы... Этот закон объективен, его существование не зависит от нашей воли, и поэтому, как бы мы не комбинировали все возможные сочетания свойств и элементов, вещь будет оставаться такой, как она есть...

Структура системы, таким образом, есть выражение необходимой связи элементов системы со стороны формы и в этом качестве структура есть закон системы. И как закон формы она характеризует момент устойчивости в существовании системы. В то же время она выражает порядок и устойчивость в развитии, сохранение некоторых важнейших свойств и отношений системы при её трансформациях <...>

Структура, понимаемая как общий закон системы со стороны формы, как закономерный способ связи её элементов в различных исто-

рических состояниях может, следовательно, рассматриваться как инвариант системы, то есть как нечто такое, благодаря чему сохраняется специфическая определённая системы, её особый способ жизнедеятельности.

Структурные исследования в любой области направлены на то, чтобы вскрыть специфические законы существования исследуемых систем. Вскрывая их, наука выявляет тем самым инварианты этих систем. Определение структуры, как одного из законов системы, как её инварианта подчёркивает тот важный момент, что структура выражает устойчивость системы, её сохранение по отношению к различного рода внешним и внутренним возмущениям, которые выводят систему из состояния равновесия, изменяют или разрушают её. <...>

Структура-инвариант выражает не всё разнообразие связей в их конкретно-историческом проявлении, а лишь идею всеобщей формы, характеризующей устойчивость системы вообще. Благодаря этой форме система остаётся в качестве некоторой целостной определённости в непрерывном процессе исторического развития и вопреки возмущающему воздействию со стороны внешней среды. Там, где удаётся обнаружить и выявить структуру системы именно в этом смысле и выделить инвариантные характеристики системы, открывается возможность определения законов системы, связанных с механизмом её жизнедеятельности, поскольку вскрыть структуру системы – это и значит найти один из важнейших законов её существования. В этом, собственно, и состоит принципиальное отличие системно-структурного исследования от простого морфологического расчленения объекта на отдельные части, элементы и свойства.

Итак, структура – это особый, присущий каждой системе способ связи элементов системы, возникающий закономерно в процессе функционирования и развития системы. Структура есть следствие функционирования и развития системы и в то же время основная предпосылка её жизнедеятельности и та форма, в рамках которой осуществляется процесс её дальнейшего функционирования и развития. Этот способ связи характерен для всего периода существования данной системы, для всех её исторических состояний. <...>

Если рассматривать историю межгосударственных отношений с точки зрения структурного анализа, то можно обнаружить некоторый устойчивый способ организации государств, особую форму их связей, которая в своём общем виде повторяется во всех состояниях системы.

Система межгосударственных отношений предстаёт в последовательности своих исторических состояний не в виде хаотического множества различных связей и отношений, но как сравнительно строго сублинированная система, в которой в первом же приближении выделяются некоторые основные системно-структурные связи и отношения. <...>

Для характеристики данной формы связей между государствами используется понятие центросиловые отношения.

Центросиловые отношения являются в рамках системы межгосударственных отношений определяющими для функционирования системы в каждом историческом периоде её развития. Особая роль и значение центросиловых отношений в системе даёт основание рассматривать уровень центросиловых отношений как основной в иерархии связей системы межгосударственных отношений, образующей её структуру. <...>

Центросиловые отношения – это особый способ связи, характеризующий форму системы, и в этом качестве они сохраняются при любых видах трансформации системы межгосударственных отношений, обретая лишь в каждом случае своё особое конкретно-историческое выражение. Следовательно, центросиловые отношения – это уровень специфических системообразующих связей в структуре системы межгосударственных отношений. Он присущ различным состояниям системы, и вследствие этого является закономерным, повторяющимся способом связи элементов системы.

Центросиловые отношения – это системно-структурная характеристика, возникающая благодаря взаимодействию государств и в результате такого взаимодействия. <...>

...Понятие «центросиловые отношения» применяется для обозначения определённых структурных связей, в своём контексте образующих основной структурный уровень системы межгосударственных отношений, существование которого определяется реальными международно-политическим и социально-экономическими процессами. Силовая нагрузка – это не какое-то физическое свойство системы или присущий ей атрибут. Центросиловые отношения возникают вследствие связей государств, порождаемых их взаимодействием. <...>

Если рассматривать всю массу различных отношений между государствами, то помимо отношений центросиловых выделяются отношения, образующиеся в связи с так называемыми узлами противоречий.

В самом общем плане узлы противоречий можно определить как относительно локализованные комплексы связей и отношений между государствами, характеризующиеся быстрой динамикой развития, повышенной обострённостью отношений и конфликтностью, нестабильностью. Как правило, они отличаются неустоявшимися связями и отношениями между государствами, способными при определённых условиях к резкому обострению. Важной характеристикой узлов противоречий является то обстоятельство, что в них сталкиваются и переплетаются как связи и отношения локализованные (собственно узловые), так и отношения собственно центросиловые. Они воплощают в себе, таким образом, общеструктурные и локально-структурные отношения одновременно.

Наряду с центросиловыми отношениями узлы противоречий представляют собой характерную форму отношений между государствами, присущую каждому состоянию системы. <...>

Центросиловые отношения и отношения в рамках узлов противоречий не исчерпывают всего многообразия форм отношений в системе. В системе возникают своего рода отношения, связанные с различными международными организациями, с существованием и действием международно-правовых норм, регулирующих в определённой мере взаимоотношения государств, а также с разного рода международно-политическими концепциями и доктринами. <...>

В итоге структура-инвариант системы межгосударственных отношений может быть представлена в следующем виде: собственно структура системы, охватывающая центросиловые отношения (общесистемный уровень) и узловые комплексы отношений (уровень узлов противоречий); и структурная надстройка, включающая международные (межгосударственные) организации и учреждения, международно-правовые нормы, международно-политические и международно-правовые концепции, доктрины и пр.

Структура-инвариант в освобождённом от конкретно-исторического содержания виде представляет собой общую форму системы межгосударственных отношений, которая присуща каждому периоду в развитии системы. Именно в этом смысле структура-инвариант есть общий закон связи элементов системы, характеризующий устойчивость и повторяемость в развитии и существовании системы как целого. Образно выражаясь, структура-инвариант есть «сосуд», который каждая эпоха наполняет собственным содержанием. От эпохи к эпохе это конкретно-историческое содержание меняется, но сам «сосуд», сама эта всеобщая форма, сама структура в её инвариантном выражении остаётся тождественной самой себе во все эпохи, пока система межгосударственных отношений существует как таковая. <...>

При анализе структуры системы межгосударственных отношений также нельзя обойти вопроса о так называемых подсистемах... Введение данного понятия представляется оправданным и должно устранить неизбежные при глобальном подходе серьёзные искажения в оценке межгосударственных отношений, возникающие вследствие концентрации внимания на взаимоотношениях великих держав и естественного при этом игнорирования других групп отношения в системе.

Но здесь возникает вопрос: каков критерий выделения подсистем? <...>

Представляется, что для принципиального решения данного вопроса в рамках системного подхода необходимо, прежде всего, связать понятие «подсистема» с понятием «структура» системы межгосударственных отношений. Понятию «подсистема» будут соответствовать раз-

личные комплексы отношений на уровнях структуры и в её «надстройке» в их взаимном переплетении, взаимодействии и взаимовлиянии. Подсистемой могут быть центросиловые отношения, взятые отдельно; отдельные узлы противоречий; узел противоречий в сочетании с центросиловыми отношениями; сочетание нескольких узлов противоречий, различные международные организации, как отдельно, так и в сочетании с тем или иным уровнем собственно структуры. Очевидно, что с системно-структурной точки зрения понятие «подсистема» отнюдь не совпадает с региональным делением или с какой-то произвольно взятой частью системы. Подсистема всегда охватывает определённый комплекс системно-структурных связей и отношений, значимость которых для жизнедеятельности системы выявляются в процессе её функционирования и развития. <...>

Таким образом, соотношение между структурой-инвариантом и структурой вариантной выражается в следующем: структура-инвариант представляет собой закономерный, устойчивый способ связи, присущий системе межгосударственных отношений как таковой, как специфической общественной системе в отличие от других систем отношений, от внешней среды; вариантная структура в свою очередь есть уже закономерная устойчивая связь, присущая только тому или иному конкретно-историческому состоянию системы и меняющаяся вместе со сменой состояния. <...>

ГЛАВА 3

Функционирование и развитие системы

Структура системы и её функционирование представляют собой неразрывное, органичное единство. Функционирование – это движение, поведение системы, поддержание ею необходимого устойчивого состояния, её отношение к окружающей среде. Структуре как определённому способу связи соответствует определённый способ функционирования системы. Из понимания структуры как закона, как инварианта системы следует и понимание механизма функционирования той же системы как инварианта, как некоторого общего закона жизнедеятельности системы, присущего его различным историческим состояниям.

В системе межгосударственных отношений различные исторические состояния системы, отличаясь одно от другого по своему содержанию, которое определяется мировым социально-историческим развитием в каждую эпоху, обладает в то же время некоторыми общими, присущими всем им структурными формами и общим для всех них (инвариантным) механизмом функционирования. В основе действия механизма функционирования системы межгосударственных отношений лежит комплекс закономерностей, характеризующий жизнедеятельность системы в целом, имманентно присущий самой структуре и не зависящий от воли и желаний входящих в систему государств. <...>

При анализе жизнедеятельности системы межгосударственных отношений важно различать два вида процессов: процессы в рамках одного и того же исторического состояния системы; и процессы перехода системы из одного исторического состояния в другое. Первые процессы относятся преимущественно к собственно функционированию системы, вторые – уже к её развитию.

Деление на функционирование и развитие связано с определённым различием между такими понятиями, как движение и развитие. Всякое развитие есть движение, но не всякое движение есть развитие. Развитие выражает качественные изменения в системах, при которых в них происходят существенные преобразования в содержании и формах. Функционирование есть движение системы в пределах какого-то одного качественного её состояния и связано главным образом с её формой. Процесс функционирования не вызывает сам по себе коренной ломки вариантной структуры и переходе её в новое качественное состояние, хотя разумеется подготавливает её. Функционирование выступает как необходимый момент сохранения целостности и устойчивости системы в процессе непрерывных внутренних изменений и возмущений в системе и сложного взаимодействия с окружающей средой. Законы функционирования выражают относительную устойчивость структурных связей; законы же развития – их изменчивость. <...>

Системе межгосударственных отношений, как сложно организованной целостной системе, присущи свои законы функционирования и развития, – как общие законы, действующие во всех её исторических ипостасях, так и законы специфические, имеющие силу лишь в конкретно-исторических условиях. <...>

В основе функционирования и развития системы как целостного образования лежит следующий принцип: сложная система обладает способом жизнедеятельности, который не может быть выведен из способов жизнедеятельности составляющих систему элементов; система имеет свои особые системные закономерности функционирования, не сводимые к закономерностям функционирования отдельных элементов.

Основным законом функционирования сложных развивающихся систем является закон динамического равновесия системы. Закон динамического равновесия играет важнейшую роль и в функционировании системы межгосударственных отношений. <...>

...Понятие «динамическое равновесие» выражает момент сохранения некоторых характеристик системы (главным образом структурных) в процессе функционирования и развития системы. Динамическое равновесие сложной развивающейся системы основывается на сбалансированности двух противоположных моментов: изменчивости её отдельных элементов и относительной устойчивости связей между этими элементами.

Устойчивость системы по отношению к внутренним и внешним возмущающим воздействиям – условие её нормальной жизнедеятельности. Устойчивость системы связана с устойчивостью структурных форм системы: несмотря на то, что система способна переходить из одного своего качественного состояния в другое, она всегда сохраняет характерную для неё как целостной системы форму, выражающуюся в её структурно-инварианте.

В рамках конкретно-исторического состояния системы устойчивость проявляется в стремлении системы сохранить неизменной сложившуюся вариантную структуру («консерватизм» структуры), не допустить в неё серьёзных преобразований и перехода в новое состояние.

Сравнительная устойчивость состояния динамического равновесия системы есть результат того, что возникающие изменения в системе компенсируются, в конечном счете, другими, в чём и находит выражение динамичность, подвижность, относительность равновесного состояния системы...

Принцип динамического равновесия носит характер закона для всех сложных равновесных систем. Его смысл сводится к тому, что во всякой системе динамического равновесия при любом воздействии, нарушающем её равновесие, возникают процессы, направленные на сохранение этого равновесия и нейтрализацию внутренних и внешних возмущений. Такие процессы, носящие название компенсаторных, возможны в системе благодаря существованию в ней обратных связей, или связей обратного взаимодействия. <...>

Сущность понятия взаимодействия состоит в том, что взаимодействующие явления выступают как взаимосвязанные стороны определённого целого и их связь определяется характером этого целого. При этом связи взаимодействия должны быть компенсаторными. <...>

Поскольку в системе межгосударственных отношений отсутствует общий для системы регуляционный центр и она, следовательно, принадлежит к системе со стихийным регуляционным механизмом, равновесие достигается здесь путём столкновения противоположных процессов, разнонаправленных интересов, целей и намерений государств, создания различных противостоящих друг другу союзов, блоков коалиций государств, интеграционных и дезинтеграционных процессов. Одним словом, к равновесному состоянию система идёт через бесконечную цепь неравновесных состояний, так и не достигая абсолютного равновесного состояния. Со стремлением системы к поддержанию и сохранению динамического равновесия имеется в виду лишь общая тенденция, пробивающая себе дорогу через цепь случайных, неравновесных состояний. <...>

Суть компенсаторных связей в системе межгосударственных отношений состоит в том, что никакой политической выигрыш государства (или государств) в системе не может носить абсолютного характера. В

крайнем выражении, проигрыш в чём-то одном может компенсироваться выигрышем в другом, потеря одного компенсируется приобретением другого. Но это – только в крайнем выражении, в абстракции. В действительности, относительность динамического равновесия и устойчивости в системе связана именно с тем обстоятельством, что действие компенсаторных связей благодаря самым разнообразным причинам и условиям, бывает, как правило, неадекватным или же разновременным, что вызывает ту или иную степень нарушения равновесного состояния системы в целом и или в её отдельных подсистемах. <...>

...Концепция «баланса сил» (именно как концепция) есть отражение в сознании объективного закона выражения функционирования системы. Отражение это может проявиться в двух формах: в виде практической политики «баланса сил» и в виде различных теоретических концепций «баланса сил». <...>

Баланс сил, если рассматривать его как общий принцип равновесия системы межгосударственных отношений, который в этом качестве является основой жизнедеятельности системы, присущ всем без исключения историческим состояниям системы межгосударственных отношений, включая и нынешнее. Иное дело политика «баланса сил». В классическом понимании этого термина, то есть в понимании её как политической игры на равновесие, эта политика ограничена своими историческими рамками и категорией государств, которые её применяли. Но в более широком толковании политика «баланса сил» также присуща всем историческим состояниям системы межгосударственных отношений. Другое дело, что эта политика может проявляться и проявляется в действительности в соответствующих конкретным обстоятельствам формах.

Чтобы избежать в дальнейшем смешения понятий «политика баланса сил» и «баланс сил» как отражение динамического равновесия, логичнее было бы пользоваться категорией «соотношение сил», которая в большей степени отражает существо явления. <...>

В общесистемном смысле понятие соотношение сил является по существу системным отражением соотношения основных классовых сил на мировой арене, и в этом понимании его можно признать одной из основных характеристик системы межгосударственных отношений. Каждому историческому состоянию системы соответствует своё собственное общесистемное соотношение сил, и здесь вариантная структура представляет не что иное, как соотношение основных видов связей между государствами в системе в каждый данный момент времени, или, иными словами, вариантная структура представляет конкретно-историческое соотношение сил в его структурном выражении. По этой причине понятие соотношения сил может наряду с понятием вариантной структуры служить критерием особенности исторических состояний системы.

Соотношение сил в системе межгосударственных отношений можно определить как специфический для каждого конкретного периода времени и конкретной подсистемы характер связей между государствами. Соотношение сил в этом смысле связано всегда с определённой ситуацией и даёт картину отношений между государствами в связи с конкретным положением вещей в системе в целом или в отдельных её подсистемах. <...>

Понятие «соотношение сил» применительно к системе межгосударственных отношений есть понятие политическое. Оно связано с характером взаимоотношений различных государств, с их коренными интересами, с проблемами политических союзников и т.д. Оно является также важной структурно-функциональной характеристикой, поскольку отражает конкретные структурные отношения. В целом понятие «соотношение сил» является одной из основных характеристик системы и её структуры как в общем, так и в каждый данный отрезок времени и в данных конкретных обстоятельствах. <...>

Соотношение военных, экономических и других объективных параметров государств, независимо от того, подсчитаны они или не подсчитаны, всегда находят своё проявление, хотя и косвенное, в политике соответствующих государств, а через неё и в соответствующих структурных связях и отношениях, в различных межгосударственных ситуациях, то есть в соотношении сил в системе в целом или в отдельных её подсистемах. Здесь действует тот же механизм системного отражения объективных процессов, что и во взаимодействии между системой межгосударственных отношений и мировыми социально-экономическими процессами.

В каждый исторический отрезок времени, в каждой конкретной ситуации соотношение сил как в широком, так и в узком значениях есть явление объективное, и в этом смысле оно противостоит внешнеполитической деятельности государств. В свою очередь, исходя из своих интересов и целей, государства стремятся в каждом конкретном случае изменить соотношение сил в свою пользу. Внешнеполитическая деятельность государств, направленная на изменение соотношения сил, представляет, таким образом, субъективный аспект соотношения сил в системе, который соответственно дополняет объективную сторону соотношения сил.

Всекие изменения соотношения сил в системе или в характере основных структурных связей оказывают существенное воздействие на внешнюю политику государств. Соотношение сил в системе в каждый данный момент определяет в целом устойчивость и равновесность системы. Изменения соотношения сил обычно сопровождаются теми или иными формами структурных кризисов, структурными преобразованиями, масштабы которых зависят от характера и глубины изменений в соотношении сил: больше и серьёзнее они в случае изменения соотно-

шения сил на уровне центросиловых отношений; меньше – при изменениях соотношения сил в отдельных узлах противоречий. Через структурные кризисы, структурные преобразования система приходит к новому соотношению сил, к новому состоянию равновесия. <...>

Структурный кризис находит выражение в нарушении сложившегося в системе соотношения сил, и то же время он есть процесс перехода к некоторому новому соотношению сил. В различных системах существуют и свои формы разрешения кризисов. В системе межгосударственных отношений эти формы могут быть мирными или немирными. Независимо от формы разрешения кризиса результатом является качественно новая система равновесия, новое соотношение сил на основных структурных уровнях.

Кризисные процессы в системе межгосударственных отношений отличает необратимость. Кризис, когда он вызван глубинными причинами, не может завершиться восстановлением прежнего состояния равновесия и прежнего соотношения сил. Он всегда сопровождается большими или меньшими структурными изменениями, поскольку сама суть кризиса состоит в ломке каких-то старых отношений и замене их иными, новыми. Другое дело, что эти качественные перемены могут происходить в старых формах, и это может создавать иллюзию сохранения прежней сущности явления. <...>

С понятиями «кризис», «стабильность», «динамическое равновесие» тесно связаны и такие функциональные понятия, как «дифференциация» и «интеграция». Дифференциация и интеграция – понятия, взаимодополняющие друг друга. Одно не существует без другого: нет процесса дифференциации без интеграции и наоборот. Это – важная функциональная закономерность всякой сложноорганизованной развивающейся системы. Под интеграцией и дифференциацией здесь имеется в виду не юридические оформленные политические союзы государств и не международно-правовые акты установления или разрыва каких-то отношений между государствами. Интеграция и дифференциация – это объективные процессы в системе, связанные с существенными структурными преобразованиями.

Дифференциация порождает определённые системные противоречия и создаёт условия неустойчивости в системе. Вследствие действия на систему различных внешних и внутренних сил, ведущих к возрастанию тенденции к дифференциации, устойчивость структурных отношений между государствами сменяется их неустойчивостью, давая простор и место для новых процессов интеграции и дифференциации. Системная дифференциация означает возрастание несоответствий, противоречий в отношениях и связях между государствами. С обострением борьбы между ними развивается системная дифференциация. Отношения дифференциации присущи как системе в целом, так и её отдельным частям (подсистемам).

Возрастание системной дифференциации неизбежно приводило бы систему в состояние полной неустойчивости и неравновесности, если бы этому не противодействовал обратный процесс, то есть интеграция. Если дифференциация вызывает в системе противоположный процесс – интеграцию, то и интеграция, устраняя противоречия, порождённые процессами дифференциации, в свою очередь создаёт новые комплексы противоречий и тем самым – условия для новой дифференциации. Оба эти процесса могут быть одновременными и разъединёнными. Дифференциация на одном структурном уровне может сопровождаться одновременными интеграционными процессами на других структурных уровнях, в других подсистемах, но таким образом, что в целом для структуры одни процессы относительно компенсируются другими. <...>

В ходе функционирования системы и, прежде всего в ходе функционального взаимодействия её структурных уровней – уровней центральных и узловых отношений – постоянно возникают относительно кратковременные, специфические состояния системы, которые можно определить как международная ситуация. Понятие «международная ситуация» обычно связывается с той или иной формой структурного кризиса или конфликта. Острота международной ситуации прямо зависит от степени остроты соответствующего ей кризиса (конфликта).

Оценка ситуации включает обычно и оценку соотношения сил в системе в данной конкретной конфликтной ситуации, возможные действия заинтересованных сторон, возможные направления развития ситуации. Обычно оценка ситуации носит динамический характер, то есть ситуация рассматривается в определённых временных границах. Но эта оценка может быть и статичной – в виде мгновенного «слепок» со структуры.

Ситуация не является особым компонентом структуры системы межгосударственных отношений: она, как и структурные конфликты, есть следствие, результат функционирования системы. В тоже время каждая ситуация может иметь свою собственную, особую структуру, которая определяется на основании анализа конкретного материала. <...>

Вопросы для самопроверки

1. В чем специфика системы межгосударственных отношений?
2. Что такое структура системы межгосударственных отношений?
3. Дайте определение понятиям «центросиловые отношения» и «узлы противоречий».
4. Как соотносятся понятия «система» и «подсистема»?
5. Что такое «закон динамического равновесия» и в чем он проявляется?
6. Что такое структурный кризис?

Современные буржуазные теории международных отношений: критический анализ⁵⁰

в) *Кибернетический подход Карла Дойча.*

В 50–60-х годах среди буржуазных ученых были довольно широко распространены попытки описания государственной политики, включая и внешнюю, с помощью понятий кибернетики. Государство, страна, нация описываются как кибернетическая система, имеющая «вход» и «выход» и управляющаяся с помощью механизма обратной связи. Стратегия определяется как «приспособление», как попытка управления окружающей средой. Взаимодействие между государствами описывается в терминах движения и обмена информации. <...>

Видный американский политолог К. Дойч попытался соединить теорию коммуникаций с исследованиями в рамках политической науки, чтобы создать «кибернетическую» модель внешней политики. Дойч считает, что структурно-функциональный подход, развитый Т. Парсонсом и Р. Мертоном, в некоторых отношениях «предоставляет большую свободу» исследователю политики и создателю моделей, чем «идеальные типы» Вебера. Но и структурно-функциональный метод, по мнению Дойча, не обещает много в поисках «количественных данных, границ и измерений». Перспектива расширения спектра возможностей этого метода представляется Дойчу связанной с введением понятий коммуникации и контроля, с использованием «кибернетического подхода». В этом он увидел свою задачу и попытался ее решить в рамках предложенной им модели.

Дойч изображает страну в качестве многостороннего «рынка» товаров и ресурсов, основанного на рынке факторов производства. Это определение включает, в частности, согласованность в рынке труда, рынке земли (посредством механизма миграции), рынке материалов и услуг (включая управление и технологию), в многостороннем рынке кредита, многостороннем рынке государственных служб, который иногда называют «социальной инфраструктурой». Граница между рассматриваемой системой, в данном случае страной, и внешней средой определяется Дойчем как нарушение непрерывности в потоке деловых контактов и согласованности действий.

Исходя из такого определения страны и границы, Дойч дает весьма спорные определения автономии и суверенитета. Автономия определяется им как отсутствие возможности предсказания извне реакции системы даже при самом полном знании окружающей обстановки. С «внутренней точки зрения» автономность системы характеризуется на-

⁵⁰ Современные буржуазные теории международных отношений: критический анализ. М.: Наука, 1976. С. 162 – 167.

личием у нее комбинации приема и запоминания информации. Суверенитет, по Дойчу, всего лишь ярко выраженный тип автономности. Страна может быть признана суверенной, уверяет Дойч, если, «рассматривая ее извне, можно увидеть, что ее решения не могут диктоваться или изменяться в (однозначном) соответствии с окружающей средой». Это, по мнению Дойча, не свидетельствует о том, что у решений нет реальных пределов и что их не приходится принимать с учетом ограничений окружающей обстановки. Рассматривая систему изнутри, можно, говорит Дойч, называть страну суверенной, если она обладает в пределах своих границ устойчивым и согласованным механизмом по принятию решений. Исходя из данных им определений, Дойч отмечает, что влияние зарубежных событий должно падать по мере ослабления связи между внешней средой и внутренней системой принятия решений.

Недостатки определений, предлагаемых в схеме «кибернетического подхода» (именно с кибернетической точки зрения, не говоря уже о социально-политической стороне дела), заключаются в том, что предсказание поведения системы всегда основывается на некоторых признаках и не связано необходимой причинной связью с понятием автономности. Если система неавтономна, то тот, кто на нее влияет, конечно, имеет основания для предсказания поведения системы в том смысле, что он его же и определяет, однако обратное утверждение неверно. Поэтому определения автономности и предсказуемости логически не эквивалентны. Дойч предложил упрощенную модель воздействия внешних факторов на политическую систему. В этой модели он описывает влияние внешней среды, передающееся посредством связующего звена или, иначе, «подсистемы», находящейся внутри большей системы (государства), и эта «подсистема» включает в себя те слои населения, которые непосредственно соприкасаются с внешним миром.

В своих относительно абстрактных кибернетических построениях Дойч претендует на вполне практические рекомендации по управлению буржуазным государством. Эти методы он называет «стратегиями обратной связи». Первую стратегию, воздействующую только на связующую группу, он назвал стратегией «приспособления», вторую – «изоляция», третью – «попытками управлять окружающей средой».

Для сильного буржуазного государства, по Дойчу, имеет смысл не разрушать связи, а укреплять их, расширяя таким способом свое влияние во внешнем мире, чтобы не прибегать к грубым методам насилия. Одна из наиболее важных стратегий, и частности, состоит в том, чтобы крепче прикрепить связующую группу (этот критический, как отмечает Дойч, элемент в схеме внешнего влияния) к внутреннему миру, системы. Такая группа становится, по его мнению, тем более восприимчивой к зарубежному влиянию, чем более ослаблены ее связи с внутренней системой, например «если это сегрегированное или под-

вергнутое дискриминации меньшинство или если это экономический или социальный класс, который находится вне привилегий или отчужден». Под первой группой имеется в виду негритянское население, под второй – рабочий класс. <...>

По мнению Дойча, его схема даже в самом грубом варианте может служить двум целям: установлению уязвимых мест системы и выявлению полуколичественных оценок балансов политических сил, потоков коммуникации.

Если увеличивается роль как внешней среды, так и каналов поступления зарубежной информации и в то же время укрепляются внутренние взаимосвязи в системе, то можно, уверяет Дойч, предсказывать увеличение давления па связующие звенья вследствие возрастающей перегрузки коммуникаций и требований. Возрастающие частичные неудачи связующих звеньев приспособиться к увеличенной нагрузке могут привести к увеличению напряженности и враждебности. В соответствии со своей механистической моделью Дойч предсказывает давление на связующие группы, а в некоторых случаях – частичное разрушение, отчуждение, изгнание или же в противном случае ассимиляцию, абсорбцию многих членов этих групп. В частности, имеются в виду национальные меньшинства.

Если национальная система близка к распаду, то страна будет чрезвычайно чувствительной к внешнему воздействию. По мнению автора, так бывает, например, в гражданских войнах. С другой стороны, национальное общество с высокой степенью взаимосвязи, высокой приспособляемостью и «обучаемостью» может оказаться способным «поглотить» воздействие внешних обстоятельств, удержать свои связующие группы в условиях частичной автономии, но все же в пределах национального общества, и отреагировать на нее происходящее действиями с целью приспособления. Дойч, используя термин У. Росс Эшби, называет такую систему «ультрастабильной». Наконец, если связующие группы и системы крепки, то могут быть разорваны каналы поступления зарубежной информации.

Другую сторону подхода Дойча составляет проблема управления внешней политикой иных стран через каналы внешнего воздействия. В частности, он задается таким вопросом: «Предположим, что мы заинтересованы в манипуляции другой страной или в изменении реакции другой страны на нашу политику, что тогда нам следовало бы предпринять с точки зрения этой модели?».

В качестве примера Дойч разбирает мероприятия, вытекающие из его модели, которые были бы необходимы для США с тем, чтобы заставить Францию «отказаться» от независимой политики в области ядерного вооружения. Суть их заключается в умелом пропагандистском давлении, чтобы, изменяя представления политически активных слоев насе-

ления Франции в сторону признания ненужности собственного ядерного оружия и соответствующим образом изменяя поток деловых сделок, можно было бы укрепить позиции «атлантистов» во Франции.

Дойч выдвигает утверждение о полной достоверности данных, полученных от опросов общественного мнения. «Мы используем, – говорит он, – результаты опросов общественного мнения, как индикаторы изменения представлений населения».

Согласно Дойчу, на отношение населения влияют по крайней мере три группы явлений: отдельные знаменательные события; более мелкие, но постепенно накапливающиеся события; действия правительств вместе со средствами массовой коммуникации, которые эти правительства либо контролируют, либо оказывают на них воздействие. «Каждый из этих видов влияния..., – отмечает Дойч, – может быть положительным, т.е. в пользу образа или предложенного действия, в котором мы заинтересованы, или же они могут быть отрицательными..., поскольку ухудшат отношение или вызовут оппозицию к намеченному действию».

По мнению Дойча, в проведении практической политики необходимо учитывать принципы изменения общественного мнения. Основное сопротивление изменению общественного мнения и воздействию зарубежных событий сосредоточено на внешней структуре общества. Сила этого противодействия определяется объемом и значением внутренних деловых контактов и внутренних коммуникаций. <...>

Вопросы для самопроверки

1. В чем суть «кибернетического подхода» Дойча?
2. Как Дойч определяет государство?

Плешаков К.В.

Плешаков Константин Викторович, современный российский политолог и геополитик, заведующий сектором геополитических исследований Института США и Канады РАН.

<...> Геополитические поля

Очевидно, в геополитике как таковой целесообразно вычленять разного рода геополитические поля, которые оказывают воздействие на геополитический баланс в там или ином регионе.

Эндемическое поле – это пространство, контролируемое национальной общностью длительное время, достаточное для того, чтобы и сама общность, и другие общности (этносы и государства) рассматривали это пространство как несомненно принадлежащее данной национальной общности. Эндемическое поле – это территория, на которой национальная общность сформировалась как таковая и которая, в процессе формирования общности, находилась под ее контролем. Эндемическое поле, как и все геополитические поля, не имеет четких границ и перетекает в другие разновидности геополитических полей.

Пограничное поле – это пространство, находящееся под контролем национальной общности, однако не освоенное ею (демографически, экономически, коммуникационно и т.д.) в достаточной степени, чтобы слиться с эндемическим полем, являющимся сердцевиной государства. Право контроля национальной общности над этим полем может оспариваться национальными меньшинствами, живущими на этой территории, при этом сопредельные государства не имеют исторических претензий на пограничное поле.

Однако слабый контроль национальной общности над пограничным полем может вызывать желание других государств распространить свой контроль на пограничное поле в той или иной форме...

Перекрестное поле – это пространство, на которое претендует два или более государства. Перекрестное поле также не освоено центральной общностью в достаточной степени, чтобы слиться с эндемическим, однако оно отличается от пограничного. Во-первых, перекрестное поле может находиться не на периферии национальной общности, а внутри эндемического поля... Во-вторых, у другого (или других) государств имеются исторические права на перекрестное поле, будь то историческая принадлежность, этнический или религиозный состав...

⁵¹ Плешаков К. Геополитика в свете глобальных перемен. // Международная жизнь. 1994. № 10. С. 32 – 38.

Наконец, *тотальное поле* – это все непрерывное пространство, находящееся под контролем национальной общности. Для СССР на конец 80-х годов, например, таковым тотальным полем была континентальная Евразия, в которую входила территория СССР, других стран Варшавского договора, Монголии и в 1978–1988 годах – Афганистана. Непрерывность тотального геополитического пространства является его важнейшей характеристикой, потому что, контролируя все (или, если речь идет об океаническом пространстве, большинство) коммуникации в нем, государство имеет возможность осуществлять полный контроль над ним.

В том же случае, когда в той или иной степени зависимая территория находится вне тотального поля, иначе говоря, когда коммуникации, ведущие к ней, государством не контролируются, то эта территория остается *геополитической опорной точкой*, и контроль над ней весьма ослаблен. Так, Вьетнам, Лаос и Камбоджа, рассматривавшиеся в 80-х годах Западом как советская сфера влияния, находились в пространстве, коммуникации к которому СССР не мог контролировать. <...>

Это заставляет выделять геополитические опорные точки в особую категорию. Контроль над ними не может быть сильным, режимам в них предоставляется значительная автономия, они, как правило, рассматриваются как средство противодействия противнику. Основная же конфронтация с противником осуществляется в другом регионе – на стыке двух тотальных полей, как это было с ролью Кубы, Анголы и Эфиопии относительно главной конфронтации между СССР и НАТО в Европе.

XX век породил особый, новый вид геополей – *метаполя*, а именно пространства, осваиваемые совместно несколькими государствами в военном, политическом и экономическом отношении, причем в ходе освоения, даже при наличии в партнерстве слабых и сильных, всем участникам предоставляются потенциально равные возможности по освоению такого поля. Примером метаполей могут считаться Западная Европа (осваиваемая ЕЭС и НАТО) и Юго-Восточная Азия (осваиваемая АСЕАН и Японией). Однако необходимо отметить, что эти метаполя появились в силу необходимости сплотиться перед лицом геополитического давления извне: СССР – для Западной Европы, СССР, КНР и Вьетнам – для Юго-Восточной Азии.

Формы контроля над пространством

Как представляется, можно предположить определенную классификацию качественно разных полей, в той или иной форме, контролируемых государством. Если, говоря о тотальном, пограничном и прочих полях, мы сосредоточивались, в сущности, на интенсивности контроля государства над пространством, то сейчас необходимо обозначить различные формы его контроля над пространством. Что особенно важно в контексте нашей темы, в контроле над пространством – феномене сущ-

ностно географическом – бывают, как будет показано ниже, задействованы и идеологические мотивы. Можно предположить следующую классификацию форм контроля над пространством.

Политический контроль в прямой или опосредованной форме опирается на ту или иную политическую инфраструктуру, будь то партийные, государственно-административные, договорные или «властоно-делегированные» ее разновидности. Как правило, политическая инфраструктура является комплексным феноменом. Например, в 1949–1953 годах СССР осуществлял не прямой политический контроль над КНР как через договорные механизмы, так и через делегирование власти в КНР лидерам КПК, в особенности ее промосковскому звену, представленному Лю Шаоци и менее значительными лидерами уровня Гао Гана. <...>

Военный контроль должен рассматриваться и трактоваться в терминах классической геополитики, а именно как поддержание контроля над строго определенной территорией военными средствами...

Совершенно очевидно, что принципиальный ракетно-ядерный контроль никогда не мог быть переведен в практическую плоскость в силу неприемлемости издержек войны. Традиционный же военный контроль продолжает выполнять свои функции...

То, что часто именуется проекцией военной мощи на некую территорию, может пониматься как опосредованный военный контроль. С этим связан вопрос о ракетно-ядерном контроле над пространством. Такого рода контроль может быть определен именно как опосредованный, направленный на консервацию той или иной крупномасштабной геополитической ситуации. Неприемлемость ракетно-ядерной войны для военных сверхдержав задает большие ограничения для такого рода контроля. Этот опосредованный контроль оказывает чрезвычайно большое влияние на практическую политику, ограничивая масштабы геополитической экспансии, но иногда и охраняя плоды этой экспансии.

Экономический контроль над пространством по своей природе не может носить тотального характера, и на любом пространстве существуют зоны или ниши, на которые этот контроль не распространяется. Вместе с тем можно говорить о растущей роли этой формы контроля над пространством, которая неуклонно усиливалась по мере как глобализации международных отношений, так и возрастающего воздействия экономики на все структуры современных обществ.

В условиях растущего отрыва субъектов экономических отношений от национального государства становится все труднее отождествлять экономический контроль с той или иной державой, хотя до сих пор, несмотря на интернационализацию экономических субъектов и их растущую ориентацию на мировое сообщество в целом (вместо традиционной ориентации на свое национальное государство), все же можно

говорить о национальном экономическом контроле над иностранными территориями, при этом все констатации такого рода должны сопровождаться оговорками.

Как представляется, тенденция к дистанцированию экономических субъектов от национальных государств будет только нарастать, поэтому уже сегодня нужно рассматривать крупнейшие конгломераты таких субъектов как новых носителей внегосударственного контроля над пространством.

Цивилизационный контроль над пространством является феноменом объективным, но достаточно трудно поддающимся четкому описанию. Через культурные архетипы разного порядка (начиная от поведенческих и кончая мировоззренческими) та или иная цивилизация в состоянии в этом смысле контролировать чрезвычайно большие территории. Это имеет прямое отношение к контролю над пространством и борьбе за этот контроль. Так, сегодня цивилизационное поле России, несомненно, распространяется на обширные, формально зарубежные территории, что порождает, например, острый контроль с Украиной в ряде ее регионов, являющихся составной частью русско-цивилизационного поля. <...>

Однако здесь имеется и более сложная проблема: идеологический контроль. Идеология уже в силу своей природы (постулируя необходимость изменения мира) ведет к геополитическому расширению. На поверхности выступая как борьба чистых идеологий (например, коммунизма и либертарианства – так можно условно обозначить идеологию США), идеологическое противостояние практически всегда связано с желанием или необходимостью освоить новое пространство либо отстоять свое. Идеологии борются, в сущности, не за контроль над умами, а за контроль над пространством.

Формально говоря, идеология тоже может контролировать пространство, как доказал опыт большевизма или нацизма. Создание Компартии Китая в той же мере помогло СССР на определенное время распространить свой контроль на Китай, как и выдвижение Квислинга в Норвегии облегчило Германии контроль (пусть и кратковременный) над этой страной. В то же время контролировать пространство способны только чрезвычайно сильные и агрессивные идеологии. <...>

Коммуникационный контроль является наиболее прямой, в полном смысле слова архаичной формой контроля над пространством. Тем не менее этот контроль оказывает непосредственное воздействие на совокупную степень контроля государства над тем или иным пространством. <...>

Демографический контроль является существенным геополитическим фактором не только для государств, имеющих огромные области с чрезвычайно низкой плотностью населения (Россия, Канада), но и для

государств, количественно контролирующих свою территорию, но имеющих проблемы, связанные с этническим характером демографического контроля (Соединенные Штаты). Качественный и количественный показатели демографического контроля оказываются чрезвычайно важны для выполнения конкретных задач обеспечения общего контроля над теми и иными пространствами. <...>

Концепция «Большого Китая», выдвинутая в последние годы западными синологами, исходит, по сути, из того, что КНР как ядро китайского этноса сможет контролировать значительные пространства на основе именно этнической общности. «Большой Китай» в таком случае не ограничивается даже материковой Восточной Азией, а может распространяться на все тихоокеанские территории, демографический контроль над которыми принципиально осуществим. <...>

Информационный контроль – достаточно недавнее явление. Он связан с распространением средств массовой информации, в особенности с развитием теле- и радиокommunikаций. Он достаточно близок коммуникационному контролю, являясь, в принципе, его наиболее совершенной разновидностью. Однако если коммуникационный контроль – понятие весьма широкое, то информационный – более узкое и относится исключительно к распространению когнитивных феноменов в пространстве. Политическая роль его бесспорна. <...>

Вопросы для самопроверки

1. Как Плешаков классифицирует геополитическое пространство, какие геополитические поля он выделяет?
2. Какие формы геополитического контроля являются определяющими, по мнению Плешакова?

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ И ВОЕННАЯ УЯЗВИМОСТЬ⁵²

Стинчкомб А.

Стинчкомб Артур, современный американский геополитик, социолог, теоретик международных отношений.

Территориальный аспект власти

Наиболее значимой предельной инстанцией в системах легитимной власти является физическая сила. В конечном счете, если правительство не способно выиграть военное столкновение со мной, когда я препятствую открытию аптеки, то моему соседу не будет особой пользы от легитимности, позволяющей ему апеллировать к такому правительству. В 1964 г. неспособность Соединенных Штатов победить в военных столкновениях на Кубе против СССР и в континентальном Китае сделала нелегитимность соответствующих правительств (с точки зрения принятой в Соединенных Штатах доктрины) чем-то несущественным. В конце концов, системы легитимной (законной) власти устойчивы только при наличии определенных обстоятельств, которые позволяют победить в вооруженном конфликте и добиться подчинения.

Если мы сегодня посмотрим на мир вокруг нас, то увидим следующее: какие именно военные силы способны аффективно контролировать какое-либо действие – в значительной степени зависит от территориального расположения, или места, этого действия. Такого рода зависимость военной уязвимости деятельности от физического местоположения настолько значима, что Макс Вебер определил «государство» (или «правительство») как монополию легитимного насилия *на определенной территории*, а не как монополию на некоторый ряд действий (что является ключевым моментом в теории Вебера).

Указанна территориальная подоплека насилия наводит на мысль о том, что важные понятия в данной сфере следует формулировать в географических терминах. Такие попытки и делаются в теории геополитики. Здесь нашей задачей является разработка понятий для выявления условий, при которых на определенной территории возникает тенденция к формированию «государства», или «правительства», иными словами, условий вероятного существования правительства, для которого данная территория уязвима в военном отношении. Лишь в очень долгосрочной перспективе географически заданные возможности победы государства в действительности определяют военный контроль. Необы-

⁵² Стинчкомб А. Геополитические понятия и военная уязвимость // Война и геополитика. 3-й выпуск Альманаха «Время мира». Новосибирск, НГУ, 2003. С. 288 – 294.

чайная одаренность партизанского лидера, удачное предвидение действий противника, сверхъестественное упорство войск во главе с таким лидером и сходные конкретные военные условия могут принести армии победу или поражение, которых «на самом деле не должно было быть».

Такого рода географические формулировки военной уязвимости также не будут объяснять, какой именно из уязвимых пунктов армия попытается подчинить в действительности. Без особой необходимости армия, возможно, не будет расходовать ресурсы. Если две точки пространства одинаковы с точки зрения уязвимости для данной армии, но одна из них имеет месторождение алмазов или незамерзающий порт, а другая нет, мы не можем предположить, какая из них будет завоевана, исходя только из уязвимости. С этой оговоркой относительно явлений, которые не могут быть объяснены в рамках данного подхода, мы продолжим анализ военной уязвимости в целом.

Причины уязвимости

Военная уязвимость какой-либо точки пространства по отношению к действиям предполагаемого правительства может быть определена как величина военных ресурсов, которые могут быть направлены правительством в данную точку, в сравнении с вооруженными силами, которые могут быть мобилизованы другой страной. Для начала мы сосредоточимся на перемещении военных ресурсов в некоторую точку пространства.

Величина военных ресурсов, которые могут быть направлены в какую-либо точку пространства, зависит, во-первых, от величины ресурсов, контролируемых предполагаемым правительством, и, во-вторых, от возможности их перемещения в данную точку. Таким образом, эта величина зависит от распределения военных ресурсов на территории вокруг некоторой точки пространства.

Если военных ресурсов мало или если ресурсов много, но они не могут быть перемещены в определенную точку пространства из-за значительного от нее давления либо из-за имеющихся географических барьеров, то данная точка относительно неуязвима. Если большое количество военных ресурсов может быть перемещено в данную точку с незначительными затратами, то она уязвима в высокой степени.

Предположим, что ресурсы, которые можно задействовать для военного предприятия на любой небольшой территории, пропорциональны валовому походу данной территории. Валовой доход, как правило, растет при увеличении плотности населения или дохода на душу населения. Теперь предположим, что мы способны четко определить границы территории, *в пределах которой* военные ресурсы могут извлекаться некоторой группой. Таким образом, мы разбиваем территорию на мелкие участки (например, графства или участки примерно таких же размеров). Если мы предположим, что доход на душу населения приблизи-

тельно равномерно распределен среди членов группы, так что на принадлежащих группе территориях на душу населения приходится приблизительно равное богатство, то величина потенциальных военных ресурсов территории i может быть оценена как

$$kIp_i \quad (1)$$

где k – коэффициент пропорциональности;

I – средний доход на душу населения в группе;

p_i – численность населения области i .

Исходя из идей Дэвиса, изложенных в работе «Демографическая основа национального могущества», общее могущество общества будет равно:

$$\sum kIp_i, \quad (2)$$

т. е. пропорционально сумме валовых доходов всех областей в обществе, или общему доходу. В сущности, здесь предполагается, что физическое размещение и транспортировка ресурсов не имеют отношения к тем вопросам, которые он рассматривает.

Для того чтобы переместить смертоносную, или военную, силу (killing power) в точку P_o , необходимо затратить некоторые ресурсы. Предположим, что «расстояние», понимаемое как «трудность преодоления участка поверхности на данной стадии развития транспортных технологий» является однородной переменной, прямо соотнесенной с расстоянием, которое измеряется в милях, километрах или иной мерой. (На самом деле имеется существенная неравномерность и значениях данной переменной. Например, преодоление расстояния в одну милю в Пиренеях труднее, чем на равнинном участке, который, в свою очередь, представляет большую трудность для преодоления, чем одна миля в океане – для военно-морских сил...). Расстояние в милях или километрах из области i в точку P_o обозначим через d_i .

При транспортировке военной силы на каждую единицу расстояния требуется произвести некоторые затраты. Предположим пока, что существует некая доля расходования ресурсов на милю или километр, являющаяся однородной переменной. К примеру, транспортировки ста стрелков на милю может стоить ту же сумму, что и экипировка одного стрелка. (Неравномерность, упоминаемая ранее в связи с Пиренеями, может быть учтена либо с помощью растягивания шкалы расстояния и превращения ее в шкалу «сложности поверхности», либо с помощью приписывания различным участкам пути из области i в точку P_o разных величин затрат на транспортировку. Последнее, по-видимому, проще). Однако мы временно предположим, что некая постоянная доля военной силы должна быть потрачена не на убийство, а на передвижение. Затра-

ты на транспортировку военной силы в ходе истории уменьшаются, хотя и неравномерно, причем важную роль играют изобретения и гражданские инвестиции (в железные дороги, разведение лошадей, коммерческое мореплавание и т. д.). Обозначим буквой c долю условного расхода военной силы на каждую милю.

Таким образом, через первую милю от исходной точки величина ресурсов уменьшится и $(1 - c)$ раз, или составит $(1 - c)kIp_i$. Теперь мы можем предположить, что только те ресурсы, которые остались после преодоления первой мили, могут быть транспортированы еще на одну милю, и так далее, что в результате дает нам функцию для определения величины войск, вышедших из точки i и достигших точки P_o , следующего вида:

$$(1-c)d_i kIp_i \quad (3)$$

Или же мы можем предположить, что все ресурсы благополучно и без потерь в пути прибыли из точки i в точку P_o . Транспортные расходы, как мы предполагаем, одинаковы для каждой мили', что дает нам функцию следующего вида:

$$(1-cd_i)kIp_i \quad (4)$$

Напомним, что в этом выражении c является мерой эффективности транспортировки, выраженной в терминах соотношения ресурсов, затрачиваемых на каждую милю или километр перемещения войск; d_i – расстояние от точки i до точки P_o ; k – коэффициент пропорциональности; I – доход на душу населения в группе, способность которой к атаке на точку P_o мы оцениваем; p_i – население области i , контролируемой данной группой.

Заметим, что выражения (3) и (4) имеют такую же форму, как и в наших предыдущих примерах объяснения через структуру окружения, или среды. Средовая переменная (environmental variable) E представляет собой kIp_i , т.е., величину военных ресурсов в точке i . Переводящая переменная (mapping variable) m_i является функцией, переводящей эту причинную силу с другую точку – точку P_i . В выражении (3) – это $(1 - c)d_i$; в выражении (4) – это $(1 - cd_i)$.

Поскольку в данной случае наши идеи относительно *компонентов* средовой переменной и *компонентом* переводящей переменной гораздо более явны, обе выражены в терминах других переменных (население и доход для средовой переменной, расстояние и транспортные затраты для переводящей переменной). Таким образом, фундаментальная логическая структура влияний внешней среды является той же, хотя элементы представляют собой точки, а внешняя среда определяется характеристиками других точек.

Суммарная уязвимость

Складывая значения по всем участкам, занятым данной группой, мы получим величину военной силы, которую предполагаемое правительство может сконцентрировать в точке P_0 , и назовем эту величину V_0 уязвимостью точки P_0 :

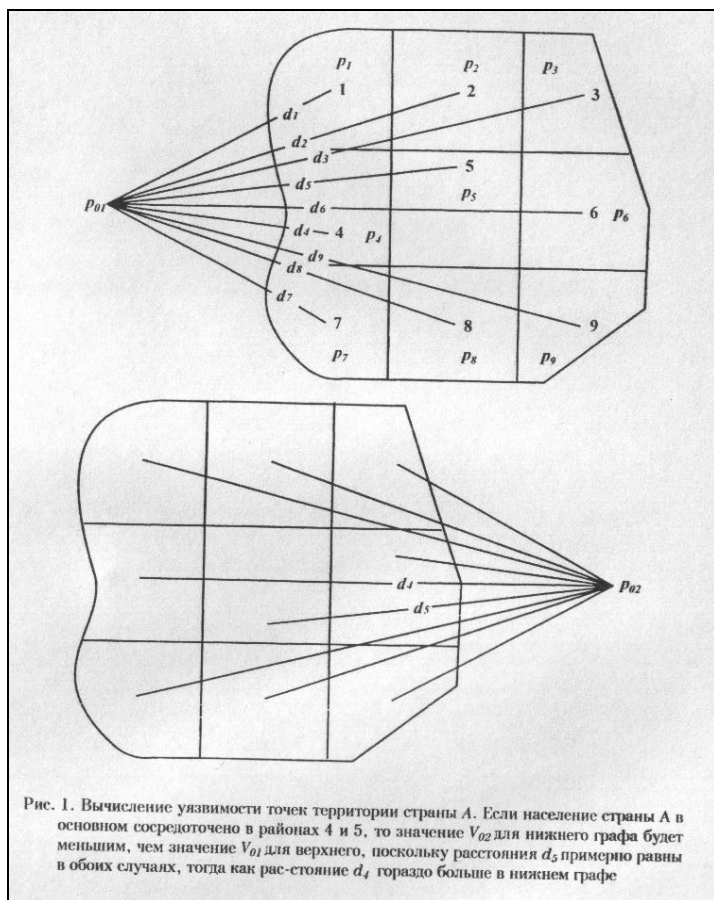
$$V_0 = \sum (-cd_i) k_i p_i. \quad (5)$$

Эта функция определена для всех областей, включая находящиеся на территории страны. Фактически, как будет вскоре показано, понятие уязвимости точки пространства на территории страны по отношению к действиям ее собственного правительства приводит к появлению важных геополитических понятий. Рассмотрим расчет указанного индекса для некоторой воображаемой страны, используя в качестве k некоторую константу. Вначале используем данное вычисление для определения геополитических областей, сопредельных этой воображаемой стране, а затем покажем, что будет происходить при изменении базовых переменных.

Основные элементы вычисления данной величины представлены на рис. 1. Точки P_{01} и P_{02} равноудалены от центра страны А. В том предположении, что затраты на транспортировку относительно велики, V_1 будет отличаться от V_2 в случае, если население страны А сконцентрировано возле ее западной границы. Это можно показать, если представить, что население сильно сконцентрировано в областях 4 и 5 или, другими словами, что население $p_4 + p_5$ составляет значительную долю общего населения. Тогда вооруженные силы страны должны преодолеть меньшее расстояние из данных областей до точки P_{01} в сравнении с расстоянием до P_{02} и, так как эти области располагают большей частью населения страны, суммарные ресурсы, которые могут быть перемещены в точку P_{01} , будут больше, чем ресурсы, перемещенные в точку P_{02} . Следовательно, V_1 будет больше V_2 , или более западная точка будет более уязвима, нежели точка, расположенная ближе к востоку.

Разумеется, мы можем представить значения данной функции с помощью изолиний, подобно тому как на топографических картах наносятся уровни высоты. Изолиния представляет собой линию, все точки которой имеют одинаковое значение по какой либо переменной. Допустим, что области 4 и 5 находятся в долине реки с плотным населением земледельцев, окруженных (кроме западного направления) землями, занятыми охотниками и собирателями или другими кочевниками, т. е. территориями с низкой плотностью населения. Значение p_i в областях распространения земледелия намного выше, как и общий доход в этих областях. Такое географическое распределение приводит к увеличению показателя уязвимости областей с оседлым населением, которые обра-

зуют «вершину» на карте изолиний и области сельскохозяйственных поселений. Значение индекса также увеличивается для прилегающих территорий; чем ближе они к заселенным областям, тем более они уязвимы. Насколько круто идет спад от вершины, зависит от затрат на транспортировку военной силы из заселенных равнин на невозделанные окраины, или пустоши (bush). Вообще, величина c намного выше для сельскохозяйственных сообществ, чем для индустриальных, и часто выше соответствующей величины для живущих по соседству всадников-кочевников.

Картирование: уязвимости

Освоение земледелия в долинах страны А, как правило, приводит к переходу соответствующей области из категории с низким уровнем уязвимости, общим для всей территории (в рамках экономики охоты и со-

бирательства), в категорию с высоким уровнем уязвимости, характерным для сельскохозяйственных и прилегающих к ним областей, с резким спадом к относительно слабо уязвимым территориям. Эта «неуязвимая территория», конечно же, неуязвима не потому, что надежно обороняется, и потому, что сюда трудно ввести войска. Такие изолинии для нашей гипотетической страны представлены на рис. 2, причем здесь предполагается, что изолинии с одинаковым значением для страны А до некоторой степени захватывают западные области территории страны В. <...>

Вопросы для самопроверки

1. Как государственная власть проявляется территориально?
2. Что такое уязвимость и каковы ее причины?
3. Классификация территории государства с точки зрения уязвимости?

Семенов Вадим, современный российский геополитик.

<...>

Геополитические закономерности

Если правомерно ставить вопрос о разграничении предметов политической географии и геополитики, то уместно ставить вопрос и о выявлении в последней своих закономерностей, поскольку для политической географии такие закономерности уже давно сформулированы Ф. Ратцелем.

Он исследовал истоки и причины пространственного развития государства и обнаружил устойчиво повторяющиеся явления в них, что и позволило ему выявить определенные закономерности.

Поиск закономерностей в геополитике по логике вещей должен идти по пути поиска такого же уровня устойчиво повторяющихся учений, но применительно к процессу борьбы между геополитическими субъектами по поводу контроля над географическими пространствами.

Исторически прослеживаются значительные по своим последствиям изменения в политической картине мира, наступившие в результате противоборства различных государств. Можно было наблюдать, как исчезают и возникают различные государства, как контроль над той или иной территорией переходил от одного субъекта к другому, как менялись очертания границ. Так, с периода Великой французской революции и до сегодняшнего дня политическая карта Европы менялась многократно, пространственные координаты европейских государств и их геополитические интересы претерпели глубокие изменения. То же самое происходило и в других регионах мира.

Чтобы нащупать закономерное в этих процессах, необходимо понять, в силу чего происходят эти изменения, какими сущностными характеристиками должны обладать предполагаемые закономерности. Видимыми из них являются следующие.

Во-первых, это силовые характеристики геополитического субъекта, дающие представления о тех возможностях, которыми он располагает для завоевания и удержания контроля над географическим пространством. Они могут меняться от достаточных к недостаточным и наоборот, в силу чего тот или иной геополитический субъект либо приобретает, либо теряет возможность контроля над пространством.

⁵³ Семенов В. Геополитика как наука. // Власть. 1994, № 8. С. 66 – 68.

Во-вторых, в связи со сжатием географического пространства, повышением его ценности для геополитических субъектов оно практически никогда не остается неконтролируемым каким-либо субъектом. Они только меняются местами.

В-третьих, какой бы мощью ни обладал конкретный геополитический субъект, он не может контролировать бесконечно большие пространства. Попытки такого рода неизбежно ведут к утрате стабильности, прочности этого геополитического субъекта. Недаром все исторически известные попытки установления мирового господства каким-либо одним государством заканчивались крахом, поскольку существуют пределы самодостаточности для геополитического субъекта.

В-четвертых, выше уже говорилось, что географическое пространство обладает разными качественными характеристиками с точки зрения их значимости для человечества вообще и для геополитических субъектов в частности. В силу этого определенные географические пространства и даже географические точки могут приобретать или постоянно иметь значение ключевых. Очевидно поэтому, что контроль над тем или иным геополитическим субъектом ключевых геопространств дает ему значительное преимущество перед другими, увеличивает его мощь.

В-пятых, геополитический субъект – фактор, определяющий основные параметры геополитической ситуации. Он может быть сильным или слабым, что зависит от уровня его мощи (самодостаточности) и возможности контролировать ключевые пространства. Здесь, правда, надо заметить, что слабость геополитического субъекта – не всегда имманентная его историческая судьба. Неблагоприятное развитие можно переломить, если планировать и осуществлять политику на основе всестороннего учета динамики движения геополитических закономерностей, ставя во главу угла национальные геополитические интересы, мобилизуя весь потенциал геополитического субъекта.

Таким образом, проанализированные выше некоторые основные черты и механизм самореализации геополитической закономерности, ее структура и динамика, условия оптимизации позволяют утверждать следующее. Она представляет собой процесс высвобождения мировой политической энергии в сравнительно короткий промежуток времени, который открывает для геополитического субъекта шанс самореализации или, наоборот, упадка в ином историческом времени.

Постижение механизма самореализации геополитической закономерности образует основу выработки научной международной политики, вписывающейся в реалии наступающего века.

В обобщенном виде данные закономерности, без претензии на законченность, можно сформулировать в следующем виде:

1. Контроль над пространством теряют те геополитические субъекты, которые не обладают признаками (элементами) самодостаточности.

2. С потерей контроля над пространством одним геополитическим субъектом его приобретает другой субъект.

3. Стабильность, устойчивость и безопасность геополитического субъекта, помимо всего прочего, достигается оптимальными размерами контролируемого ими пространства.

4. Чем шире пространство, которое контролируется одним геополитическим субъектом, тем оно с большим трудом поддается управлению, контролю со стороны данного субъекта и может привести к его неустойчивости, дестабилизации.

5. Преимущества получает тот субъект, который контролирует ключевые пространства и географические точки.

6. Сила или слабость геополитического субъекта являются производными от степени его самодостаточности и контроля за ключевыми пространствами и географическими точками.

Необходимо подчеркнуть, что действие геополитических закономерностей как бы создает архитектуру геополитических ситуаций, формирует их типологический вид. Но это уже предмет другого исследования, хотя и не менее важного.

Вопросы для самопроверки:

1. Как Семенов характеризует геополитические закономерности?
2. Какие основные закономерности выделяет Семенов?

Буржуазная региональная теория и государственно-монополистическое регулирование размещения производительных сил⁵⁴

Теория поляризованного развития и концепция центров роста и концепция центров роста

<...> Большинство буржуазных регионалистов сходятся на том, что с экономической точки зрения полюс роста включает три основных элемента: 1) ведущую отрасль, обладающую высокой способностью к нововведениям; 2) серию отраслей местного и районного значения, связанную с ней систему отношений типа «затраты – выпуск». Эти отношения и служат средством передачи ведущего эффекта на все хозяйство; 3) пространственный сгусток производительных сил, обеспечивающий предприятием получение «внешней» агломерационной экономии. В результате возникает источник, в идеале способный оказывать весьма сильное воздействие на окружающую среду...

В настоящее время на первый план буржуазные ученые выдвигают инновационную функцию полюса. Это связано с общим сдвигом в понимании сущности процессов экономического роста и развития...

<...> В рамках применения соответствующей концепции создаётся принципиальная возможность учёта факторов и пространственной, и функциональной агломерации. Полюс выполняет свои функции в силу того, что он является производственным ансамблем, а также центром концентрации тех видов третичной деятельности, которые способствуют распространению роста нововведений, а также благоприятствуют изменениям структуры. <...>

Пространственный полюс – это, прежде всего, город, наделённый определёнными динамическими параметрами, он располагает мощным потенциалом роста. Характеризуя его, один из видных ученых-регионалистов, Л. Давен, отмечал, что полюс «базируется на (отрасли) промышленности, которая оказывает сильное влияние на развитие других отраслей, имеет с ними тесные производственные связи и способствует экономически эффективной концентрации». Трактовка пропульсивных отраслей как функциональной основы полюса имеет связь с объективными особенностями специализации городского хозяйства. Совершенно естественно, при прочих равных условиях два города схожих размеров, но специализирующиеся один – на старой, другой – на новой отрасли будут характеризоваться совершенно различной динамикой и, что более важно, разными перспективами развития.

⁵⁴ Буржуазная региональная теория и государственно-монополистическое регулирование размещения производительных сил. М., «Мысль», 1981. С. 123 – 134.

Только новая, быстро развивающаяся отрасль, располагающая ёмким и растущим рынком сбыта, способна играть роль движущей силы полюса. Подобная отрасль (движущая или пропульсивная), быстро увеличивая объём производства и масштабы найма рабочей силы, оказывает сильнейшее воздействие на хозяйство полюса. За счёт межотраслевых связей она стимулирует развитие смежных производств посредством приобретения на месте элементов затрат и закупки услуг, она способствует развитию мелкого местного бизнеса, а суммарное увеличение доходов местного населения способствует развитию процесса мультипликации. Хозяйство подобного города быстро развивается, одновременно происходит неуклонное улучшение местной хозяйственной среды, возрастает совокупная внешняя экономия, которую способно получить новое предприятие, создаваемое в нём. Город становится привлекательным местом размещения в глазах предпринимателей, и постепенно возникают условия для формирования комплекса пропульсивных отраслей и соответственно для дальнейшего ускоренного развития.

Подобный полюс не только растёт сам, но и по мере роста усиливает влияние на окружающее пространство, на район, в котором он расположен. Простейшие формы влияния проявляются через товарные потоки, потоки услуг, капитала. Большую роль играют миграционные процессы, во многом зависящие от динамичности полюса. Полюс тесно взаимодействует с окружающей средой и в зависимости от собственных характеристик в той или иной степени преобразует её.

Процесс влияния, имеющий пространственное выражение, чрезвычайно многообразен. Буржуазная наука сводит его к диффузии нововведений. В случае полюсов роста диффузия приобретает характер распространения городских ценностей на ближайшее окружение города (так называемое поле города). В первую очередь речь идёт о распространении потребительских и во вторую очередь предпринимательских нововведений...

Полюс как город не может рассматриваться изолированно от всей системы расселения конкретной страны, от соответствующей системы городов. Естественно, что в рамках этой системы он взаимодействует с другими её элементами, причём характер такого взаимодействия определяется иерархическими моментами. Чем крупнее полюс, тем выше его ранг в рамках всей системы, больше его влияние на окружающую территорию.

...В связи с внедрением концепции поляризованного роста были сделаны попытки согласовать городскую иерархию с динамическими характеристиками города. Ж.-Р. Будвиль, например, предложил следующий вариант иерархии:

1. Центральные места – мелкие и средние по размерам «классические» города, специализированные на отраслях третичного сектора и обслуживающие окружающую сельскую местность.

2. Полосы роста – промышленные города с диверсифицированной структурой хозяйства, как правило, среднего размера. Для них характерны высокие темпы роста, так как они располагают предприятиями новых отраслей промышленности. Их рост, однако, нельзя считать автономным, так как он генерируется за счёт внешних влияний.

3. Полосы развития – крупные городские агломерации с развитой структурой хозяйства. Они имеют пропульсивные фирмы, генерируют нововведения; их рост можно рассматривать как автономный. Полоса развития оказывают влияние на весь процесс территориального развития.

4. Полосы интеграции – многофокальные зоны роста, охватывающие две и более городских систем. Это крупные концентрации производительных сил, где постепенно формируются прямые и обратные пропульсивные связи, во многом определяющие эволюцию пространственных структур.

Обращает на себя внимание акцентирование фактора автономности роста. Для рядовых полюсов роста, несмотря на их динамичность, подобный рост не характерен. Причина здесь в том, как считает Будвиль, что они имеют динамичные предприятия, но не обладают собственными пропульсивными фирмами. С позиций теории диффузии нововведений они, несмотря на динамизм, всё же являются зависимыми элементами по линии заимствования нововведений. Поэтому их рост как бы обусловлен влиянием извне, более крупными урбанизированными образованиями...

В противоположность им полноценные полюсы, полюсы развития, обладая пропульсивными фирмами, сами выступают в роли генераторов нововведений, а, в конечном счете, генераторов экономического роста и развития. Их рост автономен, их пространственное влияние широко; будучи расположенными в каком-либо районе, они оказывают сильное воздействие на весь районный хозяйственный комплекс. Такие полюсы могут стоять во главе целой городской подсистемы, влиять на неё, передавая нововведения вниз по иерархическим ступеням. Экономическое благосостояние целых районов во многом определяется наличием подобных центров, способных внести динамику в его хозяйственную структуру. <...>

Внедрение концепции центра роста в практику региональной политики имело место в конце 50-х гг. XX в... С самого начала поляризованный рост ассоциировался с возможностями повышения эффективности региональной политики, и прежде всего политики развития отсталых районов. Развитие районов за счёт внутрирайонной концентрации, первоочередного стимулирования наиболее важных и перспективных центров на их территории – вот как характеризовалась в то время сущность данной концепции. При этом констатировались преимущества

пространственной концентрации капиталовложений, прежде всего в инфраструктуру, так как это позволяет быстро добиться создания внушительных масштабов «внешней» экономии, за счёт которой в немногие привилегированные центры отсталых районов автоматически двинулись бы частные инвестиции. В такой трактовке чувствуется ещё стремление найти какой-то компромисс с концепцией «сильного толчка», основанной на теории сбалансированного роста и акцентирующий первоочередные инвестиции в инфраструктуру.

Постепенно данная трактовка сущности рассматриваемой концепции уступила место более глубокому пониманию. В частности, на первый план был выдвинут отраслевой аспект развития. Рассматривая внедрение пропульсивных отраслей как средство оживления экономики городов и районов, теоретики региональной политики стали первостепенное внимание уделять вопросам выбора отраслей и задачам «вживания» их в прежнюю структуру хозяйства. Разделяя идеи Ф. Перу, они разделяют капиталовложения, осуществляемые в полюсах, на «движущие» и «ассоциированные», географически агломерированные за счёт «внешней» экономии. Одновременно расширилось понимание взаимодействия центра с окружающей средой, в частности подчеркнута его роль как агента изменений в широком плане, а не только как центра притяжения мигрантов и узла хозяйственных связей с периферией.

В настоящее время роль городов связывается, прежде всего, с их положением в системе распространения нововведений. Поскольку нововведения и их диффузия сегодня рассматриваются учёными как важнейший фактор пространственной интеграции общества, роль центров роста стала трактоваться не в узком, внутрирайонном плане, а в широком, подчёркивающим их положение в рамках функционирующей системы городов. Стратегия центров роста ныне предусматривает воздействие на всю систему городов, при этом принимаются во внимание и прямые влияния, вызванные мероприятиями государства, и косвенные, отражающие существующие взаимосвязи. Поскольку эти косвенные влияния имеют долговременный характер, управление всей системой центров может осуществляться лишь в рамках долгосрочной стратегии.

Создание центра роста на территории отсталого района первоначально выливается в дуалистическую систему: с одной стороны, города, обладающий высокой динамикой вследствие наличия в структуре его промышленности пропульсивных отраслей, а с другой – по-прежнему отсталая периферия, географически тяготеющая к нему, но функционально с ним мало связанная. В такой ситуации связи центра идут за пределы развиваемого района в высокоразвитые урбанистические зоны страны. Его динамика суть динамика одного из элементов общенациональной системы городов. Как часть этой системы, он ассимилирует

нововведения, передаваемые по городской иерархии, и отчасти передаёт их в окружающие районы (в основном потребительские нововведения).

Вследствие этого возникает двойная задача: с одной стороны, необходимо сделать среду более восприимчивой к эффектам поляризации, а с другой – придать центру характер истинного центра развития, то есть превратить его из относительно пассивного инструмента географической диффузии нововведений, идущих из высокоразвитых районов, в активный элемент, способный самостоятельно их генерировать. Лишь выполнение последнего условия даёт возможность городу по-настоящему преобразовывать окружающую отсталую среду, распространяя на неё разные виды городских ценностей, то есть играть роль фактора, интегрирующего в конечном итоге эту среду в систему высокоразвитой экономики.

В свете отмеченных положений нетрудно понять, что современная трактовка поляризованного роста предъявляет повышенные к условиям автономного экономического развития. Если с формальных позиций создание динамичного центра роста требует привлечения в город нескольких предприятий, относящихся к новым и новейшим отраслям промышленности, то, согласно современным воззрениям, этого недостаточно. Ныне во главу угла ставится задача привлечения пропульсивных фирм, то есть крупных компаний с поставленной исследовательской базой, действующей в перспективных отраслях... За счёт этого может быть создана прочная основа для генерирования предпринимательских нововведений на месте и соответственно для более активной и «полноправной» позиции центра в рамках системы городов, что в свою очередь расширяет возможности воздействия на окружающую хозяйственную среду как в узком (поле города), так и в широком (отсталый район в целом) понимании.

В целом представляется необходимым отметить первостепенное значение положения (роли) центра роста в рамках иерархичной системы nodальных образований, то есть в рамках системы городов. Именно это, по мнению большинства современных буржуазных ученых, определяет его возможности в качестве агента экономического развития. Поэтому определённое значение приобретает проблема размера города как связанная с выявлением того оптимального размера центра, который обеспечивает выполнение им активной роли в процессе развития пространственных структур. <...>

Вопросы для самопроверки

1. Что такое пространственный полюс?
2. Какие типы пространственных полюсов выделяются?
3. Что такое пропульсивная отрасль экономики?

Лаппо Георгий Михайлович, современный российский географ, специализирующийся на географии городов.

2.5 Опорный каркас расселения

Так называют сочетание крупных центров, фокусов экономической, политической и культурной жизни страны (региона) и соединяющих их магистралей. Внимание к этому объекту географического изучения привлек Н.Н. Баранский: «С экономико-географической точки зрения, города плюс дорожная сеть – это каркас, это остов, на котором все держится, остов, который формирует территорию, придает ей определенную конфигурацию».

Термин «опорный каркас расселения» (ОК), выражающий иерархически построенную совокупность центров разного уровня, введен Б.С. Хоревым, который определил его как важную составную часть предложенной им концепции единой системы расселения. обстоятельно разработал понятие каркаса в архитектурно-планировочном аспекте О.К.Кудрявцев. Каркасный подход использовали в своих работах в качестве одного из ключевых понятий видные географы (И.М. Маергойз) и градостроители (А.Э. Гутнов, В.В.Владимиров)...

ОК – сердцевина территориальной структуры хозяйства, ее наиболее устойчивая и в то же время динамично развивающаяся часть. Это совокупность наиболее динамичных и прогрессивных звеньев расселения и одновременно фактор, определяющий дальнейшие перемены в расселении в целом.

ОК – генерализованный, свободный от деталей, географический образ страны или региона, выражающий основные черты их территориальной организации. Узлы и линии ОК создают вершины и хребты экономического рельефа территории. Так, рисунком ОК подчеркивается периметральное размещение хозяйства и городов в Австралии, концентрация деятельности вдоль урбанизированной оси Канады у границы с США, придвинутость производства и населения к побережью Атлантического океана в Бразилии. ОК страны или региона – это их лаконичный географический портрет. В концепции ОК заложено важное с точки зрения нашей науки свойство географической генерализации.

Н.Н. Баранский обращал внимание на то, что с помощью сетей городов и магистралей можно удобно «представить» страну учащимся при

⁵⁵ Лаппо Г.М. География городов. М.: Гуманитар. изд. цент ВЛАДОС, 1997. С. 113 – 123.

начальном с ней знакомстве, особенно показывая города как основные пункты в каркасе магистральных путей. Образно выразились архитекторы Ю.П. Бочаров и О.К. Кудрявцев, сказав, что большие города – а они и являются узлами каркаса – занимают ключевое положение на «главных улицах крупных районов», т.е. на транспортных магистралях.

Узловые и линейные элементы опорного каркаса. Узлы ОК – это города и агломерации. На глобальном уровне они представлены крупнейшими городами, на уровне страны – всеми большими. На уровне региона к ним присоединяются и средние, на уровне мезорайона (республики, края, области) – всеми городами и крупными поселками городского типа. Формирование агломераций увеличивает скрепляющую силу узлов. Узлы ОК выполняют многообразную роль в территориальной организации общества, в частности, в территориальной структуре хозяйства. У них три главные функции:

- *районообразующая и районоорганизующая роль.* Они являются важнейшими факторами социально-экономического развития окружающего района, оказывающими определяющее влияние на формирование в нем систем расселения, транспортной сети, территориально-рекреационных систем. Узлы ОК дают ориентир развитию территориальной структуры подшефных районов, разносторонне их обслуживают, выступая в качестве региональных столиц;

- *роль факторов взаимодействия.* Будучи фокусами внутрирайонных связей, узлы собирают и перерабатывают поступающую к ним разнообразную продукцию – сырье, топливо, полуфабрикаты, узлы и детали. Занимая высшие ступени в производственной иерархии, они выпускают более сложную продукцию, работают как транспортно-формирующие и транспортно-распределительные узлы, включая свои районы в межрайонные хозяйственные связи. От узлов ОК во многом зависит рационализация межрайонного взаимодействия. Подобную же роль выполняют узлы ОК и в сферах науки, культуры, искусства;

- *освоенческая роль.* Она очень важна в странах, располагающих огромными, еще не вовлеченными в использование ресурсными территориями. Узлы ОК организуют освоение, создают ему разнообразное обеспечение – информационное, организационное, проектное, строительное, транспортное, кадровое и т.д. Они служат также местами переработки поступающих из осваиваемых районов ресурсов.

Эти три основные функции в конкретных узлах ОК находятся в разных соотношениях. В некоторых узлах очень сильно выражены, например, освоенческие функции, которые определяют набор отраслей и видов деятельности, территориальную ориентацию обслуживания. В староосвоенных районах освоенческая роль заменяется трансформирующей, преобразовательной. Узлы ОК выступают как центры инноваций, помогая хозяйству и населению окружающего района адаптироваться к изменяющимся условиям.

С известной долей условности узлы ОК можно разделить на две основные группы центров, различающиеся территориальным содержанием осуществляемых ими функций: центральные места и специализированные центры. *Центральные места* обслуживают население и хозяйства окружающих районов. Располагаясь на разных иерархических ступенях, они возглавляют районы разного ранга. *Специализированные центры* концентрируют ведущие предприятия тех или иных отраслей промышленности, транспорта, учреждения науки, образования, рекреации. Они работают на всю страну (в то время как центральные функции замыкаются в пределах соответствующего района), устанавливая связи с центрами отраслевых систем. Их можно назвать отраслевыми столицами. Определить принадлежность того или иного города-узла ОК к одной из названных групп не всегда просто. В одних случаях это очевидно. Но чаще всего в одном городе совмещаются и те и другие функции, находящиеся между собой в разных соотношениях.

Линейные элементы ОК составляют магистрали и полимагистрали.

Магистрали – линии того или иного вида транспорта (общего или специализированного), имеющие высокий технический уровень и большую провозоспособность. На них концентрируются перевозки грузов и пассажиров, благодаря чему магистрали выполняют основную часть работы в межрайонном обмене. Магистрализация – мощное средство экономического сближения районов и центров, способ экономического сжатия территории; она была составной частью программы развития России еще в плане ГОЭЛРО.

Полимагистрали возникают в результате следования общей трассой нескольких видов транспорта. Это приводит к еще большей (по сравнению с магистралями) концентрации связей на основных направлениях, образованию транспортных коридоров, что дает большие преимущества при строительстве транспортных систем и во время их эксплуатации. В СССР полимагистрализация была связана с формированием единых инфраструктурных систем: транспортной, энергетической, газоснабжения и др.

Полимагистрализация – особая форма линейной концентрации. Сооружение и эксплуатация полимагистралей дают очевидные экономические выгоды. В то же время прокладка газопроводов вблизи железнодорожных и шоссейных магистралей, линий высоковольтных электропередач сопряжена с опасностью, возникающей при авариях (взрыв газопровода в районе Уфы повлек за собой гибель сотен пассажиров двух поездов).

Формирование опорного каркаса – это генерализованное выражение географического хода урбанизации, проявление центростремительных и линейностремительных тенденций в развитии. ОК – результат,

возникающий на стадии высокой территориальной концентрации. Его формирование проходит три основные стадии...:

I – центровая («точечная») концентрация – нарастание числа увеличение размеров крупных городов.

II – агломерирование, когда крупный город, становясь ядром агломерации, формирует вокруг себя плеяду спутников.

III – регионализация, при которой высокого уровня достигает имплозия – экономическое сближение взаимодействующих центров на основе совершенствования транспорта.

Экономическая основа формирования ОК – углубление территориального, географического разделения труда, что обеспечивает повышение эффективности общественной деятельности объективная необходимость совершенствования территориальной организации общества...

Социальная основа – потребность людей в последовательном улучшении условий своей жизни, развитие расселения в направлении повышения качества, усиление социальной привлекательности крупно-городских форм расселения, улучшение доступности крупных многофункциональных центров, обладающих большим социально-культурным потенциалом.

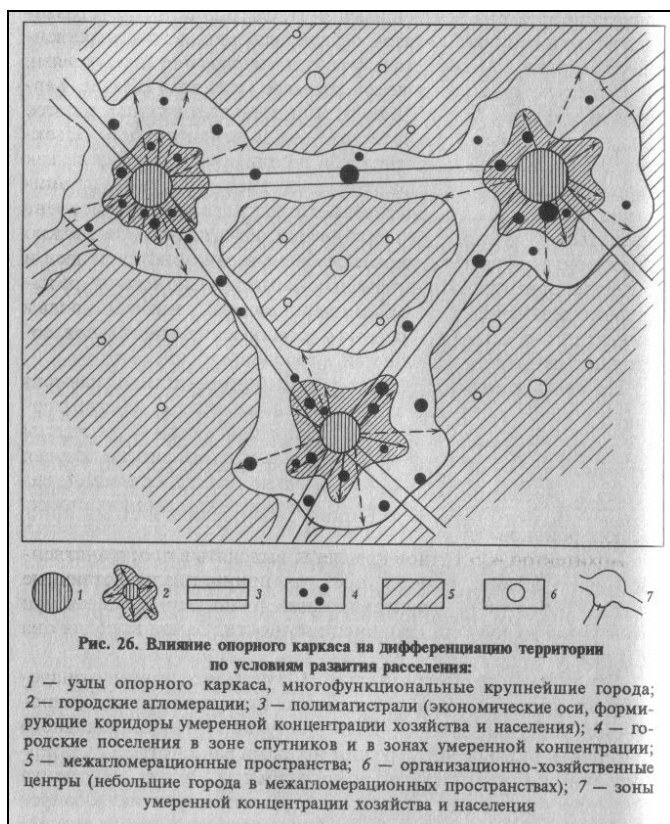
На процесс формирования и рисунок ОК сильно влияет при родная основа – географическое положение, зональность, природные рубежи, гидрографическая сеть, орографические системы, конфигурация морских побережий – вся совокупность при родных факторов и условий жизни людей и функционирования территориально-хозяйственных систем в их пространственной дифференциации.

Несформированность ОК препятствует овладению потенциалом территории, вызывает дополнительные экономические издержки, так как пространство оказывается разгороженными экономическими барьерами, значительная часть ресурсов не включается в хозяйственный оборот. К тому же затрудняется межрайонный обмен, возникают сложности в использовании населением социально-культурного богатства страны.
<...>

Следствия формирования опорного каркаса. Развиваясь, ОК рационализирует территориальную структуру хозяйства и расселение. Развитие ОК – это формирование и возрастание роли звеньев интеграторов, способствующих территориально-экономическому сплочению страны и региона. Их территориальное устройство с формированием ОК приобретает более высокое качество. Можно сказать, пользуясь выражением В.П. Семенова-Гян-Шанского, что возрастает «прочность государственной территории». ОК способствует усилению территориально-хозяйственной интеграции на разных территориальных уровнях. На локальном – активизируя формирование агломераций на основе возрастающей потребности крупных центров в поселениях-спутниках, улуч-

шая условия развития последних благодаря возможности использовать в качестве осей развития головные участки транспортных магистралей, сходящихся к узлам ОК. На районном – пространственно ориентирую районообразующие процессы, являясь остовом территориальной структуры района. На страновом – облегчая консолидацию частей страны, улучшая межрайонное взаимодействие, что ведет к повышению экономической целостности страны, формирования единого экономического и социально-культурного пространства. <...>

На рисунке показано, как ОК усиливает дифференциацию территории по Характеру расселения и условиям его трансформации. В пределах экономически активной территории выделяются три категории пространств: а) агломерационные; б) примамгистральные полосовидные; в) глубинные. Они заметно отличаются друг от друга, и это обстоятельство должно учитываться в расселенческой политике. Для каждого из этих пространств должны быть разработаны свои правила и схемы организации.

Свойства и особенности опорного каркаса. В своей основе он устойчив, его рисунок меняется мало и постепенно. ОК можно назвать оплотом инерционности в территориальной структуре. ОК, образованный динамичными звеньями территориальной структуры, имеет одним из своих основных свойств инерционность, со временем приобретая всевозрастающую консервативность благодаря высокой концентрации основных фондов в своих узловых и линейных элементах, их высокой насыщенности инфраструктурой. В то же время его узлы и линии отличает динамизм. Обладающие большим потенциалом, они все время прерывают в процессе саморазвития.

Важная особенность ОК состоит в том, что как интегральное образование он выполняет роль интегратора в территориальной организации жизни общества. В его элементах, их функционировании, взаимосвязь разных подсистем: производства и расселения, производства и инфраструктуры, расселения и инфраструктуры. Следовательно, изучение ОК позволяет проработать «стыки», крайне важные для географии. В ОК соединяются разнородные начала: динамизм и устойчивость, концентрация и рассредоточение, интеграция и диверсификация, отраслевое и районное начала, саморазвитие и отклик на управляющие воздействия.

<...>

Вопросы для самопроверки

1. Что такое опорный каркас расселения?
2. Какие элементы опорного каркаса расселения выделяются?
3. Что такое магистрали и полимагистрали?
4. Как формируется опорный каркас расселения?
5. Каковы свойства опорного каркаса расселения?

ПРОЕКТ «ТУМАНГАН» И ИГРА ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ в 90-е гг. XX века⁵⁶

Бурлаков В.А.

Бурлаков Виктор Алексеевич, доцент кафедры Всеобщей истории, политологии и социологии института Международных отношений и социальных технологий Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, кандидат политических наук.

1.3. Категории и составляющие геополитического анализа

Категории геополитического анализа.

В процессе анализа внешней и внутренней политики государства либо оценки системы межгосударственных отношений наиболее важную роль играет категория интереса. Опираясь на знания о направленности интересов того или иного актора мировой политики, можно с достаточной высокой степенью достоверности проследить его стратегический курс.

В среде как российских, так и зарубежных политологов сложился подход к определению внешней политики государства на основе так называемых национальных интересов, то есть совокупного интереса государства, объединяющего в себе все другие проявления интереса.

Введением в научный оборот категории национального интереса мы обязаны школе политического реализма во главе с Г. Моргантау. Начиная с Н. Макиавелли, в среде политиков и политологов достаточно часто возникали идеи подхода к международным отношениям исключительно с рационалистических позиций. Однако только реалисты определили значение национальных интересов во внешней политике государства. В их интерпретации таковые выступили в качестве базы, на которой формируются внешнеполитические цели⁵⁷.

Однако при использовании категории национальный интерес в геополитическом анализе возникает важная проблема, связанная с необходимостью определения её содержания. Понять, что такое национальный интерес невозможно, если оставить без внимания вопрос о субъекте данного интереса.

Восходящий к идеям Великой Французской революции классический подход к определению данной категории предполагает существо-

⁵⁶ Бурлаков В.А. Проект «Туманган» и игра геополитических интересов в Северо-Восточной Азии в 90-е гг. XX века. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2007. С. 51 – 70.

⁵⁷ См.: Современные буржуазные теории международных отношений. М., «Наука», 1976.

вание нации-государства, основным элементом которого является наличие гражданского общества. Нация, под которой собственно и понимается гражданское общество, является тем субъектом, который формулирует весь набор национальных интересов. В силу этого правомерен вывод о том, что при отсутствии развитых структур гражданского общества не может быть и адекватно отображенной системы национальных интересов: «нет “нации” – не может быть и “национальных интересов”»⁵⁸. Однако данный вывод способен завести исследователя в тупиковое положение. Ибо, с одной стороны, признается наличие феномена «национальных интересов», а, с другой стороны, констатируется тот факт, что целый ряд государств, не обладающих признаками развитых гражданских отношений, не могут рассматривать национальный интерес в качестве императива своей внешней политики.

Не дает ответа на вопрос о сущности категории национального интереса и попытка определения нации не с этатистских, а с этнических позиций. В этом случае национальными признаются интересы доминирующего в государстве этноса, совпадающие с интересами правящей элиты. Но говорить о наличии общего для всех национального (в этническом смысле) интереса возможно только, если речь идёт о моноэтнических государствах, которых не так уж много. Но даже в этом случае необходимо учитывать, что любая нация дифференцирована по социально-экономическому и территориальному признакам, которые значительно корректируют интересы каждой её части.

Учитывая несостоятельность обозначенных выше подходов к определению сущности категории национальных интересов, некоторые ученые-политологи склонны выделять некие постоянные и неизменные факторы, которые при любых обстоятельствах выступают в роли формализаторов национальных интересов. В этом случае последним признается государство, которое рассматривается в качестве основного средства их выражения. Государство выступает важнейшим организационным институтом общества. Следовательно, на государство ложатся функции воплощения, выражения и защиты интересов последнего. В этой связи логичнее говорить не о «национальных», а о «национально-государственных» или просто о «государственных» интересах, ибо таковые возникают в момент единства интересов государство и общества.

Положение о тождественности государственных и национальных интересов справедливо в той мере, в какой справедлив методологический принцип, позволяющий наделять государство признаками живого организма, способного к формулированию собственной системы интересов.

⁵⁸ Кара-Мурза А.А. Между «империей» и «смутой». // Полис. 1995, № 1. С. 97.

Таким образом, некоторая разнонаправленность в определении категории национального интереса становится серьезным препятствием для широкого её использования в геополитической теории. Несмотря на то, что категория интереса является для геополитики ключевой, ни одно из её определений не может стать основой для теоретического анализа.

В силу этого многие геополитики избегают теоретических конкретизаций по поводу категории интереса, вообще, и категории национального интереса, в частности.

В этой связи наиболее вероятной представляется линия на вытеснение категории национального интереса из сферы геополитического анализа в сферу исключительно политической теории и теории международных отношений. На смену данной категории должна прийти категория геополитического интереса, которую можно определить, как стремление государства или коалиции государств к использованию территории или акватории других государств. Геополитические интересы «наиболее прямо, непосредственно определяются геополитическими позициями страны, или стремлением к преодолению её естественных слабостей. Очевидно, геополитические интересы – наиболее устойчивый, базисный компонент национальных интересов»⁵⁹.

Такая трактовка категории «интереса» во многом сужает её функциональное наполнение. Однако, с другой стороны, осуществление геополитического анализа через призму геополитических интересов акторов системы международных отношений представляется более продуктивным и в большей степени адекватно отражающим исследуемую геополитическую ситуацию.

Набор геополитических интересов конкретного государства определяется спецификой его географического положения, внутренней социально-экономической и политической ситуацией, позицией данной страны в мировой политике и экономике, её национально-культурными и цивилизационными особенностями. При этом географические и экономические факторы имеют особое значение. Так как целый ряд факторов, влияющих на формирование геополитических интересов, подвержен постоянным изменениям, то необходимо допустить возможность эволюции самих интересов⁶⁰.

Следует сказать, что обычно выделяются несколько видов геополитических интересов:

- интересы, связанные со стремлением использовать природно-ресурсный, хозяйственный, культурный и технический потенциал другой страны через систему экономических отношений;

⁵⁹ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М.: Конверт – МОНФ, 1997. С. 12.

⁶⁰ См.: Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М.: РОССПЭН, 1996. С. 27.

- интересы, связанные со стремлением к размещению военного присутствия на территории другой страны;
- и интересы, связанные со стремлением непосредственного присоединения части одной страны к другой стране.

Итак, следует признать, что, исходя, прежде всего, из геополитических интересов, происходит формирование системы межгосударственных отношений и выработка линии поведения конкретной страны на мировой арене.

С категорией интереса напрямую связана такая проблема, как способ реализации геополитического интереса. На начальном этапе формирования системы отношений между государствами, то есть примерно с XVIII в., широкое признание получила концепция государственного расчёта (*raison d'état*), согласно которой «страна должна продвигать свои интересы, если необходимо силой, без учёта требований морали и учёта интересов других стран»⁶¹. На протяжении истории международных отношений формы реализации интересов государства постоянно менялись. Процесс этот не останавливается и сегодня. Так, можно заметить, что государства отходят от силовых способов достижения своих интересов и берут на вооружение новые методы воздействия. Однако сформулированная формула *raison d'état* на сегодняшний день не утратила своего значения и вероятно ещё продолжительное время будет сохраняться в качестве императива внешней политики любого государства.

Следующей важной категорией геополитического анализа выступает категория геополитического положения страны, которая конкретизируется категориями географического, политико-географического и экономо-географического положения. При явной взаимосвязи последних категорий следует все-таки различать данные понятия. Дело в том, что под географическим положением понимается отношение страны или отдельного региона к географическим структурам, лежащим вне территории данной страны или региона. К таковым географическим структурам относят моря, реки, побережья, равнины и т.д. Рассматривая экономо-географическое положение, следует понимать под ним отношение к географическим структурам, лежащим вне данной страны или региона, но имеющим для них важное экономическое значение. Политико-географическое положение страны подразумевает положение страны относительно важнейших центров мировой политической системы, положение страны в региональной системе межгосударственных отношений и учёт соседства разного порядка.

⁶¹ Сорокин К.Э. Геополитика современности и геостратегия России. М.: РОССПЭН, 1996. С. 30.

При этом всем этим категориям свойственен набор следующих характеристик:

- близость или удаленность страны от географических структур. Иногда эта характеристика называется географическим местоположением;

- соседство страны с теми или иными географическими структурами. При этом следует различать соседство первого порядка, то есть непосредственное соседство, и второго порядка, то есть соседство какой-либо страны, не имеющей с данной страной общих границ, с непосредственным соседом данной страны;

- выгодность для страны с экономической, политической и военно-стратегической точек зрения расположения разных участков границы относительно важных географических объектов, под которыми обычно понимаются природные ресурсы, крупные транспортные магистрали, индустриальные центры, сельскохозяйственные районы и т.д.⁶²

Следует сказать, что географическое, политико-географическое и экономо-географическое положение страны оказывают большое влияние на тип и направленность внутренней и внешней политики страны, особенности структуры её хозяйства, её внешнеполитической деятельности и её внешнеэкономических связей. В сущности, пространственное измерение такого политического института, как государство выступает отправной точкой при формулировании системы его геополитических интересов.

Однако геополитическое положение страны не может ограничиваться лишь определением её географического, политико- и экономо-географического положений, лишь фиксирующих место страны на политической карте мира. Помимо данных категорий геополитическое положение должно также определяться как через сумму геополитических интересов самого государства по отношению к сопредельным пространствам (активные интересы), так и через сумму геополитических интересов со стороны других стран относительно данного государства (пассивные интересы). Как справедливо заметил в этой связи Н. Спикмен: «территория государства – это база, с которой оно действует во время войны, и стратегическая позиция, которую оно занимает во время всемирного перемирия, именуемого миром»⁶³.

Данная постановка вопроса переводит исследования в плоскость взаимоотношений государства и географического пространства. При этом последнее представляет собой определенную среду, в которой действуют акторы международных отношений. Влияние пространства но-

⁶² См.: Колосов В.А. Политическая география: проблемы и методы. Л., «Наука», 1988. С. 48 – 54.

⁶³ Spykman N. America's Strategy in World Politics. Hamden, 1942. P. 41.

сит опосредованный характер. Географическое пространство задает условия, которые необходимо принимать во внимание, осуществляя те или иные действия. При этом в силу того, что все геополитические интересы, с опорой на которые строится внешняя политика государств, имеют, как это указывалось выше, определенное пространственное выражение, игнорировать заданные условия невозможно. В этой связи некоторые российские ученые-геополитики предложили характеризовать географическое пространство как некое «игровое поле», арену противоборства, более напоминающую огромную шахматную доску. «Другое дело, что эта доска не расчерчена так строго, как шахматная. Нельзя сказать, что она никак не расчерчена, потому что на ней есть горы, долины, реки, традиционные торговые пути и перекрестки, живут народы и племена, имеющие различную культуру и различный характер. Любое геополитическое действие не может не принимать в расчёт этих обстоятельств»⁶⁴.

Естественно, что географическое пространство дифференцировано не только по признаку сочетания каких-либо географических структур в заданном регионе. Наибольшее значение приобретает дифференциация пространства в зависимости от набора геополитических интересов в отношении данного района земного шара. В зависимости от набора геополитических интересов выступает и степень контроля того или иного государства над географическим пространством. <...>

В геополитической теории и в основанной на ней политической практике проблема границ трактовалась, прежде всего, как достижение государством таких пределов пространственного расширения, которые бы в наибольшей степени способствовали удовлетворению всех государственных интересов. В этой связи речь шла главным образом о естественных границах. Они, как правило, идентифицировались с какими-либо географическими структурами (горными хребтами, реками, побережьем и т.д.). Естественным границам противопоставлялись искусственным, то есть сложившимся в результате межгосударственных отношений. Искусственные границы признавались временным и неустойчивым образованием.

Ряд учёных, как в России, так и за рубежом, указывают на неправомерность деления границ на естественные и искусственные, так как все они в той или иной степени детерминированы человеческими отношениями. Само же понятие «естественная граница» – это скорее идеологический, нежели научный конструкт, ибо основная его функция состоит в идеологическом обосновании внешнеполитических притязаний

⁶⁴ Лурье С.В., Казарян Л.Г. Принципы организации геополитического пространства (введение в проблему на примере Восточного вопроса). // *Общественные науки и современность*. 1994, № 4. С. 85.

государства⁶⁵. Действительно, большая доля субъективизма в оценке категории естественные границы заставляет усомниться в возможности её использования в системе геополитического анализа. Лишь в случае рассмотрения внешнеполитического курса какого-либо государства сложившиеся представления о характере своих границ могут служить источником понимания основных принципов международной политики данного государства.

В силу этого, при исследовании геополитической ситуации в каком-либо регионе планеты рациональнее прибегнуть к другой классификации такой категории, как границы. В зависимости от сферы человеческих отношений можно выделить государственные (границы между государствами), экономические (границы целостных экономических районов), культурно-этнические (границы сферы влияния какой-либо культуры и распространения определённой этнической общности), административные (внутригосударственные границы), морские границы и т.д.

Наибольшее значение в системе международных отношений имеют государственные границы, которые определяются как «линия на поверхности земли (суши или водной поверхности) и воображаемая вертикальная поверхность, проходящая через неё в воздушном пространстве и в недрах земли, определяющая предел территории государства и отделяющая её от других государств и открытых морей»⁶⁶.

Как и всяким другим географическим границам, государственным границам свойственны две основные функции: разделительная или барьерная, и соединительная или контактная. Соотношение этих функций напрямую зависит от морфологии, политического статуса и времени существования границы.

Изначально разделительная функция государственной границы имела первостепенное значение. И сейчас она характерна практически для всех видов государственных границ. В то же время по причине усиления объективных процессов интернационализации хозяйственной жизни и развития разносторонних связей между государствами можно наблюдать тенденции к активизации контактной функции государственных границ⁶⁷.

Сочетание барьерной и контактной функции государственных границ оказывает значительное влияние на политический климат в регионе и предпосылки для сотрудничества составляющих его государств. Помимо этого, доминирующие функции государственных границ детерминируют внутреннее положение государства, особенности развития

⁶⁵ См.: Геополитика: теория и практика. Сб. ст. М., 1993. С. 220.

⁶⁶ Колосов В.А. Политическая география: проблемы и методы. Л., Наука, 1988. С. 62.

⁶⁷ См.: там же. С. 65 – 67.

хозяйства в стране и процессы, происходящие в её приграничных районах. В силу этого использование категорий географические и государственные границы имеет в геополитическом анализе важное значение.

Составляющие геополитического анализа

Обозначенные выше ключевые категории не могут выступать в качестве самостоятельных компонентов геополитического анализа. Целостность исследования достигается путём построения категорий в строго взаимосвязанную и иерархизированную систему. Роль связующего элемента в анализе играют теоретические концепции, которые, опираясь на ряд методологических принципов, пытаются адекватно отобразить рассматриваемую геополитическую ситуацию.

С точки зрения геополитической теории взаимодействие акторов мирового политического процесса имеет пространственное измерение. Однако географическое пространство морфологически неоднородно. Причем неоднородность может характеризоваться наличием, как каких-либо географических объектов, так и искусственными объектами, являющимися производными от процесса деятельности человека. Но значение каждого пространственного объекта складывается не в силу его наличия, а в силу функциональной нагрузки, которая формируется в процессе взаимодействия акторов мировой политики и оформляется в виде международного политико-правового статуса.

Поэтому представляется обоснованным выделение неких территорий, которые в ходе человеческой деятельности получают специфическое функциональное наполнение, делающее данную территорию своеобразным инструментом активного политического и экономического воздействия на происходящие на сопредельных географических пространствах процессы жизнедеятельности человека, а также дающим возможность даже контролировать их протекание. В сущности, такие территории выступают в роли дополнительного геополитического фактора, способного в значительной мере корректировать действия акторов международных отношений. В силу их значимости такие территории рациональнее обозначить как **ключевые геостратегические точки**.

Формирование таких точек в рамках какого-либо геополитического поля связано с неизбежностью существования межрегиональной и внутрирайонной дифференциации. Даже в эндемическом поле, характеризующимся более высоким уровнем развития хозяйственной деятельности и наиболее полным вовлечением в хозяйственный оборот имеющихся территорий, пространственная организация жизни общества не является гомогенной. Практически в любом геополитическом поле можно выделить районы, обладающие высокой степенью экономического развития и политической активности.

Такой процесс дифференциации вполне естественен. В процессе исторического развития какой-либо район приобретает ряд особенно-

стей, делающих его уникальным. Однако геостратегическое значение такого района состоит в том, что он является источником воздействия на периферийные по отношению к нему территории. Этот район играет роль своеобразного магнита, который втягивает в орбиту своего поля близлежащие пространства. При этом он не просто формирует вокруг себя благоприятную среду существования. Он полностью контролирует все экономические и политические процессы на сопредельных территориях.

В экономической географии в 60-е годы была сформулирована теория поляризованного развития. Данная теория предполагает наличие неких полюсов роста, которые являются производственными ансамблями, а также центрами концентрации тех видов экономической деятельности, которые способствуют распространению технических инноваций и благоприятствует изменению инфраструктуры. При этом предполагается наличие прямого воздействия или модернизации (то есть распространение импульсов к развитию от полюса к периферии) полюса на периферийные районы и обратного воздействия (зависимость или подчинение периферии полюсу)⁶⁸.

Доминирующее положение полюса определяется, прежде всего, наличием у него ведущей промышленной отрасли, обладающей высокой способностью к нововведениям; серии смежных областей, основное назначение которых состоит в обслуживании ведущей области; и необходимого уровня развития производительных сил. Механизм контролирования периферийных районов осуществляется, главным образом, через товарные и миграционные потоки, а также потоки услуг и капитала⁶⁹.

Экономическая география Европы дает массу примеров, иллюстрирующих данные утверждения. Наиболее ярким примером может служить столичный район Франции, который включает такие районы, как Иль-де-Франс, а также часть районов Парижского бассейна (Бургундию, Верхнюю и Нижнюю Нормандию, Пикардию и др.). Другой пример – это Лондонская агломерация, охватывающая основную часть Востока и Юго-востока Англии, а также часть Юго-запада. Круговая конурбация Ранстад в Нидерландах представляет собой общее поле нескольких полюсов.

Однако, не смотря на то, что теория поляризованного развития в целом адекватно отражает картину выделения особых полюсов роста, она практически оставляет без внимания проблему причин формирова-

⁶⁸ См.: Грицай О.В., Иоффе Г.В., Тревиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М., 1991. С.12-13.

⁶⁹ См.: Буржуазная региональная теория и государственно-монополистическое регулирование размещения производительных сил. М., 1981. С. 124-126.

ния таких полюсов. Вероятнее всего это связано с тем, что данная проблема выступает за рамки чисто экономо-географического исследования. Дело в том, что формированию полюсов роста предшествовало целенаправленное наделение данного района набором специфических функций, оформленного в виде политико-правового статуса этого района. Изначально это создавало более благоприятные условия для экономического развития. Так, основой превращения Парижа или Лондона в важный экономический центр стало наделение их статусом столичных городов, что сразу же поставило их в более благоприятное положение относительно других городов страны, имеющих равные потенциальные возможности для экономического роста.

В сущности, теория поляризованного развития описывает ситуацию возможности установления экономической формы геополитического контроля над географическим пространством. При этом так называемые полюса роста выступают в виде ключевых геостратегических точек.

Однако в зависимости от разновидности геополитического поля, на котором происходит формирование ключевой геостратегической точки, основная цель существования последней может быть различной. Так, если в рамках эндемического поля основная цель полюсов роста состоит в том, чтобы выступать неким генератором инноваций, то цель ключевой точки, функционирующей в рамках пограничного геополитического поля, будет заключаться, в первую очередь, в необходимости большей привязки данного пространства к сердцевине государства посредством повышения уровня политического и экономического развития данного пространства, соответствующего таковому уровню центра страны. Во втором случае функциональная нагрузка ключевой точки расширяется. Они призваны стать, прежде всего, центром освоения периферийных по отношению к эндемическому полю пространств. Зачастую, в силу максимальной приближенности пограничных полей к соседним государствам, ключевые точки представляют собой контактные зоны, и их деятельность может носить помимо экономической также и внешнеполитическую направленность. В этом случае ключевая точка превращается в инструмент осуществления геополитических интересов. <...>

Методология, характерная для теории поляризованного развития, нашла свое отражение и в системе социальных наук в виде концепции «точек роста». Содержание данной концепции состоит в представлении о том, что «в социальном организме можно обнаружить места концентрации интеллектуальных ресурсов, которые после соответствующих инвестиций могут превратиться в источники развития для всей социальной системы»⁷⁰.

⁷⁰ Лесков М.А. Концепция «точек развития» и её значение для национальной безопасности. // Информационный сборник «Безопасность». 1996, № 3 – 4. С. 85.

«Точки роста» выполняют в социальной системе роль синтезирующего начала и характеризуются наличием в них процессов культивирования нового знания, новых культурных форм.

Однако экономическая или социальная детерминанта не всегда является базовой для определения значимости ключевой точки. Ряд ученых, специализировавшихся на изучении проблем, как геополитики, так и политической и экономической географии, отмечали возможность существования ключевых точек, значение которых определяется, прежде всего, их местоположением относительно важнейших коммуникационных линий. Причем оформление таких ключевых точек ставилось в зависимость и определялось исключительно важностью географических объектов (проливов, каналов, горных перевалов и т.д.).

В этой связи ещё адмирал А. Мэхэн высказал идею о том, что назначение ряда колоний определяется не столько их торговым функциональным назначением, сколько необходимостью обеспечения успешных действия морского флота метрополии. «Таким образом, возникла потребность в станциях на линиях путей подобных Мысу Доброй Надежды, Святой Елены, Маврикия не для торговли первоначально, но для обороны и вообще военных действий...»⁷¹. <...>

Функционирование сухопутных коммуникационных линий также строилась, исходя из логики ключевых геостратегических точек. Наиболее наглядно это прослеживается с появлением железных дорог. Крупная узловая станция любой дороги обладает набором таких функций, которые превращают ее в нервные центры, от нормального функционирования которых зависит вся жизнедеятельность этой дороги. <...>

Итак, можно заключить, что механизм формирования ключевых геостратегических точек помимо экономической составляющей зависит также от функциональной нагрузки конкретного географического объекта, которая складывается в силу функционирования коммуникационной линии. В сущности, коммуникационная линия, проходя каким-либо географическим территориям, наделяет их теми или иными функциями. Чем уникальней набор этих функций, тем выше значение данной территории. <...>

Вопросы для самопроверки

1. В чем многообразие определений понятия «национальный интерес»?
2. В чем сущность геополитического положения государства?
3. Каково значение государственных границ в геополитике?
4. Что такое «ключевые геостратегические точки»?

⁷¹ Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю. 1660 – 1783 гг. СПб., 1895. С. 32.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ⁷²

Колосов В.А, Туровский Р.Ф.

Колосов Владимир Александрович, современный российский географ, специализирующийся на политической географии, доктор географических наук, руководитель Центра геополитических исследований Института географии РАН.

Туровский Ростислав Феликсович, современный российский географ, специализирующийся на политической географии.

Конфигурация внешних связей России

Для России конца XX в. примечательным явлением стало выдвижение множества геополитических концепций, по-разному рисующих положение нашей страны в мире. Сложный переходный период после распада Советского Союза – мощной сверхдержавы – характеризуется обилием проектов «обустройства России», зачастую слишком идеологизированных и даже совершенно фантастических. Опять заспорили «западники» и «славянофилы», громко заявили о себе евразийцы. Но при жарких спорах о судьбе и будущем России фактически были утрачены академические исследования современной геополитической ситуации и реальных, а не воображаемых прожектерами и идеологами отношений с другими странами. Иными словами, пока не сложился нормальный, объективный геополитический анализ, принятый в западной науке. В данной связи актуальным представляется изучение *географической конфигурации современных внешних связей страны и ее внешней политики* для определения того, насколько реалии отличаются от геополитических проектов и каковы действительные геополитические позиции России.

Современный геополитический анализ оперирует множеством количественных показателей. Среди них можно выделить: структуру внешнеэкономических отношений (объем экспортно-импортных операций по странам), количество и расположение дипломатических миссий и др. Одним из основных показателей внешнеполитических связей страны служат визиты ее ведущих политиков за рубеж и иностранных политических деятелей – в Россию. Авторы в одной из своих работ уже показали, насколько радикально изменилась еще в 1989–1991 гг. внешнеполитическая ориентация страны, если рассматривать ее в зеркале визитов политических лидеров. В данной работе проанализированы ви-

⁷² Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Геополитическое положение России на пороге XXI века: реалии и перспективы. // Полис. 2000, № 3. С. 40 – 60.

зиты президентов, премьер-министров, вице-премьеров, министров иностранных дел и обороны, т.е. деятелей, во всем мире составляющих ту часть политического истеблишмента, которая традиционно определяет внешнюю политику государства. Колебания числа визитов год от года, их «сальдо» для каждой страны и региона, распределение между геополитическими ареалами – яркий показатель сдвигов во внешнеполитических ориентациях страны, а точнее, далеко еще не законченных поисков своего места в складывающемся новом геополитическом миропорядке. Позднее авторы намерены провести более комплексный анализ географической структуры внешних связей России. Однако изучение географии визитов в динамике уже позволяет понять современное геополитическое положение России. Особого внимания заслуживает внешнеполитическая активность за последние пять лет, в 1995–1999 гг., когда, на наш взгляд, формировались контуры внешней политики постсоветской России.

Таблица 2

География визитов политических лидеров в 1991 – 1999 гг.⁷³

Визиты из России									
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	Западная Европа	Восточная Европа	СНГ	Южная и Восточная Азия	Передняя Азия	Северная Америка	Латинская Америка	Африка	Всего
1991 (СССР)	12 (33%)	4 (11%)	–	9 (25%)	9 (25%)	2 (6%)	0	0	36
1992	17 (30%)	4 (7%)	16 (29%)	4 (7%)	8 (14%)	5 (9%)	0	2 (4%)	56
1993	13 (36%)	4 (11%)	5 (14%)	6 (17%)	3 (8%)	5 (14%)	0	0	36
1994	12 (44%)	1 (4%)	4 (15%)	2 (7%)	5 (19%)	3 (11%)	0	0	27
1995	21 (36%)	5 (8%)	11 (19%)	7 (12%)	5 (8%)	8 (14%)	1	1	59
1996	14 (24%)	4 (7%)	19 (33%)	8 (14%)	6 (10%)	3 (5%)	3 (5%)	1	58
1997	32 (38%)	4 (5%)	19 (22%)	14 (16%)	5 (6%)	6 (7%)	5 (6%)	0	85
1998	23 (37%)	10 (16%)	17 (27%)	9 (14%)	0	2 (3%)	1	1	63
1999	18 (27%)	7 (10%)	28 (42%)	5 (7%)	5 (7%)	4 (6%)	0	0	67

⁷³ В скобках – процент от общего числа визитов.

Продолжение табл. 2

Визиты в Россию									
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1991 (СССР)	24 (34%)	15 (21%)	—	9 (13%)	12 (17%)	5 (7%)	2 (3%)	3 (4%)	70
1992	3 (11%)	4 (14%)	16 (57%)	2 (7%)	2 (7%)	0	0	1	28
1993	5 (29%)	0	9 (53%)	0	1	2 (12%)	0	0	17
1994	3 (17%)	1	8 (44%)	2 (11%)	1	2 (11%)	1	0	18
1995	12 (27%)	7 (16%)	16 (36%)	2 (4%)	2 (4%)	4 (9%)	1	1	45
1996	21 (30%)	10 (14%)	30 (43%)	3 (4%)	2 (3%)	3 (4%)	1	0	70
1997	29 (32%)	5 (5%)	32 (35%)	11 (12%)	6 (7%)	4 (4%)	4 (4%)	0	91
1998	19 (32%)	6 (10%)	17 (29%)	5 (8%)	4 (7%)	4 (7%)	2 (3%)	2 (3%)	59
1999	16 (20%)	7 (9%)	36 (46%)	6 (8%)	12 (15%)	1	0	1	79
Общая сумма визитов									
1991 (СССР)	36 (34%)	19 (18%)	---	18 (17%)	21 (20%)	7 (7%)	2 (2%)	3 (3%)	106
1992	20 (24%)	8 (10%)	32 (38%)	6 (7%)	10 (12%)	5 (6%)	0	3 (4%)	84
1993	18 (34%)	3 (6%)	14 (26%)	6 (11%)	4 (8%)	7 (13%)	0	0	53
1994	15 (33%)	2 (4%)	12 (27%)	4 (9%)	5 (11%)	5 (11%)	1	0	45
1995	33 (32%)	12 (12%)	27 (26%)	9 (9%)	7 (7%)	12 (12%)	2 (2%)	2 (2%)	104
1996	35 (27%)	14 (11%)	49 (38%)	11 (9%)	8 (6%)	6 (5%)	4 (3%)	1	128
1997	61 (35%)	9 (5%)	51 (29%)	25 (14%)	11 (6%)	10 (6%)	9 (5%)	0	176
1998	42 (34%)	16 (13%)	34 (28%)	14 (11%)	4 (3%)	6 (5%)	3 (2%)	3 (2%)	122
1999	34 (23%)	14 (10%)	64 (44%)	11 (8%)	17 (12%)	5 (3%)	0	1	146
Баланс визитов									
1991 (СССР)	12	11		0	3	3	2	3	34
1992	-14	0	0	-2	-6	-5	0	-1	-28
1993	-8	-4	4	-6	-2	-3	0	0	-19
1994	-9	0	4	0	-4	-1	1	0	-9

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1995	-9	2	5	-5	-3	-4	0	0	-14
1996	7	6	11	-5	-4	0	-2	-1	12
1997	-3	1	13	-3	1	-2	-1	0	-6
1998	-4	-4	0	-4	4	2	1	1	-4
1999	-2	0	8	1	7	-3	0	1	12

Главные выводы из данных, приведенных в этих таблицах, сводятся к следующему.

1. В 1991–1994 гг. резко изменились внешние связи страны. *После распада СССР “сальдо” визитов из положительного превратилось в отрицательное*, что отражало спад интереса к нашей стране в мире и утрату ею статуса глобальной державы...

2. Географическое распределение зарубежных визитов отечественных лидеров еще раз подтверждает, что *Россия – теперь скорее евразийская, чем мировая держава*: она “ушла” из Африки, значительно сократила свою активность в Латинской Америке и некоторых регионах Азии. Возможности российского влияния на мировые события резко сократились...

3. Ощутимый сдвиг во внешнеполитической деятельности страны произошел между 1995 и 1996 г., когда в начале января А.Козырев был заменен на посту министра иностранных дел Е.Примаковым. Данный перелом, помимо прочего, выразился в существенном увеличении роли контактов со странами СНГ. Это новое и очень важное направление во внешней политике появилось после распада СССР в 1991 г. и было одним из основных в 1992 г., когда постсоветские государства решали вопросы “цивилизованного развода”. *Регулирование отношений с бывшими советскими республиками стало ключевой геополитической задачей России*. Устойчивость новых тенденций подтвердил опыт последующих лет, особенно 1999 г., когда страны СНГ стали главным направлением обмена визитами (без малого половина общего числа поездок). При этом наша страна в целом пока еще остается геополитическим центром притяжения, поскольку «сальдо» визитов для нее – положительное (лидеры участников СНГ чаще приезжают в Россию, в т.ч. на различные форумы, чем российские едут в обратном направлении).

4. *Восточная Европа* (ее ныне предпочитают называть Центральной) *перестала быть фокусом внешнеполитической активности России за пределами бывших советских границ*...

5. *Главным направлением внешнеполитической активности России в дальнем зарубежье устойчиво выступает Западная Европа, на которую приходится около трети обменов зарубежными визитами*. При этом в благоприятные периоды доля Западной Европы несколько

возрастает. Еще в период разрядки 1970-х годов она поднялась до 22 – 23%, затем в 1980 г. опустилась до 13%; резко, до 34 – 36%, взмыла в переломные 1989–1991 гг., когда в результате распада СССР и понижения геополитического статуса страны ее внешняя политика почти целиком свелась к отношениям с западными, прежде всего с западноевропейскими, странами. Доля обменов с ними опустилась в 1999 г. до минимального за последние пять лет уровня, который все же остается высоким.

6. *Под руководством Е.Примакова российская внешняя политика стала более диверсифицированной, особенно за счет развития и возобновления контактов со странами Азии.* “Сальдо” визитов для России было, как правило, отрицательным, что свидетельствует об инициативной, хотя и без особой взаимности, политике России.

7. *Окончательные выводы делать еще преждевременно, но в 1999 г. наметилась тенденция к территориальному сжатию сферы внешнеполитической активности страны, что, безусловно, стало следствием косовского кризиса и относительного ухудшения отношений между Россией и США.* Снизилась интенсивность отношений с Западом, одновременно сильно выросла значимость контактов со странами СНГ: впервые число визитов в ближнее зарубежье и из него оказалось почти равным числу обменов на “дальних” направлениях. В этом можно усмотреть опасную тенденцию к формированию *псевдобиполярного* мирового геополитического порядка и изоляции России. <...>

Геополитическое положение России

Российская внешняя политика в конце XX в. стала более определенной, нацеленной на перспективу и учитывающей геополитические факторы. Но остаются серьезные проблемы, связанные с возможностями ее реализации. Они обусловлены такими обстоятельствами, как: несовпадение представлений в нашей стране и за рубежом о будущем России, в т.ч. о ее позициях в миропорядке; риски новой изоляции страны; появление альтернативных геополитических моделей, не учитывающих или ущемляющих интересы нашего государства.

Для реалистической оценки возможностей российских геополитических проектов, заложенных во внешней политике страны во второй половине 1990-х годов, нужно еще раз проанализировать особенности современной ситуации. *Геополитическое положение государства* определяется не только физической географией, но и изменениями в мировом геополитическом порядке, геоэкономическими процессами. После распада СССР геополитический статус России снизился. На постсоветском пространстве, не исключая и части территории самой РФ, начали утверждаться внешние центры силы. Дезинтеграционные процессы поставили под вопрос геополитическую субъектность России.

Нынешнее геополитическое положение нашей страны в мире может рассматриваться с двух точек зрения. В первом случае Россия оценивается как географический центр глобальной системы (хартленд) и интеграционное ядро Евразии. Распространено и представление о России как о своеобразном «мосте» между Европой и Азией (это имеет и философское обоснование: отечественные мыслители, в частности Н. Бердяев, говорили о России как о «посреднике» между Западом и Востоком).

Современная Россия сохраняет свой геополитический потенциал центра Евразии, но с ограниченными возможностями использования, что ведет к ее превращению в региональную державу с тенденцией к дальнейшему снижению геополитического статуса. Экономическая слабость (по данным ИМЭМО на 1998 г., наша страна производит лишь 1,7% мирового ВВП), отсутствие государственной воли и общественного консенсуса по поводу путей развития не позволяют реализовать модель хартленда в ее новой трактовке: Россия как интеграционное ядро Евразии.

Качественно *изменяется геополитическая структура постсоветского пространства*, которое теряет свой изначальный «россоцентризм». СНГ, куда входят все бывшие советские республики, кроме трех балтийских, действует очень неэффективно. Главные факторы, сдерживающие его распад, – зависимость многих постсоветских государств от российского топливного сырья, другие экономические соображения, в меньшей мере – культурно-исторические связи. Однако как геополитический и геоэкономический центр Россия явно слаба. Тем временем с постсоветскими республиками активно взаимодействуют европейские страны, в особенности Германия, Турция с ее попытками восстановить единство тюркского мира «от Адриатики до Великой Китайской стены», Китай (Центральная Азия), США (Прибалтика, Украина, Грузия) и др. На статус новых региональных держав претендуют Узбекистан и Украина, в которой западные геостратеги видят естественный противовес России и ее «имперским амбициям» относительно территорий бывшего СССР (идея Бжезинского).

Постсоветские государства включаются в целый ряд геополитических союзов, альтернативных СНГ (европейская, тюркская, исламская и другие виды интеграции). Их роль недооценена в России, где еще сильно убеждение, что «никуда они от нас не денутся». На границах РФ возникают новые региональные системы сотрудничества. В некоторых из них она принимает посильное участие – балтийская, черноморская, каспийская, азиатско-тихоокеанская системы, но в ряде случаев объединение идет без ее присутствия. Активно взаимодействуют страны Центральной Азии. Здесь регулярно проходят встречи «тройки» (Казахстан, Узбекистан, Киргизия) и «пятерки» (те же плюс Туркмения и Таджикистан), формулирующих свои особые интересы. Как альтернативу СНГ в данном регионе рассматривают собственный Центральноазиатский союз, тюркскую интеграцию (включая Турцию) или объединение мусульманских

стран в рамках Организации Исламская конференция. Характерное событие – встреча в Душанбе (декабрь 1999 г.) глав правительств Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана, посвященная развитию Центральноазиатского сообщества в XXI в.

Важное геополитическое явление – консолидация Украины, Молдовы, Грузии и Азербайджана (объединение названо ГУАМ); в 1999 г. к процессу присоединился Узбекистан (отныне – ГУУАМ). Этот блок задуман как геополитический противовес российскому влиянию в постсоветском пространстве. Здесь очень активна Украина, чьи руководители неоднократно обменивались визитами с главами стран, составивших ГУУАМ. Официальный Киев при поощрении Запада пытается играть роль геополитической альтернативы Москве. Кроме того, опыт последних лет показывает: в Восточной Европе идеи союза любой конфигурации, но без России, – это, как правило, проекты союза против России, значит, перспективы воссоздания средневекового Балто-Понтийского пояса («санитарного кордона» вдоль западной ее границы) должны вызывать у нашего государства озабоченность.

Уже решается важная задача преодоления странами СНГ транспортной зависимости от России. Например, центральноазиатские государства «прорубают окно» к Индийскому океану. Построена железная дорога Теджен – Серахс – Мешхед, соединяющая Туркмению с Ираном, что дает странам региона выход к этому океану (что в перспективе полезно и России, особенно в случае строительства транспортного коридора «Север – Юг» по относительно короткому маршруту казахский Ералиев – Красноводск – Кизыл-Атрек – Иран). Рассматриваются варианты альтернативной коммуникационной оси, соединяющей Туркмению и Узбекистан через Афганистан с Пакистаном. Реанимирована идея Великого шелкового пути (ВШП), который почти полностью выводит южных соседей РФ из-под ее влияния на коммуникации. Маловероятно, что через Россию будет осуществлен транзит каспийской (азербайджанской) нефти: многообещающими сейчас считаются нефтепроводы, выходящие в Грузию (Супса) и Турцию (Джейхан). Только экспорт нефти из Казахстана может идти через порт Новороссийск. Кроме того, закономерно и введение Туркменией виз для россиян. Повод к таким акциям дала сама наша страна, обвинив Грузию и Азербайджан в поддержке чеченских сепаратистов и инициировав процесс установления визового режима с этими странами. Фактически это означает их выход из СНГ.

В итоге участники СНГ «разбегаются», переориентируясь на другие геополитические центры. Лишь ось Москва – Минск остается геополитически устойчивой: она скрепляет единство Евразии на пророссийском базисе и препятствует созданию Балто-Понтийского пояса. Россия явно идет по пути к утрате геополитической роли центра Евразии. Исходя из этого обстоятельства, многие западные исследователи уже полагают, что

основные глобальные процессы определяются отношениями Америки, Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

Под вопросом *геополитическое единство самой Российской Федерации*. Национальные республики развивают свои внешние связи, руководствуясь этнокультурными критериями. В ряде из них усилилось турецкое влияние, особенно на Северном Кавказе и в Волго-Уральском регионе (Татарстан, Башкортостан). В республиках с мусульманским населением ощущается влияние Саудовской Аравии и Ирана (в меньшей степени). Исламские страны даже конкурируют за такое влияние. Результатом геополитического расслоения российского пространства явилась фактическая “автаркия” Чечни, а Северный Кавказ в целом стал зоной риска в пределах российских границ.

Геополитические проблемы связаны и с другими регионами РФ. Так, Дальний Восток остается заброшенной окраиной России и вынужден самостоятельно развивать связи с Китаем, Японией и др. В сложном положении пребывает эксклавная Калининградская область, вместе с тем сохраняющая роль западного военного форпоста страны. В этой проблемной ситуации усиливается давление соседних стран, претендующих на части российской территории (Карелия, Псковская область, граница с Китаем, Сахалин и Курильские острова).

После распада СССР выходы России к морю были сильно ограничены. Роль геополитических «окон» выполняют: на Балтике Санкт-Петербург с Ленинградской областью (понятно, что Калининградский эксклав здесь не в счет); на Черном море – Краснодарский край (Новороссийск) и Ростовская область (попытки возрождения Таганрога); на Каспийском – Астрахань (Дагестан выпадает из-за этнополитических проблем); на Тихом океане – Приморский край и (гораздо меньше) Хабаровский край, Сахалин и Камчатка. При этом важно, что Балтийское и Черное моря относятся к числу «закрытых», ибо проливы контролируют другие державы (отсюда минимальная геополитическая значимость Балтийского и Черноморского флотов). «Закрытым» является и Японское море. Поэтому особое военно-стратегическое значение имеют Кольский и Камчатский полуострова – единственные территории России, имеющие выход к открытым пространствам Мирового океана: здесь базируются соответственно Северный и Тихоокеанский флоты.

Проблемной становится и роль нашей страны в качестве *транзитного узла*. Реально действующие международные коммуникации сейчас минуют Россию. Связи между Европой и АТР в основном осуществляются по морю в обход ее территории (морские перевозки достаточно дешевы). Не действуют и российские сухопутные коммуникации. Зато воссоздается ВШП в виде трансевразийского коридора, связывающего Восточную Азию и Европу по суше. Начинается работа по реализации проекта транспортного коридора «Европа – Кавказ – Центральная Азия» (ТРАСЕКА), которая находит поддержку как в Китае и Японии, так и в

Европейском союзе (особенно в Германии). Проект ТРАСЕКА был одобрен в 1993 г. на конференции в Брюсселе (участвовали руководители восьми государств Закавказья и Центральной Азии; позднее к программе примкнули Монголия, Украина и Молдова). А в сентябре 1998 г. в Баку прошла встреча лидеров Киргизии, Узбекистана, Азербайджана, Грузии, Турции, Украины, Молдовы, Румынии и Болгарии, где было принято соглашение о развитии транспортного коридора, транзита и коммуникаций.

Таким образом, трансевразийский коридор в силу геополитических перемен конца XX в. должен пройти в обход самого крупного государства, почитающего себя центром Евразии, – России. Важнейшую магистраль будущего предполагается проложить из Китая через Казахстан (Киргизию), Узбекистан, Туркмению, Азербайджан, Грузию в Турцию и дальше в Европу (через Турцию и Болгарию или через Украину, Молдову и Румынию). Теоретически еще возможен ее «северный» вариант из Европы через Белоруссию или Украину, Россию и Казахстан с выходом через Туркмению в Иран и к Индийскому океану, т.е. более простой с точки зрения числа преодолеваемых границ. Но Запад сегодня поддерживает вариант в обход нашей территории, предпочитая не ставить свои отношения с АТР в зависимость от неустойчивой России (несмотря на то, что внутривосточная стабильность ряда стран ВШП еще более сомнительна). Такую высокую цену Россия платит за геополитический распад пространства СССР с потерей Закавказья и Центральной Азии, своего «мягкого подбрюшья».

Правда, в формирующемся поясе небольших государств к югу и юго-западу от российских границ есть уязвимые места. Этнополитическая нестабильность характерна для Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, граничащего с центральноазиатскими странами. Не определено место стыковки ВШП с китайскими коммуникациями. На это претендуют Казахстан, уже связанный с Китаем в транспортном отношении, и Киргизия, которую могут поддержать геополитические соперники Казахстана (в данном случае нужно строить дороги в высокогорных районах Тянь-Шаня, к чему китайцы готовы). Особую позицию занимают Иран и Армения, оттесненные от ВШП. Они настаивают на использовании своих сухопутных коммуникаций, но другие участники проекта по причинам геополитического характера и при поддержке Запада предполагают использование паромной переправы из Туркмении в Азербайджан (в обход Ирана) и дороги, напрямую соединяющей Азербайджан с Грузией (минуя Армению). Наконец, сообщение между Грузией и Украиной планируется осуществлять по морю, поскольку сухопутные коммуникации проходят через полунезависимую Абхазию и Россию.

Итак, на южных окраинах постсоветского пространства и в Юго-Восточной Европе формируется «новый римленд», охватывающий полукольцом «евразийский хартленд». Россия же оказывается глухим северо-восточным углом Евразии, находящимся на обочине торговых путей.

Существующие коммуникации, такие как Транссиб, в качестве транзитного «моста» используются слабо; неясны перспективы их реконструкции (Япония хотя и проявляла интерес к реконструкции Транссиба, но вкладывает деньги в реконструкцию дорог, слагающих ВШП). *На рубеже веков Россия слабо использует свой «тройной» геополитический потенциал: интеграционного ядра Евразии, транзитного государства и развитого экономического центра.* А пока приходится говорить лишь о потенциале, перспективах, возможностях, а не о решениях, действиях и достижениях.

Новое в российской геостратегии

При анализе конфигурации российской внешней политики видны ее новейшие тенденции, которые проявились после 1995–1996 гг. Во многом они были связаны с заменой на посту министра иностранных дел западника А.Козырева государственным Е.Примаковым. Разница в позициях этих деятелей обусловила не только смену вектора российской политики – она становится более самостоятельной. Это четко выразилось в 1997 г., когда Примаков фактически получил карт-бланш на проведение своей линии. Результатом стала существенная активизация внешних связей России: на тот год приходится наибольшее число визитов. Новый внешнеполитический курс, на наш взгляд, основан на следующих позициях.

1. Политика на западном направлении становится скорее проевропейской, чем проамериканской. Делается ставка на формирование треугольника Россия – Германия – Франция.

2. Формируется азиатская политика, устраняющая прозападный уклон. Повышение внимания к Азии ведет к формированию общей позиции с Китаем по вопросу о многополярном мире. Россия определяет свои отношения с КНР, Индией и Японией и включается в сложную систему отношений в исламском мире.

3. Контакты с ближним зарубежьем приобретают большую осмысленность, а усилия концентрируются на самых важных геополитических проблемах.

4. Россия примыкает к процессам урегулирования международных конфликтов в качестве посредника (Югославия, Ирак и Ближний Восток, Таджикистан).

5. Наше государство демонстрирует геополитический по содержанию подход к своей внешней политике. Оно деятельно вклинивается в региональные системы баланса сил и формирует собственные альянсы («двойки», «тройки», «пятерки»).

6. Россия пытается расширить пространство своей внешнеполитической активности, чтобы в дальней перспективе вернуть себе статус мировой державы. Она нацелена на участие в самых многообещающих интеграционных процессах в мире, в т.ч. уделяет особое внимание АТР.
<...>

Ключевым направлением российской внешней политики все равно остается европейское направление, что подтверждает многовековые связи и ориентации страны, европейский компонент ее идентичности. Но, тяготя к Европе, Россия не может и не хочет растворяться в «общеевропейском доме» – это непозволительно для нее в силу географических масштабов и культурного своеобразия. Данным обстоятельством объясняются попытки разыграть «азиатскую карту» как один из способов утвердить свое уникальное место в мире и добиться особых отношений с тем же Западом. Ведь по историческим причинам и вследствие географического положения русские из всех европейцев выработали наиболее интимную связь с азиатским миром. Отсюда и явное предпочтение концепции многополярного мира, где Россия – один из полюсов: будучи сейчас ослабленной, она вправе опасаться за свое будущее и идентичность при однополярном порядке. Россия надеется на независимость политики европейских государств от мнения США и готова к тесным отношениям с крупнейшими азиатскими странами, чтобы стать «мостом» между Европой и Азией. И Западу лучше признать за Россией ее право на геополитические амбиции и самостоятельную внешнюю политику, чем спровоцировать униженную сверхдержаву на авантюры, для которых уже создано немало «теоретических» оснований. <...>

Разумеется, новая российская геостратегия не обеспечена должными экономическими и организационными ресурсами. Зачастую действия нашей страны бывают рассчитаны только на «внутреннее потребление» – доказать избирателям, что власти помнят о национальных интересах. Однако реалисты в России понимают, что восстановление ее позиций в глобальной системе займет многие годы, если не десятилетия, а сейчас самое главное – создать задел на долгосрочную перспективу. Поэтому сегодняшняя целенаправленность внешней политики состоит в расстановке приоритетов в отношениях с разными странами, в обозначении присутствия в ключевых геополитических ареалах и формулировании принципиальных позиций по содержанию международных отношений. Только таким путем Россия сможет найти место в стремительно складывающемся миропорядке XXI в. и претендовать на достойное великой страны будущее.

Вопросы для самопроверки

1. Какова конфигурация внешних связей современной России?
2. В чем особенности геополитического положения современной России?
3. Каковы внутренние геополитические процессы в Российской Федерации?
4. Какова должна быть современная российская геостратегия?

СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ

Анаконды стратегия – геополитическая стратегия, направленная на захват наиболее важных территорий, непосредственно прилегающих к территории противника с целью его блокады.

Атлантизм – сложное геополитическое понятие, соединяющее в себе: исторически – западную цивилизацию, стратегически – союз государств Запада, в котором главенствует либерально-демократическая идеология, военно-стратегически – страны-участницы блока НАТО.

Баланс сил – 1. *Как концепция* – это отражение в человеческом сознании объективного закона выражения функционирования системы межгосударственных отношений; 2. *Как политика* – это практическая деятельность участников международно-политического процесса, направленная на достижения равновесия.

Биологический подход – это методологический принцип, который состоит в том, что государство представляет собой биологический организм, действующий в соответствии с биологическими законами.

Биполярный мир (биполярность) – это один из вариантов структуры системы межгосударственных отношений, характеризующийся тем, что все составляющие данный вариант системы единицы объединяются вокруг двух основных геополитических центров, которые монополизировали силу или наиболее значимые её измерения и которые принимают решения и берут на себя ответственность в отношении войны и мира.

Блок – объединение нескольких государств, значительно изменяющее их стратегическое и геополитическое качество, выводящее их на более высокий уровень межгосударственных отношений.

Внешний полумесяц – термин Маккиндера, обозначающих совокупность территорий, исторически противостоящих хартленду. Основная особенность развития данных территорий – развитие мореходства.

Внутренний полумесяц (римленд) – термин, обозначающий береговые территории, расположенные между внешним полумесяцем и хартлендом.

Внутренняя ось – качество геополитической связи центра с периферией внутри единого стратегического пространства.

Географическая ось истории (или осевой ареал, или хартленд) – термин Маккиндера, обозначающий внутриконтинентальные территории Евразии, вокруг которых происходит пространственная динамика исторического развития. Особенность – наличие средств сухопутной коммуникации.

Географический детерминизм – это обобщенный термин в отношении тех натуралистических философских теорий, которые, не смотря на многочисленные различия, касающиеся других вопросов, пытались объяснить развитие общества, исходя из положения о доминирующем значении окружающей природы, географической среды или отдельных ее факторов, таких как климат, рельеф, полезные ископаемые и т.д.

Географическое пространство в геополитике – представляет собой определённую среду, в которой действуют акторы международных отношений.

Геоидеология – система взглядов, раскрывающая сущность положения государства в мире и определяющее его политику, исходя из необходимости расширения своего жизненного пространства. Была наиболее характерна для нацистской Германии.

Геополитика – в интегрированном виде можно определить как отрасль знаний, изучающую закономерности взаимодействия политики с системой неполитических факторов, формирующих географическую среду (характер расположения, рельеф, климат, ландшафт, полезные ископаемые, экономика, экология, демография, социальная стратификация, военная мощь).

Геополитические дихотомии – носящее глобальный характер противопоставление географических пространств и соответственно государств, расположенных на этих пространствах, с целью иллюстрации основных процессов мировой политики.

Геополитические факторы – неполитические особенности того или иного географического пространства или государства, определяющие содержание и направленность внешней и внутренней политики конкретного государства.

Геополитический интерес – в узком значении можно определить, как стремление государства или коалиции государств к использованию территории или акватории других государств; в широком – как часть национального интереса, имеющая географическое измерение.

Геополитический отрезок – совокупность отношений стратегической столицы (или геополитического полюса) с периферийными регионами, рассмотренная в конкретный исторический момент без учёта общей динамики политических процессов.

Геополитический субъект – активный участник геополитических отношений.

Геополитического вакуума теория – это теория, характеризующая такую форму геополитических отношений, когда все участки географического пространства должны быть кем-нибудь заняты, либо кем-нибудь контролироваться и любое их высвобождение либо изменение степени контроля приводит к некоторому движению определенных сил в направлении занятия этих свободных участков.

Геополитическое картирование – метод геополитики, который состоит в графическом отображении геополитических интересов с целью найти адекватные пути отражения на карте мирового геопространства.

Геоэкономика – это отрасль знания, изучающая мировое экономическое пространство как своеобразный синтез важнейших процессов международной хозяйственной деятельности, выхода его на господствующие позиции.

Государство-нация – политический термин, характеризующий единство властных институтов с институтами гражданского общества. Восходит к временам Великой Французской революции.

Граница – это некоторая полоса территории или переходная зона, которая обладает свойством большой изменчивости характеристик и высокой контрастностью.

Демополитика – термин Челлена, обозначающий науку, которая изучает влияние демографических параметров на структуру государства.

Дисконтинуальный пояс – термин С. Коэна, обозначающий разорванные береговые зоны с неопределённой, вариабильной ориентацией. Данные территории, как правило, не имеют чёткой ориентации на тот или иной центр силы и в зависимости от конкретной геополитической ситуации могут менять свою геополитическую принадлежность.

Доминантные линии – это коммуникационные линии, к которым тяготеет окружающее их экономическое и культурное пространство, и от которых зависит нормальное функционирование всех структур и систем этого пространства.

Евразийство – одно из философских течений русской эмиграции первой волны, одно из основных положений которого состояло в том, что Россия представляет собой особый мир, судьба которого в основном и важнейшем протекает отдельно от стран Европы и Азии. В рамках этого течения Савицким П.Н. была сформулирована первая российская геополитическая концепция.

Жизненное пространство – термин Хаусхофера, характеризующий минимальный территориальный объём, позволяющий народу достичь реализации своих исторических и политических стремлений.

Империя – сверхгосударственное образование, объединяющее несколько народов и, возможно, стран под эгидой универсальной идеи – религиозного, этического или идеологического характера.

Интеграция – образование из нескольких независимых единиц некой новой единицы, обладающей по отношению к составляющим его единицам новым набором характерных особенностей. В геополитике проявляется в виде объединительных процессов, когда на основе взаимодействия государств происходит формирование некой новой политической и экономической общности.

Ключевая геостратегическая точка – это территории, которые в ходе человеческой деятельности получили специфическое функциональное наполнение, делающее их своеобразным инструментом активного политического и экономического воздействия на происходящие на сопредельных географических пространствах процессы жизнедеятельности человека, а также дающие им возможность даже контролировать их протекание.

Континентализм – стратегическая линия поведения государств, основанная на использовании прежде всего своего сухопутного, континентального положения.

Контроль – это способность и возможность какого-либо государства перебросить в любую точку земного шара такое количество ресурсов, которого было бы достаточно для легитимации господства данного государства.

Кратополитика – термин Челлена, обозначающий науку, которая изучает формы правления и власти в соответствии с проблемами права и социально-экономическими факторами.

Месторазвитие – термин Савицкого, который характеризует тесную связь жизни народа с его географической основой.

Мировой Остров – термин Маккиндера, обозначающий основную континентальную массу планеты. Географически в него включались континенты Евразия и Африка.

Многополярный мир (многополярность) – это один из вариантов структуры системы межгосударственных отношений, характеризующийся наличием нескольких геополитических центров, осуществляющие между собой основные отношения.

Мондиализм (от фр. Monde – мир) – идеологическая концепция, предполагающее, как конечный результат, слияние всех государств и народов в единое глобальное политическое и экономическое образование.

Новый мировой порядок – конкретные стратегические планы, связанные с претворением в жизнь идей мондиализма.

Однополярный мир (однополярность) – это один из вариантов структуры системы межгосударственных отношений, характеризующийся наличием одного основного геополитического центра, который так или иначе контролирует протекание политических процессов во всём мире. Наличие данного центра не означает отсутствия других геополитических центров, которые, правда, имеют меньшую совокупную геополитическую мощь.

Опорный каркас расселения – генерализированный, свободный от деталей географический образ страны или региона, выражающий основные черты их территориальной организации.

Периферия – географические пространства, не имеющие самостоятельной геополитической ориентации, удалённые от центра и органа принимающего важнейшие геополитические решения.

Политическая география – особая географическая наука в рамках социально-экономической географии, изучающая пространственную организацию политической жизни общества и территориальные сочетания политических сил.

Презумпции государственного одиночества – это методологический принцип, рассматривающий государства как объекты системы международных отношений. В результате оценка ситуации на мировой арене происходит только сквозь призму интересов государства, которые при этом выступают в роли основного движущего фактора мировой политики

Прикладная геополитика (или геостратегия) – раздел геополитической науки, вырабатывающий принципиальные рекомендации относительно выработки как внешней, так и внутренней политики государства или группы государств.

Провинция – периферийные территории, входящие в состав основного геополитического образования и рассматриваемые как неотъемлемая часть органического целого.

Римленд – см. *Внутренний полумесяц*.

Сакральная география – наделение конкретного географического объекта какими-либо сверхъестественными характеристиками; на современном этапе какому-либо географическому объекту может придаваться идеологическое или культурно-историческое значение.

Санитарный кордон – искусственные геополитические образования, служащие для дезинтеграции отношений между двумя государствами, способными составить серьёзный блок, который, в свою очередь, является опасным для третьей стороны.

Система межгосударственных отношений – это некоторая целостность связей и отношений между государствами, обладающая общими для всей системы закономерностями функционирования и развития, которые оказывают определённое влияние на деятельность входящих в неё элементов, то есть государств.

Системный подход в геополитике – это методологический принцип, согласно которому основное внимание исследователя направлено на выявление целостного характера системы межгосударственных отношений, способа связи элементов системы и механизма функционирования и развития данной системы

Социополитика – термин Челлена, обозначающий науку, изучающую социальный аспект государства.

Способ реализации геополитического интереса – совокупность инструментов, которые применяются конкретным государством для достижения благополучного и безопасного положения.

Столкновение цивилизаций – теория Хантингтона, в соответствии с которой обострение конфликтов на планете на данном этапе развития человечества будет происходить прежде всего между различными цивилизациями.

Структура-инвариант системы межгосударственных отношений – это особый, присущий системе межгосударственных отношений способ связи элементов системы, возникающий закономерно в процессе функционирования и развития системы.

Теллурократия (от греч. «власть посредством земли») – это характеристика географического пространства, определяющая его значение как сухопутной реальности.

Талассократия (от греч. «власть посредством моря») – это характеристика географического пространства, определяющая его значение как морской реальности.

Узлы противоречий – это относительно локализованные комплексы связей и отношений между государствами, характеризующиеся быстрой динамикой развития, повышенной обострённостью отношений и конфликтностью, нестабильностью.

Центросиловые отношения – это уровень специфических системообразующих связей в структуре системы межгосударственных отношений, характеризующийся наличием отношений между наиболее значимыми элементами системы.

Хартленд – см. *Географическая ось истории*.

Экополитика – термин Челлена, обозначающий науку, изучающую государство как экономическую силу.

Экспансия – это территориальные приобретения и установление военно-политической сферы влияния, а также деятельность в данном направлении.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	1
Раздел 1. ГЕОПОЛИТИКА КАК НАУКА.....	5
Геополитика. Поздняков Э.А.	5
О духе законов	18
О пространственных отношениях на поверхности земного шара и их влияние на ход исторического развития человечества	29
История цивилизации в англии. Бокль Г.Т.	45
Цивилизация и великие исторические реки	51
Русская история. Ключевский В.О.	64
Раздел 2. ИСТОРИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ	74
Народоведение (антропогеография). Ратцель Ф.	74
Политическая география. Ратцель ф.	79
О политической науке, ее соответствии с другими отраслями знания и об изучении политического пространства. Челлен Ю.Р.	99
Границы в их географическом и политическом значении. Хаусхофер К.	111
Панидеи в геополитике. Хаусхофер К.	115
Континентальный блок: Берлин – Москва – Токио. Хаусхофер К.	119
Земля и море. Созерцание всемирной истории. Шмит К.	126
Влияние морской силы на историю. Мэхэн А.Т.	136
Географическая ось истории. Маккиндер Х.	143
Политическая карта евразии. Спикмен Н.	158
Геополитические миро-системные изменения: 1945–2025 годы. Валлерстайн И.	167
Великая шахматная доска. Бжезинский Зб.	179
Столкновение цивилизаций? Хантингтон С.	189
Модель грядущего конфликта	189
Природа цивилизаций	190
Почему неизбежно столкновение цивилизаций?	190
Линии разлома между цивилизациями	192
Сплочение цивилизаций: синдром «братских стран»	196
Запад против остального мира	197
Расколотые страны	198
Выводы для Запада	198
Время мира. родель Ф.	201
Район и страна. Семёнов-Тян-Шанский В.П.	206
Геополитические заметки по русской истории. Савицкий П.Н.	218
Раздел 3. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	225
Системный подход и международные отношения. Поздняков Э.А.	225
Современные буржуазные теории международных отношений: критический анализ	240
Геополитика в свете глобальных перемен. Плешаков К.В.	244
Геополитические понятия и военная уязвимость. Стинчкомб А.	249

Геополитика как наука. Семенов В.....	256
Буржуазная региональная теория и государственно-монополистическое регулирование размещения производительных сил.....	259
География городов. Лаппо Г.М.	264
Проект «Туманган» и игра геополитических интересов в Северо-Восточной Азии в 90-е гг. XX века. Бурлаков В.А.....	270
Геополитическое положение России на пороге XXI века: реалии и перспективы. Колосов В.А, Туровский Р.Ф.....	281
Словарь основных терминов	292

Учебное издание

Виктор Алексеевич Бурлаков

ГЕОПОЛИТИКА

Хрестоматия

для специальностей

020200 «Политология»

061000 «Государственное и муниципальное управление»

350200 «Международные отношения»

ь

В авторской редакции
Компьютерная верстка Н.А. Игнатъевой

Издательство Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса
690600, Владивосток, ул. Гоголя, 41